ISSN 2782-7321

ВЕСТНИК СКФО: ПРАВО И ЭКОНОМИКА

Научно-практическое издание

№ 2 (38), 2026

Нальчик – 2026

ISSN 2782-7321

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК СКФО: ПРАВО И ЭКОНОМИКА

Научно-практическое издание

№ 2 (38), 2026

BULLETIN OF THE NORTH CAUCASUS FEDERAL DISTRICT: LAW AND ECONOMICS

Scientific and practical publication

№ 2 (38), 2026

Нальчик – 2026
Nalchik – 2026

Учредитель: **Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова (КБГУ)**

Главный редактор **Ю.К. Альтудов**
Зам. главного редактора экономического раздела **М.В. Аликаева**
Зам. главного редактора юридического раздела **Е.М. Машукова**
Ответственный редактор **З.Н. Ягумова**

Редакционная коллегия:

Б.Б. Бидова, Л.И. Гончаренко, Ю.В. Быстрова, Н.Н. Киселева, А.Н. Маремкулов, О.К. Минева, З.А. Мустафаева, А.Б. Нагоев, Н.Н. Новоселова, М.С. Оборин, Г.С. Працко, Л.В. Пригода, И.В. Сугарова, С.И. Улезько, Т.В. Шатковская, М.Ю. Шерешева

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Реестровая запись *от 03.08.2021. ПИ № ФС 77-81471.*

Подписной индекс в Каталоге «Пресса России» ф 43720.

Доступ к рефератам статей журнала осуществляется на сайте Научной электронной библиотеки «eLIBRARY.RU» (http://elibrary.ru).

ISSN 2782-7321

Адрес редакции: 360004, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173,
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
Телефоны: **+7 (928) 719-40-04, +7 (928) 690-14-15**
e-mail: **vestnik.skfo@kbsu.ru**

© Редакционно-издательское оформление,
Кабардино-Балкарский государственный
университет им. Х.М. Бербекова, 2026

Founder: **Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov (KBGU)**

Editor in chief **Yu.K. Altudov**
Deputy Editor-in-chief of the economic section **M.V. Alikaeva**
Deputy Editor-in-Chief of the legal section **E.M. Mashukova**
Responsible editor **Z.N. Yagumova**

Editorial board:

B.B. Bidova, L.I. Goncharenko, Yu.V. Bystrova, N.N. Kiseleva, A.N. Maremkulov, E.V. Kazgerieva, O.K. Mineva, Z.A. Mustafaeva, A.B. Nagoev, N.N. Novoselova, M.S. Oborin, G.S. Pratsko, L.V. Prigoda, I.V. Sugarova, S.I. Ulezko, T.V. Shatkovskaya, M.Y. Sheresheva

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Registre entry dated от 03.08.2021 PI No ФС 77-81471.

Subscription index in the catalog «Russian Press» F 43720.

Access to the abstracts of the journal articles is provided on the website of the scientific electronic library «eLIBRARY.RU» (http://elibrary.ru).

ISSN 2782-7321

Editorial address: **Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Chernyshevsky str., 173, Nalchik, 360004**
Phone numbers: **+7 (928) 719-40-04, +7 (928) 690-14-15**
e-mail: **vestnik.skfo@kbsu.ru**

© Editorial and publishing design,
Kabardino-Balkarian State University
named after Kh.M. Berbekov, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА

Циканов М.М. Субъективная оценка объективной реальности …….. 7
Циканов М.М. Онтологическая и эпистемологическая случайности в экономической теории неопределенности (более строгие определения) …… 11
Гедгафова И.Ю., Доткулова С.А. Развитие системы контроля (надзора) за аудиторской деятельностью ……. 17
Гедгафова И.Ю., Клишев А.А. Финансовый анализ как фактор конкурентоспособности аудируемого лица …… 25
Гедгафова И.Ю., Мурзаканова Д.Т. Внутренний финансовый контроль и управление рисками в деятельности бюджетного учреждения высшего образования …….. 32
Гедгафова И.Ю., Пачева А.А. Текущее состояние и перспективы развития российского рынка аудиторских услуг ……... 37
Гузиева Л.М., Жирова С.А., Чочаев Т.М. Цифровые финансовые активы на национальных рынках: зарубежный опыт и перспективы имплементации в России … 43
Захохова М.Р. Система индикаторов оценки влияния региональной молодёжной политики на человеческий капитал и экономическую устойчивость региона ……... 50
Калабекова Л.И., Пшигусова С.З., Жирова С.А. Цифровые финансовые активы во внешнеэкономической деятельности: риски применения в международных расчетах ... 59
Калабекова Л.И., Хуранов А.Р., Ашинов Ш.В. Особенности развития банковских экосистем в условиях децентрализованных финансов …….. 66
Кумышева М.М. Влияние цифровых технологий на процессы контроля и ревизии ….. 76
Мамбетова Ф.М., Кушхов А.П., Губачиков А.М. Роль финансовой отчетности в оценке экономической устойчивости предприятия …… 85
Мажгихов Э.Р. Анализ финансовых технологий в банковской сфере …… 91
Шумахова К.С., Жирова С.А. Роль венчурных инвестиций в развитии инновационного предпринимательства …… 98
Эфендиева Г.А., Сижажева С.С. Общие принципы организации учетно-аналитической системы управления обязательствами и расчетами в целях обеспечения экономической безопасности предприятия …… 105
Эфендиева Г.А., Сижажева С.С. Обесценение материалов как объект учетно-аналитического контроля в системе экономической безопасности предприятия ……. 112
Золотова Е.А. Оценка результатов новых мер противодействия банковскому мошенничеству в России ……...…… 118

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Асланова Л.О. Правовой статус и уголовно-процессуальные проблемы использования цифровых двойников личности (аватаров) в качестве доказательств по уголовным делам …… 126
Дымов Э.М., Тлупов А.Х. Либеральная концепция правосудия в русской философии права XIX века …… 134
Дымов Э.М., Тлупов А.Х. Нравственные основания правосудия в философско-правовом наследии славянофилов …….. 144
Дышеков М.В., Динаев С.А. Проблемы формирования концепции «развитого социалистического общества» и законодательной базы советского государства …….. 151
Залиханова Л.И., Сибеков А.З. Проблемы квалификации финансирования терроризма по признаку субъективной стороны (ст. 205.1 УК РФ) ……. 157

Залиханова Л.И., Сибеков А.З. Противодействие финансированию терроризма: анализ современного состояния и правовых механизмов (на примере Российской Федерации и Кабардино-Балкарской Республики в 2024–2025 гг.) ……. 164
Зумакулова З.А. Сижажев А.Х. Государственный контракт как особая модель гражданско-правового договора ……... 172
Карамурзова И.Б., Сижажев А.Х. Дееспособность: понятие и виды …… 179
Карамурзова И.Б., Куашев А.А. Нормативно-правовое регулирование в сфере государственной поддержки и социального обеспечения детей-инвалидов в Российской Федерации ……... 185
Лобанов В.Б., Бакытбеков Т. Между Западом и Востоком: модели юридического образования в России, Саудовской Аравии и ОАЭ ……. 194
Машукова Е.М., Мамбетова К.М. Автоматизированная упрощенная система налогообложения: правовой статус и риски для бизнеса …….. 204
Машукова Е.М., Сохроков Э.А. Криминологическая характеристика личности террориста-одиночки: социально-психологические детерминанты и мотивационная структура …….. 211
Улезько И.С., Окишев Н.Ю. Объективная сторона вандализма (ст. 214 УК РФ): содержание и проблемы квалификации ……... 219
Улезько И.С., Тернаскова А.В. Современные тенденции предупреждения вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений: комплексный и проактивный подход …….. 224
Улезько И.С., Холодова А.Д. Развитие системы наказаний в уголовном праве дореволюционной России: от древней Руси до судебной реформы …… 231
Информация для авторов …….. 238

CONTENT

ECONOMY

Tsikanov M.M. Subjective Assessment of Objective Reality …… 7
Tsikanov M.M. Ontological and epistemological randomness in the economic theory of uncertainty (stricter definitions) ……...……... 11
Gedgafova I.Y., Dotkulova S.A. Development of the control (supervision) system audit activities ……...…… 17
Gedgafova I.Yu., Klishev A.A. Financial analysis as a factor in the competitiveness of the audited entity ……...……...……... 25
Gedgafova I.Yu., Murzakanova D.T. Internal financial control and risk management in the activities of a budgetary institution of higher education ……...…… 32
Gedgafova I.Yu., Pacheva A.A. Current state and prospects of the Russian audit services market ……...……...…….. 37
Guzieva L.M., Zhirova S.A., Chochaev T.M. Digital financial assets in national markets: international experience and prospects for implementation in Russia ……...……. 43
Zakhokhova M.R. A System of Indicators for Assessing the Impact of Regional Youth Policy on Human Capital and Economic Sustainability of a Region ……...…….. 50
Kalabekova L.I., Pshigusova S.Z., Saida A.Zh. Digital financial assets in foreign economic activities: risks of application in international settlements ……...……... 59
Kalabekova L.I., Khuranov A.R., Ashinov Sh.V. Characteristics of the development of banking ecosystems in the context of decentralized finance ……...……... 66
Kumysheva M.M. The impact of digital technologies on control and audit processes…….. 76
Mambetova F.M., Kushkhov A.P., Gubachikov A.M. The Role of Financial Statements in Assessing the Economic Sustainability of an Enterprise ……...……. 85
Mazhgikhov E.R. Analysis of financial technologies in the banking sector ……. 91
Shumakhova S.K., Zhirova S.A. The role of venture investments in the development of innovative entrepreneurship ……...……...…….. 98
Efendieva G.A., Sizhazheva S.S. General principles of organizing an accounting and analytical system for liabilities and settlements management in ensuring enterprise economic security ……... 105
Efendieva G.A., Sizhazheva S.S. Impairment of materials as an object of accounting and analytical control in the system of enterprise economic security ……...…….. 112
Zolotova E.A. Assessment of the results of new measures to counteract bank fraud in Russia …….. 118

JURISPRUDENCE

Aslanova L.O. Legal status and criminal procedure issues of using digital personality double (avatar) as evidence in criminal cases ……...…….. 126
Dymov E.M., Tlupov A.Kh. The Liberal Concept of Justice in 19th-Century Russian Legal Philosophy ……...……...……. 134
Dymov E.M., Tlupov A.Kh. Moral foundations of justice in the philosophical and legal heritage of the slavophiles ……...……...…. 144
Dyshekov M.V., Dinaev S.A. Problems of formation of the concept of «developed socialist society» and the legislative base of the Soviet state ……...…... 151
Zalikhanova L.I., Sibekov A.Z. Problems of Qualifying Terrorist Financing by the Subjective Aspect (Article 205.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) …… 157

Zalikhanova L.I., Sibekov A.Z. Countering Terrorist Financing: Analysis of the Current State and Legal Mechanisms (Based on the Russian Federation and the Kabardino-Balkarian Republic in 2024–2025) ……...……...……..... 164
Zumakulova Z.A., Sizhazhev A.Kh. State contract as a special model of civil contract …… 172
Karamurzova I.B., Sizhazhev A.Kh. Legal Capacity: Concept and Types ……. 179
Karamurzova I.B., Kuashev A.A. Legal Regulation of Social Security for Children with Disabilities in the Russian Federation: Problems and Areas for Improvement …….. 185
Lobanov V.B., Bakytbekov T. Between West and East: Models of Legal Education in Russia, Saudi Arabia, and the UAE ……...……..... 194
Mashukova E.M., Karina M.M. Automated Simplified Tax System: Legal Nature, Risks, and Prospects for Improvement ……...……. 204
Mashukova E.M., Sokhrokov E.A. Criminological Characteristics of the Lone Whistleblower Personality: Socio-Psychological Determinants and Motivational Structure …….. 211
Ulezko S.I., Okishev N.Yu. The Objective Side of Vandalism (Article 214 of the Criminal Code of the Russian Federation): Content and Qualification Problems ……... 219
Ulezko S.I., Ternaskova A.V. Modern trends in the prevention of involving minors in the commission of crimes: a comprehensive and proactive approach …… 224
Ulezko S.I., Kholodova A.D. Development of the System of Punishments in the Criminal Law Of Pre-Revolutionary Russia: from Ancient Russia to the Judicial Reform ……... 231
Information for authors ……... 238

Вестник СКФО: право и экономика. – 2026. – № 2 (38). – С. 7–10.
Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics. *2026;2(38):7–10.*

Экономика
Научная статья
УДК 330.131.7:620.9

СУБЪЕКТИВНАЯ ОЦЕНКА ОБЪЕКТИВНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Мухамед Мухадинович Циканов
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия
tsmm@rambler.ru

***Аннотация*.** В статье исследуется проблема субъективности восприятия объективной реальности. На примерах из профессионального опыта, космологии, квантовой физики и нейрофизиологии автор показывает, что человеческое познание неизбежно ограничено когнитивными, сенсорными и культурными фильтрами. Особое внимание уделяется тому, как эти ограничения влияют на экономическое поведение и принятие решений. Делается вывод о невозможности построения полностью объективных моделей управления экономикой в силу фундаментальной непознаваемости реальности и субъективности любого наблюдения.

Ключевые слова: объективная реальность, субъективность восприятия, когнитивные искажения, экономическое поведение, неопределенность, квантовое сознание, время, иллюзии восприятия

***Для цитирования*:** Циканов М.М. Субъективная оценка объективной реальности // Вестник СКФО: право и экономика. 2026. № 2 (38). С. 7–10.

Economy
Originak article

SUBJECTIVE ASSESSMENT OF OBJECTIVE REALITY

Mukhamed M. Tsikanov
Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik, Russia, tsmm@rambler.ru

***Annotation*.** The article explores the problem of subjectivity in the perception of objective reality. Using examples from professional experience, cosmology, quantum physics, and neurophysiology, the author shows that human cognition is inevitably limited by cognitive, sensory, and cultural filters. Special attention is paid to how these limitations affect economic behavior and decision-making. It is concluded that it is impossible to build completely objective models of economic management due to the fundamental unknowability of reality and the subjectivity of any observation.

Keywords: economic methodology, dynamical systems, non-stationarity, non-ergodicity, emergence, chaos, nonlinearity, discontinuity, uncertainty, stochastic models

For citation: Tsikanov M.M. Subjective Assessment of Objective Reality. *Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics*. 2026; № 2(38):7–10.

Введение. Мир вокруг нас – не то, что мы видим, слышим и ощущаем. Мы способны воспринимать лишь малую часть окружающего пространства – порядка пяти процентов того, что реально существует. Остальное составляет тёмная материя и тёмная энергия – физически присутствующие, но не поддающиеся прямому наблюдению компоненты Вселенной (см. современные обзоры по астрофизике и космологии).

Цель исследования – попытка проанализировать невозможность построения полностью объективных моделей управления экономикой в силу фундаментальной непознаваемости реальности и субъективности любого наблюдения.

Методы исследования. В процессе исследования использовались методы логического анализа и синтеза, положения системного подхода, методы сравнительного анализа, положения системного подхода.

Результаты и обсуждение. Мир вокруг нас не тождественен тому, что мы видим, слышим и ощущаем. Сенсорные системы человека способны фиксировать лишь крайне ограниченную часть объективной реальности. В космологическом масштабе наблюдаемая барионная материя составляет приблизительно около пяти процентов совокупного содержания вещества и энергии Вселенной; остальное приходится на тёмную материю и тёмную энергию – компоненты, существование которых подтверждается космологическими наблюдениями, но которые не поддаются прямому наблюдению. Таким образом, уже на уровне фундаментальной физики становится очевидно: доступная наблюдателю реальность является лишь малой частью реального физического мира.

Параллельно в последние примерно десять лет фундаментальная наука начала значительно глубже осознавать роль квантовой механики в процессах живой материи. Квантовые явления лежат в основе ряда биологических процессов, включая фотосинтез и взаимодействие света с биологическими структурами, где корпускулярно-волновая природа фотонов играет ключевую роль. Эти процессы происходят на уровне, принципиально недоступном непосредственному человеческому восприятию, хотя именно они формируют физическую основу взаимодействия живых организмов с окружающей средой.

Ограниченность восприятия проявляется и на более простом, повседневном уровне. Показателен эпизод, произошедший в мои студенческие годы. В период летней жары, проходя мимо строительной площадки вместе с однокурсником-строителем, наблюдалась характерная разница в интерпретации одной и той же сцены. Для инженера-строителя происходящее описывалось через физические параметры процесса: грунтовые работы, вязкость грунта, коэффициенты сопротивления, ширину захвата ковша экскаватора. Мое же экономическое восприятие той же ситуации было принципиально иным: земляные работы интерпретировались как низкоквалифицированный труд, структура затрат, почасовая оплата, смета расходов. Физическая реальность оставалась одной и той же, однако когнитивная интерпретация различалась радикально. Этот пример иллюстрирует фундаментальное свойство человеческого восприятия: человек наблюдает не реальность как таковую, а её интерпретацию, сформированную профессиональными, культурными и когнитивными фильтрами.

Различия между людьми формируются не только генетически, но и эпигенетически, а также в результате образования и профессиональной социализации. Усвоенные в молодости когнитивные схемы закрепляются и продолжают структурировать восприятие на протяжении всей жизни. Например, при работе над законодательными проектами экономический подход к регулированию предпринимательства ориентируется на стимулы, конкуренцию и свободу экономической деятельности. Юридическая же логика тех же задач формулирует их иначе – через механизмы контроля, надзора и санкций. Один и тот же нормативный текст в таких условиях интерпретируется различными профессиональными группами через принципиально разные когнитивные модели.

В повседневной культуре это проявляется в форме ироничных наблюдений о «профессиональном взгляде». Физик может интерпретировать привлекательность человека как удачную конфигурацию атомов, химик – как гармоничную молекулярную структуру. Несмотря на внешнюю комичность подобных формулировок, они отражают реальный когнитивный механизм: восприятие мира неизбежно структурируется знаниями, опытом и физиологией наблюдателя. Философы обозначают данную проблему как «трудную проблему сознания» [1]: субъективный опыт одного и того же события у разных людей может радикально различаться. Следовательно, объективная реальность в чистом виде недостижима; любое восприятие является уже интерпретацией.

Современная космология наглядно демонстрирует масштабы этого ограничения. Только около пяти процентов вещества и энергии Вселенной составляет наблюдаемая барионная материя. Оставшиеся девяносто пять процентов приходятся на тёмную материю и тёмную энергию, существование которых подтверждается динамикой вращения галактик, наблюдениями реликтового излучения и ускоренным расширением Вселенной. Парадокс заключается в том, что именно эти невидимые 95 % определяют крупномасштабную структуру космоса. Если даже в физике наблюдатель имеет доступ лишь к малой части реальности, то в социальных

и когнитивных системах степень неопределённости ещё выше, поскольку инструмент наблюдения – человеческий мозг – сам является ограниченной биологической системой.

Ещё более фундаментальный уровень ограничения связан с квантовой физикой. Она показала, что акт наблюдения влияет на состояние измеряемой системы: измерительный процесс физически изменяет параметры микроскопического объекта. Этот эффект имеет строгий физический смысл и подтверждается экспериментально. Более того, квантовые процессы лежат в основе функционирования значительной части современной технологической цивилизации – от полупроводниковой электроники до лазеров, ядерной энергетики и квантовой химии. Наши компьютеры и телефоны работают благодаря управлению квантовыми свойствами электронов в полупроводниках; навигационные системы функционируют благодаря учёту релятивистского замедления времени; солнечное излучение возникает вследствие квантового синтеза в ядре Солнца; томографы, УЗИ-диагностика и СВЧ-технологии также основаны на фундаментальных физических эффектах микромира.

Иногда выдвигается гипотеза, согласно которой сознание может формироваться благодаря квантовым процессам – так называемая концепция «квантового сознания». Однако подобное предположение сталкивается с серьёзными физическими ограничениями масштабов. Для возникновения потенциала действия в нейроне требуется около 3–4 миллисекунд ($3 \cdot 10^{-3}$ с), тогда как характерные времена квантовых процессов лежат в диапазоне 10^{-15}–10^{-233} секунд. Таким образом, разница между этими уровнями составляет от двенадцати до двадцати порядков. Чтобы квантовый эффект смог повлиять на макроскопическое событие, такое как нейронный импульс, необходимо согласованное накопление примерно 10^{12}–10^{20} микроскопических событий без разрушения когерентности – что в условиях тёплой, влажной и шумной среды мозга практически невозможно [2]. Декогеренция квантовых состояний происходит за время порядка 10^{-13} секунды, то есть значительно быстрее процессов нейронной интеграции. Как отмечал Роджер Пенроуз [1, 3] «модель физической деятельности мозга как целого следует строить по классическим правилам, не обращая особого внимания на тонкие и загадочные эффекты квантовой физики». Следовательно, квантовые процессы фундаментально присутствуют в природе и лежат в основе многих физических явлений, однако их прямое влияние на макроскопическую нейронную динамику не подтверждено. Современные методы нейрофизиологии – электрофизиология, МРТ, оптогенетика – показывают, что когнитивные процессы могут быть объяснены в рамках классической биофизики. Таким образом, гипотеза «квантового сознания» пока остаётся метафорой, а не установленным физическим механизмом мышления.

Однако этот вывод не устраняет другую фундаментальную проблему: процесс возникновения субъективного опыта и сознания по-прежнему не имеет строгого объяснения в рамках существующих моделей физики, химии, биологии и математики. Несмотря на огромный прогресс нейронаук, механизм перехода от биохимической активности нейронных сетей к субъективному переживанию остаётся неразрешённым.

К проблеме субъективности восприятия тесно примыкает и проблема времени. В современной физике не существует абсолютного времени; оно зависит от системы отсчёта. Однако для человека время является ключевым механизмом сенсорной синхронизации. Именно синхронизация сигналов делает возможным целостное восприятие среды и принятие решений. Услышав громкий звук, человек мгновенно оценивает направление и расстояние; запах гари заставляет проверить источник опасности; шум приближающегося автомобиля вызывает реакцию уклонения. Аналогичные процессы происходят и в экономическом поведении. Инвестор, получив информацию о компании, должен сопоставить её с имеющимися знаниями, оценить скорость реакции рынка и принять решение. Даже точный анализ теряет ценность, если он выполнен слишком рано или слишком поздно. Экономическая адаптация зависит не только от рациональности расчётов, но и от способности субъекта синхронизировать свои действия с динамикой среды.

Сенсорные и когнитивные системы человека дополнительно осложняются множеством устойчивых иллюзий. Люди склонны переоценивать собственные способности (эффект Даннинга – Крюгера), игнорировать противоречивую информацию и искать подтверждения уже

существующим убеждениям. Найдя удобную интерпретацию события, человек склонен искать подтверждения, а не опровержения. Эти когнитивные предвзятости формируют индивидуальную картину мира, в результате чего восприятие одной и той же ситуации различными людьми почти никогда не совпадает. Объективная реальность в таком случае оказывается совокупностью субъективных интерпретаций.

То, что принято называть объективностью, фактически представляет собой согласованный субъективный консенсус. В физике Эйнштейн показал относительность наблюдений; в социальных науках аналогичная ситуация возникает из-за отсутствия системы отсчёта, независимой от наблюдателя. Дополнительное ограничение вводит теорема Гёделя о неполноте: любая формальная система описания мира неизбежно содержит области, которые не могут быть полностью формализованы. Следовательно, ни одна экономическая, политическая или социальная модель не способна описать реальность полностью.

Если восприятие мира субъективно, то строго рациональная оценка среды оказывается невозможной. Мозг не является объективным измерительным прибором – это индивидуальный биологический фильтр. Следовательно, универсальный «рациональный агент», лежащий в основе многих экономических моделей, представляет собой абстрактный конструкт. Люди не способны объективно оценивать ни риски, ни будущее, ни даже собственные возможности. Экономика и управление, построенные на предположении полной рациональности и знания среды, неизбежно сталкиваются с провалами прогнозирования, кризисами и ошибками управления. Ограниченность человеческого восприятия делает построение полностью объективных моделей управления экономикой принципиально недостижимым.

К этому добавляется ещё один фактор: систематический когнитивный оптимизм. Люди склонны переоценивать собственные способности и вероятность благоприятного исхода событий. Эта психологическая особенность дополнительно усиливает разрыв между субъективной оценкой среды и объективной реальностью.

Заключение. Если восприятие мира субъективно, то рациональная оценка среды невозможна в строгом смысле. Мозг – не объективный измерительный прибор, а индивидуальный фильтр. Следовательно, не существует универсального «рационального агента», на котором строятся экономические модели и теории равновесия. Мы не способны оценивать объективно ни риски, ни будущее, ни даже собственные возможности. Человек неадекватен окружающей реальности, он субъективен в своей оценке объективной реальности, который в свою очередь не познаваем – поэтому экономика, и управление основанные на предпосылке знания и понимания реальности, неизбежно сталкивается с провалами прогнозов, кризисами и ошибками управления. Ограниченность человеческого восприятия делает невозможным построение объективных моделей управления экономикой.

Но есть еще одна большая проблема с объективной и рациональной оценкой среды: мы слишком большие оптимисты и всегда переоцениваем себя и свои возможности.

Список источников

1. Пенроуз Р. Новый ум короля. М.: Ленард, 2024. 416 с.
2. Чалмерс Д. Сознающий ум. М.: Либрокорм, 2019. 512 с.
3. Пенроуз Р. Тени разума. В поисках науки о сознании. Ижевск.: Институт компьютерных исследований, 2005. 688 с.

List of sources

1. Penrose, R. The Emperor’s New Mind. Moscow: Lenard, 2024. 416 p.
2. Chalmers D. The Conscious Mind. Moscow: Librokorm, 2019. 512 p.
3. Penrose, R. Shadows of the Mind. In Search of a Science of Consciousness. Izhevsk: Institute of Computer Research, 2005. 688 p.

© Циканов М.М., 2026

Вестник СКФО: Право и экономика. – 2026. – № 2 (38). – С. 11–16.
Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics. 2026;2(38):11–16.

Экономика
Научная статья
УДК 330.131.7:620.9

ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ И ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ СЛУЧАЙНОСТИ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ (БОЛЕЕ СТРОГИЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ)

Мухамед Мухадинович Циканов
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Россия, Нальчик
tsmm@rambler.ru

***Аннотация*.** В статье рассматриваются фундаментальные типы неопределенности в экономике – онтологическая и эпистемологическая случайность. Даются их строгие определения. Основное внимание уделяется классификации эпистемической случайности в сложных системах на три типа: случайности с периодическим характером, с апериодическим характером и сингулярные события. Анализируются примеры из экономики и других областей, прогностический потенциал каждого типа. Критикуется «вероятностный фундаментализм» в экономике. Вводятся аналогии импактных и трапповых событий для экономических систем, проводится различие между циклическими кризисами и «экономическими извержениями». Делаются практические выводы о необходимости смены парадигмы управления с оптимизации на повышение антихрупкости систем.

Ключевые слова: онтологическая случайность, эпистемологическая случайность, неопределенность, сложные системы, прогнозирование, вероятностный фундаментализм, антихрупкость, импактные события, трапповые извержения, бифуркация

***Для цитирования*:** Циканов М.М. Онтологическая и эпистемологическая случайности в экономической теории неопределенности (более строгие определения) // Вестник СКФО: право и экономика. 2026. № 2 (38). С. 11–16.

Economy
Originak article

ONTOLOGICAL AND EPISTEMOLOGICAL RANDOMNESS IN THE ECONOMIC THEORY OF UNCERTAINTY (STRICTER DEFINITIONS)

Mukhamed Mukhadinovich Tsikanov
Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik, Russia
tsmm@rambler.ru

***Annotation*.** The article examines the fundamental types of uncertainty in economics-ontological and epistemological randomness. Their strict definitions are given. The main focus is on the classification of epistemic randomness in complex systems into three types: randomness with a periodic nature, with an aperiodic nature, and singular events. Examples from economics and other fields are analyzed, as well as the predictive potential of each type. The "probabilistic fundamentalism" of mainstream economics is criticized. Analogies of impact and trap events for economic systems are introduced, and a distinction is made between cyclical crises and "economic eruptions." Practical conclusions are drawn about the need to shift the management paradigm from optimization to increasing system antifragility.

Keywords: ontological randomness, epistemological randomness, uncertainty, complex systems, forecasting, probabilistic fundamentalism, antifragility, impact events, trap eruptions, bifurcation

For citation: Tsikanov M.M. Ontological and epistemological randomness in the economic theory of uncertainty (stricter definitions) // Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics. 2026; № 2(38):11–16.

Введение. В современной экономической теории проблема неопределенности занимает центральное место. Традиционное разделение на риск и неопределенность сегодня требует более глубокого категориального аппарата. В статье предлагается разграничить онтологическую и эпистемологическую случайности как два принципиально различных источника неопределенности в экономических системах.

Цель исследования – попытка анализа понятий истинных случайностей и потенциально объяснимых случайностей в экономике.

Методы исследования. В процессе исследования использовались методы логического анализа и синтеза, методы сравнительного анализа положения системного подхода.

Результаты и обсуждение. Анализ показывает, что ключевым фактором, трансформирующим чистую эпистемическую случайность сингулярных событий в управляемый риск, является высота технологического и институционального барьера для их реализации. Создание атомного оружия служит классическим примером подобного высокого барьера, требующего колоссальных капитальных и интеллектуальных ресурсов, что исторически ограничило круг акторов, способных его преодолеть. В результате этот экзистенциальный риск был «институционализирован» – сконцентрирован в руках государств и встроен в систему международных договоров и сдерживания, основанную на взаимном гарантированном уничтожении. Однако для современных аналогов «экономических извержений», таких как искусственный общий интеллект или синтетическая биология, характерен парадокс снижающихся технологических барьеров при растущей эпистемической неопределенности. Критические знания и компоненты сегодня демократизированы и глобализированы, становясь потенциально доступными для негосударственных акторов. Это приводит к дезинституционализации экзистенциальных рисков, которые ускользают из рамок традиционных межгосударственных систем контроля. Риск становится диффузным, многополярным и лишенным исторических прецедентов управления, сохраняя свой радикально непредсказуемый характер. Следовательно, традиционная стратегия управления через сдерживание и контроль «у истоков», эффективная для ядерных технологий, терпит крах применительно к технологиям, основанным на информации и знаниях. На смену ей должна прийти парадигма, ориентированная на повышение общей антихрупкости глобальных социально-экономических систем [1].

Онтологическая случайность – это случайность, исходящая из самой природы объекта или материи.

Эпистемологическая случайность – это случайность, исходящая из нашего незнания объекта и процесса.

С онтологической случайностью более или менее все ясно с точки зрения источника этой случайности. Единственным реальным миром онтологической случайности является квантовый мир. Онтологическая неопределённость (предельный уровень) это – неопределённость, не сводимая ни к риску, ни к хаосу, поскольку она коренится не в незнании структуры, а в фундаментальной непредопределённости событий или состояний. Гораздо сложнее с точки зрения понимания мира с эпистемологической случайностью, поэтому остановимся более подробно на этом.

Эпистемическая случайность в анализе сложных систем: типы и пределы предсказуемости

Эпистемическая случайность – результат неполноты знаний о системе – подразделяется на три принципиально различных типа, определяющих возможность и границы вероятностного прогнозирования.

1. Случайности с периодическим характером (регулярные скрытые паттерны)

Специфика. Данный тип объединяет процессы, обладающие объективно повторяющейся динамикой (цикличностью), которая неочевидна для наблюдателя в силу отсутствия необходимых данных или методологического инструментария для выявления закономерности. Процессы данной категории кажутся стохастическими на коротких интервалах наблюдения, однако формируют устойчивые вероятностные структуры на длинных временных рядах.

Экономические и системные примеры

Длинные волны Кондратьева (волны технологических инноваций): в течение отдельного десятилетия технологические сдвиги могут восприниматься как хаотичные, однако анализ исторических рядов длиной в 50–70 лет позволяет выявить квазипериодические закономерности смены технологических укладов, связанных с кластерами базисных инноваций. Практическая польза от подобных прогнозов практически нулевая, да и научная тоже.

Демографические циклы и циклы рынка недвижимости: взаимосвязанные долгосрочные колебания численности поколений и цен на жилье, которые, несмотря на влияние локальных политических и экономических шоков, демонстрируют повторяемость на горизонте 20–30 лет. Чтобы получать практически значимые прогнозы нужен гораздо менее узкий интервал.

Климатические циклы Миланковича и другие астрономические факторы: изменения климата, связанные с колебаниями орбитальных параметров Земли (эксцентриситет, прецессия, наклон оси). На интервалах в десятки и сотни тысяч лет эти циклы формируют детерминированную основу, позволяющую строить вероятностные прогнозы будущих климатических эпох. Чтобы получать значимые климатические прогнозы необходимо учесть огромное количество астрономических параметров, которые не могут быть учтены, например, движение солнечной системы вокруг центра галактики. При движении с такими скоростями (800 000 км/ч.) и в таком пространстве (около 160–170 тыс. световых лет) могут быть абсолютно непрогнозируемые обстоятельства и события [2].

Прогностический потенциал: ключевая характеристика данного типа – возможность построения вероятностных прогнозов при наличии достаточно длинных и качественных исторических рядов, но с весьма сомнительным практическим смыслом. После выявления периода и амплитуды цикла, а также механизма его воспроизводства, процесс переходит из области эпистемической случайности в область модельного знания, хотя и остается уязвимым к экзогенным структурным сдвигам о которых говорили выше.

2. Случайности с апериодическим характером (нелинейная динамическая сложность)

Специфика. Этот тип связан с процессами, порождаемыми нелинейными детерминистическими системами, обладающими свойством экспоненциальной неустойчивости к начальным условиям («эффект бабочки»). Поведение таких систем является апериодическим, не повторяющимся и крайне чувствительным к мельчайшим возмущениям.

Экономические и системные примеры

Динамика финансовых рынков в режиме турбулентности: краткосрочные колебания котировок, формируемые взаимодействием множества агентов с нелинейными обратными связями (паника, стадное поведение, цепная ликвидация позиций). Временные ряды демонстрируют паттерны, подобные турбулентности, и не позволяют надежно экстраполировать будущую траекторию.

Процессы формирования и схлопывания спекулятивных пузырей (активы, технологии): развитие пузыря следует нелинейной логике, включающей положительные обратные связи. Точка перелома («момент Мински») принципиально непредсказуема на основе анализа предшествующей динамики цен.

Социально-политическая нестабильность в точках бифуркации: процессы революций или резких политических трансформаций, где результат определяется сложным взаимодействием множества факторов, а малые события могут кардинально изменить траекторию системы.

Прогностический потенциал: ключевая характеристика – принципиальная невозможность построения осмысленных вероятностных прогнозов на основе временных рядов. Прошлые данные не несут надежной информации о будущих состояниях системы за пределами очень короткого горизонта. Неопределенность здесь носит не только эпистемический, но и имманентно системный характер. Углубление знаний позволяет лучше понять механизмы хаоса, но не преодолеть барьер долгосрочной непредсказуемости.

3. Случайности без временных рядов и исторических прецедентов (сингулярные события). В этой книге [3] ***этот вид случайности часто называется неопределенностью***

Специфика: наиболее радикальная форма эпистемической случайности, возникающая при столкновении с уникальными событиями, для которых **полностью отсутствует репрезентативная историческая выборка**. Такие события не принадлежат к какому-либо известному распределению, поскольку сама возможность их возникновения либо неизвестна, либо считается исчезающе малой, а их природа часто лежит за рамками обычных системных процессов.

Экономические и системные примеры:

Глобальные пандемии нового типа с катастрофическим экономическим эффектом: событие масштаба пандемии 1918–1920 гг. или COVID-19, но вызванное патогеном с принципиально иными свойствами (например, сверхвысокой летальностью и контагиозностью). Опыт прошлых пандемий дает лишь частичные аналогии, но не позволяет построить вероятностную модель для принципиально нового явления.

Технологическая сингулярность или появление искусственного общего интеллекта (ИИ): событие, которое, по некоторым гипотезам, может привести к разрыву непрерывности исторического развития. У истории человечества нет прецедентов создания небиологического субъекта, превосходящего его по алгоритмическому мышлению (не интеллекту!), что делает любое вероятностное моделирование его последствий спекулятивным.

Внезапный каскадный коллапс критически важной глобальной системы (например, одновременный отказ нескольких ключевых узлов интернета, глобальная финансовая сеть): подобные события, хотя и могут обсуждаться в теории, не имеют исторических аналогов по масштабу и скорости, что исключает статистические оценки их вероятности.

Импактные события (падение крупных астероидов или комет): падение астероида Чиксулуб ~66 млн лет назад, предположительно приведшее к мел-палеогеновому вымиранию. Предсказать конкретное столкновение на основе земной истории невозможно. Это классический пример принципиальной непредсказуемости из-за отсутствия прецедентов в человеческой истории, хотя астрономия и определяет вероятностные риски.

Массовые трапповые извержения (вулканические провинции): излияние Сибирских траппов ~252 млн лет назад (крупнейшее в истории Земли), ставшее одной из причин Великого пермского вымирания. Более поздний, но рекордный в человеческой истории пример – извержение вулкана Тамбора в 1815 году (Индонезия). Оно имело индекс вулканической эксплозивности (VEI) 7, выбросило десятки кубических километров породы и привело к «году без лета» в 1816-м, глобальному похолоданию и катастрофическому неурожаю по всему миру. Эти события вызваны глубинными мантийными процессами (плюмами), не связанными с регулярным вулканизмом. Их периодичность составляет десятки-сотни миллионов лет, что делает их непредсказуемыми для любой социально-экономической системы.

Глобальные биосферные революции или фазовые переходы: переход от простейших клеток к сложным (эукариотам), Кембрийский взрыв биоразнообразия, появление разума. В контексте человечества – неолитическая революция (переход к земледелию) или гипотетическая технологическая сингулярность. В теории глобальной эволюции это «пороговые вехи» или «планетарные революции», после которых система начинает эволюционировать по качественно новым правилам. Они непредсказуемы изнутри предыдущей системы, так как знаменуют собой смену самой парадигмы развития [4].

Вывод. События типа трапповых и импактных – не просто яркие примеры, а эталонные калибровочные точки для третьего типа эпистемической случайности. Они демонстрируют абсолютный предел экстраполяции: когда прошлый опыт не только бесполезен, но и может создать иллюзию стабильности. В экономике их аналогами выступают события, меняющие сами правила игры (цивилизационные разрывы, появление ИИ), а не просто масштабные кризисы внутри существующей парадигмы.

Прогностический потенциал: ключевая характеристика – полная нерелевантность экстраполяции на основе прошлых данных. Вероятностное прогнозирование в его классическом смысле невозможно. Работа с такой неопределенностью требует сценарного планирования, методов повышения устойчивости (антихрупкости) систем и готовности к принципиально новому опыту, а не оптимизации на основе исторических распределений.

4. ***Критика вероятностного фундаментализма: о пределах применимости статистики.*** Ключевой методологической ошибкой mainstream economics является догма вероятностного фундаментализма: допущение, что любому непредсказуемому событию *можно и должно* быть приписано некоторое вероятностное распределение.

Это допущение значимо исключительно для режима риска. В условиях хаотической и, тем более, онтологической неопределённости:

– вероятностные распределения теряют стационарность;

– «хвосты» распределений перестают быть редкими – экстремальные события следуют степенному закону (распределения Парето, Леви), их вероятность не убывает экспоненциально, что делает стандартные оценки Value at Risk (VaR) систематически заниженными и приводит к доминированию экстремумов над средними значениями;

– прошлые данные теряют прогностическую силу, а корреляции между активами стремятся к единице именно в моменты кризисов (бесполезность моделей в моменты перелома).

Следовательно, такие краеугольные инструменты, как VaR, DSGE-модели и стандартные стресс-тесты, теряют научную валидность за пределами узких и стабильных условий, соответствующих режиму риска. Их некритическое применение создаёт иллюзию управляемости и усугубляет системные уязвимости.

Аналоги импактных и трапповых событий

В экономике аналогами импактных и трапповых событий являются «институциональные и технологические извержения» – редкие, но пороговые явления, которые разрушают существующую систему правил и создают новую экономическую реальность, непредсказуемую из прежнего состояния.

В отличие от кризисов, которые происходят *внутри* существующей системы, эти события меняют саму *логику* её функционирования. Их можно классифицировать по масштабу и механизму воздействия *(таблица).*

Таблица – Аналоги импактных и трапповых событий

Природный аналог	Сущность	Экономический / Социальный аналог	Механизм воздействия и последствия
Импактное событие	Внешний, экзогенный удар по системе извне	**Глобальная пандемия 1918–1920 гг. (испанка) или нового типа** (COVID-19 как относительно «мягкий» пример). **Внезапный геополитический разрыв** (распад СССР)	**Внешний триггер**: вирус, политическое решение. **Эффект**: ломает цепочки поставок, меняет миграцию капитала, перестраивает глобальную торговлю. Невозможно вывести из трендов предыдущих десятилетий
Трапповое извержение	Мощный, эндогенный выброс энергии, долго копившейся в недрах системы	**Технологическая сингулярность** (создание ИИ, превосходящего человеческий). **Финансово-институциональный коллапс** (Великая депрессия, крах Бреттон-Вудской системы)	**Внутренний триггер**: накопление дисбалансов, достижение критического порога в развитии технологии. **Эффект**: обесценивает старые бизнес-модели, требует новых регуляторных систем, меняет природу труда и капитала

Источник: составлено автором.

Ключевое различие между кризисом и «экономическим извержением»

Циклический кризис (например, кризис 2008 года в его классической интерпретации) – это **сбой в работе** системы. Он болезнен, но правила игры (либеральная глобальная финансовая система) в целом сохраняются, и её можно «починить» известными методами (санацией банков, QE). Так думают «конструкторы этой системы и приверженцы системы, но не видно результатов «починки».

«Извержение» – это **смена операционной системы**. После него «починить» старое невозможно. Например:

После **распада СССР** в 1991 году нельзя было вернуть плановую экономику – возникла новая система с новыми правилами, валютами и элитами. Резко изменился инвестиционный цикл, необходимость колоссального дефицита всего постсоциалистического пространства.

Появление **Интернета** в 1990-х гг. не было кризисом связи, а стало новым инфраструктурным слоем реальности, породившим ранее невозможные рынки (Amazon, Google) и уничтожившим целые отрасли (энциклопедии, традиционная розничная торговля).

Практические выводы: почему эта аналогия важна.

1. Ошибка прогноза возникает не из-за неверной оценки вероятности, а из-за **ошибки классификации режима**. Аналитик принимает предсингулярную ситуацию за фазу обычного цикла.

2. Меняется цель управления: вместо «оптимизации» под текущие правила на первый план выходит **повышение антихрупкости –** способности системы не только выстоять, но и получить выгоду от потрясений. Компании, которые в кризис 2020 года смогли быстро перестроиться на цифровые каналы, являются примерами такой антихрупкости.

3. Бесполезность экстраполяции: стратегии, основанные на экстраполяции прошлого опыта (например, инвестиции в «вечные» активы по старым моделям), терпят крах. На смену приходит **сценарное планирование** для принципиально разных версий будущего.

Заключение. Таким образом, экономические аналоги импактных и трапповых событий – это не просто крупные кризисы, а **точки бифуркации**, после которых экономика начинает развиваться по иным, ранее не существовавшим законам. Их невозможно спрогнозировать на основе прошлых данных, но к их возможности можно подготовиться, создавая гибкие и устойчивые институты.

Но мы на данном этапе находимся под одним из самых опасных систем управления: стремления к повышению глобальной финансовой эффективности и оптимизации расходов. Это движение против устойчивости (антихрупкости).

Список источников

1. Пригожин И. Введение в термодинамику необратимых процессов. М.: ИЛ, 1960. 161 с.
2. Лоренц Э. Природа и теория общей циркуляции атмосферы. М.: Гидрометеоиздат, 1970. 224 с.
3. Талеб Н.Н. Одураченные случайностью. О скрытой роли шанса в бизнесе и в жизни / пер. с англ. М. : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2021. 352 с.
4. Крамер Г. Случайные величины и распределения вероятностей. М.: Букинист, 1947. 144 с.

List of sources

1. Prigogine I. Introduction to the Thermodynamics of Irreversible Processes. Moscow: IL, 1960. 161 p.
2. Lorenz E. The Nature and Theory of General Atmospheric Circulation. Moscow: Gidrometeoizdat, 1970. 224 p.
3. Taleb N.N. Fooled by chance. On the hidden role of chance in business and in life; translated from English–Moscow : KoLibri, ABC-Atticus, 2021. 352 p.
4. Cramer G. Random Variables and Probability Distributions. Moscow: Bukinist, 1947. 144 p.
5. Glick J. The Chaos of Creating a New Science. Moscow: AST, 2021. 432 p.
6. Keynes J. A Treatise on Probability. London: Macmillan And Co, 1921.
7. Lorenz E. The Essence of Chaos. Moscow: Laurie, 2024. 236 p.

© Циканов М.М., 2026

Вестник СКФО: Право и экономика. – 2026. – № 2 (38). – С. 17–24.
Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics. 2026;2(38):17–24.

Экономика
Научная статья
УДК 657.1

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ КОНТРОЛЯ (НАДЗОРА) ЗА АУДИТОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

Ирина Юрьевна Гедгафова[1], Саида Арсеновна Доткулова[2]
[1, 2]Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия
[1]gedgafova.irina@mail.ru
[2]saida.dotkulova@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются ключевые векторы трансформации системы контроля за аудиторской деятельностью в Российской Федерации. Особое внимание уделено переходу к риск-ориентированной модели контроля (надзора), цифровизации контрольных процедур и внедрению международных стандартов управления качеством. Обоснована необходимость сближения подходов государственных регуляторов и саморегулируемых организаций (СРО) для устойчивого развития института аудита.

Ключевые слова: внутренний контроль качества аудиторской деятельности, внешний контроль качества аудиторской деятельности, методика контроля за аудиторской деятельностью, риск-ориентированный подход

Для цитирования: Гедгафова И.Ю., Доткулова С.А. Развитие системы контроля (надзора) за аудиторской деятельностью // Вестник СКФО: право и экономика. 2026. № 2 (38). С. 17–24.

Economy
Originak article

DEVELOPMENT OF THE CONTROL (SUPERVISION) SYSTEM AUDIT ACTIVITIES

Irina Yuryevna Gedgafova[1], Saida Arsenovna Dotkulova[2]
Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik, Russia
[1]gedgafova.irina@mail.ru
[2]saida.dotkulova@mail.ru

Annotation. The article examines the key vectors of the transformation of the audit control system in the Russian Federation. Particular attention is paid to the transition to a risk-oriented model of supervision, digitalization of control procedures and the introduction of international quality management standards. The necessity of bringing the approaches of state regulators and self-regulatory organizations closer together to ensure the sustainable development of the audit institution is substantiated.

Keywords: internal audit quality control, external audit quality control, audit control methodology, risk-based approach

For citation: Gedgafova I.Yu., Dotkulova S.A. Development of the control (supervision) system audit activities. *Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics*. 2026; 2 (38):17–24.

Введение. В современной архитектуре рыночных отношений аудит выступает фундаментальным инструментом обеспечения прозрачности и доверия между государством, бизнесом и обществом. Эффективное функционирование системы контроля и надзора гарантирует соблюдение профессиональных стандартов и этических норм, что является необходимым условием качественного развития аудиторской деятельности.

Актуальность темы определяется необходимостью качественной трансформации контрольно-надзорной среды в условиях структурной перестройки экономики и санкционного давления, когда аудит становится стратегическим фактором обеспечения экономической безопасности. Значимость исследования продиктована завершением перехода Федерального казначейства и Банка России к риск-ориентированной модели надзора, окончательным внедрением международных стандартов управления качеством (МСУК 1 и 2), а также вступлением в силу новых регламентов взаимодействия СРО с государственными регуляторами. Своевременность работы обусловлена потребностью в научном анализе эффективности этих инструментов для обеспечения высокого качества аудиторских услуг и доверия к финансовой отчетности.

Цель исследования – выявить основные направления развития системы контроля (надзора) за аудиторской деятельностью в РФ и предложить меры по повышению ее эффективности в современных условиях.

Объектом исследования является система контроля (надзора) за аудиторской деятельностью в Российской Федерации, включающая совокупность организационных, правовых и методических аспектов, обеспечивающих соблюдение профессиональных стандартов и этических норм аудиторами и аудиторскими организациями.

Предметом исследования выступают современное состояние, проблемы и направления совершенствования системы контроля (надзора) за аудиторской деятельностью, включая внутренний и внешний контроль, риск-ориентированный подход, цифровизацию контрольных процедур, а также механизмы взаимодействия государственных регуляторов и саморегулируемых организаций аудиторов.

Обзор литературы. Тема достаточно полно изучена как на теоретическом, так и на практическом уровне. В последние годы реализован комплекс мер по совершенствованию внутреннего и внешнего контроля за аудиторской деятельностью, что подтверждается официальными отчетами Минфина России, изменениями в законодательстве и практикой аудиторской деятельности. Однако появление новых методик и инструментов, связанных с цифровизацией, открывает перспективы для дальнейшего развития системы надзора.

Методологическую основу исследования составили общенаучные методы познания: анализ и синтез (для выявления структурных элементов системы контроля и их взаимосвязей), сравнение (при сопоставлении отечественной и международной практики надзора), обобщение (для формулирования выводов и предложений), а также системный подход к изучению экономических явлений, позволивший рассмотреть систему контроля как целостную многоуровневую структуру. Методическую и нормативную основу исследования составили труды отечественных учёных (А.Д. Шеремета, В.Т. Чая, Р.П. Булыги, М.А. Азарской, Г.А. Юдиной и др.), а также нормативные документы, регулирующие аудиторскую деятельность в Российской Федерации.

Результаты и дискуссия

Современная система контроля и надзора за аудиторской деятельностью в Российской Федерации представляет собой сложную многоуровневую структуру, направленную на обеспечение высокого качества аудиторских услуг и поддержание общественного доверия к результатам аудита. В условиях санкционного давления и необходимости импортозамещения учетно-контрольных процессов, надзор за аудиторами становится инструментом минимизации экономических рисков и подтверждения достоверности отчётности в интересах широкого круга стейкхолдеров. Действующая модель надзора базируется на сочетании государственного регулирования и профессионального саморегулирования, что соответствует международной практике и требованиям Федерального закона от 30.12.2008 № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности» [1]. Данная модель реализуется через многоуровневую систему контроля и надзора, включающую внутренние и внешние механизмы оценки качества аудиторских услуг. В иерархии этих уровней выделяются: внутренний контроль качества (осуществляется самими аудиторскими организациями), внешний профессиональный контроль (со стороны саморегулируемых организаций), внешний государственный контроль (со стороны Федерального казначейства) и, применительно к финансовому сектору, надзор со стороны Банка России.

Первым и основополагающим уровнем системы является внутренний контроль качества, осуществляемый непосредственно аудиторскими организациями и индивидуальными аудиторами. Согласно Международным стандартам управления качеством (МСУК 1 и МСУК 2), каждая аудиторская организация обязана разработать, внедрить и поддерживать функционирование системы управления качеством [2, 3]. Данная система должна обеспечивать разумную уверенность в том, что сама организация и ее персонал выполняют свои обязанности в соответствии с профессиональными стандартами и применимыми нормативными требованиями, а аудиторские заключения соответствуют конкретным обстоятельствам задания. Внутренний контроль охватывает этические требования, принятие и продолжение отношений с клиентами, кадровые ресурсы, выполнение задания и мониторинг. Особое внимание уделяется проверке значимых суждений и выводов (проверка качества выполнения задания), что позволяет выявлять ошибки до момента подписания итогового документа.

Второй уровень системы – внешний контроль (надзор), подразделяющийся на профессиональный и государственный. Субъектом профессионального контроля выступает саморегулируемая организация аудиторов (СРО), членство в которой является обязательным условием для осуществления профессиональной деятельности в России. СРО осуществляет контроль за соблюдением своими членами требований закона, стандартов аудита, правил независимости и кодекса профессиональной этики. Плановые проверки со стороны СРО проводятся в отношении всех участников рынка, при этом периодичность проверок варьируется в зависимости от профиля деятельности аудитора, но не может быть реже одного раза в пять лет [5]. Важной функцией СРО является применение мер дисциплинарного воздействия к нарушителям, включая предупреждения, штрафы и исключение из членов организации.

Третий, высший уровень системы – федеральный государственный контроль, полномочия по которому закреплены за Федеральным казначейством. Казначейство контролирует аудиторские организации, оказывающие услуги общественно значимым организациям (ОЗО). Государственный контроль характеризуется применением риск-ориентированного подхода, регламентированного Федеральным законом от 26.12.2008 № 248-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля»: интенсивность проверок напрямую зависит от присвоенной категории риска объекта контроля [4]. Казначейство проверяет не только формальное соблюдение регламентов, но и сущностное качество аудиторских доказательств, обоснованность профессионального суждения аудитора и достаточность проведенных процедур в отношении ключевых показателей отчетности.

Дополнительный надзорный контур формирует Банк России в отношении аудиторских организаций, работающих на финансовом рынке. Регулятор ведет реестр таких организаций и имеет право проводить собственные проверки качества работы аудиторов, обслуживающих финансовые институты. Дублирование функций контроля со стороны Казначейства и ЦБ РФ направлено на обеспечение максимальной прозрачности финансового сектора и предотвращение системных рисков. Взаимодействие между надзорными органами и СРО осуществляется через систему обмена информацией, что позволяет оперативно реагировать на выявленные системные нарушения [1].

Внедрение в российскую практику Международных стандартов аудита (МСА) существенно изменило методологию контроля. Теперь приоритет отдается не просто проверке наличия документов, а анализу того, насколько глубоко аудитор оценил риски существенного искажения отчетности и адекватно ли он отреагировал на них. Как отмечается в материалах исследования качества аудита, критически важными точками контроля сегодня являются процедуры по проверке допущения непрерывности деятельности, оценка значимости неисправленных искажений и соблюдение аудиторской тайны. Таким образом, существующий порядок контроля и надзора в РФ представляет собой интегрированную систему, где внутренние регламенты фирм дополняются жестким внешним фильтром со стороны профессионального сообщества и государства, что в совокупности гарантирует достоверность финансовой информации в масштабах национальной экономики.

Важным сегодня является вопрос о состоянии и направлениях совершенствования методик оценки качества работы аудиторских организаций на различных уровнях.

Текущее состояние методик, используемых для контроля качества на различных уровнях управления, характеризуется рядом проблем, ограничивающих их практическую результативность.

Анализ существующей практики показывает, что методики внешнего контроля в значительной степени опираются на профессиональное суждение инспекторов. Процесс оценки рабочих документов аудитора зачастую сводится к поиску соответствий выявленных фактов положениям формализованных классификаторов нарушений для последующего применения мер дисциплинарного воздействия [1]. Такой подход не всегда позволяет объективно оценить реальное качество проведенного аудита и глубину анализа рисков аудируемого лица. На уровне внутреннего контроля ситуация осложняется тем, что методики, закрепленные в локальных актах организаций, зачастую носят декларативный характер и не содержат детальных процедур выявления системных ошибок [5].

Ключевой проблемой современной системы контроля является отсутствие единого методологического инструментария и выраженный «информационный дефицит» у контрольных органов. Существующий реестр Министерства финансов содержит лишь общие сведения, что делает его недостаточно информативным для оценки деловой репутации и специализации аудиторов [1]. Кроме того, при планировании проверок контролеры сталкиваются с разрозненностью данных, что затрудняет идентификацию высокорисковых областей до начала выездных мероприятий.

На основе выявленных недостатков можно сформулировать основные направления совершенствования систем оценки качества:

1. Развитие информационного обеспечения. Приоритетным вектором является создание единой информационной системы в сфере аудита на базе реестра Министерства финансов. Такая система должна консолидировать сведения о выданных заключениях, стоимости услуг, трудозатратах и специализации аудиторов, что позволит бороться с демпингом и обеспечит прозрачность рынка для заказчиков и регуляторов [5].

2. Цифровизация и автоматизация внутреннего контроля. Предлагается переход от формального заполнения шаблонов к использованию автоматизированных рабочих сред. Внедрение стандартизированных программ загрузки рабочих документов позволит в режиме реального времени отслеживать выполнение процедур, предусмотренных МСА 550 «Связанные стороны» и МСА 570 «Непрерывность деятельности» [6, 7]. Это исключает возможность изменения файлов после закрытия проекта и снижает риск документальных нарушений.

3. Развитие риск-ориентированного подхода. Совершенствование внешнего контроля должно базироваться на глубокой аналитике рисков. Предлагается внедрение методики оценки, основанной на интегральных показателях: профессиональной компетентности персонала, опыте работы в конкретных отраслях и результатах предыдущих проверок. Использование карт рисков и графической визуализации существенности угроз позволит контрольным органам эффективнее распределять ресурсы, концентрируясь на наиболее проблемных субъектах [4].

4. Усиление персональной ответственности. Важным направлением является повышение ответственности должностных лиц за результаты контрольной работы. Создание «портфолио» аудиторов в рамках единой системы позволит отслеживать квалификацию каждого специалиста, его участие в конкретных проверках и историю выявленных в его работе нарушений.

5. Межведомственное взаимодействие. Эффективность оценки качества напрямую зависит от оперативности обмена данными между Казначейством, Банком России и СРО [1]. Автоматизация этого взаимодействия позволит снизить контрольную нагрузку на добросовестных участников рынка при одновременном усилении надзора за недобросовестными субъектами.

Внедрение предложенных мер позволит не только стандартизировать подходы к получению аудиторских доказательств, но и значительно поднять престиж профессии. Конечная цель – создание среды, в которой деловая репутация аудиторской организации становится главным индикатором качества, а система контроля выступает инструментом профилактики, а не просто наказания за допущенные ошибки.

Говоря о приоритетах развития системы контроля важно остановиться и на риск-ориентированном подходе.

В условиях масштабной трансформации контрольно-надзорной деятельности в Российской Федерации риск-ориентированный подход стал концептуальной основой взаимодействия государства и профессионального сообщества. Переход от тотального контроля к выборочному, аналитическому надзору продиктован необходимостью оптимизации ограниченных ресурсов контролирующих органов и снижения административного давления на добросовестных участников рынка. В системе аудита данный подход позволяет сфокусировать внимание надзорных органов на наиболее «проблемных» зонах, где вероятность нарушения стандартов аудиторской деятельности и искажения результатов аудита наиболее высока [4].

Правовую основу риск-ориентированного подхода в аудите составляет Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре)...», который классифицирует объекты контроля по категориям риска – от низкого до чрезвычайно высокого [4]. Для аудиторских организаций, оказывающих услуги общественно значимым организациям (ОЗО), Федеральное казначейство разработало систему критериев, позволяющую дифференцировать интенсивность проверок. Ключевым преимуществом такой модели является освобождение организаций с низким уровнем риска от плановых проверок, что позволяет им направлять ресурсы на повышение качества методологии, а не на сопровождение контрольных мероприятий [1, 7].

Центральным элементом системы надзора нового типа является мониторинг индикаторов риска. В отличие от традиционных проверок, индикаторы позволяют выявлять признаки недобросовестности в режиме реального времени. Одним из наиболее значимых индикаторов является необоснованное снижение стоимости аудиторских услуг (демпинг). Резкое сокращение цены зачастую свидетельствует о формальном подходе к аудиту, дефиците трудозатрат и невыполнении обязательных процедур, предусмотренных МСА [5]. Другим критическим индикатором выступает высокая частота смены клиентов или, напротив, многолетнее бессменное обслуживание одного ОЗО без соблюдения требований о ротации, что создает угрозы независимости аудитора [1].

Система надзора также учитывает такие факторы, как наличие в штате квалифицированного персонала с действующими аттестатами, количество выданных отрицательных заключений и история ранее выявленных нарушений. Если аудиторская организация демонстрирует стабильно высокое качество работы и отсутствие жалоб со стороны регуляторов, ее категория риска снижается. Напротив, выявление фактов участия в сомнительных схемах или систематических ошибок в отчетности влечет за собой автоматический перевод организации в категорию высокого риска с последующим назначением внеплановых проверок [7].

Приоритетным направлением развития данного подхода является автоматизация сбора данных. На базе единого реестра аудиторов предполагается внедрение аналитических алгоритмов, которые будут «подсвечивать» отклонения от среднерыночных показателей. Это позволит уйти от субъективного профессионального суждения инспектора при выборе объекта проверки, сделав процесс надзора максимально прозрачным и объективным [5]. Внедрение цифровых профилей аудиторских организаций позволит аккумулировать сведения о результатах контроля со стороны СРО, Казначейства и Банка России, формируя единую карту рисков аудиторского рынка [1, 5].

Таким образом, риск-ориентированный подход не только повышает эффективность работы государственных органов, но и служит мощным стимулом для саморегулирования рынка. Возможность снижения контрольной нагрузки становится для аудиторских организаций реальным экономическим преимуществом, что способствует вытеснению недобросовестных игроков и укреплению престижа аудиторской профессии в России. Конечной целью реализации данной стратегии является создание системы «умного надзора», способного предупреждать нарушения еще на стадии планирования аудиторских процедур [5].

На современном этапе развития института аудита ключевым драйвером модернизации контрольно-надзорной деятельности выступает сквозная цифровизация процессов и интеграция разрозненных информационных систем. Традиционные методы контроля качества, опирающиеся на ретроспективный анализ бумажных досье и статические базы данных, демонстри-

руют свою недостаточную эффективность в условиях высокой динамики экономических процессов. Анализ практики контрольной работы показывает, что надзорные органы, такие как Федеральное казначейство и СРО, долгое время сталкивались с проблемой «информационного дефицита». Существовавший ранее реестр Министерства финансов выполнял функцию базового учета, не предоставляя стейкхолдерам исчерпывающих данных о деловой репутации, отраслевой специфике и реальном качестве работы субъектов аудиторской деятельности.

Ответом на это стала разработка и внедрение концепции «Единого цифрового профиля аудитора» (ЕЦПА) – высокотехнологичной платформы, аккумулирующей массивы данных в режиме реального времени. Данная инновационная модель предполагает отход от изолированных баз данных в пользу создания единого информационного пространства, где интегрируются сведения из ключевых государственных и профессиональных ресурсов. Цифровой профиль представляет собой не просто статичное «портфолио» специалиста или организации, а динамическую систему, автоматически обновляющую показатели на основе машиночитаемых данных.

Фундаментом формирования цифрового профиля выступает интеграция трех базовых информационных потоков. Во-первых, это данные Государственного информационного ресурса бухгалтерской (финансовой) отчетности (ГИР БО), ведение которого регламентировано Федеральным законом от 06.12.2011 № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» [8]. Синхронизация профиля аудитора с ГИР БО позволяет в автоматическом режиме сопоставлять выданные аудиторские заключения с фактическими финансовыми показателями аудируемых лиц, отслеживая модификации мнений, факты выражения сомнений в непрерывности деятельности и наличие исправленных искажений.

Во-вторых, в цифровой профиль интегрируются массивы данных формы федерального статистического наблюдения № 2-аудит «Сведения об аудиторской деятельности» [3]. Перевод этой отчетности из разряда закрытой ведомственной статистики в публичную (или доступную для надзорных органов) цифровую плоскость позволяет автоматически рассчитывать показатели обеспеченности аудиторской организации кадровыми ресурсами, анализировать структуру выручки и оценивать уровень трудозатрат на одно аудиторское задание. Это является мощнейшим инструментом выявления ценового демпинга: система автоматически сигнализирует, если заявленная стоимость аудита ОЗО математически не покрывает необходимых человеко-часов, требуемых Международными стандартами аудита.

В-третьих, цифровой профиль в реальном времени синхронизируется с реестрами СРО и Федерального казначейства, мгновенно отражая результаты плановых и внеплановых проверок качества, а также примененные меры дисциплинарного воздействия [1, 3]. Если ранее обмен такой информацией между ведомствами мог занимать значительное время, то в архитектуре 2026 года факт выявления системного нарушения одной инстанцией моментально отражается на рейтинге риска аудитора в общей системе.

Интеграция информационных потоков позволяет реализовать концепцию предиктивного (предварительного) контроля. Система, анализируя большие данные (Big Data), способна выявлять аномалии до начала физической проверки. Например, алгоритм может обнаружить, что аудитор в течение короткого периода выдал нереалистично большое количество заключений, или что его клиентами массово становятся организации с признаками фирм-однодневок. На основе таких триггеров искусственный интеллект формирует «красные флаги», автоматически повышая категорию риска субъекта.

Для добросовестных аудиторских организаций внедрение цифрового профиля приносит ощутимые конкурентные преимущества. Транспарентность подтвержденного опыта, отсутствие скрытых дисциплинарных взысканий и верифицированная отраслевая экспертиза становятся открытыми для потенциальных заказчиков услуг. Таким образом, цифровизация системы контроля решает двуединую задачу: она минимизирует контрольную нагрузку на прозрачный бизнес за счет перехода к бесконтактному документарному мониторингу и одновременно делает невозможным скрытое функционирование на рынке недобросовестных исполнителей, обеспечивая высочайший уровень доверия к результатам аудиторской деятельности в национальной экономике.

Заключение. Проведенное исследование системы контроля и надзора за аудиторской деятельностью в Российской Федерации позволяет сформулировать ряд значимых выводов и предложений, направленных на повышение качества профессиональных услуг и укрепление доверия к институту независимого аудита со стороны государства и бизнес-сообщества.

В ходе работы было установлено, что качество аудита следует рассматривать как комплексную категорию, обеспечивающую удовлетворение информационных потребностей пользователей отчетности при строгом соблюдении Международных стандартов аудита. Однако действующая сегодня система контроля (внутренний контроль в организациях и внешний контроль со стороны СРО, Федерального казначейства и Банка России) обладает рядом существенных недостатков.

Ключевыми проблемами внешнего контроля являются: отсутствие единой, повсеместно применяемой методики оценки рисков при распределении контрольных ресурсов, нерегламентированность процедур тестирования аудиторских заданий и дефицит унифицированных подходов к проверке рабочих документов. В свою очередь, внутренний контроль в аудиторских организациях зачастую носит формальный характер и ограничивается заполнением шаблонных документов, что не позволяет своевременно выявлять системные ошибки. Для решения этой проблемы обоснована необходимость внедрения детализированных рабочих документов и интегральных показателей качества на этапе завершения аудиторских заданий.

В качестве приоритетного направления совершенствования надзорной деятельности обоснована необходимость полномасштабного перехода к риск-ориентированному подходу. Отказ от тотальных плановых проверок в пользу выборочных мероприятий, основанных на анализе индикаторов риска (таких как необоснованное занижение стоимости услуг, текучесть кадров или отсутствие модификаций в заключениях), позволит оптимизировать ограниченные ресурсы контролирующих органов. Разработанный методический инструментарий дает возможность объективно оценивать подверженность субъекта нарушениям обязательных требований и определять научно обоснованную периодичность проверок, снижая административную нагрузку на добросовестных участников рынка.

Кроме того, важнейшим вектором развития признана всесторонняя цифровизация контроля и преодоление «информационного дефицита» контрольных структур. Создание единой информационной системы (цифрового профиля аудитора), интегрирующей данные реестров, статистической отчетности (включая форму № 2-аудит) и результатов проверок, обеспечит прозрачность рынка и автоматизацию процесса выявления аномалий на ранних стадиях.

Таким образом, комплексная модернизация системы контроля, сочетающая риск-ориентированный подход, цифровизацию информационных потоков и повышение эффективности внутрифирменных процедур, создаст необходимые условия для устойчивого развития аудиторской деятельности в России. Реализация предложенных мер позволит сместить фокус с последующего (репрессивного) контроля на превентивный, что гарантирует соответствие результатов аудита самым высоким стандартам качества и надежности.

Список источников

1. Об аудиторской деятельности: Федеральный закон от 30.12.2008 № 307-ФЗ [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

2. О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

3. Об утверждении Концепции развития аудиторской деятельности в Российской Федерации до 2024 года: Распоряжение Правительства РФ от 31.12.2020 № 3709-р [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».О защите прав юридиче-

ских лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля: Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

4. О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля: Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

5. Об утверждении Порядка направления аудиторским организациям, оказывающим аудиторские услуги общественно значимым организациям, предписаний и запросов: Приказ Казначейства России от 22.11.2021 № 34н [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

6. Об утверждении Положения о внешнем контроле деятельности аудиторских организаций, оказывающих аудиторские услуги общественно значимым организациям (федеральном государственном контроле (надзоре)): Постановление Правительства РФ от 25.06.2021 № 1009 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

7. О введении в действие международных стандартов аудита на территории Российской Федерации: Приказ Минфина России от 09.01.2019 № 2н [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

8. О бухгалтерском учете: Федеральный закон от 06.12.2011 № 402-ФЗ [Электронный ресурс] // Мправочная правовая система «КонсультантПлюс».

List of sources

1. On auditing activities: Federal Law N 307-FZ of December 30, 2008 [Electronic resource] // Consultant-Plus legal reference system.

2. On state control (supervision) and municipal control in the Russian Federation: Federal Law N 248-FZ of July 31, 2020 [Electronic resource] // ConsultantPlus legal reference system.

3. On approval of the Concept for the development of auditing activities in the Russian Federation until 2024: Order of the Government of the Russian Federation dated 31.12.2020 N 3709-r [Electronic resource] // Reference legal system "ConsultantPlus".

4. On the protection of the rights of legal entities and individual entrepreneurs in the implementation of state control (supervision) and municipal control: Federal Law N 294-FZ of December 26, 2008 [Electronic resource] // ConsultantPlus legal reference system.

5. On approval of the Procedure for sending orders and requests to audit organizations providing audit services to socially significant organizations: Order of the Treasury of Russia dated November 22, 2021 N 34n [Electronic resource] // ConsultantPlus legal reference system.

6. On approval of the Regulation on external control of the activities of audit organizations providing audit services to socially significant organizations (federal state control (supervision)): Resolution of the Government of the Russian Federation dated 25.06.2021 N 1009 [Electronic resource] // Reference legal system "ConsultantPlus".

7. On the introduction of international auditing standards in the territory of the Russian Federation: Order of the Ministry of Finance of Russia dated 09.01.2019 N 2n [Electronic resource] // Reference legal system "ConsultantPlus".

8. On Accounting: Federal Law No. 402-FZ dated 06.12.2011 [Electronic resource] // Legal legal system "ConsultantPlus".

© Гедгафова И.Ю., Доткулова С.А., 2026

Вестник СКФО: Право и экономика. – 2026. – № 2 (38). – С. 25–32.
Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics. 2026;2 (38):25–32.

Экономика
Научная статья
УДК 657.1

ФИНАНСОВЫЙ АНАЛИЗ КАК ФАКТОР КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ АУДИРУЕМОГО ЛИЦА

Ирина Юрьевна Гедгафова[1], Аскер Арсенович Клишев
[1, 2] Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия
[1]gedgafova.irina@mail.ru
[2]askeradm@mail.ru

Аннотация. В условиях цифровой трансформации экономики и усиления нефинансовых рисков финансовый анализ аудируемого лица приобретает статус стратегического инструмента обеспечения его конкурентоспособности. В статье уточнена взаимосвязь финансовой устойчивости и рыночных позиций аудируемого лица, систематизирована методика расчёта ключевых показателей (ликвидности, автономии, рентабельности) и их интерпретация в контексте аудиторской деятельности. Доказано, что цифровая трансформация (внедрение ERP-систем, BI-аналитики) и учёт ESG-критериев повышают качество аналитических процедур в аудите. Результаты могут быть использованы аудиторскими организациями при разработке внутрифирменных стандартов аналитических процедур и оценке непрерывности деятельности аудируемых лиц.

Ключевые слова: финансовый анализ, конкурентоспособность, аудит, коэффициенты ликвидности, финансовая устойчивость, цифровая трансформация, ESG-критерии

Для цитирования: Гедгафова И.Ю., Клишев А.А. Финансовый анализ как фактор конкурентоспособности аудируемого лица // Вестник СКФО: право и экономика. 2026. № 2 (38). С. 25–32

Economy
Originak article

FINANCIAL ANALYSIS AS A FACTOR IN THE COMPETITIVENESS OF THE AUDITED ENTITY

Irina Yuryevna Gedgafova[1], Asker Arsenovich Klishev[2]
[1, 2] Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik, Russia
[1]gedgafova.irina@mail.ru
[2]askeradm@mail.ru

***Annotation*.** In the context of the digital transformation of the economy and the increase in non-financial risks, financial analysis of an audited entity is becoming a strategic tool for ensuring its competitiveness. This article clarifies the relationship between the financial stability and market position of an audited entity, systematizes the methodology for calculating key performance indicators (liquidity, autonomy, profitability), and their interpretation in the context of audit activities. It is proven that digital transformation (implementation of ERP systems, BI analytics) and the consideration of ESG criteria improve the quality of analytical procedures in audits. The results can be used by audit firms in developing internal standards for analytical procedures and assessing the continuity of operations of audited entities.

Keywords: financial analysis, competitiveness, audit, liquidity ratios, financial stability, digital transformation, ESG criteria

For citation: Gedgafova I. Yu., Klishev A. A. Financial analysis as a factor in the competitiveness of the audited entity // Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics. 2026;2(38):25–32.

Введение. Трансформация глобальной и национальной экономических сред в последнее десятилетие характеризуется высокой волатильностью финансовых рынков, усилением санкционного давления на российскую экономику и тотальной цифровизацией бизнес-процессов. В этих условиях финансовый анализ перестаёт быть исключительно инструментом ретроспективного контроля и приобретает статус стратегического ресурса обеспечения конкурентоспособности организации. Для аудиторской практики данная трансформация приобретает особое значение. Международные стандарты аудита (МСА 520 «Аналитические процедуры», МСА 570 «Непрерывность деятельности») и их российские аналоги предписывают аудитору не только подтверждать достоверность бухгалтерской (финансовой) отчётности, но и оценивать способность предприятия продолжать свою деятельность в обозримом будущем [1, 2]. Таким образом, аудиторская проверка становится не просто формальным подтверждением соответствия отчётности установленным требованиям, но и инструментом диагностики жизнеспособности бизнеса.

Классическая методология финансового анализа, разработанная в трудах А.Д. Шеремета, В.В. Ковалёва, Г.В. Савицкой и других учёных, ориентирована на относительно стабильную внешнюю среду. Однако в условиях экономической неопределённости возникает противоречие между традиционными подходами к анализу, предполагающими экстраполяцию прошлых тенденций, и возросшей потребностью в прогностической функции, позволяющей оценивать конкурентоспособность организации в динамично меняющихся рыночных условиях.

Цель исследования – обоснование роли финансового анализа как ключевого инструментария для оценки и повышения конкурентоспособности аудируемого лица в контексте современной аудиторской деятельности.

Методы исследования. Исследование базируется на фундаментальных положениях теории финансового анализа, аудита и стратегического менеджмента. В работе использованы концептуальные подходы, разработанные в трудах А.Д. Шеремета, В.В. Ковалёва, Г.В. Савицкой, а также нормативные положения международных и российских стандартов аудита. Исследование опирается на следующие нормативные документы: Федеральный закон от 30.12.2008 N 307-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «Об аудиторской деятельности» [3]; Федеральный закон от 06.12.2011 N 402-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «О бухгалтерском учёте» [4]; Международный стандарт аудита 520 «Аналитические процедуры» [1]; Международный стандарт аудита 570 (пересмотренный) «Непрерывность деятельности» [2]; Приказы Министерства финансов РФ, регулирующие правила составления бухгалтерской (финансовой) отчётности.

В процессе исследования использован комплекс общенаучных (*системный подход* для определения места финансового анализа в управленческом цикле аудируемого лица и выявления взаимосвязей между финансовыми показателями и конкурентными позициями; *сравнение* для сопоставления фактических значений финансовых коэффициентов с нормативными и среднеотраслевыми показателями; *систематизация и обобщение* – применены при классификации групп показателей финансового анализа и формулировании выводов) и специальных методов (*горизонтальный (временной) анализ* для изучения динамики показателей финансового состояния организации во времени; *вертикальный (структурный) анализ* для определения структуры активов и пассивов, выявления доли каждой статьи отчётности в общем итоге баланса; *коэффициентный анализ* – применён для расчёта относительных показателей ликвидности, финансовой устойчивости, рентабельности и деловой активности; *факторный анализ* для количественной оценки влияния отдельных причин на изменение результативных показателей).

Эмпирическая база. Исследование базируется на данных бухгалтерской (финансовой) отчётности 15 организаций розничной торговли Кабардино-Балкарской Республики за 2022–2024 гг. (форма № 1 «Бухгалтерский баланс», форма № 2 «Отчёт о финансовых результатах»). Для оценки конкурентоспособности использовались данные регионального управления Федеральной налоговой службы о доле рынка организаций, а также собственные расчёты темпов прироста выручки.

Результаты и обсуждение. Финансовый анализ в современной экономической науке трактуется как процесс изучения ключевых параметров и показателей, дающих объективную картину финансового состояния организации, её прибылей и убытков, изменений в структуре активов и пассивов, а также эффективности использования ресурсов. Сущность анализа заключается в выявлении закономерностей развития субъекта и поиске резервов для повышения его рыночной стоимости.

В системе управления организацией финансовый анализ выполняет связующую функцию между сбором информации и принятием управленческого решения. Для внешнего аудитора данный вид анализа выступает инструментом верификации предпосылки непрерывности деятельности, позволяя оценить, сможет ли компания выполнять свои обязательства перед контрагентами и государством в краткосрочной и долгосрочной перспективах [2].

Классификация видов финансового анализа включает несколько ключевых направлений, каждое из которых преследует специфические цели (*рисунок 1*).

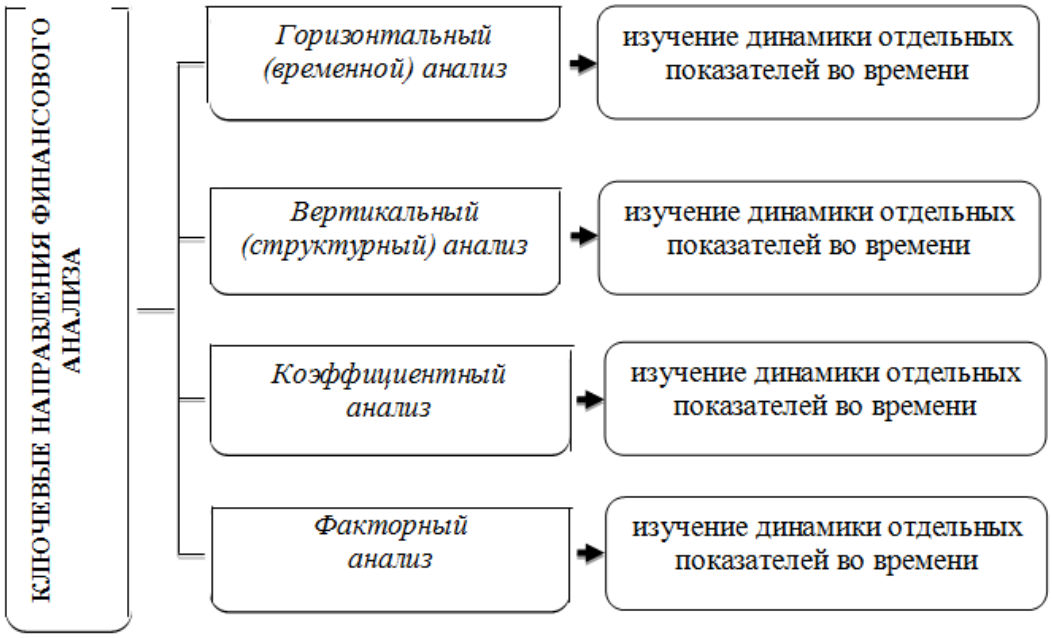

Рисунок 1 – Классификация видов финансового анализа
Источник: составлено авторами по материалам исследования

Место финансового анализа в системе аудита и внутреннего контроля определяется необходимостью минимизации предпринимательских и аудиторских рисков. Согласно МСА 520, аналитические процедуры применяются на всех этапах аудита: от планирования, где они помогают выявить области потенциальных существенных искажений, до завершающей стадии, когда необходимо сделать вывод о соответствии финансовой отчётности в целом знаниям аудитора о бизнесе клиента [1].

Связь между финансовым состоянием организации и её конкурентными позициями носит детерминированный характер. Под конкурентоспособностью понимается способность субъекта обеспечивать более высокую эффективность функционирования по сравнению с соперниками, что выражается в доле рынка, уровне лояльности клиентов и инвестиционной привлекательности [5]. Финансовое состояние является фундаментом этой способности. Организация, обладающая избыточным собственным капиталом, высокой ликвидностью и рентабельностью, получает доступ к более дешёвым кредитным ресурсам, имеет возможность инвестировать в инновации и научно-исследовательские разработки, проводить гибкую ценовую политику. Напротив, дефицит финансовых ресурсов вынуждает компанию сокращать издержки за счёт качества продукции или квалификации персонала, что ведёт к утрате рыночных преимуществ.

Финансовая устойчивость как фактор конкурентоспособности проявляется в способности организации сохранять равновесие в условиях изменения внешней среды. Высокая доля собственного капитала в структуре пассивов свидетельствует о финансовой независимости, что является весомым аргументом в переговорах с поставщиками и крупными заказчиками, повышая деловую репутацию компании как надёжного партнёра [5, 6].

В современной экономической литературе подчеркивается, что конкурентоспособность – это динамическая характеристика. Финансовый анализ позволяет не просто зафиксировать текущее положение дел, но и спрогнозировать будущие сценарии развития. Например, анализ оборачиваемости активов напрямую коррелирует с операционной эффективностью: чем быстрее оборачиваются средства, тем меньше потребность в дополнительном финансировании и тем выше конкурентное преимущество по издержкам. Роль аудитора в данном контексте трансформируется из формального проверяющего в консультанта, способного указать на финансовые диспропорции, препятствующие росту рыночной доли клиента. Следовательно, владение методологией финансового анализа является обязательной компетенцией для ассистента аудитора, стремящегося к профессиональному росту и качественному выполнению своих обязанностей.

Система показателей финансового анализа представляет собой иерархическую структуру, где каждая группа коэффициентов освещает определенный аспект жизнедеятельности организации.

Показатели ликвидности характеризуют способность компании превращать активы в денежные средства для погашения краткосрочных обязательств. Ключевым показателем выступает коэффициент текущей ликвидности (Ктл), рассчитываемый по формуле

$$\text{Ктл} = \frac{\text{Оборотные активы}}{\text{Краткосрочные обязательства}} \quad (1)$$

Нормативное значение для данного коэффициента находится в диапазоне от 1,5 до 2,5. Значение ниже единицы свидетельствует о высоком финансовом риске. Коэффициент быстрой ликвидности (Кбл) исключает из расчёта запасы как наименее ликвидную часть оборотных активов, коэффициент абсолютной ликвидности (Кал) показывает долю долгов, которую компания может погасить немедленно [6].

Показатели финансовой устойчивости отражают долгосрочную стабильность организации и её независимость от внешних источников финансирования [6]. Коэффициент автономии (Ка) определяется по формуле

$$\text{Ка} = \frac{\text{Собственный капитал}}{\text{Валюта баланса}} \quad (2)$$

Нормативное значение данного показателя должно быть не менее 0,5, что гарантирует защиту интересов кредиторов и устойчивость компании в периоды кризисов. Коэффициент заемных средств ($K_{ЗС}$) и коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами ($K_{ОСС}$) дополняют общую картину. Для конкурентоспособной организации характерно наличие достаточного объема собственных средств для финансирования не только внеоборотных активов, но и части текущей деятельности. Высокая финансовая зависимость делает компанию уязвимой к изменению процентных ставок по кредитам, что в условиях жесткой конкуренции может привести к потере рентабельности.

Показатели рентабельности являются прямыми индикаторами эффективности менеджмента и рыночной привлекательности бизнеса. Рентабельность активов (ROA) демонстрирует отдачу на каждый рубль, вложенный в имущество организации; рентабельность собственного капитала (ROE) отражает отдачу на инвестиции собственников; рентабельность продаж (ROS) показывает долю чистой прибыли в выручке [5]. Формулы расчёта представлены в (3) и (4):

$$ROA = \frac{\text{Чистая прибыль}}{\text{Среднегодовая стоимость активов}} \quad (3)$$

$$ROE = \frac{\text{Чистая прибыль}}{\text{Среднегодовая стоимость собственного капитала}} \quad (4)$$

Рентабельность продаж (ROS) показывает долю чистой прибыли в каждом рубле выручки [6]. Для конкурентоспособной организации значения ROA и ROE должны превышать средние показатели по отрасли. Высокая рентабельность свидетельствует о наличии у компании уникальных конкурентных преимуществ – будь то эффективная технология, сильный бренд или оптимизированная логистическая цепочка, позволяющая получать сверхприбыль.

Показатели деловой активности (оборачиваемости) характеризуют скорость превращения активов в денежную форму. Оборачиваемость дебиторской задолженности показывает эффективность работы с клиентами по сбору платежей; оборачиваемость кредиторской задолженности отражает скорость расчётов с поставщиками. Сокращение операционного и финансового циклов высвобождает денежные средства, снижая потребность в привлечении внешнего финансирования.

Интегральные модели оценки. Для интегральной оценки финансового состояния и риска потери конкурентоспособности используются многофакторные математические модели. Наиболее известной является Z-модель Э. Альтмана [7], пятифакторная версия которой для производственных предприятий представлена в формуле

$$Z = 1{,}2X_1 + 1{,}4X_2 + 3{,}3X_3 + 0{,}6X_4 + 1{,}0X_5 \quad (5)$$

где X_1 *– отношение оборотного капитала к активам;*
X_2 *– отношение нераспределенной прибыли к активам;*
X_3 *– отношение операционной прибыли к активам;*
X_4 *– рыночная стоимость капитала к обязательствам;*
X_5 *– отношение выручки к активам.*

Значение Z меньше 1,81 свидетельствует о высокой вероятности банкротства в ближайшие два года. Использование данных моделей в аудите позволяет сформировать объективное мнение о жизнеспособности бизнеса клиента, что является критически важным для оценки долгосрочной конкурентоспособности [6]. Таким образом, методология финансового анализа предоставляет аудитору и руководству организации мощный инструментарий для диагностики и стратегического планирования.

Для проверки взаимосвязи финансовых показателей и конкурентоспособности проведён анализ данных 15 организаций розничной торговли Кабардино-Балкарской Республики за 2022–2024 гг. Выбор отраслевого сегмента обусловлен высокой чувствительностью розничной торговли к изменению финансового состояния.

Расчёт коэффициентов выполнялся на основе данных бухгалтерской отчётности. Конкурентоспособность оценивалась косвенно – через долю рынка (по данным регионального управления ФНС) и темпы прироста выручки (*таблица 1*).

Таблица 1 – Результаты расчётов (усреднённые данные)

Показатель	Группа лидеров (доля рынка > 5 %	Группа аутсайдеров (доля рынка < 2 %)
Коэффициент текущей ликвидности (Ктл)	1,85	1,12
Коэффициент быстрой ликвидности (Кбл)	0,92	0,48
Коэффициент автономии (Ка)	0,52	0,31
Рентабельность активов (ROA), %	8,7	2,1
Рентабельность собственного капитала (ROE), %	16,3	6,8
Оборачиваемость активов, раз	2,4	1,1

Организации-лидеры демонстрируют значения Ктл (1,85) и Ка (0,52), соответствующие нормативным, тогда как у аутсайдеров эти показатели находятся в критической зоне. Наиболее значимое расхождение зафиксировано по ROE (16,3 против 6,8 %), что подтверждает роль рентабельности собственного капитала как ключевого индикатора конкурентного преимущества.

Корреляционный анализ (коэффициент Пирсона) показал:

– между Ктл и долей рынка – r = 0,67 (умеренная положительная связь);

– между ROE и темпом прироста выручки – r = 0,72 (умеренная положительная связь);

– между оборачиваемостью активов и долей рынка – r = 0,58.

Сравнение фактических значений с нормативными выявило, что для организаций с высокой оборачиваемостью активов (более 2,0) достижение нормативного $К_{ТЛ}$ = 2,0 не всегда необходимо – они сохраняют платёжеспособность при $К_{ТЛ}$ = 1,4–1,6 за счёт быстрого поступления денежных средств от покупателей. Данный факт свидетельствует о необходимости отраслевой дифференциации нормативных значений.

Выявленная необходимость отраслевой дифференциации нормативных значений актуализирует вопрос о качестве первичной интерпретации финансовых показателей. Именно на этом этапе ключевая роль принадлежит ассистенту аудитора, который выполняет не просто технические расчёты, а содержательный анализ данных с учётом отраслевой специфики клиента. Важно понимать, что сухие цифры коэффициентов требуют контекстуальной привязки: например, значение коэффициента текущей ликвидности на уровне 1,2 может быть критическим для капиталоемкого производства, но вполне допустимым для ритейлера с высокой оборачиваемостью товаров [5]. Ассистент аудитора, обладающий навыками финансового анализа, способен

– идентифицировать отклонения фактических показателей от среднеотраслевых значений;

– выявить тренды ухудшения ликвидности или рентабельности на ранних стадиях;

– подготовить аналитическую записку для старшего аудитора с выделением зон повышенного риска.

Традиционная модель работы ассистента аудитора, основанная на ручных расчётах и ограниченном наборе финансовых коэффициентов, в настоящее время уступает место качественно иной парадигме. Драйверами этой трансформации выступают цифровизация, позволяющая обрабатывать массивы данных в реальном времени, и ESG-подход, расширяющий границы анализируемых рисков.

Цифровизация оказывает фундаментальное влияние на качество и скорость финансового анализа. Современные ERP-системы позволяют аккумулировать данные из всех подразделений организации в режиме «единого окна». Инструменты бизнес-аналитики (BI) дают возможность визуализировать финансовые тренды и проводить сценарное моделирование [8]. Для аудиторской деятельности это означает переход от выборочной проверки к анализу генеральной совокупности данных.

Учёт ESG-факторов становится значимым трендом в финансовом анализе и аудите. Инвесторы и кредиторы всё чаще рассматривают нефинансовые риски, поскольку в долгосрочной перспективе они трансформируются в финансовые результаты [9]. Компании с высоким ESG-рейтингом имеют доступ к «зелёному» финансированию по более низким ставкам.

Заключение. Проведенное исследование теоретических и практических аспектов финансового анализа как ключевого фактора обеспечения конкурентоспособности организации позволило получить следующие результаты, а именно:

– уточнить роль финансового анализа в системе аудита. Доказано, что аналитические процедуры выступают не только инструментом верификации достоверности бухгалтерской отчётности, но и средством стратегической диагностики конкурентоспособности аудируемого лица. Финансовый анализ выполняет связующую функцию между операционным аудитом и стратегическим менеджментом, позволяя оценивать не только текущее финансовое состояние, но и перспективы развития организации;

– систематизировать показатели для оценки конкурентоспособности. На основе критического анализа литературы выделены четыре группы коэффициентов (ликвидности, финансовой устойчивости, рентабельности, деловой активности). Обосновано, что рентабельность собственного капитала (ROE) является наиболее информативным интегральным индикатором конкурентоспособности.

– эмпирически подтвердить связь финансовых показателей и конкурентоспособности. На данных 15 организаций розничной торговли КБР установлена положительная корреляция между коэффициентом текущей ликвидности и долей рынка (r = 0,67), а также между рентабельностью собственного капитала и темпами прироста выручки (r = 0,72);

– выявить ограниченность универсальных нормативных значений**.** Обосновано, что рекомендуемые в учебно-методической литературе нормативные значения коэффициентов (Ктл = 1,5–2,5, Ка = 0,5) не являются универсальными. Для организаций с высокой оборачиваемостью активов допустимы более низкие значения Ктл при условии стабильного поступления денежных средств, что требует отраслевой дифференциации нормативов в аудиторской практике;

– определить роль ассистента аудитора. Установлено, что ассистент аудитора выполняет критически важную функцию на этапе первичной обработки и интерпретации данных. Ключевая компетенция ассистента – не механический расчёт коэффициентов, а их контекстуальная привязка к отраслевой специфике и индивидуальным особенностям аудируемого лица;

– обосновать влияние цифровой трансформации и ESG-факторов. Показано, что внедрение ERP-систем и BI-аналитики трансформирует аудиторскую деятельность, позволяя перейти от выборочной проверки к анализу генеральной совокупности данных. Учёт ESG-факторов становится обязательным элементом финансового анализа, поскольку нефинансовые риски в долгосрочной перспективе трансформируются в финансовые результаты.

Перспективы дальнейших исследований связаны с применением технологий искусственного интеллекта и машинного обучения для предиктивного финансового анализа, что позволит повысить точность прогнозирования банкротства и потери конкурентоспособности, а также с разработкой отраслевых нормативных значений финансовых коэффициентов для целей аудита.

Список источников

1. Международный стандарт аудита 520 «Аналитические процедуры» (введен в действие на территории РФ Приказом Минфина России от 09.01.2019 № 2н).

2. Международный стандарт аудита 570 (пересмотренный) «Непрерывность деятельности» (введен в действие на территории РФ Приказом Минфина России от 09.01.2019 № 2н).

3. Федеральный закон от 30.12.2008 № 307-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «Об аудиторской деятельности» // Собрание законодательства РФ. 2009. № 1. Ст. 15.

4. Федеральный закон от 06.12.2011 N 402-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «О бухгалтерском учете» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 50. Ст. 7344.

5. Куприянова Л.М. Роль финансового анализа в обеспечении конкурентоспособности бизнеса // Аудит и финансовый анализ. 2021. № 3. С. 45–52.

6. Ковалев В.В. Финансовый анализ: методы и процедуры: монография / В. В. Ковалев. М.: Финансы и статистика, 2002. 560 с.

7. Altman E.I. Financial Ratios, Discriminant Analysis and the Prediction of Corporate Bankruptcy // Journal of Finance. 1968. Vol. 23. № 4. P. 589–609.

8. Панкова С.В. Аналитические процедуры в аудите: теоретический аспект // Международный бухгалтерский учет. 2022. № 5. С. 512–530.

9. Белик И.С. Влияние ESG-факторов на финансовое состояние и инвестиционную привлекательность российских публичных компаний / И.С. Белик, А.С. Дуцинин, Н.Л. Никулина // Управленец. 2022. № 6. С. 44–55.

List of sources

1. International Standard on Auditing 520 "Analytical Procedures" (introduced in the territory of the Russian Federation by Order of the Ministry of Finance of Russia dated 09.01.2019 N 2n).

2. International Standard on Auditing 570 (Revised) "Going Concern" (effective in the Russian Federation by Order of the Ministry of Finance of Russia dated 09.01.2019 N 2n).

3. Federal Law of 30.12.2008 N 307-FZ (as amended on 30.12.2021) "On Auditing Activity" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2009. N 1. Art. 15.

4. Federal Law of 06.12.2011 N 402-FZ (as amended on 30.12.2021) "On Accounting" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2011. N 50. Art. 7344.

5. Kupriyanova L.M. The Role of Financial Analysis in Ensuring Business Competitiveness // Audit and Financial Analysis. 2021. N 3. P. 45–52.

6. Kovalev V.V. Financial Analysis: Methods and Procedures: Monograph / V. V. Kovalev. – Moscow: Finance and Statistics, 2002. – 560 p.

7. Altman, E.I. Financial Ratios, Discriminant Analysis and the Prediction of Corporate Bankruptcy // Journal of Finance. 1968. Vol. 23. N 4. P. 589–609.

8. Pankova S.V. Analytical procedures in audit: a theoretical aspect // International accounting. 2022. N 5. P. 512–530.

9. Belik I. S. The Impact of ESG Factors on the Financial Condition and Investment Attractiveness of Russian Public Companies / I. S. Belik, A. S. Dutsinin, N. L. Nikulina // Manager. 2022. N 6. Pp. 44–55.

© Гедгафова И.Ю., Клишев А.А., 2026

Вестник СКФО: Право и экономика. – 2026. – № 2 (38). – С. 32–37.
*Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics. 2026;2 (38):*32–37.

Экономика
Научная статья
УДК 657.1

ВНУТРЕННИЙ ФИНАНСОВЫЙ КОНТРОЛЬ И УПРАВЛЕНИЕ РИСКАМИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БЮДЖЕТНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Ирина Юрьевна Гедгафова[1], Диана Тимуржановна Мурзаканова[2]
[1, 2] Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия
[1]gedgafova.irina@mail.ru
[2]di.murzakanova@bk.ru

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты организации внутреннего финансового контроля и управления рисками в бюджетных учреждениях высшего образования. Актуальность темы обусловлена ужесточением требований к целевому и эффективному использованию бюджетных ассигнований, ростом сложности финансовых операций, а также необходимостью обеспечения финансовой устойчивости вузов в условиях экономической нестабильности и изменений нормативно-правового регулирования. Обосновано, что интегрированная система управления рисками и внутреннего финансового контроля выступает не только инструментом предотвращения финансовых нарушений, но и фактором формирования культуры осознанного принятия управленческих решений, основанной на анализе потенциальных угроз.

Ключевые слова: система управления рисками, процедуры внутреннего финансового контроля, риск-ориентированный подход, бюджетные учреждения высшего образования

Для цитирования: Гедгафова И.Ю., Мурзаканова Д.Т. Внутренний финансовый контроль и управление рисками в деятельности бюджетного учреждения высшего образования// Вестник СКФО: право и экономика. 2026. № 2 (38). С. 32–37.

Economy
Originak article

INTERNAL FINANCIAL CONTROL AND RISK MANAGEMENT IN THE ACTIVITIES OF A BUDGETARY INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION

Irina Yuryevna Gedgafova[1], Diana Timurzhanovna Murzakanova[2]
[1,2]Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik, Russia
[1]gedgafova.irina@mail.ru
[2]di.murzakanova@bk.ru

Annotation. This article examines the theoretical and practical aspects of organizing internal financial control and risk management in publicly funded higher education institutions. The relevance of this topic is driven by increasingly stringent requirements for the targeted and effective use of budgetary allocations, the increasing complexity of financial transactions, and the need to ensure the financial stability of universities in the face of economic instability and regulatory changes. It is argued that an integrated risk management and internal financial control system not only serves as a tool for preventing financial violations but also fosters a culture of informed management decision-making based on an analysis of potential threats.

Keywords: risk management system, internal financial control procedures, risk-based approach, publicly funded higher education institutions

For citation: Gedgafova I.Yu., Murzakanova D. T. Internal financial control and risk management in the activities of a budgetary institution of higher education. *Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics*. 2026;2(38):32–37.

Введение. В условиях реформирования бюджетного сектора и усиления контроля за целевым использованием государственных средств вопросы организации эффективного внутреннего финансового контроля приобретают особую значимость. Бюджетные учреждения высшего образования аккумулируют значительные объёмы государственных ассигнований, направляемых на оплату труда, стипендиальное обеспечение, материально-техническое оснащение, научные исследования и развитие инфраструктуры. Это предъявляет повышенные требования к соблюдению финансовой дисциплины и минимизации рисков нецелевого или неэффективного расходования бюджетных средств.

Внедрение интегрированной системы управления рисками и внутреннего финансового контроля позволяет не только своевременно выявлять и предотвращать финансовые нарушения, но и формировать культуру осознанного принятия управленческих решений, основанную на анализе потенциальных угроз. Кроме того, эффективная система контроля способствует сохранению репутации образовательного учреждения, укреплению доверия со стороны государства и общества, а также создаёт основу для стратегического развития вуза.

Цель исследования – раскрыть значимость и особенности организации внутреннего финансового контроля и управления рисками в бюджетных учреждениях высшего образования, а также предложить практические рекомендации по повышению эффективности этих процессов для обеспечения финансовой устойчивости и прозрачности деятельности вузов.

Объектом исследования выступает деятельность бюджетного учреждения высшего образования в сфере финансового управления и контроля.

Предметом исследования являются организационно-методические аспекты внутреннего финансового контроля и управления рисками в бюджетных учреждениях высшего образования, а также инструменты и процедуры, обеспечивающие их эффективное функционирование.

Методы и методология исследования. Методологическую основу исследования составили труды отечественных учёных по вопросам выявления и оценки рисков в системе внутреннего контроля бюджетных образовательных учреждений. К числу наиболее значимых работ относят-

ся исследования Д.А. Ендовицкого, С.В. Головина, Н.Э. Спиридоновой, Т.Е. Гварлиани, С.А. Томких, М.С. Оборина и др.

В работе использованы следующие методы исследования: системный подход, сравнение, систематизация и обобщение данных, а также анализ нормативно-правовой базы, регулирующей финансовый контроль в бюджетных учреждениях.

Результаты и обсуждение. При разработке системы внутреннего финансового контроля с учетом рисков необходимо активно заниматься анализом и управлением рисками. Система управления рисками, связанная с функционированием бюджетного учреждения высшего образования, играет важную роль в обеспечении финансовой устойчивости и эффективности деятельности учреждения.

В современной практике внутренний финансовый контроль и управление рисками реализуются на основе риск-ориентированного подхода, преимущества и недостатки которого представлены в *таблице 1*.

Таблица 1 – Преимущества и недостатки риск-ориентированного подхода к внутреннему финансовому контролю

Преимущества	Недостатки
1. Эффективное выявление и управление рисками. Позволяет идентифицировать потенциальные угрозы для финансовой устойчивости организации и разработать меры по их минимизации	1. Сложность внедрения. Требуется детальный анализ рисков, разработка системы мониторинга и контроля, что сопряжено с дополнительными усилиями и ресурсами
2. Улучшение качества принятия решений. Анализ рисков позволяет принимать обоснованные решения, основанные на реальных угрозах и возможностях	2. Невозможность учёта всех рисков. Некоторые риски могут быть непредсказуемыми или сложно оцениваемыми, что может привести к недостаточной защите от них
3. Оптимизация использования ресурсов. Позволяет сосредоточить усилия на наиболее значимых и критических для организации рисках	3. Возможность недооценки или переоценки рисков. Неправильная оценка рисков может привести к неэффективному распределению ресурсов и потерям для компании

Источник: разработано авторами.

Использование риск-ориентированной модели внутреннего контроля помогает сконцентрироваться на обнаружении возможных угроз и неблагоприятных событий, способных помешать выполнению учреждением своих обязательств перед государством и обществом. Основная цель – предотвратить возникновение нежелательных ситуаций и уменьшить их негативные последствия до минимума.

Алгоритмы интеграции риск-ориентированного подхода в систему внутреннего финансового контроля вузов, предлагаемые разными авторами, имеют свои особенности [1–5], но все они сводятся к выделению ключевых процедур и механизмов, направленных на минимизацию рисков и обеспечение контроля над финансовыми потоками.

Первым шагом в установлении системы управления рисками является анализ финансового состояния учреждения и определение потенциальных угроз его стабильности. На этом этапе проводится оценка финансовых рисков, связанных с деятельностью учреждения и выявляются возможные сценарии развития ситуации.

Далее разрабатывается стратегия управления рисками, включающая определение целей и задач системы управления рисками, выбор методов и инструментов контроля за финансовыми потоками. Важным элементом стратегии является установление процедур внутреннего финансового контроля, которые позволяют своевременно выявлять и предотвращать возможные финансовые нарушения.

Процедуры внутреннего финансового контроля включают в себя следующие шаги:

1. Установление правил и политик финансового управления. Определяются порядок расходования средств, контроль за исполнением бюджета и учет финансовых операций. Правила и политики помогают обеспечить эффективное управление финансами и минимизировать риски финансовых потерь. Для их разработки и последующей реализации необходимо выполнить ряд последовательных действий.

Во-первых, следует определить цели и стратегию финансового управления организации. Именно на основе этих целевых ориентиров разрабатываются правила и политики, которые в дальнейшем будут регулировать деятельность по управлению финансами.

Во-вторых, в документах, регламентирующих финансовое управление, необходимо четко закрепить правила и процедуры расходования средств организации. Данный блок включает утверждение бюджета, контроль за его исполнением, процедуры закупок и оплаты, а также порядок учёта финансовых операций.

В-третьих, политика финансового управления должна предусматривать механизмы контроля за исполнением бюджета. К числу таких механизмов относятся: установление отчётности о финансовых результатах, анализ отклонений от плановых показателей и, при необходимости, корректировка бюджета.

В-четвертых, учет финансовых операций является важной частью политики финансового управления. Должны быть установлены правила и процедуры учета всех финансовых транзакций организации, чтобы обеспечить достоверность и своевременность финансовой отчетности.

2. Разделение обязанностей и полномочий сотрудников учреждения. Этот процесс исключает возможность конфликта интересов и злоупотребления финансовыми ресурсами. Каждому сотруднику назначаются определённые функции в соответствии с профессиональными компетенциями. Для совершения отдельных финансовых операций может потребоваться двойное или тройное согласование. Данный подход позволяет исключить возможность конфликта интересов и злоупотребления финансовыми ресурсами. Каждому сотруднику назначаются определённые функции в соответствии с его профессиональными компетенциями, а для совершения отдельных финансовых операций предусматривается процедура двойного или тройного согласования.

Важным моментом является установление системы внутреннего контроля, которая позволит отслеживать и предотвращать возможные нарушения.

Наряду с этим необходимо проводить регулярные обучения и тренинги для сотрудников по вопросам этики, корпоративного поведения и противодействия коррупции. Данные мероприятия способствуют повышению осведомлённости персонала о правилах и нормах поведения в организации, что, в свою очередь, снижает вероятность возникновения конфликтов интересов.

Таким образом, разделение обязанностей и полномочий сотрудников учреждения выступает важным инструментом обеспечения прозрачности и эффективности работы организации, а также защиты её финансовых ресурсов от возможных злоупотреблений.

3. Регулярный мониторинг финансовых операций и составление отчётности. Систематическое наблюдение за всеми финансовыми транзакциями позволяет оперативно выявлять возможные риски (неэффективное расходование средств, недостаток ликвидности, нарушения бюджета) и принимать меры по их устранению. На основе собранных данных составляются отчёты, которые служат инструментом для принятия управленческих решений. Результаты, зафиксированные в этих отчётах, ложатся в основу следующего этапа контрольной деятельности – анализа выявленных отклонений.

Регулярный мониторинг финансовых операций и последующее составление отчётности позволяют оперативно выявлять возможные финансовые риски, такие как неэффективное расходование средств, недостаток ликвидности, нарушения бюджета и другие. Выявленные таким образом риски дают руководству возможность своевременно принимать меры по их устранению и, как следствие, обеспечивать финансовую устойчивость учреждения.

4. **Проведение внутренних проверок**. Проверки позволяют оценить эффективность системы управления рисками и выявить возможные уязвимости в финансовом управлении. Однако оценка системы – лишь одна из составляющих контрольной деятельности. Не менее важным направлением является оперативный контроль за самими финансовыми операциями. Обеспечение контроля за финансовыми операциями необходимо для предотвращения ошибок и мошенничества. Достижение этой цели возможно с использованием различных методов контроля, включая аудит финансовой отчетности, внутренний контроль и другие.

Наряду с преимуществами, внедрение риск-ориентированной модели внутреннего контроля может столкнуться с рядом сложностей, которые необходимо учитывать, а именно:

– сопротивление сотрудников – многие сотрудники не понимают необходимости изменений и привыкли к традиционному подходу;

– недостаток компетенций – для реализации подхода требуются специалисты с соответствующими знаниями и навыками;

– недостаток ресурсов – внедрение требует дополнительных финансовых и временных затрат (обучение персонала, приобретение программного обеспечения);

– сложность оценки и управления рисками – необходимо дополнительное обучение и развитие навыков сотрудников;

– необходимость изменения культуры организации – требуется поддержка со стороны руководства.

При правильной подготовке и планировании указанные сложности могут быть успешно преодолены.

Заключение. В ходе анализа установлено, что эффективная система управления рисками в бюджетном учреждении высшего образования играет ключевую роль в обеспечении финансовой устойчивости и управляемости организации. Она позволяет своевременно выявлять и минимизировать финансовые риски, способствуя устойчивому развитию.

Важным компонентом системы выступают процедуры внутреннего финансового контроля, направленные на обеспечение достоверности финансовой отчётности и предотвращение злоупотреблений. Чётко определённые процедуры контроля и мониторинга помогают управляющим принимать обоснованные решения на основе достоверной информации.

Разработка и внедрение системы управления рисками, включающей процедуры внутреннего финансового контроля, является необходимым условием для обеспечения финансовой устойчивости и эффективного управления организацией. Рекомендуется постоянно совершенствовать данную систему с учётом изменяющихся внешних и внутренних условий, а также проводить регулярные аудиты для оценки её эффективности.

Список источников

1. Гварлиани Т.Е., Томких С.А., Оборин М.С. Организационные аспекты внедрения внутреннего финансового контроля (аудита) в бюджетных учреждениях высшего профессионального образования // Финансы и кредит. 2017. № 7. С. 370–387.

2. Ендовицкий Д.А., Бахтурина Ю.И. К вопросу организации внутреннего финансового контроля и аудита в вузах // Международный бухгалтерский учет. 2021. № 6. С. 608–623.

3. Ендовицкий Д.А., Головин С.В., Спиридонова Н.Э. Особенности формирования системы внутреннего контроля в бюджетных учреждениях социальной сферы // Международный бухгалтерский учет. 2020. Т. 23. Вып. 5. С. 543–566.

4. Кизилов А.Н., Иванеско К.А. Система внутреннего контроля в зарубежной практике // Проблемы экономики и юридической практики. 2017. № 6. С. 62–64.

5. Спиридонова Н.Э. Риски деятельности бюджетного учреждения высшего образования, определяющие методику внутреннего финансового контроля // Международный бухгалтерский учет. 2021. Т. 24, № 12. С. 1402–1424.

List of sources

1. Gvarliani T.E., Tomkikh S.A., Oborin M.S. Organizational aspects of the implementation of internal financial control (audit) in budgetary institutions of higher professional education // Finance and Credit. 2017. N 7. Pp. 370–387.
2. Endovitsky D.A., Bakhturina Yu.I. On the issue of organizing internal financial control and audit in universities // International accounting. 2021. N 6. Pp. 608–623.
3. Endovitsky D.A., Golovin S.V., Spiridonova N.E. Features of the formation of the internal control system in budgetary institutions of the social sphere // International accounting. 2020. Vol. 23. Issue 5. Pp. 543–566.
4. Kizilov A.N., Ivanesko K.A. Internal control system in foreign practice // Problems of Economics and Legal Practice. 2017. N 6. Pp. 62–64.
5. Spiridonova N.E. Risks of the activities of a budgetary institution of higher education that determine the methodology of internal financial control // International accounting. 2021. Vol. 24, N 12. Pp. 1402–1424.

© Гедгафова И.Ю., Мурзаканова Д.Т., 2026

Вестник СКФО: Право и экономика. – 2026. – № 2 (38). – С. 37–42.
Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics. 2026; 2(38): 37–42.

Экономика
Научная статья
УДК 657.1

ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО РЫНКА АУДИТОРСКИХ УСЛУГ

Ирина Юрьевна Гедгафова[1], Алина Анзоровна Пачева[2]
[1, 2] Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия
[1]gedgafova.irina@mail.ru
[2]arinapacheva04@gmail.com

Аннотация. В условиях цифровой трансформации экономики, ужесточения регуляторных требований и необходимости импортозамещения в аудиторской деятельности возникает потребность в актуализации данных о состоянии российского рынка аудиторских услуг. В статье представлен комплексный анализ российского рынка аудиторских услуг по состоянию на 2024–2025 гг. на основе официальных данных Министерства финансов РФ и независимого рейтинга RAEX. Установлено, что по итогам 2024 года объём рынка достиг 57,3 млрд руб., увеличившись на 4,6 % после двухлетнего периода сокращения. Выявлена высокая степень концентрации: 2,2 % крупных организаций формируют 67,0 % совокупного объёма услуг, а крупнейшие 50 аудиторских групп контролируют 45,8 % всех доходов. Сегмент инициативного аудита растёт быстрее обязательного (+19 % против +9 %), что свидетельствует о трансформации спроса. Определены ключевые драйверы развития отрасли до 2030 года: цифровизация аудиторских процедур, внедрение ESG-аудита и сопровождение выхода компаний на публичные рынки капитала.

Ключевые слова: аудит, перспективы аудита, аудиторские услуги, российский рынок аудита, цифровизация аудита, объем аудиторских услуг.

Для цитирования: Гедгафова И.Ю., Пачева А.А. Текущее состояние и перспективы развития российского рынка аудиторских услуг // Вестник СКФО: право и экономика. 2026. № 2 (38). С. 37–42.

Economy
Originak article

CURRENT STATE AND PROSPECTS OF THE RUSSIAN AUDIT SERVICES MARKET

Irina Yuryevna Gedgafova[1], Alina Anzorovna Pacheva[2]
[1, 2] Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik, Russia
[1]gedgafova.irina@mail.ru
[2]saida.dotkulova@mail.ru

Annotation. In the context of the digital transformation of the economy, tightening regulatory requirements, and the need for import substitution in auditing activities, there is a need to update data on the state of the Russian audit services market. This article presents a comprehensive analysis of the Russian audit services market for 2024–2025, based on official data from the Russian Ministry of Finance and the independent RAEX rating. It was found that by the end of 2024, the market volume reached RUB 57.3 billion, an increase of 4.6 % after a two-year decline. A high degree of concentration was identified: 2.2 % of large organizations account for 67.0 % of the total volume of services, and the 50 largest audit groups control 45.8 % of all revenue. The voluntary audit segment is growing faster than mandatory audit (+19 % versus +9 %), indicating a transformation in demand. Key drivers of industry development through 2030 are identified: digitalization of audit procedures, implementation of ESG auditing, and support for companies entering public capital markets.

Key words: audit, audit prospects, audit services, Russian audit market, digitalization of audit, volume of audit services

For citation: Gedgafova I.Yu., Pacheva A.A. Current state and prospects of the Russian audit services market. *Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics*. 2026; 2 (38):37–42.

Введение. Функционирование рынка аудиторских услуг в современных экономических условиях приобретает особую значимость в силу ряда взаимосвязанных факторов. Во-первых, цифровая трансформация хозяйственной деятельности сопровождается усложнением учётных систем, появлением новых объектов учёта (цифровые финансовые активы, токены) и возрастанием объёмов обрабатываемой информации, что предъявляет повышенные требования к качеству аудиторских проверок. Во-вторых, ужесточение регуляторных требований к раскрытию информации и повышению прозрачности бизнеса стимулирует спрос на независимый аудит как со стороны государства, так и со стороны институциональных инвесторов. В-третьих, активное внедрение международных и национальных ESG-стандартов расширяет границы традиционного аудита, включая в орбиту проверки нефинансовые показатели деятельности организаций.

Для Российской Федерации указанная проблематика имеет дополнительные аспекты актуальности. Санкционное давление и уход с рынка международных аудиторских сетей создали условия для формирования суверенной модели аудиторской деятельности, опирающейся на национальные кадровые, технологические и методические ресурсы. В этих условиях Министерством финансов Российской Федерации разработаны Основные направления государственной политики в сфере бухгалтерского учета, финансовой отчетности и аудиторской деятельности до 2030 года, определяющие стратегические ориентиры развития отрасли [1].

Несмотря на наличие официальных статистических данных о состоянии рынка аудиторских услуг, в научной литературе наблюдается дефицит комплексных исследований, обобщающих текущие тренды, структурные характеристики и перспективы развития российского сегмента. Большинство публикаций либо ограничиваются анализом отдельных аспектов (например, обязательного аудита или региональной структуры), либо носят сугубо описательный характер без выявления причинно-следственных связей. Данное обстоятельство

затрудняет как понимание реальной динамики отрасли, так и выработку обоснованных рекомендаций для регулятора и участников рынка.

Цель исследования – проведение комплексного анализа текущего состояния и перспектив развития российского рынка аудиторских услуг на основе официальных статистических данных и независимых рейтингов по состоянию на 2024–2025 годы.

Объектом исследования выступает российский рынок аудиторских услуг как совокупность экономических отношений, возникающих между аудиторскими организациями, индивидуальными аудиторами и заказчиками аудиторских услуг.

Предмет исследования – динамика объёмных и структурных характеристик российского рынка аудиторских услуг, а также факторы, определяющие его текущее состояние и перспективы развития

Методы и методология исследования. Исследование базируется на фундаментальных положениях теории аудита, институциональной экономики и отраслевого анализа. Концептуальную основу составляют подходы к изучению структуры рынка, факторов концентрации и конкурентной динамики, разработанные в трудах отечественных и зарубежных учёных. Нормативно-правовую базу исследования составили: Федеральный закон от 30.12.2008 N 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности»; Основные направления государственной политики в сфере бухгалтерского учета, финансовой отчетности и аудиторской деятельности до 2030 года (утверждены Министерством финансов РФ); Отчёты и статистические сборники Министерства финансов РФ о состоянии рынка аудиторских услуг.

В процессе исследования применялись общенаучные методы исследования: системный подход (позволил рассматривать рынок аудиторских услуг как целостную систему с внутренними взаимосвязями между участниками, объёмами, структурой и регуляторной средой); сравнительный анализ (использован для сопоставления динамики показателей по периодам, а также для сравнения сегментов обязательного и инициативного аудита, крупных и малых аудиторских организаций); систематизация и обобщение (применены при группировке факторов, влияющих на развитие рынка, и формулировании выводов).

Источниками эмпирических данных послужили: официальные статистические материалы Министерства финансов Российской Федерации «Основные показатели рынка аудиторских услуг в Российской Федерации в 2024 г.» [2]; рейтинг аудиторских групп, ранжированных по выручке от аудита, подготовленный рейтинговым агентством RAEX («Эксперт РА») [3]; материалы научно-практических конференций и доклады профессиональных объединений аудиторов [4]; публикации в рецензируемых научных журналах по проблематике аудита [1, 5].

Анализ базируется на данных за 2022–2024 гг. с экстраполяцией тенденций на 2025–2026 гг. Окончательные официальные данные за 2025 год на момент написания статьи отсутствовали, что обусловливает вероятностный характер прогнозных оценок.

Результаты и обсуждение. По итогам 2024 года рынок аудиторских услуг в Российской Федерации зафиксировал восстановительный рост после двухлетнего периода сокращения, вызванного, в частности, перестройкой клиентской базы в связи с уходом ряда иностранных заказчиков и общими экономическими вызовами. Согласно официальным данным Министерства финансов Российской Федерации, общий объем оказанных аудиторских услуг достиг 57,3 млрд рублей, продемонстрировав прирост на 4,6 % по сравнению с 2023 годом (54,8 млрд рублей), когда рынок сократился на 7,2 % [2].

Структура доходов остается преимущественно ориентированной на аудиторские организации: 56,7 млрд рублей (99 %) пришлось на них, в то время как индивидуальные аудиторы обеспечили лишь 0,646 млрд рублей (рост их объема составил +9,3 %). Рынок продолжает демонстрировать высокую степень концентрации и консолидации участников. По состоянию на 31 декабря 2024 года количество аудиторских организаций сократилось до 2,1 тыс. (с 2,2 тыс. в 2023 году), индивидуальных аудиторов – до 0,1 тыс., а общее число аттестованных аудиторов уменьшилось до 15,1 тыс. (с 15,6 тыс.) [2].

Региональная асимметрия сохраняется на крайне высоком уровне: Москва концентрирует значительную часть инфраструктуры – 34,7 % аудиторских организаций и 45,4 % ауди-

торов, при этом Центральный федеральный округ в целом доминирует в распределении субъектов деятельности [2].

По размеру организаций концентрация выражена еще ярче: малые организации (до 15 работников) составляют 87,5 % от общего количества, но обеспечивают лишь 20,9 % объема услуг; средние (15–50 работников) – 10,3 % организаций и 12,2 % объема; крупные (>50 работников) – всего 2,2 % организаций, но 67,0 % совокупного объема услуг. Крупнейшие 50 организаций контролируют 45,8 % всех доходов рынка, в том числе 42,6 % от аудита и до 67,0 % от аудита общественно значимых организаций [2].

Данные независимого рейтингового агентства RAEX, основанные на форме № 2-аудит и опросах участников, подтверждают общую тенденцию к стабилизации с переходом к умеренному росту. Суммарная выручка участников рэнкинга крупнейших аудиторских групп по итогам 2024 года составила 39,174 млрд рублей, увеличившись на 4,2 % (+1,572 млрд рублей) по сравнению с предыдущим годом [3].

При этом сегмент непосредственно аудиторских услуг показал более динамичный рост: доходы от аудита увеличились на 12 % и достигли 27,436 млрд рублей (против 24,418 млрд рублей в 2023 году). В разбивке по подсегментам: обязательный аудит вырос на 9 %, инициативный аудит – на 19 %, сопутствующие аудиторские услуги – на 18 % [3].

Опрос 52 компаний – участников рейтинга – зафиксировал позитивную динамику в начале 2025 года: совокупная выручка за январь-февраль увеличилась на 5 % по сравнению с аналогичным периодом 2024 года.

Эти показатели позволяют говорить о постепенном выходе рынка из фазы стагнации и начале восстановительного роста, поддерживаемого адаптацией к новым условиям (импортозамещение ПО, усиление налогового контроля, подготовка компаний к выходу на биржу и привлечению инвестиций), хотя реальный рост с учетом инфляции (около 9,5 % по данным Росстата за 2024 год) остается ограниченным. Консалтинговый сегмент, напротив, продолжает испытывать давление (падение на 11 % в выручке участников рэнкинга), что подчеркивает смещение фокуса рынка в сторону «чистого» аудита.

Говоря о перспективах и тенденциях развития российского рынка аудиторских услуг, можно отметить, что в краткосрочной перспективе (2025–2026 гг.) российский рынок аудиторских услуг выходит из фазы стагнации и демонстрирует признаки устойчивого восстановительного роста. Согласно данным рейтингового агентства RAEX, опрос 52 крупнейших аудиторских групп показал прирост выручки за январь-февраль 2025 года на 5 % по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года, что подтверждает завершение переходного периода после ухода иностранных клиентов и адаптацию к новым экономическим условиям. Эксперты отмечают, что основной рост обеспечивается сегментом аудиторских услуг (+12 % в 2024 году), в то время как консалтинг пока остается под давлением ценовой конкуренции и сокращается на 11 % [3].

Наиболее заметный импульс отрасли сегодня задают технологические изменения. Аудит постепенно перестает быть исключительно «ручной» проверкой и все активнее опирается на цифровые решения. В профессиональной литературе все чаще подчеркивается: без интеграции искусственного интеллекта, продвинутой аналитики и инструментов обработки больших данных современная проверка уже теряет эффективность. На практике это выражается в сокращении времени на стандартные процедуры, более точном выявлении аномалий и возможности анализировать не выборку, а полный массив операций. По оценкам ряда экспертов, внедрение таких решений способно снизить трудозатраты на рутинные этапы аудита на 25–40 %, одновременно повышая глубину проверки.

Российские компании стараются не отставать от этого тренда. В условиях ограниченного доступа к зарубежному программному обеспечению заметно ускорилось развитие собственных ИТ-платформ и методик. Многие участники рынка инвестируют в локальные системы анализа данных, автоматизацию документооборота и инструменты внутреннего контроля, формируя более устойчивую технологическую базу [3]. В ряде случаев это приводит к появлению уникальных решений, адаптированных под специфику национального регулирования и отчетности.

Отдельного внимания заслуживает направление, связанное с проверкой нефинансовых показателей. Интерес к ESG-аудиту уже сложно назвать временным явлением: компании все чаще стремятся подтвердить прозрачность своей экологической и социальной политики, а инвесторы – получить независимую оценку таких данных. Можно заметить, что за период с 2021 по 2025 год количество организаций, публикующих нефинансовую отчетность в России, выросло более чем на треть, и эта динамика напрямую подпитывает спрос на соответствующие услуги.

Параллельно усиливается еще один сегмент – сопровождение выхода бизнеса на публичные рынки капитала. Подготовка к размещению акций или облигаций требует не только корректной отчетности по РСБУ и МСФО, но и выстроенных внутренних процессов, соответствующих требованиям бирж и инвесторов. В результате аудиторы все чаще выступают не только в роли проверяющих, но и как консультанты, помогающие компаниям пройти сложный этап трансформации. По оценкам участников рынка, за последние три года объем таких проектов увеличился примерно на 15–20 %, что отражает постепенное оживление инвестиционной активности и интерес бизнеса к внешнему финансированию [3].

Отдельное внимание уделяется развитию внутреннего аудита как элемента корпоративного управления. Современные подходы к организации и планированию внутреннего аудита позволяют компаниям не только выполнять регуляторные требования, но и повышать эффективность системы внутреннего контроля [4,5]. В этой связи эксперты RAEX обсуждают возможность введения с 2026 года обязательного аудита раздела годового отчета, посвященного корпоративному управлению, что может стать дополнительным стимулом роста рынка.

В среднесрочной перспективе (до 2030 г.) развитие отрасли определяется государственной политикой. Министерство финансов Российской Федерации реализует Основные направления государственной политики в сфере бухгалтерского учета, финансовой отчетности и аудиторской деятельности до 2030 года, акцентируя внимание на совершенствовании экономической модели аудиторских организаций, приоритете национальных интересов, конкуренции и содействии инвестиционной деятельности [1].

Ожидается дальнейший рост цен на аудиторские услуги на 10–30 % в 2026 году, обусловленный повышением качества и внедрением технологий [4]. При этом сохраняются риски: геополитическая неопределенность, возможное непродление отдельных регуляторных послаблений Банка России и ценовая конкуренция в консалтинге.

Перспективы российского рынка связаны с переходом к технологически зрелой модели аудита, усилением роли ESG и внутреннего контроля, а также активной государственной поддержкой отрасли в интересах национальной экономики. Реализация указанных тенденций позволит аудиторским организациям не только восстановить объемы, но и занять более конкурентоспособные позиции на внутреннем и международном уровнях.

Заключение. Сопоставление текущих тенденций и прогнозов развития отрасли позволяет выстроить достаточно четкое представление о ее траектории в ближайшие годы.

Российский сегмент аудиторских услуг, судя по доступной статистике, постепенно выходит из затяжной паузы, в которой он находился ранее. Уже к 2024 году объем рынка достиг 57,3 млрд рублей, прибавив 4,6 % относительно предыдущего периода, а совокупная выручка крупнейших игроков увеличилась еще на 4,2 % [2]. При этом именно профильные аудиторские направления продемонстрировали наиболее заметную динамику – рост около 12 %, что можно рассматривать как сигнал восстановления базового спроса. Начало 2025 года лишь закрепило эту тенденцию: прирост примерно на 5 % за январь-февраль указывает на формирование более устойчивой положительной динамики.

К факторам, определяющим перспективы отрасли, относятся: цифровизация аудиторских процедур (снижение трудозатрат на 25–40 % на рутинные операции), внедрение ESG-аудита в ответ на рост числа компаний, публикующих нефинансовую отчётность, а также сопровождение выхода организаций на публичные рынки капитала.

Ближайшие перспективы будут зависеть от регуляторной среды. Государственная политика до 2030 года, ориентированная на импортозамещение, повышение качества аудита и

расширение практики нефинансовой отчётности, создаёт институциональные условия для дальнейшего роста отрасли.

У российского рынка есть все предпосылки для дальнейшего роста, но необходимо помнить о рисках и ограничениях. Сохраняются геополитическая неопределённость, ценовая конкуренция в консалтинговом сегменте (падение на 11 %) и возможное непродление регуляторных послаблений Банка России.

Перспективы дальнейших исследований связаны с углублённым анализом эффективности внедрения цифровых технологий в аудиторскую практику, оценкой влияния ESG-факторов на формирование спроса на аудиторские услуги, а также с разработкой методических рекомендаций по адаптации аудиторских организаций к изменяющимся регуляторным условиям.

Список источников

1. Никитина Д.В., Слукина С.А. Анализ рынка аудиторских услуг России.// Интеллектуальные бизнес-процессы в промышленности – URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/143023/ 1/978-5-91256-730-8_060.pdf

2. Министерство финансов Российской Федерации. Основные показатели рынка аудиторских услуг в Российской Федерации в 2024 г.: офиц. документ. – URL: **Ошибка! Недопустимый объект гиперссылки.**.

3. Рейтинговое агентство RAEX (Эксперт РА). Аудиторские группы, ранжированные по выручке от аудита (2025 год): аналитика. – URL: https://raex-rr.com/b2b/audit/audit_groups_rating_by_revenue/2025/analytics/.

4. Арабян К.К. Доклад «Концептуальные основы развития аудиторской деятельности» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sroaas.ru/upload/iblock/c05/6llthekdhqa987ed8xh08hr6oy9b8k19/Doklad_-Arabyan-K.K.-_Kontseptualnye-osnovy-razvitiya-auditorskoi_-deyatelnosti-v-RF-100623.pdf

5. Любофеев В.Д. Особенности рынка обязательного аудита в российской и международной практике. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-rynka-obyazatelnogo-audita-v-rossiyskoy-i-mezhdunarodnoy-praktike/pdf

List of sources

1. Nikitina D.V., Slukina S.A. Analysis of the Russian audit services market // Intelligent business processes in industry – URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/143023/1/978-5-91256-730-8_060.pdf.

2. Ministry of Finance of the Russian Federation. Key Indicators of the Audit Services Market in the Russian Federation in 2024: official document. – URL: https://minfin.gov.ru/ru/document?-id_4=312681osnovnye_pokazateli_rynka_auditorskikh_uslug_v_rossiiskoi_federatsii_v_2024_g.

3. RAEX Rating Agency (Expert RA). Audit Groups Ranked by Audit Revenue (2025): Analytics. – URL: https://raex-rr.com/b2b/audit/audit_groups_rating_by_revenue/2025/analytics/.

4. Arabyan K.K. Report "Conceptual Foundations for the Development of Auditing Activity" [Electronic resource]. – Access mode: https://sroaas.ru/upload/iblock/c05/6llthekdhqa987ed8xh08-hr6oy9b8k19/Doklad_-Arabyan-K.K.-_Kontseptualnye-osnovy-razvitiya-auditorskoi_-deyatelnosti-v-RF-100623.pdf.

5. Lyubofeev V.D. Features of the statutory audit market in Russian and international practice. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-rynka-obyazatelnogo-audita-v-rossiyskoy-i-mezhdunarodnoy-praktike/pdf.

© Гедгафова И.Ю., Пачева АА. 2026

Вестник СКФО: Право и экономика. – 2026. – № 2 (38). – С. 43–50.
Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics. 2026; 2(38): 43–50.

Экономика
Научная статья
УДК 338.1:339.727.2

ЦИФРОВЫЕ ФИНАНСОВЫЕ АКТИВЫ НА НАЦИОНАЛЬНЫХ РЫНКАХ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ В РОССИИ

Лейла Межгитовна Гузиева[1], Саида Ахметовна Жирова[2], Тамерлан Мурадович Чочаев[3]
[1, 2, 3] Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия
[1]altueva_leila003@mail.ru
[2]sayida@yandex.ru
[3] tamik.ch@bk.ru.

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу зарубежных подходов к регулированию цифровых финансовых активов (ЦФА) и оценке возможности их имплементации в российскую правовую и технологическую среду. Выявлено, что к 2026 году сформировались три основные модели регулирования: комплексная (MiCA в ЕС), фрагментированная (SEC/CFTC в США) и лицензионно-песочничная (Сингапур, ОАЭ). Отдельно рассмотрены гибридные децентрализованные финансы (DeFi) как новый объект регулирования. Авторами обоснована необходимость перехода российской модели от изолированных разрешительных систем (permissioned) к гибридным архитектурам, сочетающим приватность транзакций с публичной верификацией. На основе анализа мировых трендов (модели Hedera, Rayls, XDC) сформулированы рекомендации по совершенствованию российского регулирования, включая легализацию выпуска ЦФА в публичных блокчейн-сетях и перенос фокуса контроля на точки доступа.

***Ключевые слова*:** цифровые финансовые активы (ЦФА), регулирование криптоактивов, MiCA, DeFi, гибридные блокчейны, санкции, токенизация, Банк России

***Для цитирования*: Гузиева Л.М., Жирова С.А., Чочаев Т.М.** Цифровые финансовые активы на национальных рынках: зарубежный опыт и перспективы имплементации в России // Вестник СКФО: право и экономика. 2026. № 2 (38). С. 43–50.

Economy
Originak article

DIGITAL FINANCIAL ASSETS IN NATIONAL MARKETS: INTERNATIONAL EXPERIENCE AND PROSPECTS FOR IMPLEMENTATION IN RUSSIA

Leila Mezhgitovna Guzieva[1], Saida Akhmetovna Zhirova[2], Tamerlan Muradovich Chochaev[3]
[1,2,3]Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik, Russia
[1]altueva_leila003@mail.ru
[2]sayida@yandex.ru
[3] tamik.ch@bk.ru.

Annotation. This article provides a comparative analysis of international approaches to regulating digital financial assets (DFA) and assesses their feasibility in the Russian legal and technological environment. It is found that by 2026, three main regulatory models have emerged: comprehensive (MiCA in the EU), fragmented (SEC/CFTC in the US), and licensing-sandbox (Singapore, UAE). Hybrid decentralized finance (DeFi) is also considered as a new regulatory target. The author substantiates the need for the Russian model to transition from isolated

permissioned systems to hybrid architectures that combine transaction privacy with public verification. Based on an analysis of global trends (Hedera, Rayles, and XDC models), recommendations are formulated for improving Russian regulation, including legalizing the issuance of DFA in public blockchain networks and shifting the focus of control to access points.

Keywords: digital financial assets (DFA), cryptoasset regulation, MiCA, DeFi, hybrid blockchains, sanctions, tokenization, Bank of Russia, ross-border payments, risks, regulation, Bank of Russia, sanctions

For citation: Guzieva L.M., Zhirova S. A., Chochaev T.M. Digital financial assets in national markets: international experience and pro-spects for implementation in Russia. *Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics*. 2026;2(38):43–50.

Введение. Стремительное развитие цифровых финансовых активов (далее – ЦФА) и децентрализованных финансов (DeFi) поставило перед мировыми регуляторами беспрецедентные вызовы. Технология распределённых реестров (блокчейн) нивелирует географические барьеры, делая традиционные инструменты национального правового принуждения малоэффективными. В условиях геополитической напряжённости, санкционного давления и фрагментации глобального платёжного ландшафта Россия столкнулась с объективной необходимостью не только выстроить национальную систему регулирования ЦФА, но и интегрировать её в изменяющуюся международную архитектуру. Принятый в 2020 году Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах цифровой валюте и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» заложил основы, однако практика 2025–2026 гг. выявила ряд системных ограничений: технологическая изоляция российских операторов информационных систем (permissioned-сети) блокирует приток иностранного капитала, а жёсткое разделение «разрешённых» и «запрещённых» блокчейнов тормозит инновации. В этой связи критическое осмысление зарубежного опыта и поиск гибридных решений становится стратегической задачей.

Цель исследования – выявить ключевые модели регулирования ЦФА в ведущих зарубежных юрисдикциях, оценить их применимость в российских реалиях и предложить направления эволюции отечественной нормативно-технологической среды.

Объект исследования – зарубежные и российская системы регулирования цифровых финансовых активов как часть национальной финансовой инфраструктуры.

Предмет исследования – правовые, технологические и институциональные механизмы регулирования оборота ЦФА, включая гибридные DeFi-решения.

Обзор литературы. Теоретическая база исследования формируется из трёх групп источников. Первую группу составляют нормативные акты и доктринальные позиции зарубежных регуляторов: Регламент MiCA [1], разъяснения SEC по тесту Хоуи [2], Гениус-акт США [3], документы Казначейства Великобритании [4, 5] и Денежно-кредитного управления Сингапура [6,7]. Вторую группу представляют научные работы, посвящённые токенизации и правовой природе ЦФА [8, 9, 10]. Третья, наиболее новая группа – исследования гибридных блокчейн-архитектур и регулируемого DeFi (отчёты Hedera, Rayls, XDC, 2025–2026). В российской науке преобладают либо общие обзоры, либо узко-юридические комментарии к Федеральному закону от 22.07.2022 № 259-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях». Комплексных работ, сочетающих технологический, правовой и геоэкономический анализ зарубежного опыта применительно к России, недостаточно, что обусловило научную новизну данного исследования.

Методы и методология. Исследование базируется на системном и сравнительно-правовом подходах. Использованы методы: формально-юридический анализ (изучение текстов законов и подзаконных актов), компаративный метод (сопоставление моделей США, ЕС, АТР), контент-анализ докладов регуляторов и рейтинговых агентств, а также метод кейс-стади (анализ гибридных сетей Hedera, Rayls, XDC Network). Эмпирическую базу составили данные Банка России, «Эксперт РА», SWIFT, а также официальные пресс-релизы операторов информационных систем за 2022–2026 гг.

Результаты и дискуссия

В зарубежной практике термин «цифровые финансовые активы» как отдельная категория отсутствует; используется более широкая дефиниция «digital assets». Однако Комиссия по ценным бумагам и биржам США (SEC) в своём «Framework for "Investment Contract" Analysis of Digital Assets» (2019) фактически отождествляет многие цифровые активы с инвестиционными контрактами, применяя тест Хоуи. Согласно этой методологии, актив признаётся ценной бумагой, если имеется: (1) инвестирование денежных средств; (2) в общее предприятие; (3) разумное ожидание прибыли; (4) зависящей от действий третьих лиц (SEC, 2019).

Европейский союз, напротив, пошёл по пути детальной классификации. Регламент MiCA (Markets in Crypto-Assets Regulation, 2023) выделяет три типа криптоактивов, а именно:

– обменные токены (utility tokens) – дают доступ к продукту/услуге;

– обеспеченные токены (asset-referenced tokens) – привязаны к корзине активов для поддержания стабильности;

– электронные деньги-токены (e-money tokens) – привязаны к одной фиатной валюте [11].

Банк Великобритании и Казначейство [5] в документе «Future financial services regulatory regime for cryptoassets» (2023) также классифицируют активы на обменные, обеспеченные и утилитарные, причём 94 % опрошенных участников рынка поддержали включение криптоактивов в понятие «конкретных инвестиций» (HM Treasury, 2023). Важно подчеркнуть: российский законодатель, используя категорию ЦФА как цифровых прав на денежные требования, ценные бумаги и участие в капитале, объективно сближается с европейским функциональным подходом, хотя и не полностью.

Представленные подходы различных юрисдикций демонстрируют отсутствие единой универсальной модели регулирования цифровых активов. Вместе с тем проведённое исследование позволяет систематизировать накопленный опыт и выделить три основные модели, различающиеся по степени жёсткости регулирования и отношению к обороту криптоактивов *(таблица 1).*

Таблица 1 – Модели регулирования цифровых активов

Модель	Характеристика	Страны-представители	Ключевые признаки
Разрешительно-контролируемая	Активное регулирование с лицензированием участников рынка, включение криптоактивов в финансовое законодательство, защита инвесторов	Великобритания, США, страны ЕС, Швейцария	Регулирование через адаптацию действующего законодательства или разработку специальных директив; преобладает гибкий подход к различным видам активов
Запретительная	Полный или частичный запрет на обращение криптовалют и майнинг, жёсткие ограничения для участников рынка	КНР, Турция	Характерна для стран с формирующимися рынками; широкое использование запретительных мер
Переходная (легализующая)	Постепенная легализация с сохранением ограничений, формирование правового поля, экспериментальные режимы	Россия	Фрагментарность регулирования, преобладание запретительного уклона на начальных этапах; переход к разрешительным механизмам

Источник: составлено авторами по материалам исследования.

Как видно из представленных в *таблице 1* данных, регулирование цифровых активов в мировой практике характеризуется значительной дифференциацией. В развитых странах (США, Великобритания, государства ЕС) доминирует разрешительно-контролируемая модель, предполагающая адаптацию существующего законодательства к новым реалиям. Британский подход, закреплённый в документе «Future financial services regulatory regime for cryptoassets» (2023), демонстрирует стремление включить криптоактивы в регуляторный периметр финансовых услуг, устанавливая чёткие требования к посредникам и защите потребителей.

Запретительная модель, реализуемая в Китае и ряде других стран, отражает опасения регуляторов по поводу финансовой стабильности и потери контроля над денежным обращением. Однако, как показывает практика, жёсткие запреты не всегда эффективны и могут стимулировать развитие теневого оборота.

Особый интерес представляет переходная модель, характерная для России. С одной стороны, российское законодательство (Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах…») легализовало ЦФА как цифровые права, но сохранило запрет на использование криптовалют как средства платежа внутри страны. С другой стороны, в условиях санкционного давления Россия вынуждена ускоренно формировать правовое поле для оборота цифровых активов, включая экспериментальные режимы для внешнеэкономических расчётов. В результате российская модель находится в динамике: от преимущественно запретительного уклона к поэтапной легализации и формированию комплексного регулирования.

Особый интерес в контексте глобальных регуляторных трендов представляет эволюция подходов к децентрализованным финансам (DeFi). Международные эксперты (Mitchell Amador, Immunefi, 2026) констатируют переход от упрощённой дихотомии «регулируемый vs. нерегулируемый» к более сложной трёхуровневой экосистеме:

1. *Permissionless DeFi* (Uniswap, Aave) – полностью открытые протоколы без процедур идентификации пользователей (KYC), функционирующие на основе смарт-контрактов.

2. *Промежуточный слой* (Synthetix, Compound) – протоколы со встроенными механизмами безопасности и защиты от атак, но без обязательной идентификации участников.

3. *Регулируемый доступ* (Aave Arc, Converge) – сегменты, интегрирующие KYC, геофайдинг (региональные ограничения) и фильтры соответствия регуляторным требованиям.

При этом эксперты подчёркивают: полная изоляция регулируемого сегмента от нерегулируемого невозможна, поскольку «капитал ищет ликвидность, а ликвидность ищет совместимость». Этот вывод приобретает принципиальное значение для России, где сегодня на рынке ЦФА доминируют закрытые permissioned-системы (операторы информационных систем с централизованным контролем), что ограничивает доступ к глобальной ликвидности и снижает привлекательность платформ для институциональных инвесторов.

Анализ технологических решений 2024–2026 годов показывает, что ведущие блокчейн-платформы переходят к гибридной архитектуре, сочетающей приватность (для конфиденциальных операций) и публичную верификацию (для обеспечения финальности расчётов и доверия со стороны регуляторов). Ключевые примеры:

– *Hedera:* организациям разрешены конфиденциальные транзакции в частных подсетях «HashSpheres» с последующей финализацией на публичной сети. Решение одобрено 30+ компаниями из списка Fortune 500.

– *Rayls (UniFi):* предлагает частные подсети (VEN) с квантово-безопасным шифрованием для полной приватности данных в сочетании с публичной EVM-совместимой цепочкой, интегрирующей KYC для соответствия регуляторным требованиям.

– *XDC Network:* гибридная архитектура, поддерживающая международные стандарты ISO 20022 и MLETR (Model Law on Electronic Transferable Records). Запуск регулируемого индекса Vinter XinFin XDC/USD, соответствующего EU Benchmarks Regulation (BMR), демонстрирует готовность платформы к работе с институциональным капиталом.

Перечисленные решения демонстрируют общий вектор развития: переход от жёсткого противопоставления «публичное vs. приватное» к синтезу, где конфиденциальность и регулируемость не исключают, а дополняют друг друга.

Преимущества гибридных сетей напрямую отвечают на вызовы российского рынка ЦФА и представлены в *таблице 2.*

Таблица 2 – Преимущества гибридных сетей для регулируемого рынка

Преимущество	Описание	Подтверждение
Технологическая гибкость	Сочетание приватного исполнения конфиденциальных операций и публичной финализации для обеспечения доверия	Hedera (HashSpheres), Rayls (VEN), XDC Network
Встроенный compliance	Механизмы KYC/AML на уровне платформы, снижающие регуляторные риски для участников	Rayls (KYC на публичной цепочке), XDC (поддержка ISO 20022)
Привлечение институционального капитала	Снижение барьеров для крупных инвесторов через создание регулируемых индексов и соответствие международным стандартам	XDC Index (соответствие EU Benchmarks Regulation)
Совместимость (interoperability)	Возможность взаимодействия между различными уровнями сети и внешними системами	XDC (поддержка MLETR и ISO 20022)

Как следует из представленных в *таблице 2* данных, гибридные сети предлагают комплексное решение, сочетающее технологическую инновационность с регуляторной совместимостью. Для России, где законодательное поле в сфере ЦФА только формируется, внедрение гибридных архитектур могло бы стать альтернативой как жёстким запретительным мерам, так и полной дерегуляции. Особую ценность представляет встроенный compliance: встроенные на уровне протокола механизмы идентификации и противодействия отмыванию средств позволяют снизить нагрузку на отдельных участников рынка и упрощают контроль со стороны регулятора. Технологическая гибкость и совместимость, в свою очередь, обеспечивают возможность интеграции российских платформ с глобальной инфраструктурой без потери контроля над конфиденциальными данным.

Однако приведённые выше мировые практики требуют критической оценки с позиций их применимости в российских реалиях. Экстраполяция зарубежных моделей на отечественную правовую и экономическую среду невозможна без учёта сложившихся институциональных ограничений и стратегических приоритетов государства.

Существующая российская модель, основанная на деятельности операторов информационных систем на permissioned-блокчейнах (с централизованным контролем доступа), имеет три критические уязвимости [12к]:

1. *Технологическая изоляция* – отсутствие взаимодействия с публичными блокчейнами (Ethereum, Solana) блокирует доступ к глобальной ликвидности и ограничивает возможности для кросс-платформенных расчётов. Это делает российские ЦФА-платформы периферийными по отношению к мировой экосистеме и снижает их привлекательность для международных контрагентов.

2. *Ограниченный инструментарий* – текущее регулирование допускает выпуск ЦФА лишь в форме денежных требований, ценных бумаг и участия в капитале, оставляя за рамками такие востребованные инструменты, как обеспеченные стейблкоины, токенизированные активы реального сектора (недвижимость, сырьё, произведения искусства) и деривативы на цифровые активы. Это сужает возможности для структурирования сложных инвестиционных продуктов и сдерживает развитие полноценной экосистемы.

3. *Отсутствие международного признания* – российские ЦФА не котируются на зарубежных платформах, а их эмитенты не могут привлекать капитал с глобальных рынков, что

существенно снижает инвестиционную привлекательность и потенциал масштабирования. В условиях санкционных ограничений эта проблема приобретает дополнительную остроту, поскольку доступ к западной финансовой инфраструктуре заблокирован.

Вместе с тем анализ зарубежного опыта позволяет сформулировать ряд рекомендаций по преодолению указанных ограничений, а именно:

– интеграция с глобальной инфраструктурой через гибридные протоколы. Использование архитектур, аналогичных Hedera или Rayls, позволит российским платформам сохранить контроль над конфиденциальными данными (через приватные подсети) и одновременно обеспечить интероперабельность с публичными блокчейнами для доступа к ликвидности. Это требует внесения изменений в законодательство, допускающих взаимодействие с иностранными блокчейн-платформами;

– расширение перечня допустимых ЦФА. Законодательное закрепление возможности выпуска токенизированных реальных активов (commodity-backed tokens) и обеспеченных стейблкоинов позволит диверсифицировать инструментарий российского рынка и приблизить его к стандартам ЕС и Великобритании, где такие инструменты активно используются;

– развитие механизмов международного признания. Создание двусторонних соглашений о признании ЦФА с дружественными юрисдикциями (Китай, ОАЭ, страны ЕАЭС) и гармонизация стандартов KYC/AML с международными требованиями позволят интегрировать российские платформы в глобальный оборот без полного отказа от суверенных регуляторных подходов;

– использование экспериментальных правовых режимов. Законодательная практика регулируемых «песочниц» (regulatory sandboxes), успешно применяемая в Великобритании, Сингапуре и ОАЭ, позволит российским операторам тестировать новые инструменты и модели взаимодействия с публичными блокчейнами в контролируемой среде с последующим масштабированием успешных решений на весь рынок.

Таким образом, зарубежный опыт не может быть механически перенесён на российскую почву, однако его системный анализ позволяет выделить элементы, адаптация которых с учётом национальных интересов способна значительно повысить конкурентоспособность отечественного рынка ЦФА. Ключевым условием успеха является синхронизация технологических решений с эволюцией правового поля и переход от фрагментарного регулирования к комплексной стратегии, учитывающей как глобальные тренды, так и внутренние ограничения.

Заключение. Проведённое исследование подтверждает, что к 2026 году в мире сформировалось устойчивое понимание ЦФА не как «дикой» криптоанархии, а как нового класса финансовых инструментов, требующих взвешенного регулирования. Наиболее перспективной признаётся европейская модель MiCA, основанная на функциональной классификации активов и пропорциональных требованиях. Одновременно технологическая эволюция идёт в сторону гибридных сетей, которые позволяют сочетать конфиденциальность транзакций с публичной верификацией и встроенными механизмами compliance (KYC/AML).

Для России, находящейся в условиях беспрецедентного санкционного давления, полная изоляция от глобальной блокчейн-инфраструктуры является тупиковым путём. Переход от закрытых permissioned-систем к гибридным моделям (с контролируемыми точками доступа и возможностью взаимодействия с публичными блокчейнами) становится не просто технологической необходимостью, а стратегическим вектором развития финансового рынка. Предложенные Банком России в 2026 году инициативы по легализации выпуска ЦФА в открытых сетях (Ethereum) – при условии их юридически безупречной реализации – способны не только привлечь иностранный капитал из дружественных юрисдикций, но и заложить основу для новой, устойчивой к внешним шокам архитектуры международных расчётов. Дальнейшие исследования должны быть сосредоточены на конкретных механизмах юридической фиксации гибридных сетей и гармонизации российских стандартов с ISO 22739 и MiCA.

Список источников

1. Regulation (EU) 2023/1114 of the European Parliament and of the Council of 31 May 2023 on markets in crypto-assets. Official Journal of the European Union, C/2023/465, 1.12.2023. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=OJ:C_202300465

2. U.S. Securities and Exchange Commission. Framework for "Investment Contract" Analysis of Digital Assets. 2019. URL: https://www.sec.gov (дата обращения: 25.05.2026).

3. S. 3907 – GENIUS Act. 119th Congress (2025–2026). URL: https://www.govinfo.gov/content/ pkg/BILLS-119s3907is/html/BILLS-119s3907is.htm

4. HM Treasury. Future financial services regulatory regime for cryptoassets. – February 1, 2023. URL: https://www.gov.uk/government/consultations/future-financial-services-regulatory-regime-for-cryptoassets

5. HM Treasury. Future financial services regulatory regime for cryptoassets: Response to consultation and call for evidence. – October 30, 2023. URL: https://service.betterregulation.com/sites/default/files/2023-10/HMT%20publishes%20final%20proposals%20for%20UK%20cryptoasset%20regulation.pdf

6. Monetary Authority of Singapore. MAS finalises stablecoin regulatory framework. – August 15, 2023. URL: https://chambers.com/articles/mas-finalises-stablecoin-regulatory-framework-responds-to-feedback-received-on-public-consultation

7. Monetary Authority of Singapore. MAS Strengthens Regulatory Measures for Digital Payment Token Services. – November 23, 2023.

8. Агеев В.Н., Власов А.В. Потенциал применения цифровых финансовых активов // Финансовый журнал. 2020. Т. 12, № 6. С. 100–112.

9. Банк России. Доклад для общественных консультаций «Развитие рынка цифровых финансовых активов в Российской Федерации». 2022. 45 с.

10. Цареградская Ю.К. Криптовалюта, цифровые финансовые активы, цифровые права: терминологическое многообразие в процессе формирования правовой действительности // Право и цифровая экономика. 2021. № 2. С. 32–38.

11. Popescu A.D. Transforming Capital Markets by means of Financial Digital Assets // Revue des Sciences Politiques. 2020. N 68. P. 108–119.

12. Эксперт РА. Оценка рисков ЦФА: область применения кредитных рейтингов. 2025. URL: https://raexpert.ru (дата обращения: 22.04.2026).

List of sources

1. Regulation (EU) 2023/1114 of the European Parliament and of the Council of 31 May 2023 on markets in crypto-assets. Official Journal of the European Union, C/2023/465, 1.12.2023. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=OJ:C_202300465

2. U.S. Securities and Exchange Commission. Framework for "Investment Contract" Analysis of Digital Assets. 2019. URL: https://www.sec.gov (дата обращения: 25.05.2026).

3. S. 3907 – GENIUS Act. 119th Congress (2025–2026). URL: https://www.govinfo.gov/content/ pkg/BILLS-119s3907is/html/BILLS-119s3907is.htm

4. HM Treasury. Future financial services regulatory regime for cryptoassets. – February 1, 2023. URL: https://www.gov.uk/government/consultations/future-financial-services-regulatory-regime-for-cryptoassets

5. HM Treasury. Future financial services regulatory regime for cryptoassets: Response to consultation and call for evidence. – October 30, 2023. URL: https://service.betterregulation.com/sites/default/files/2023-10/HMT%20publishes%20final%20proposals%20for%20UK%20cryptoasset%20regulation.pdf

6. Monetary Authority of Singapore. MAS finalises stablecoin regulatory framework. – August 15, 2023. URL: https://chambers.com/articles/mas-finalises-stablecoin-regulatory-framework-responds-to-feedback-received-on-public-consultation

7. Monetary Authority of Singapore. MAS Strengthens Regulatory Measures for Digital Payment Token Services. – November 23, 2023.

8. Ageyev V.N., Vlasov A.V. The Potential of Digital Financial Assets // Financial Journal. 2020. Vol. 12, N 6. Pp. 100–112.

9. Bank of Russia. Report for public consultations «Development of the digital financial assets market in the Russian Federation». 2022. 45 p.

10. Tsaregradskaya Yu.K. Cryptocurrency, digital financial assets, digital rights: Terminological diversity in the process of forming legal reality // Law and digital economy. 2021. N 2. Pp. 32–38.

11. Popescu A.D. Transforming Capital Markets by means of Financial Digital Assets // Revue des Sciences Politiques. 2020. N 68. P. 108–119.

12. Эксперт РА. Оценка рисков ЦФА: область применения кредитных рейтингов. 2025. URL: https://raexpert.ru (дата обращения: 22.04.2026).

© Гузиева Л.М., Жирова С.А., Чочаев Т.М., 2026

Вестник СКФО: Право и экономика. – 2026. – № 2 (38). – С. 50–58.
*Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics. 2026;2 (38):50–*58.

Экономика
Научная статья
УДК 332.1:331.5

СИСТЕМА ИНДИКАТОРОВ ОЦЕНКИ ВЛИЯНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ МОЛОДЁЖНОЙ ПОЛИТИКИ НА ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ И ЭКОНОМИЧЕСКУЮ УСТОЙЧИВОСТЬ РЕГИОНА

Мадина Руслановна Захохова
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия
madia_rz@mail.ru

Аннотация. В статье обосновывается необходимость разработки системы индикаторов для количественной оценки влияния региональной молодёжной сурсного обеспечения, состояния человеческого капитала молодёжи и результативных эффектов на уровне региональной экономики. Разработан интегральный индекс эффективности региональной молодёжной политики (ИЭРМП) и апробирован на данных субъектов Северо-Кавказского федерального округа. Выявлена значительная межрегиональная дифференциация как по уровню финансирования, так и по результативности молодёжной политики. Установлено, что целевое финансирование программ поддержки молодёжного преполитики на формирование человеческого капитала молодёжи и экономическую устойчивость региона. Предложена трехуровневая система индикаторов, включающая показатели редпринимательства и занятости даёт более высокую экономическую отдачу, чем общее увеличение бюджетных ассигнований. Предложенная система индикаторов может быть использована органами государственной власти субъектов РФ для мониторинга и корректировки региональных программ в сфере молодёжной политики.

***Ключевые слова*:** региональная молодёжная политика, человеческий капитал молодёжи, экономическая устойчивость региона, система индикаторов, интегральный индекс, СКФО, бюджетное финансирование, молодёжная безработица, миграция молодёжи

***Для цитирования*: Захохова М.Р.** Система индикаторов оценки влияния региональной молодёжной политики на человеческий капитал и экономическую устойчивость региона // Вестник СКФО: право и экономика. 2026. № 2 (38). С. 50–58.

Economy
Originak article

A SYSTEM OF INDICATORS FOR ASSESSING THE IMPACT OF REGIONAL YOUTH POLICY ON HUMAN CAPITAL AND ECONOMIC SUSTAINABILITY OF A REGION

Madina Ruslanovna Zakhokhova
[1]Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik, Russia
[1]madia_rz@mail.ru

Annotation. The article substantiates the need to develop a system of indicators for quantitative assessment of the impact of regional youth policy on the formation of youth human capital and economic sustainability of the region. A three-level system of indicators is proposed, including indicators of resource provision, the state of youth human capital, and performance effects at the level of the regional economy. An integral index of the effectiveness of regional youth policy (IERYP) has been developed and tested on the data of the constituent entities of the North Caucasus Federal District. Significant interregional differentiation has been identified both in terms of funding levels and the effectiveness of youth policy. It has been established that targeted funding for programs supporting youth entrepreneurship and employment yields higher economic returns than a general increase in budget allocations. The proposed system of indicators can be used by state authorities of the constituent entities of the Russian Federation for monitoring and adjusting regional programs in the field of youth policy.

Keywords: regional youth policy, youth human capital, economic sustainability of the region, system of indicators, integral index, NCFD, budget financing, youth unemployment, youth migration

For citation: Zakhokhova M. R. A System of Indicators for Assessing the Impact of Regional Youth Policy on Human Capital and Economic Sustainability of a Region// Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics. 2026. 2 (38): 50–58.

Введение. В условиях структурной перестройки экономики, санкционного давления и демографических вызовов эффективность использования человеческого капитала среди молодёжи становится критическим фактором экономической устойчивости регионов. Молодёжь представляет собой наиболее динамичную часть населения, обладающую высоким адаптационным потенциалом и инновационной восприимчивостью. Однако одновременно и наиболее уязвимую на рынке труда [1, 2]. Региональная молодёжная политика призвана создавать институциональные условия для накопления и эффективной реализации человеческого капитала молодёжи, однако её экономическая эффективность остаётся слабо изученной, а методический инструментарий для количественной оценки влияния – недостаточно разработанным [3, 4].

Как показывает практика существующие подходы к оценке молодёжной политики, как правило, ограничиваются анализом бюджетных расходов и количеством проведённых мероприятий, не учитывая их влияние на ключевые экономические показатели: занятость, миграцию, предпринимательскую активность, доходы и, в конечном счёте, на ВРП и бюджетную устойчивость региона. Отсутствие научно обоснованной системы индикаторов создаёт риск нецелевого использования бюджетных средств и снижает обоснованность управленческих решений в данной сфере.

Цель исследования – разработка и апробация системы индикаторов для количественной оценки влияния региональной молодёжной политики на формирование человеческого капитала молодёжи и экономическую устойчивость региона.

Объект исследования – региональные социально-экономические системы субъектов Северо-Кавказского федерального округа.

Предмет исследования – организационно-экономические механизмы влияния региональной молодёжной политики на формирование человеческого капитала молодёжи и экономическую устойчивость региона, выраженные в системе количественных индикаторов.

Материалы и методы исследования. Теоретической основой исследования послужили труды отечественных и зарубежных учёных в области теории человеческого капитала (Г. Беккер, Т. Шульц, Дж. Минцер), региональной экономики (А.Г. Гранберг, О.В. Кузнецова, А.И. Татаркин), экономики труда и молодёжной политики (В.А. Луков, Ю.А. Зубок, С.В. Калашников) [1, 2, 3, 5, 6].

Информационную базу исследования составили: данные Федеральной службы государственной статистики (Росстат) по субъектам СКФО за 2015–2025 гг. (показатели ВРП, занятости, безработицы, доходов, миграции, образования, демографии); данные Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС); отчётность органов исполнительной власти субъектов СКФО о реализации государственных программ в сфере молодёжной политики (2015–2025 гг.); данные Федерального казначейства о расходах консолидированных бюджетов субъектов РФ на молодёжную политику.

В ходе исследования атвором использовались следующие методы: метод системного анализа; экономико-статистические методы (корреляционный, регрессионный, вариационный анализ); метод главных компонент (PCA); метод ранжирования; графические методы.

Результаты и дискуссия. Влияние региональной молодёжной политики на человеческий капитал и экономическую устойчивость региона представляет собой сложный многоступенчатый процесс. Молодёжная политика является институциональным механизмом, который через бюджетные расходы и организационные мероприятия воздействует на ключевые параметры человеческого капитала молодёжи (образование, здоровье, занятость, миграционные установки, предпринимательскую активность), которые, в свою очередь, определяют экономическую устойчивость региона (ВРП, занятость, бюджетные доходы, инвестиционную привлекательность).

Для комплексной оценки эффективности молодёжной политики в разрезе регионов предлагается использовать интегральный индекс эффективности региональной молодёжной политики (ИЭРМП).

Алгоритм расчёта ИЭРМП начинается с формирования матрицы исходных данных по 7 субъектам СКФО и 12 показателям, после чего проводится нормирование показателей к шкале от 0 до 1 с помощью минимальной и максимальной (min-max) нормализации с учётом направленности влияния – для стимуляторов, где рост значения оказывает положительное влияние, и дестимуляторов, где увеличение показателя ведёт к негативному эффекту. Далее выполняется агрегирование показателей методом главных компонент (PCA), при этом пригодность данных проверяется с помощью теста Кайзера – Мейера – Олкина (значение KMO составляет 0,72) и критерия сферичности Бартлетта ($p < 0,01$), что подтверждает возможность применения PCA; в результате выделяются три главные компоненты, которые в совокупности объясняют 82,4 % общей дисперсии. На завершающем этапе значения ИЭРМП рассчитываются как сумма произведений стандартизированных показателей на веса (факторные нагрузки) выделенных главных компонент, после чего полученные результаты шкалируются в диапазон от 0 до 100 для упрощения интерпретации.

Апробация разработанной системы индикаторов и интегрального индекса эффективности региональной молодёжной политики (ИЭРМП) на данных семи субъектов Северо-Кавказского федерального округа позволила получить ряд эмпирических результатов, требующих содержательной интерпретации и включения в широкий дискурс о роли молодёжной политики в обеспечении экономической устойчивости регионов.

Прежде всего, обращает на себя внимание значительный разброс итоговых значений ИЭРМП, который варьируется от 52,4 пункта в Республике Дагестан до 66,3 пункта в Ставропольском крае, причём указанный диапазон свидетельствует не просто о количественных различиях, но о качественно различных уровнях эффективности реализации молодёжной политики в макрорегионе *(таблица 1).*

Таблица 1 – Значения ИЭРМП и его компонентов по субъектам СКФО в 2025 г.

Субъект	Ресурсный компонент	Трансформационный компонент	Результативный компонент	ИЭРМП	Место
Карачаево-Черкесская Республика	78,2	65,4	42,1	61,9	1
Республика Ингушетия	82,5	48,7	39,8	57,0	2
Кабардино-Балкарская Республика	72,4	69,8	48,6	63,6	3
Чеченская Республика	64,8	76,2	55,4	65,5	4
Республика Северная Осетия – Алания	68,9	61,3	52,7	61,0	5
Ставропольский край	58,3	72,5	68,2	66,3	6
Республика Дагестан	52,7	58,9	45,6	52,4	7
СКФО в среднем	68,3	64,7	50,3	61,1	–

Источник: рассчитано автором по данным Росстата, Федерального казначейства, региональных отчётов.

Принципиально важным результатом является установленный факт несовпадения ранжирования регионов по значению ИЭРМП с их ранжированием по объёму бюджетного финансирования молодёжной политики. Это напрямую указывает на различную эффективность использования бюджетных средств: регионы с сопоставимыми или даже меньшими затратами демонстрируют более высокие итоговые значения индекса, тогда как увеличение объёмов финансирования само по себе не гарантирует пропорционального роста результативности, что подводит к выводу о необходимости анализа не столько количественных, сколько структурных и институциональных факторов успеха.

При детализации по отдельным компонентам индекса в ресурсном блоке фиксируется ярко выраженная поляризация: наиболее высокие значения ресурсного компонента наблюдаются в малых по численности населения республиках – Карачаево-Черкесская Республика демонстрирует показатель 78,2, а Республика Ингушетия – 82,5, что объясняется эффектом концентрации бюджетных расходов при относительно небольшой численности молодёжной когорты, когда каждый молодой человек получает в среднем более значительный объём финансовой поддержки из консолидированного бюджета. Напротив, наиболее низкие значения ресурсного компонента зафиксированы в крупных по населению регионах – Республика Дагестан (52,7) и Ставропольский край (58,3), где выделяемые бюджетные средства неизбежно «растворяются» в значительно большей численности получателей. Таким образом, ресурсный компонент в большей степени отражает не столько приоритетность молодёжной политики для региона, сколько демографический контекст, в котором эта политика реализуется, что требует осторожной интерпретации данного показателя без учёта других составляющих интегрального индекса.

В трансформационном блоке, оценивающем состояние человеческого капитала молодёжи и промежуточные социально-экономические эффекты, лидером является Чеченская Республика с показателем 76,2, что обусловлено наиболее значительным снижением уровня молодёжной безработицы, а также заметным ростом предпринимательской активности среди молодого населения. Ставропольский край, занимая вторую позицию с результатом 72,5, также демонстрирует высокие значения трансформационного компонента, однако в его основе лежат иные механизмы – развитый и диверсифицированный рынок труда, наличие крупных образовательных и промышленных центров, а также исторически сложившаяся более благоприятная социально-экономическая среда. На противоположном полюсе находится Республика Ингушетия, где трансформационный компонент достигает лишь 48,7 пункта, что связано с критически высоким уровнем молодёжной безработицы (28,6 %) и отражает глубинные структурные проблемы региональной экономики.

Что касается результативного блока индикаторов, характеризующих экономическую устойчивость региона как конечный макроэкономический эффект, то наиболее высокие значения зафиксированы у Ставропольского края (68,2) и Чеченской Республики (55,4). В первом случае это коррелирует с более высокими абсолютными показателями валового регионального продукта на душу населения и бюджетной обеспеченности, отражающими сбалансированность региональной экономики. Во втором – с позитивными сдвигами в экономической динамике, достигнутыми благодаря целенаправленной политике по привлечению инвестиций и развитию предпринимательского сектора. Наиболее низкие значения результативного компонента демонстрируют Республика Ингушетия (39,8) и Карачаево-Черкесская Республика (42,1), что подтверждает низкую экономическую устойчивость данных регионов, проявляющуюся в хроническом дефиците собственных доходных источников, высокой дотационности бюджетов и ограниченной инвестиционной активности.

Таким образом, проведённый анализ трёх блоков индикаторов в отдельности позволяет зафиксировать специфические «точки напряжения» для каждого региона: где-то это недостаток ресурсов, где-то – неэффективность их трансформации в человеческий капитал, а где-то – слабость конечных экономических результатов. Однако разрозненное рассмотрение каждого блока не даёт целостного представления о механизме влияния молодёжной политики на экономическую устойчивость региона. Для того чтобы понять, как именно ресурсные затраты превращаются (или не превращаются) в конечные макроэкономические эффекты, необходимо представить всю совокупность индикаторов в виде единой логической цепи, где каждый блок выступает звеном единого процесса. Именно такая схема позволяет не только диагностировать текущее состояние, но и выявлять «разрывы» в трансформационной цепочке, определяя, на каком именно этапе происходит потеря эффективности. Обратимся к логической схеме взаимосвязи трёх блоков индикаторов (*рисунок 1*), которая наглядно демонстрирует, как ресурсные затраты через трансформационные процессы в человеческом капитале молодёжи приводят к конечным экономическим результатам на уровне региона.

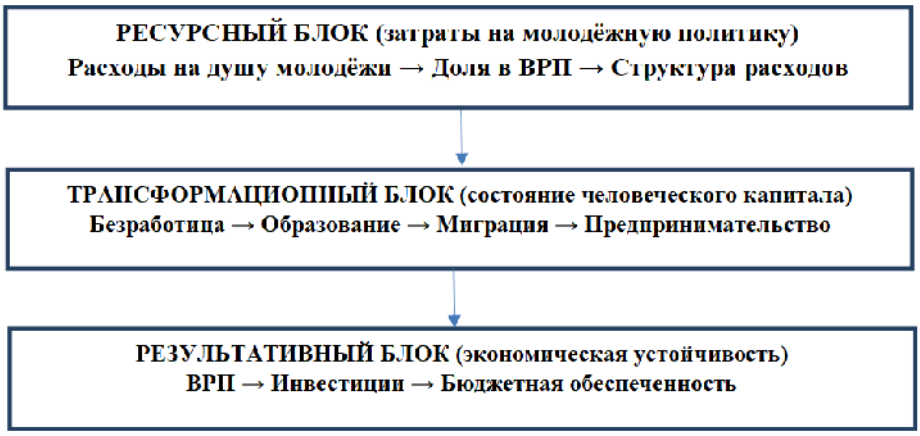

Рисунок 1 – Логическая схема взаимосвязи индикаторов

Представленная логическая схема задаёт концептуальный каркас для понимания того, как молодёжная политика должна влиять на экономическую устойчивость региона. Схема отражает лишь гипотетическое направление связей. При этом она позволяет выявить факторы, оказывающие наиболее сильное влияние на конечные результаты.

Для решения данного вопроса целесообразно провести эмпирический анализ, позволяющий количественно измерить силу и направленность взаимосвязей между отдельными индикаторами. Именно корреляционный анализ даёт возможность выявить, какие рычаги воздействия являются наиболее эффективными, а какие – практически бесполезными, несмотря на интуитивную привлекательность. Обратимся к результатам расчёта коэффициентов корреляции.

Для выявления ключевых факторов эффективности молодёжной политики выполнен корреляционный анализ с использованием непараметрического коэффициента ранговой корреляции

Спирмена *(таблица 2).* Расчёт коэффициентов производился с учётом малого объёма выборки (n = 7), а для проверки статистической значимости применялся двусторонний критерий с уровнем α = 0,05. Для минимизации риска ложных корреляций, связанных с мультиколлинеарностью, предварительно был проведён анализ попарных связей между предикторами.

Таблица 2 – Корреляционная матрица ключевых индикаторов (по субъектам СКФО, 2025 г.)

Показатели	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)
1. Расходы на душу молодёжи, руб./чел.	1,00	–	–	–	–	–	–
2. Доля расходов на предпринимательство, %	–0,22	1,00	–	–	–	–	–
3. Уровень молодёжной безработицы, %	–0,21	–0,45*	1,00	–	–	–	–
4. Сальдо миграции молодёжи, ‰	–0,35	–0,38	0,62**	1,00	–	–	–
5) Доля молодёжи в предпринимательстве, %	0,32	0,68**	–0,51*	–0,49*	1,00	–	–
6) ВРП на душу населения, тыс. руб.	0,28	0,41	–0,58**	–0,65**	0,55*	1,00	–
7) Бюджетная обеспеченность, тыс. руб./чел.	0,34	0,38	–0,52*	–0,61**	0,48*	0,89***	1,00

Примечание: * p < 0,1; ** p < 0,05; *** p < 0,01.
Источник: рассчитано автором.

Представленные в *таблице 2* коэффициенты ранговой корреляции Спирмена позволяют выявить статистически значимые взаимосвязи между ключевыми индикаторами и сформулировать ряд содержательных выводов, имеющих как теоретическое, так и практическое значение.

Прежде всего, обращает на себя внимание слабая и статистически незначимая связь между расходами на душу молодёжи (показатель 1) и всеми результативными показателями (ВРП на душу населения: *r = 0,28;* бюджетная обеспеченность: *r = 0,34*; безработица: *r = –0,21*). Этот результат является одним из наиболее важных эмпирических подтверждений гипотезы исследования: объём бюджетного финансирования сам по себе не является определяющим фактором эффективности молодёжной политики. Регионы с высокими подушевыми расходами (Ингушетия, КЧР) не демонстрируют пропорционально более высоких результатов, что указывает на наличие других, более значимых факторов, влияющих на трансформацию ресурсов в человеческий капитал и экономическую устойчивость.

Напротив, доля расходов, направляемых на поддержку молодёжного предпринимательства (показатель 2), демонстрирует сильную положительную корреляцию с долей молодёжи, занятой в предпринимательстве (показатель 5: *r = 0,68, p < 0,05*) . Это означает, что целевое финансирование программ поддержки предпринимательской активности даёт измеримый результат: каждый процент бюджетных средств, перенаправленный на предпринимательские программы, сопровождается ростом доли молодёжи, вовлечённой в бизнес. При этом данный показатель имеет отрицательную корреляцию с уровнем молодёжной безработицы (показатель 3: *r = –0,45, p < 0,1*), что свидетельствует о том, что развитие предпринимательства выступает эффективным механизмом снижения безработицы среди молодёжи. Таким образом, структура расходов оказывается более значимым фактором, чем их общий объём.

Миграционные процессы (показатель 4) выступают наиболее чувствительным индикатором неблагополучия. Высокий отток молодёжи сильно коррелирует с высоким уровнем безработицы (*r = 0,62, p < 0,05*) и низким ВРП на душу населения (*r = –0,65, p < 0,05*). Это свидетельствует о том, что регионы, не способные обеспечить молодёжь рабочими местами и достойными доходами, закономерно теряют свой наиболее ценный человеческий капитал, что создает «порочный круг»: отток молодёжи снижает экономический потенциал региона, что, в свою очередь, уменьшает возможности для создания новых рабочих мест и привлечения инвестиций. Интересно, что миграция

практически не коррелирует с расходами на молодёжную политику ($r = –0,35$), что указывает на то, что миграционные установки молодёжи определяются более широкими факторами – состоянием рынка труда, качеством городской среды, перспективами карьерного роста, – которые находятся за пределами непосредственного влияния молодёжной политики.

Связь между человеческим капиталом и экономической устойчивостью проявляется через сильные корреляции ВРП на душу населения (показатель 6) с бюджетной обеспеченностью ($r = 0,89, p < 0,01$) . Эта практически функциональная зависимость подтверждает, что рост валового регионального продукта непосредственно увеличивает налоговую базу и, следовательно, бюджетные доходы, создавая ресурсную основу для дальнейшего развития социальной сферы и человеческого капитала. При этом ВРП отрицательно коррелирует с безработицей ($r = –0,58, p < 0,05$), что ожидаемо, но важно для понимания: снижение безработицы является не просто социальной, но и макроэкономической задачей, поскольку занятость непосредственно определяет объём производимого продукта.

Наконец, отрицательная корреляция между долей молодёжи в предпринимательстве (показатель 5) и миграционным оттоком (показатель 4: $r = –0,49, p < 0,1$) свидетельствует о том, что развитие предпринимательской экосистемы может служить фактором закрепления молодёжи в регионе. Молодые люди, имеющие возможность реализовать свои предпринимательские инициативы на малой родине, реже принимают решение о переезде в другие регионы.

В целом корреляционный анализ подтверждает, что эффективность молодёжной политики определяется не столько объёмом финансирования, сколько его структурой и качеством институциональной среды. Регионы, которые целенаправленно инвестируют в программы поддержки предпринимательства и занятости, а также создают условия для укоренения молодёжи, демонстрируют более высокие результаты, чем те, которые ограничиваются общим увеличением бюджетных ассигнований без изменения их структуры и механизмов реализации. Эти выводы создают основу для дальнейшего, более углублённого анализа, который может быть связан с построением регрессионных моделей, учитывающих институциональные и структурные факторы, не включённые в настоящую корреляционную матрицу.

На основе соотношения трёх компонентов ИЭРМП выделены три типа регионов *(таблица 3)*, что позволяет дифференцировать подходы к корректировке молодёжной политики в зависимости от выявленных дисбалансов.

Таблица 3 – Типология субъектов СКФО по эффективности молодёжной политики

Тип	Характеристика	Регионы	Особенности
I. Институционально-дефицитный	Высокий ресурсный потенциал при низкой трансформации в человеческий капитал и результаты	Республика Ингушетия	Высокие расходы на душу молодёжи (248,5 руб./чел.), но критические показатели безработицы (28,6 %) и миграции (–12,4 ‰)
II. Ресурсно-затратный	Средние затраты, низкая отдача	Республика Дагестан, Карачаево-Черкесская Республика	Выше среднего расходы, но недостаточная трансформация в занятость и предпринимательство
III. Сбалансированно-результативный	Оптимальное сочетание затрат и результатов	Кабардино-Балкарская Республика, Чеченская Республика, Ставропольский край	Разумные расходы (163–223 руб./чел.) при низкой безработице (5,6–8,2%) и относительно низкой миграции

Типология выделяет три стратегических типа регионов с различными проблемами и решениями. Тип I – институционально-дефицитный (Ингушетия): высокие расходы (82,5 балла) при критической безработице (28,6 %) и интенсивной миграции (–12,4 ‰) указывают на проблемы управления и институциональной среды, требующие диагностики качества, повышения квалификации кадров и

развития партнёрства с бизнесом. Тип II – ресурсно-затратный (Дагестан, КЧР): выше среднего расходы при недостаточной трансформации в занятость требуют переструктурирования бюджета в пользу целевых программ, развития малого и среднего предпринимательства и привлечения инвестиций. Тип III – сбалансированно-результативный (КБР, Чеченская Республика, Ставропольский край): оптимальное соотношение затрат и результатов (ИЭРМП 63,6–66,3) служит эталоном для трансляции успешных практик в другие регионы через совместные проекты и обучение.

В дискуссионном ключе следует отметить, что полученные результаты в целом согласуются с теоретическими положениями теории человеческого капитала (Г. Беккер, Т. Шульц) [1, 7], согласно которым инвестиции в человеческий капитал дают экономическую отдачу лишь при условии эффективных институциональных условий для их реализации. Выявленная в исследовании слабая связь между объёмом бюджетных расходов и конечными результатами подтверждает выводы О.В. Кузнецовой о том, что эффективность региональной политики определяется не столько объёмом ресурсов, сколько качеством управления и институциональной средой [8, с. 178]. Вместе с тем полученные данные дополняют существующие исследования в области молодёжной политики, демонстрируя, что целевое финансирование программ поддержки предпринимательства даёт более высокую экономическую отдачу, чем общее увеличение бюджетных ассигнований [4].

Однако следует признать, что проведённое исследование имеет определённые ограничения. Во-первых, малый объём выборки (n=7) не позволяет строить сложные эконометрические модели и устанавливать строгие причинно-следственные связи, поэтому полученные корреляции следует интерпретировать как индикативные, а не каузальные. Во-вторых, использованные данные носят статистический характер и не учитывают качественные аспекты реализации молодёжной политики – уровень вовлечённости молодёжи, удовлетворённость программами, институциональные барьеры на местах. В-третьих, исследование ограничено одним макрорегионом, что не позволяет экстраполировать выводы на всю Российскую Федерацию без учёта специфики других территорий. Указанные ограничения открывают направления для дальнейших исследований, которые связаны с эконометрическим моделированием причинно-следственных связей на панельных данных, разработкой методики прогнозирования последствий корректировки молодёжной политики, учётом отраслевой специфики регионов при оценке эффективности, а также проведением лонгитюдных исследований для отслеживания траекторий молодёжных когорт.

Заключение. В ходе исследования обоснована необходимость перехода от традиционного, затратного подхода к оценке молодёжной политики, ограничивающегося анализом бюджетных расходов и количества проведённых мероприятий, к результативно-ориентированной модели, учитывающей трансформацию ресурсов в человеческий капитал и их влияние на ключевые макроэкономические показатели.

Корреляционный анализ, выполненный с использованием непараметрического коэффициента ранговой корреляции Спирмена, позволил выявить ключевые факторы эффективности молодёжной политики. Установлено, что целевое финансирование программ поддержки молодёжного предпринимательства и содействия занятости даёт более высокую экономическую отдачу, чем общее увеличение бюджетных ассигнований: коэффициент корреляции между долей расходов на поддержку предпринимательства и долей молодёжи в предпринимательстве составляет $r = 0,68$ ($p < 0,05$). Выявлена сильная отрицательная связь между миграционным оттоком молодёжи и ВРП на душу населения ($r = –0,65$, $p < 0,05$), что подтверждает тезис о том, что регионы, теряющие молодёжь, неизбежно сталкиваются с долгосрочными экономическими потерями. При этом связь между общими расходами на молодёжную политику и результативными показателями оказалась статистически незначимой ($r = –0,21$ с безработицей, $r = –0,35$ с миграцией), что подтверждает необходимость перехода от экстенсивной модели финансирования к интенсивной, основанной на структурной оптимизации расходов.

На основе соотношения трёх компонентов ИЭРМП разработана типология регионов, включающая три стратегических типа: институционально-дефицитный (Республика Ингушетия), характеризующийся высокими ресурсными затратами при критических показателях безработицы и миграции, что указывает на проблемы качества управления и институцио-

нальной среды; ресурсно-затратный (Республика Дагестан, Карачаево-Черкесская Республика), где выше среднего расходы не сопровождаются адекватной трансформацией в занятость и предпринимательство, что требует переструктурирования бюджетов в пользу целевых программ; и сбалансированно-результативный (Кабардино-Балкарская Республика, Чеченская Республика, Ставропольский край), демонстрирующий оптимальное соотношение затрат и результатов и служащий эталоном для трансляции успешных практик. Предложенная типология позволяет дифференцировать подходы к корректировке молодёжной политики в зависимости от выявленных дисбалансов, что повышает адресность управленческих решений.

Проведённое исследование подтверждает, что региональная молодёжная политика при условии её структурной оптимизации и ориентации на конечные экономические результаты может стать действенным инструментом укрепления человеческого капитала и повышения экономической устойчивости регионов. Предложенный методический инструментарий создаёт основу для перехода от интуитивных управленческих решений к научно обоснованной политике, где каждый бюджетный рубль оценивается не по факту освоения, а по его реальному вкладу в развитие человеческого капитала молодёжи и экономики региона в целом.

Список источников

1. Беккер Г. Человеческий капитал. М.: ГУ ВШЭ, 2003. 496 с.
2. Капелюшников Р.И. Современные подходы к измерению человеческого капитала // Вопросы экономики. 2017. № 9. С. 4–28.
3. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Молодёжь в трансформирующемся обществе: социальные риски и потенциал развития. М.: ИСПИ РАН, 2018. 340 с.
4. Широкова Г.В., Силин Д.А. Молодёжное предпринимательство в России: барьеры и перспективы // Российский журнал менеджмента. 2018. Т. 16, № 2. С. 215–240.
5. Луков В.А. Теория молодёжи: социально-философский подход. М.: Социум, 2012. 380 с.
6. Татаркин А.И., Романова О.А., Куклин А.А. Региональная экономика: теория и практика. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2011. 380 с.
7. Schultz T.W. Investment in Human Capital // The American Economic Review. 1961. Vol. 51. N 1. P. 1–17.
8. Кузнецова О.В. Экономическое развитие регионов: теоретические и практические аспекты государственного регулирования. М.: Либроком, 2009. 304 с.

List of sources

1. Becker G. Human Capital. Moscow: HSE University, 2003. 496 p.
2. Kapelyushnikov R.I. Modern Approaches to Measuring Human Capital // Voprosy Ekonomiki. 2017, N 9. Pp. 4–28.
3. Zubok Yu.A., Chuprov V.I. Young People in a Transforming Society: Social Risks and Development Potential. Moscow: ISPI RAS, 2018, 340 p.
4. Shirokova, G.V., Silin, D.A. Youth Entrepreneurship in Russia: Barriers and Prospects // Russian Journal of Management, 2018. Vol. 16, N 2. Pp. 215–240.
5. Lukov V.A. The Theory of Youth: A Social and Philosophical Approach. M.: Socium, 2012, 380 p.
6. Tatarkin A.I., Romanova O.A., Kuklin A.A. Regional Economics: Theory and Practice. Yekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2011. 380 p.
7. Schultz T.W. Investment in Human Capital. The American Economic Review, 1961. Vol. 51, N 1. Pp. 1–17.
8. Kuznetsova O.V. Economic Development of Regions: Theoretical and Practical Aspects of State Regulation. M.: Librokom, 2009. 304 p.

© Захохова М.Р., 2026

Вестник СКФО: Право и экономика. – 2026. – № 2 (38). – С. 59–66.
*Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics. 2026;2(38):59–*66.

Экономика
Научная статья
УДК 338.1:339.727.2

ЦИФРОВЫЕ ФИНАНСОВЫЕ АКТИВЫ ВО ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: РИСКИ ПРИМЕНЕНИЯ В МЕЖДУНАРОДНЫХ РАСЧЕТАХ

Лейла Ибрагимовна Калабекова[1], Саида Заудиновна Пшигусова[2], Саида Ахметовна Жирова[3]
[1, 2, 3] Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия
[1]7369132@mail.ru
[2]pshigusovas@mail.ru
[3]e-mail:sayida@yandex.ru

Аннотация. Несмотря на активное развитие рынка цифровых финансовых активов (ЦФА) внутри России, их потенциал в сфере трансграничных платежей остается практически нереализованным. В работе исследована экономическая природа ЦФА, определены их правовые характеристики и принципиальные отличия от криптовалют. Проведен сравнительный анализ регуляторных подходов в различных юрисдикциях. Проанализирована динамика российского рынка ЦФА. С опорой на статистику Банка России проведена количественная оценка рисков использования ЦФА в трансграничных расчетах. Предложена классификация рисков по источникам возникновения. Сформулированы практические рекомендации для участников внешнеэкономической деятельности (ВЭД).

***Ключевые слова*:** цифровые финансовые активы, внешнеэкономическая деятельность, международные расчеты, трансграничные платежи, риски, регулирование, Банк России, санкции

***Для цитирования*: Калабекова Л.И., Пшигусова С.З., Жирова С.А.** Цифровые финансовые активы во внешнеэкономической деятельности: риски применения в международных расчетах // Вестник СКФО: право и экономика. 2026. № 2 (38). С. 59–66.

Economy
Originak article

DIGITAL FINANCIAL ASSETS IN FOREIGN ECONOMIC ACTIVITIES: RISKS OF APPLICATION IN INTERNATIONAL SETTLEMENTS

Leyla Ibragimovna Kalabekova[1], Saida Zaudinovna Pshigusova[2], Saida Akhmetovna Zhirova[3]
[1, 2, 3] Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik, Russia
[1]7369132@mail.ru
[2]pshigusovas@mail.ru
[3]sayida@yandex.ru

Annotation. Despite the active development of the digital financial asset (DFA) market in Russia, their potential for cross-border payments remains largely untapped. This paper examines the economic nature of DFAs, identifies their legal characteristics, and identifies their fundamental differences from cryptocurrencies. A comparative analysis of regulatory approaches in various jurisdictions is conducted. The dynamics of the Russian DFA market are analyzed. Using Bank of Russia statistics, a quantitative assessment of the risks associated with using DFAs in cross-border payments is conducted. A classification of risks by source is proposed. Practical recommendations for foreign trade participants are provided.

Keywords: digital financial assets, foreign economic activity, international settlements, cross-border payments, risks, regulation, Bank of Russia, sanctions

For citation: Kalabekova L.I., Pshegusova S.Z., Zhirova S.A. Digital financial assets in foreign economic activities: risks of application in international settlements. *Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics*. 2026.2 (38):59–66.

Введение. В условиях геополитической напряженности и усиления санкционного давления на российскую финансовую систему традиционные каналы международных расчетов (SWIFT, корреспондентские счета западных банков) стали труднодоступными для значительной части российских участников внешнеэкономической деятельности (ВЭД). Это требует поиска альтернативных платежных механизмов.

Одним из таких механизмов выступают цифровые финансовые активы (ЦФА). Правовой режим ЦФА в РФ заложен Федеральным законом от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифроваых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», создавшим предпосылки для их использования в расчетах с нерезидентами.

Цель исследования – выявить ключевые риски использования цифровых финансовых активов в международных расчетах, оценить их влияние на эффективность ВЭД и предложить практические меры по минимизации данных рисков.

Объект исследования – цифровые финансовые активы как инструмент финансовых расчетов.

Предмет исследования – экономические, правовые и технологические риски, возникающие при использовании ЦФА в международных расчетах в рамках внешнеэкономической деятельности российских компаний.

Обзор литературы. Нормативную основу исследования составили Федеральный закон от 31.07.2025 № 259-ФЗ «О цифроваых финансовых активах…» [1], закрепивший правовой статус ЦФА в России, и консультационный доклад Банка России [2], определяющий векторы развития регулирования трансграничных расчетов.

Ключевое значение для сравнительного анализа регуляторных подходов имели научные работы, посвященные регулированию рынка цифровых активов в России и за рубежом [3]. В них рассматриваются четыре модели правового регулирования: либеральная (Швейцария, Сингапур), умеренная (ЕС), фрагментарная (США) и запретительная (Китай).

Анализ динамики российского рынка ЦФА базируется на данных обзоров SberCIB [4] и статистике деловых изданий [5].

Вопросы рисков и барьеров применения ЦФА в ВЭД раскрыты через анализ экспертных мнений о проблемах интероперабельности платформ [6, 7], а также через практические аспекты трансграничных платежей.

Материалы и методы исследования. Эмпирическую базу исследования составили следующие источники: статистические данные Банка России; сведения из реестра операторов информационных систем («Атомайз», «Мастерчейн», платформы Сбера, Альфа-Банка, Т-Банка); аналитические обзоры SberCIB [4]; публикации деловой прессы [5]; данные о распределении глобального рынка криптоактивов по юрисдикциям [8]. В процессе исследования был использован следующий комплекс общенаучных и специальных методов: сравнительный анализ (сопоставление российского и зарубежного опыта регулирования ЦФА); метод классификации (систематизация рисков (юридические, финансовые, технологические)); анализ статистических данных (оценка доли отклоняемых транзакций, частоты санкционных блокировок и потерь от волатильности); графический метод (визуализация динамики рынка и структуры глобального рынка).

Результаты и обсуждение. На начало 2025 года в реестр Банка России включены такие операторы информационных систем, как «Атомайз», «Мастерчейн», платформы Сбера, Альфа-Банка и Т-Банка. Совокупный объем выпусков ЦФА в России демонстрирует уверенный рост *(рисунок 1).*

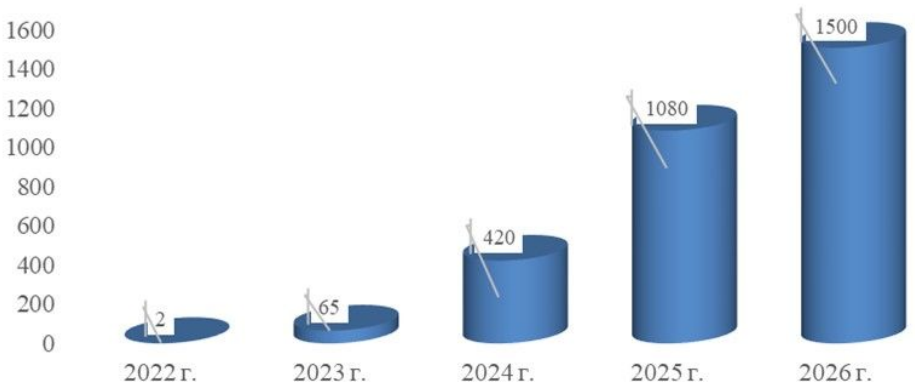

Рисунок 1 – Оценка объемов рынка ЦФА за 2022–2026 гг. (млрд руб.)
Источник: составлено авторами по материалам исследования.

Примечание: пояснения к расчетам :2022 – 2 млрд руб.; 2023 – 65 млрд руб. (данные Банка России); 2024 – суммарный оценочный объём ≈420 млрд руб. (316 млрд руб. за 9 месяцев + фактический довыпуск до ≈420 млрд руб. за полный год); 2025 – оценочно ≈1080 млрд руб. (исходя из 972 млрд руб. за 11 месяцев и традиционно высокого IV квартала); 2026 – медианный прогноз операторов информационных систем ≈1,5 трлн руб.

На фоне стремительного роста в 2025 г. проявились и первые признаки турбулентности. По данным ЦБ РФ, свои обязательства по обслуживанию или погашению долга в срок не выполнили 12 эмитентов, а общий объём проблемных обязательств (на середину декабря 2025 года) оценивался в 2,4 млрд рублей. Уровень дефолтности в сегменте ЦФА оказался выше, чем на традиционном облигационном рынке. По прогнозам участников рынка, число дефолтов в 2026 году может возрасти до 25 выпусков. Анализ данных представленных на *рисунке 1* позволил сделать вывод об экспоненциальном рост. Рынок ЦФА в России демонстрирует впечатляющую динамику. Объём выпусков за три года (2022–2025 гг.) вырос примерно в 540 раз – с 2 млрд руб. до 1,08 трлн руб.

Однако согласно статистике Банка России, по итогам 2025 года доля трансграничных операций с ЦФА в общем объеме международных платежей отечественных компаний не достигает даже 1 %. Столь низкая доля трансграничных операций с ЦФА находится в очевидном противоречии с масштабом мирового рынка цифровых активов, который продолжает активно расти. Для понимания позиции России на фоне других стран обратимся к распределению глобального рынка криптоактивов по основным юрисдикциям.

Структура глобального рынка криптоактивов в разрезе основных юрисдикций представлена на *рисунке 2*.

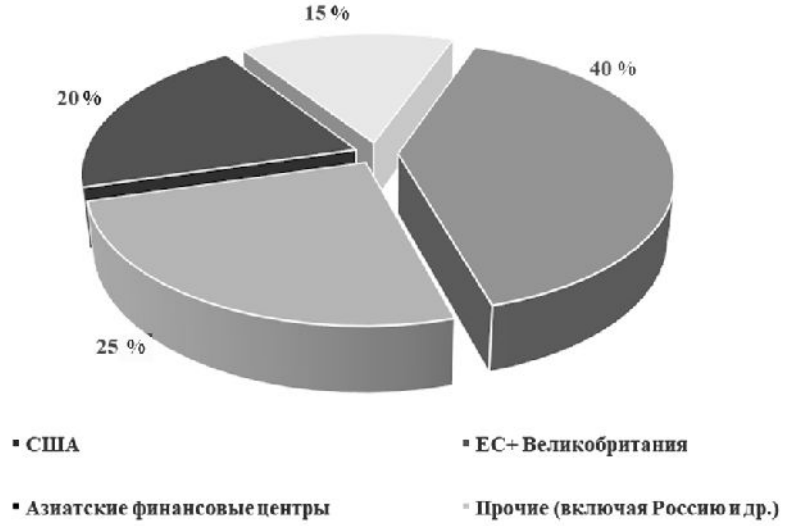

Рисунок 2 – Распределение глобального рынка криптоактивов по юрисдикциям, %
Источник: составлено авторами по [8]

Как видно из представленных на *рисунке 2* данных, Россия занимает незначительную долю на глобальном рынке криптоактивов, что объясняется как регуляторными ограничениями, так и изолированностью национальной инфраструктуры ЦФА. В то же время лидеры рынка (США, ЕС, Сингапур) демонстрируют противоположные подходы, ориентированные на интеграцию в мировую финансовую систему. Этот разрыв в подходах во многом предопределяет характер и масштаб рисков, возникающих при попытках использовать российские ЦФА в международных расчетах.

Анализ инфраструктурных и регуляторных условий позволил выделить три группы барьеров, препятствующих широкому внедрению ЦФА во внешнеэкономическую деятельность:

1. Инфраструктурные барьеры. Отсутствие интероперабельности между российскими платформами ЦФА и внешними финансовыми контурами. Чтобы провести платеж контрагенту, например, в Китае или Турции, необходимо, чтобы получатель также имел доступ к аналогичной инфраструктуре, что в текущих условиях крайне затруднительно.

2. Юридические барьеры. Недостаточная четкость порядка применения ЦФА в трансграничных сделках; в большинстве зарубежных юрисдикций ЦФА не признаются законным платежным средством.

3. Экономические и поведенческие барьеры. Низкая осведомленность участников ВЭД о возможностях и механизмах работы с ЦФА, отсутствие типовых контрактов и апробированных схем взаимодействия, а также непроработанность банковских и таможенных процедур сопровождения таких платежей – все это создает дополнительную зону неопределенности. Даже при наличии технической и юридической возможности провести трансграничный платеж с использованием ЦФА участник ВЭД сталкивается с риском отказа со стороны обслуживающего банка или претензий со стороны контролирующих органов из-за отсутствия устоявшейся правоприменительной практики.

Перечисленные барьеры (инфраструктурные, юридические, экономические) носят не изолированный, а взаимосвязанный характер. Их совокупное действие приводит к тому, что потенциальные выгоды от использования ЦФА в международных расчетах блокируются комплексом специфических угроз, которые требуют не просто описания, но систематизации. Если внутри страны параметры этих рисков уже поддаются прогнозированию (поскольку известны регулятор, операторы платформ и контрагенты), то при выходе на международный уровень добавляются факторы, способные многократно усилить угрозы для участников ВЭД. Именно поэтому возникает насущная необходимость в четкой классификации рисков по источникам их возникновения, чтобы не только идентифицировать угрозы, но и определить приоритетные направления для их минимизации.

Анализ статистических данных и экспертных материалов позволил классифицировать риски использования ЦФА в международных расчетах по источникам возникновения *(таблица 1).*

Таблица 1 – Классификация рисков использования ЦФА в международных расчетах

Группа рисков	Виды рисков
Юридические	Неопределенность правового статуса ЦФА за рубежом, отсутствие механизмов разрешения трансграничных споров, санкционные риски
Финансовые	Валютные колебания, потеря ликвидности при конвертации, кредитный риск эмитента
Технологические	Несовместимость национальных платформ, уязвимость каналов передачи данных

Источник: составлено авторами по материалам исследования

Представленная в *таблице 1* классификация позволяет перейти от качественного описания угроз к их количественному сравнению. Очевидно, что одна и та же операция с ЦФА – например, перевод денежных средств контрагенту – будет сопряжена с принципиально разным уровнем риска в зависимости от местонахождения, находится ли получатель в России или за рубежом. Для наглядности сопоставим ключевые показатели риска при использовании ЦФА во внутренних (внутрироссийских) и трансграничных операциях *(рисунок 3).*

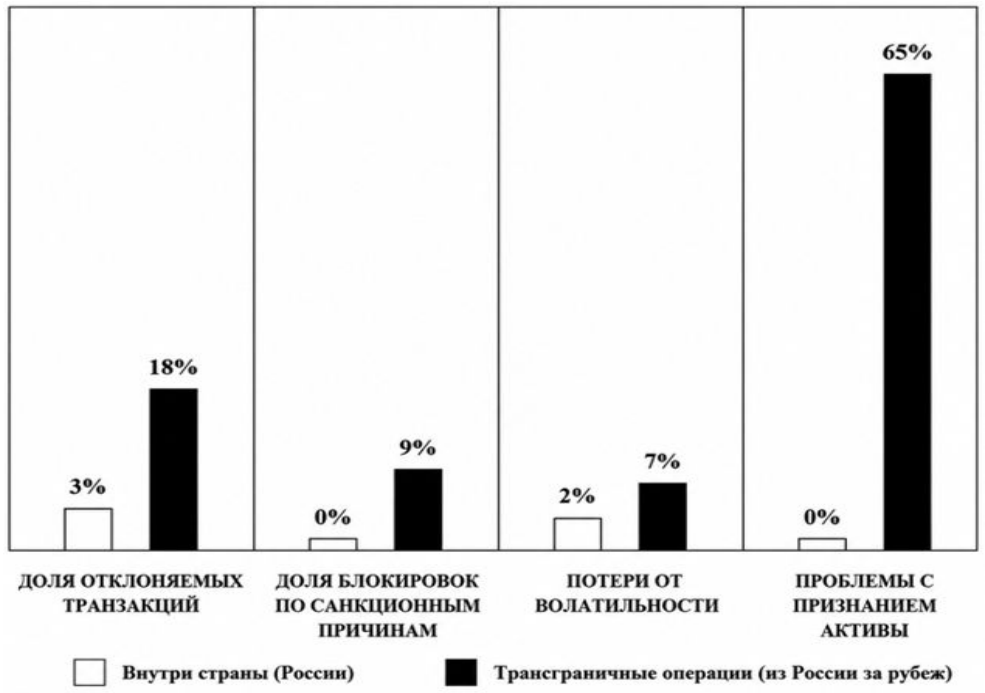

Рисунок 3 – Сравнение ключевых показателей риска при использовании ЦФА во внутренних и трансграничных операциях [8]

Как следует из представленных на *рисунке 3* данных, при переходе от внутрироссийских операций к международным все три ключевых показателя риска демонстрируют существенный рост. Доля отклоняемых транзакций увеличивается, что связано с ужесточением комплаенс-процедур со стороны банков-корреспондентов и неоднозначным отношением зарубежных регуляторов к операциям с ЦФА.

Частота санкционных блокировок, которая внутри страны отсутствует полностью, в международном контексте становится одной из главных угроз: даже если сама операция с ЦФА не подпадает под санкции, она может быть заблокирована по вторичным признакам (например, участие российского контрагента, попавшего под ограничения). Наконец, потери от волатильности при трансграничных операциях также возрастают, поскольку увеличивается время прохождения платежа и возникают дополнительные конвертации через промежуточные активы или юрисдикции.

Принципиальное отличие международного контекста заключается в появлении санкционного фактора, который внутри страны отсутствует полностью, однако за ее пределами блокирует значительную часть операций. Наиболее серьезным барьером выступает проблема юридического признания: если российское законодательство четко определяет статус ЦФА, то у большинства зарубежных торговых партнеров соответствующее регулирование отсутствует, что создает фундаментальную неопределенность для участников внешнеэкономической деятельности.

Представленная количественная оценка подтверждает, что риски использования ЦФА в международных расчетах многократно превышают аналогичные риски внутрироссийских операций. Это объясняет крайне низкую долю трансграничных платежей с использованием ЦФА (менее 1 %). Однако это не означает принципиальной непригодности ЦФА для ВЭД, но указывает на необходимость выработки специальных мер по минимизации каждой из выделенных групп рисков.

Наиболее серьезным барьером выступает проблема юридического признания: если российское законодательство четко определяет статус ЦФА, то у большинства зарубежных торговых партнеров соответствующее регулирование отсутствует, что создает фундаментальную неопределенность для участников внешнеэкономической деятельности. Из данного вывода логически вытекает два следствия. Первое: универсального способа полностью устранить все риски использования ЦФА в международных расчетах не существует – слишком

велики различия в национальных правовых системах и регуляторных подходах. Второе: это не означает невозможности использования ЦФА в ВЭД, но требует от участников внешнеэкономической деятельности осознанного подхода к выбору инструментов, контрагентов и каналов платежей. Иными словами, рисками можно и нужно управлять, минимизируя их там, где это возможно, и избегая там, где минимизация невозможна.

Проведенный анализ и выявленные закономерности позволяют перейти от диагностики угроз к выработке системы практических мер. На *рисунке 4* представлены направления снижения рисков, каждое из которых адресовано конкретной группе проблем – юридической, финансовой или технологической.

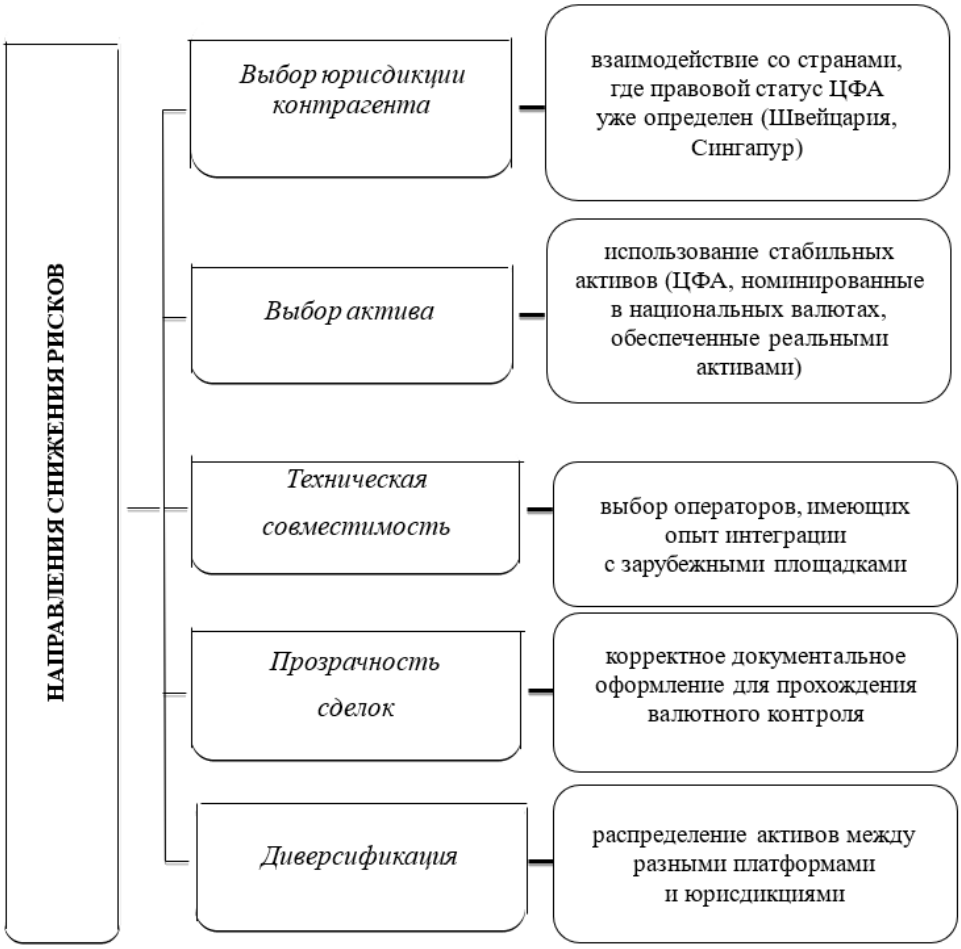

Рисунок 4 – Направления снижения рисков при использовании ЦФА в трансграничных расчетах/ *Источник*: составлено авторами.

В совокупности предложенные меры, каждая из которых направлена на нейтрализацию конкретных выявленных рисков, создают технологический, административный и стратегический контуры защиты, без которых полноценное использование ЦФА в международных расчетах остается затруднительным. Дальнейшее развитие данного инструментария будет зависеть от гармонизации национальных законодательств и выработки общих правил взаимодействия, признаваемых ключевыми торговыми партнерами России.

Заключение. Проведенное исследование подтверждает, что ЦФА являются перспективным, но на данный момент недостаточно реализованным инструментом для международных расчетов. Внутри России сформированы необходимые правовая база и инфраструктура, рынок показывает уверенный рост, однако при выходе на трансграничный уровень возникает комплекс проблем, сдерживающих применение ЦФА во внешнеэкономической деятельности.

Ключевые барьеры носят инфраструктурный, юридический и экономический характер. Наиболее значимыми выступают юридические риски (непризнание ЦФА в зарубежных юрисдикциях, санкционные ограничения) и финансовые риски (волатильность). Изолированность нацио-

нальных платформ, отсутствие интероперабельности с зарубежными системами, а также недостаточная осведомлённость участников ВЭД ограничивают реальное использование цифровых активов в международных платежах. Сравнительный анализ регуляторных подходов выявил принципиальное различие между российской моделью, ориентированной на внутренний контролируемый контур, и подходами мировых лидеров, делающих ставку на глобальную интеграцию.

Выявленные закономерности позволили сформулировать практические рекомендации для участников ВЭД, направленные на минимизацию каждой из групп рисков.

Дальнейшее развитие ЦФА во внешнеэкономической деятельности будет зависеть от гармонизации национальных законодательств и выработки общих правил, признаваемых ключевыми торговыми партнерами России. Для России решение обозначенных проблем является не только экономической, но и стратегической задачей, связанной с укреплением финансового суверенитета. Таким образом, именно способность интегрировать ЦФА в международные расчёты определит, останутся ли они нишевым инструментом или станут полноценной частью глобальной финансовой архитектуры.

Список источников

1. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31 (Часть I). Ст. 5018.

2. Развитие рынка цифровых активов в РФ: доклад для общественных консультаций // ЦБ РФ: [официальный сайт]. 2022. – URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/141991/Consultation_Paper_07112022.pdf.

3. Кулаченкова В. В. Анализ зарубежного опыта расчетов с использованием цифровых финансовых активов / В. В. Кулаченкова, Д. Е. Морковкин // Вестник евразийской науки. 2025. Т. 17. № 1. [Электронный ресурс]. – URL: https://esj.today/PDF/79ECVN125.pdf.

4. Цифровые финансовые активы: обзор рынка в 2025 году // SberCIB. 2025. URL: https://sbercib.ru/publication/tsifrovie-finansovie-aktivi-obzor-rinka-v-2025-godu

5. В Банке России оценили перспективы ЦФА // ПРАЙМ: агентство экономической информации. 2024. 15 мая. [Электронный ресурс]. – URL: https://1prime.ru/20240515/bank-rossii-848176252.html.

6. О барьерах и перспективах применения ЦФА в целях финансирования и межкорпоративного кредитования / ООО «ВТБ Факторинг». [Электронный ресурс]. – URL: https://www.vtbf.ru/news/ igor-vnukov-o-barerah-i-perspektivah-primeneniya-cfa-v-celyah-finansirovaniya-i-mezhkorporativnogo-kreditovaniya.

7. Кабанова Н. А. Разработка реестра рисков как одного из инструментов в числе методических подходов к оценке рисков ОД/ФТ при обращении цифровых финансовых активов [Электронный ресурс] // Вестник евразийской науки. 2025. № 4. URL: https://cyberleninka.ru.

8. Кашицын П., Михлина Е. Оценка рисков ЦФА: область применения кредитных рейтингов // Cbonds Review. 2024. № 2. С. 33–35.

List of sources

1. On digital financial assets, digital currency, and amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law of July 31, 2020. N 259-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2020. N 31 (Part I). Art. 5018.

2. Development of the Digital Asset Market in the Russian Federation: Report for Public Consultations // Central Bank of the Russian Federation: [official website]. 2022. URL: https://cbr.ru/ Content/Document/File/141991/Consultation_Paper_07112022.pdf.

3. Kulachenkova V.V., Morkovkin D.E. Analysis of foreign experience in settlements using digital financial assets [Electronic resource] // Bulletin of Eurasian Science. 2025. Vol. 17. N 1. URL: https://esj.today/PDF/79ECVN125.pdf.

4. Digital Financial Assets: Market Review in 2025 // SberCIB. 2025.

5. The Bank of Russia assessed the prospects of digital financial instruments [Electronic resource] // PRIME: economic information agency. 2024. May 15. – URL: https://1prime.ru/20240515/ bank-rossii-848176252.html.

6. On the barriers and prospects for the use of digital financial instruments for the purposes of financing and intercorporate lending [Electronic resource] / VTB Factoring LLC. URL: https://www.vtbf.ru/news/igor-vnukov-o-barerah-i-perspektivah-primeneniya-cfa-v-celyah-finansirovaniya-i-mezhkorporativnogo-kreditovaniya.

7. Kabanova N.A. Development of a risk register as one of the tools among methodological approaches to assessing ML/FT risks in the circulation of digital financial assets [Electronic resource] // Bulletin of Eurasian Science. 2025. N 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/razrabotka-reestra-riskov-kak-odnogo-iz-instrumentov-v-chisle-metodicheskih-podhodov-k-otsenke-riskov-od-ft-pri-obraschenii

8. Kashitsyn P., Mikhlina E. Risk assessment of digital financial assets: scope of application of credit ratings // Cbonds Review. 2024. N 2. P. 33–35.

© Калабекова Л.И., Пшигусова С.З., Жирова С.А., 2026

Вестник СКФО: Право и экономика. – 2026. – № 2 (38). – С. 66–75.
Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics. 2026;2 (38): 66–75.

Экономика
Научная статья
УДК 336.71

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ БАНКОВСКИХ ЭКОСИСТЕМ В УСЛОВИЯХ ДЕЦЕНТРАЛИЗОВАННЫХ ФИНАНСОВ

Лейла Ибрагимовна Калабекова[1], Астемир Русланович Хуранов[2], Шамиль Владимирович Ашинов[3]
[1, 2] Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия
[3]Южный Федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
[1]7369132@mail.ru
[2]khuranov2003@mail.ru
[3]asin07@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется воздействие феномена децентрализованных финансов на трансформацию банковских экосистем. Проведен анализ ключевых предпосылок интеграции цифровых финансовых активов и технологии распределенных реестров в традиционную банковскую инфраструктуру. Вопреки распространенной гипотезе о полной дезинтермедиации, обосновывается вывод о конвергенции централизованных и децентрализованных моделей, при которой банковские экосистемы выступают в роли институциональных «мостов», снижающих риски и повышающих ликвидность новых инструментов. Особое внимание уделяется российскому регуляторному контексту и потенциалу синергии экосистемного подхода с технологиями распределенных реестров.

***Ключевые слова*:** банковская экосистема, децентрализованные финансы, цифровые финансовые активы, смарт-контракты, блокчейн, финансовые инновации, краудлендинг, токенизация

***Для цитирования*: Калабекова Л.И., Хуранов А.Р., Ашинов Ш.В.** Особенности развития банковских экосистем в условиях децентрализованных финансов // Вестник СКФО: право и экономика. 2026. № 2 (38). С. 66–75.

Economy
Originak article

CHARACTERISTICS OF THE DEVELOPMENT OF BANKING ECOSYSTEMS IN THE CONTEXT OF DECENTRALIZED FINANCE

Leyla Ibragimovna Kalabekova[1], Astemir Ruslanovich Khuranov[2], Shamil Vladimirovich Ashinov[3]
[1, 2] Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik, Russia
[3]Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation
[1]7369132@mail.ru
[2]khuranov2003@mail.ru
[3]asin07@mail.ru

Annotation. This article examines the impact of the decentralized finance phenomenon on the transformation of banking ecosystems. It analyzes the key prerequisites for the integration of digital financial assets and distributed ledger technology into traditional banking infrastructure. Contrary to the widespread hypothesis of complete disintermediation, it substantiates the conclusion about the convergence of centralized and decentralized models, with banking ecosystems acting as institutional "bridges" that reduce risks and increase the liquidity of new instruments. Particular attention is paid to the Russian regulatory context and the potential for synergy between the ecosystem approach and distributed ledger technologies.

Keywords: banking ecosystem, decentralized finance, digital financial assets, smart contracts, blockchain, financial innovation, crowdlending, tokenization

For citation: Kalabekova L.I., Khuranov A.R., Ashinov Sh. V. Characteristics of the development of banking ecosystems in the context of decentralized finance. *Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics*. 2026;2(38):66–75.

Введение. Цифровая трансформация финансового сектора вступила в качественно новую фазу, характеризующуюся конвергенцией двух прежде разнонаправленных трендов: с одной стороны, централизованных банковских экосистем, выстраивающих замкнутые клиентоцентричные контуры вокруг кредитных организаций; с другой стороны, децентрализованных финансов (DeFi), предлагающих альтернативную архитектуру финансового посредничества на базе технологий распределенных реестров и смарт-контрактов.

Актуальность исследования обусловлена несколькими взаимосвязанными факторами. Во-первых, экспоненциальный рост рынка DeFi. Согласно агрегированным данным CoinMarketCap и DeFi Llama, количество активных пользователей децентрализованных финансов за период 2019–2025 годов возросло примерно со 160 тыс. до более чем 151 млн человек, что означает увеличение почти в 950 раз за шесть лет. Примечательно, что даже в период так называемой «криптозимы» 2022 года число пользователей не сократилось до уровней 2019–2020 годов, что свидетельствует о формировании устойчивой лояльной базы, рассматривающей децентрализованные финансы (DeFi) не как спекулятивный «хайп», а как альтернативную финансовую инфраструктуру.

Во-вторых, трансформация конкурентной среды. Технологические гиганты (BigTech) и финтех-компании активно внедряют DeFi-протоколы в свои сервисы, создавая угрозу «размывания» клиентской базы традиционных банков. Если банковские экосистемы не предложат интегрированные решения на базе цифровых активов, они рискуют потерять технологически продвинутый сегмент клиентов, который ценит скорость, прозрачность и автономность децентрализованных сервисов.

В-третьих, регуляторный вызов. Ведущие юрисдикции (Европейский Союз с Regulation MiCA, Великобритания, ОАЭ) формируют правовые поля для обращения криптоактивов. Россия, приняв законы о цифровых финансовых активах (ЦФА) (Федеральный закон от

31.07.2020 N 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации») и краудфандинге (Федеральный закон от 31.07.2020 N 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах …» в редакции от 31.07.2025 N 282-ФЗ), находится на этапе адаптации существующих операторов информационных систем (на конец 2025 года их насчитывается 19) к требованиям рынка [1]. Банковские экосистемы могут выступить «точкой входа» для легального обращения ЦФА, обеспечивая соблюдение требований ПОД/ФТ (противодействие легализации доходов) и KYC (идентификация клиентов).

В-четвертых, геоэкономические ограничения. Санкционное давление на российскую финансовую инфраструктуру (отключение от SWIFT, блокировка активов) стимулирует поиск альтернативных каналов расчетов и хранения стоимости. Технология распределенных реестров, не зависящая от единого центра управления, рассматривается как потенциальный инструмент обеспечения транзакционного суверенитета.

Таким образом, актуальность работы определяется необходимостью выработки теоретически обоснованных и практически применимых подходов к встраиванию инструментов DeFi в бизнес-модель банковской экосистемы как способа повышения ее эффективности, устойчивости и конкурентоспособности.

Обзор литературы. Теоретический фундамент исследования составляют несколько пересекающихся научных направлений. Проблематика децентрализованных финансов наиболее глубоко проработана в зарубежной литературе. Фундаментальные работы Ф. Шера [2] заложили основы понимания архитектуры DeFi как многоуровневой системы смарт-контрактов на блокчейн-платформах. Исследования С. Арамонте, В. Хуанга и А. Шримпфа [3] выявили ключевые риски децентрализации, включая иллюзию децентрализации (концентрация токенов управления у ограниченного числа лиц) и уязвимости оракулов. Работы С. Карима и соавторов [4] и Й. Мауши [5] посвящены взаимосвязи рынков NFT, DeFi-токенов и традиционных криптовалют в периоды рыночного стресса.

В российской академической литературе аспекты цифровой трансформации банковской деятельности исследуются в трудах М.А. Эскиндарова [6], С.А. Андрюшина [7]. Непосредственно банковским экосистемам посвящены работы В.Д. Смирнова [8], Г.А. Щербакова [9], Н.И. Быкановой [10], М.Е. Горчаковой [11]. Однако, как справедливо отмечает Л.Р. Магомаева, комплексные исследования на стыке экосистемного подхода и децентрализованных финансов представлены фрагментарно. Недостаточно раскрыт потенциал использования ЦФА как финансового инструмента банковской экосистемы, отсутствуют эмпирически верифицированные модели интеграции DeFi-протоколов в традиционные операционные процессы кредитных организаций.

Целью исследования является выявление особенностей, предпосылок и перспективных направлений интеграции децентрализованных финансов в бизнес-модель банковской экосистемы, а также обоснование роли коммерческого банка как ключевого элемента инфраструктуры нового технологического уклада.

Объектом исследования выступают банковские экосистемы как инновационная модель организации банковской деятельности в цифровой экономике.

Предметом исследования является совокупность финансовых и организационно-технологических отношений, возникающих в процессе интеграции децентрализованных финансовых инструментов в продуктовую линейку и операционный контур банковской экосистемы.

Материалы и методы исследования. Теоретико-методологическую основу исследования составили фундаментальные положения теории финансового посредничества, институциональной экономики (концепция транзакционных издержек Р. Коуза), теории многосторонних платформ (Ж.-Ш. Роше, Ж. Тироль), а также современные концепции децентрализованных финансов.

В работе использован комплекс общенаучных и специальных методов исследования: системный анализ (для декомпозиции инфраструктуры DeFi); классификация и типологизация (для систематизации цифровых финансовых активов (криптовалюты, финансовые токены, стейблкоины, невзаимозаменяемые токены) и выделения направлений интеграции DeFi в банковские экосистемы); синтез и обобщение (при формулировании выводов о конвергенции централизованных и децентрализованных моделей, а также при разработке рекомендаций

для менеджмента банковских экосистем), а также сравнительно-правовой анализ (позволил сопоставить регуляторные подходы Банка России, требования федерального закона «О цифровых финансовых активах …» (в редакции от 31.07.2025, а также проанализировать реестр операторов информационных систем ЦФА по состоянию на 2025 год). Эмпирическая база включила данные Банка России, CoinMarketCap, аналитические доклады FSB и BIS.

Результаты и дискуссия

Для корректного анализа интеграционных процессов необходимо уточнить понятийный аппарат. Децентрализованные финансы (DeFi), согласно определению Совета по финансовой стабильности (FSB, 2019), представляют собой финансовые услуги, предоставляемые с использованием приложений и протоколов на базе технологии распределенных реестров, без участия централизованных финансовых посредников. Банк России в докладе 2022 года дополняет это определение указанием на два обязательных условия: (1) автоматическое исполнение сделки в рамках смарт-контракта, реализованного в технологии распределенных реестров; (2) сохранение участниками сделки контроля над активами, являющимися объектом сделки.

Технологическая архитектура DeFi представляет собой открытую многоуровневую иерархическую систему *(рисунок 1)*, эффективность которой определяется нижестоящими уровнями:

1. Базовый уровень – технология распределенного реестра (DLT). Наибольшее распространение получила платформа Ethereum, однако активно развиваются и альтернативные решения (Near Protocol, Solana). Ключевыми характеристиками являются масштаб распространения, быстродействие (TPS – transactions per second), устойчивость к атакам и степень децентрализации.
2. Уровень цифровых активов – токены, выпущенные в соответствии с признанными стандартами (например, ERC-20 для Ethereum). Открытость программного кода позволяет любому участнику аудировать структуру актива.
3. Уровень смарт-контрактов – самовыполняющиеся алгоритмы, обеспечивающие автоматическое исполнение обязательств при наступлении заранее определенных условий (if-this-then-that).
4. Уровень приложений (dApps) – пользовательский интерфейс (сайт, мобильное приложение), предоставляющий доступ к смарт-контрактам.
5. Уровень платформ – агрегаторы, обеспечивающие доступ к нескольким dApps, предоставляющие аналитику и рейтинги (DeFi Llama, Dune Analytics).

Рисунок 1 – Технологическая архитектура DeFi
Источник: составлено авторами по [2]

Классификация финансовых инструментов децентрализованных финансов, используемых в. рамках банковских экосистем, представлена в *таблице 1.*

Таблица 1 – Финансовые инструменты децентрализованных финансов

Классификационное основание	Категория	Инструменты	Описание	Примеры протоколов
По выполняемым функция	Децентрализованные биржи (DEX)	AMM-пулы, ордерные книги	Обеспечивают обмен токенов без центрального посредника	Uniswap, Curve, Balancer
	Кредитование и заимствование	Кредитные пулы, флэш-кредиты	Позволяют предоставлять ликвидность под процент или брать займы под залог	Aave, Compound, Euler
	Стейблкоины	Алгоритмические, обеспеченные фиатом/криптоактивами	Цифровые активы, привязанные к стоимости традиционных валют	DAI, USDC, USDT, FRAX
	Синтетические активы	Токенизированные реальные активы (RWA), синтетические акции/товары	Предоставляют доступ к рыночным рискам реальных активов в блокчейн-среде	Synthetix, Mirror
	Агрегаторы доходности	Стратегии фарминга, оптимизация доходности	Автоматизируют перераспределение средств для максимизации доходности	Yearn Finance, Beefy
	Страховые протоколы	Страхование смарт-контрактов, страхование от убытков	Защищают пользователей от рисков взлома и ошибок смарт-контрактов	Nexus Mutual, InsurAce
По целевой аудитории	Розничные (Retail DeFi)	DEX, простые кредитные пулы	Ориентированы на массового пользователя с низким порогом входа	Uniswap, Aave
	Институциональные (Institutional DeFi)	Лицензированные пулы, KYC-совместимые платформы	Предназначены для крупных инвесторов с соблюдением комплаенс-требований	Aave Arc, Compound Treasury
По уровню риска	Низкий	Стейблкоины (обеспеченные), ликвидный стейкинг	Характеризуются стабильностью стоимости и низкой волатильностью	DAI, Lido
	Средний	Кредитные пулы, агрегаторы доходности	Сопряжены с рисками ликвидности, смарт-контрактов и контрагента	Aave, Yearn
	Высокий	Флэш-кредиты, алгоритмические стейблкоины, синтетические активы	Обладают высокой волатильностью и риском полной потери капитала	Euler, UST (исторический пример)
По технологии реализации	На базе Ethereum	ERC-20 токены, смарт-контракты EVM	Наиболее развитая экосистема с наибольшей ликвидностью	Uniswap, Aave, Maker
	На альтернативных блокчейнах	Solana, Near, Avalanche, BNB Chain	Предлагают более высокую пропускную способность и низкие комиссии	Raydium (Solana), Trader Joe (Avalanche)
По степени децентрализации	Полностью децентрализованные	Управляемые DAO, с открытым кодом и некастодиальные	Отсутствие центрального контроля, решения принимаются сообществом	Uniswap, Lido
	Гибридные (CeDeFi)	Сочетают DeFi-ликвидность с централизованным управлением	Соответствуют регуляторным требованиям, включают KYC/AML	Aave Arc, Maple Finance

Представленная уровневая архитектура создаёт технологический фундамент, на котором базируются различные финансовые инструменты DeFi. В зависимости от выполняемых функций, целевой аудитории и уровня риска данные инструменты могут быть классифицированы по нескольким основаниям *(таблица 1).* Представленная в данной *таблице* классификация охватывает пять основных оснований:

1) по выполняемым функциям – наиболее детализированная группировка, отражающая экономическую сущность каждого инструмента (обмен, кредитование, эмиссия стабильных активов и др.);

2) целевой аудитории – выделение розничного и институционального сегментов особенно важно в контексте интеграции DeFi в банковские экосистемы, где институциональные продукты должны соответствовать требованиям комплаенса;

3) уровню риска – позволяет ранжировать инструменты для целей риск-менеджмента и регулирования;

4) технологии реализации – отражает фрагментацию DeFi-ландшафта, где различные блокчейн-платформы конкурируют за ликвидность и пользователей;

5) степени децентрализации – ключевое основание для определения возможности интеграции в регулируемые банковские экосистемы: полностью децентрализованные протоколы трудно совместить с требованиями ПОД/ФТ, тогда как гибридные модели (CeDeFi) создают мост между двумя мирами.

Данная классификация (*таблица 1*) создаёт основу для анализа возможностей интеграции отдельных классов DeFi-инструментов в традиционные банковские экосистемы. В рамках настоящего исследования особый интерес представляют инструменты с низким и средним уровнем риска, а также гибридные модели (CeDeFi), которые могут быть адаптированы к требованиям российского финансового законодательства и надзора со стороны Банка России.

Однако сама по себе классификация инструментов не даёт ответа на вопрос о том, какие именно факторы определяют успешность или, напротив, ограничивают возможность такой интеграции. Для ответа на этот вопрос необходим системный анализ предпосылок, формирующих как возможности, так и барьеры на пути сближения децентрализованных и традиционных финансов.

На основе системного анализа выделены четыре группы предпосылок, определяющих целесообразность и направления интеграции децентрализованных финансов в банковские экосистемы.

1. Технологические предпосылки

Технология распределенных реестров, изначально предложенная С. Хабертом и В.С. Сторнеттой (1991) как способ регистрации версий документов, эволюционировала до уровня, при котором она обеспечивает:

- криптографическую защиту транзакций от несанкционированного изменения;
- консенсусное подтверждение операций без единого центра управления;
- программируемость денег (money lego) через смарт-контракты;
- совместимость между различными блокчейн-протоколами (cross-chain interoperability).

Повышение энергоэффективности (переход Ethereum на Proof-of-Stake) и производительности (до 1000+ TPS в современных решениях) делает технологию применимой для высоконагруженных банковских систем

2. Регуляторные предпосылки

В Российской Федерации создана базовая нормативно-правовая основа для обращения цифровых активов:

– Федеральный закон от 31.07.2020 N 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» определяет понятия ЦФА, утилитарных цифровых прав (УЦП) и операторов информационных систем;

– Федеральный закон от 02.08.2019 N 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ» (краудфандинг) регулирует отношения по коллективному финансированию;

– экспериментальные правовые режимы (ЭПР) в сфере цифровых инноваций позволяют тестировать новые финансовые технологии в ограниченных сегментах.

По состоянию на конец 2025 года Банком России зарегистрировано 19 операторов информационных систем (ОИС), имеющих полномочия на осуществление выпуска ЦФА. Среди них такие платформы системообразующих банков, как «А-Токен» (Альфа-Банк), «ВТБ Цифровые активы», «Сбер Цифровые активы», «Токеон» (группа ПСБ), а также небанковские операторы (Атомайз, Мастерчейн). Наибольшее количество размещений ЦФА за 11 месяцев 2025 года пришлось на платформу Альфа-банка (40 %), далее следуют НРД (18 %), Сбербанк (16 %), «Токеон» (11%) и ВТБ (6 %).

3. Экономические (рыночные) предпосылки

Высокая волатильность криптовалютного рынка (коэффициент вариации цен биткоина в отдельные периоды превышает 80 %) создает спрос на институциональные механизмы хеджирования и обеспечения ликвидности. Банковские экосистемы, обладая значительными капитальными буферами, могут выступать в роли маркет-мейкеров и поставщиков ликвидности для наиболее надежных стейблкоинов. Кроме того, токенизация реальных активов (Real World Assets, RWA) открывает возможность секьюритизации будущих денежных потоков, долевого финансирования проектов и дробления инвестиций (например, токенизация одного здания на 1000 токенов по 1 000 рублей).

4. Поведенческие (социокультурные) предпосылки

Рост финансовой грамотности населения, особенно в возрастной группе 18–35 лет, формирует спрос на прозрачные, быстрые и независимые финансовые сервисы. Согласно данным опросов, более 40 % пользователей криптовалют в России выражают готовность использовать банковские приложения для управления цифровыми активами при условии наличия понятного интерфейса и гарантий безопасности. Банковская экосистема, интегрирующая DeFi, способна снизить издержки входа (on-ramp/off-ramp) и предоставить клиенту «бесшовный» опыт управления как фиатными, так и цифровыми активами.

Анализ технологических, институциональных, экономических и поведенческих предпосылок позволяет сделать вывод, что сложились объективные условия для сближения децентрализованных и традиционных финансов. Однако реализация этих условий требует выработки конкретных моделей и направлений интеграции, учитывающих как российскую специфику, так и международный опыт.

На основе анализа российской и международной практики предложена классификация перспективных направлений интеграции децентрализованных финансов в банковские экосистемы.

Кредитные платформы на базе смарт-контрактов (краудлендинг)

Коллективное кредитование (краудлендинг) предполагает получение займов от неограниченного круга лиц без участия традиционного финансового посредника. Однако в чистом виде DeFi-кредитование сопряжено с высокими рисками: отсутствие кредитного скоринга, анонимность заемщиков, «смарт-контракт риски» (ошибки в коде, хакерские атаки).

Банковская экосистема может предложить клиентам *гибридную кредитную платформу*, обеспечивающую:

– идентификацию заемщиков и кредиторов в соответствии с требованиями 115-ФЗ (KYC/AML);

– экспертную оценку кредитоспособности заемщика на основе данных о транзакциях в экосистеме;

– юридическое сопровождение и проверку обеспечения;

– автоматизацию платежей через смарт-контракты на базе распределенного реестра банка.

Механизм денежных потоков в рамках такой платформы организован седующим образом: клиент-кредитор размещает средства в специальном смарт-контракте; клиент-заемщик получает средства после выполнения условий; коммерческий банк получает комиссионное вознаграждение за организацию и сопровождение.

Выпуск и обращение цифровых финансовых активов (токенизация)

Банковская экосистема, располагая собственной платформой оператора информационной системы ЦФА, может предоставлять клиентам услуги:

– по токенизации реальных активов – переводу прав на недвижимость, доли в бизнесе, будущие денежные потоки в форму ЦФА с дроблением на мелкие номиналы;

– эмиссии цифровых аналогов традиционных финансовых инструментов (облигации, векселя, инвестиционные паи);

– организации вторичного обращения выпущенных ЦФА, выступая в роли маркет-мейкера.

Преимущества для эмитента: сокращение издержек на подготовку эмиссионных документов, упрощение взаимодействия с инфраструктурными организациями (депозитарий, регистратор), автоматизация выплат купонного дохода и погашения через смарт-контракты.

Комплексные сберегательно-инвестиционные продукты

Включение ЦФА и обеспеченных стейблкоинов в линейку инвестиционных продуктов банковской экосистемы позволяет клиентам диверсифицировать портфели и получить доступ к новым классам активов. Возможная структура комплексного продукта:

– банковский вклад (депозит) с фиксированной доходностью в рублях;

– инвестиционный компонент – портфель из ЦФА (например, токены, обеспеченные золотом, или паи фондов, инвестирующих в DeFi-протоколы);

– брокерское обслуживание для активной торговли ЦФА;

– накопительное страхование жизни, выплаты по которому могут быть привязаны к стоимости корзины цифровых активов.

Платежные и расчетные сервисы с использованием цифровой валюты

Хотя действующее законодательство РФ пока не признает криптовалюты законным средством платежа внутри страны, перспективы использования стейблкоинов в международных расчетах (особенно в рамках ЕАЭС и БРИКС) активно обсуждаются. Банковская экосистема может выступить оператором трансграничных платежей с использованием цифровых валют, обеспечивая конвертацию, комплаенс и страхование валютных рисков.

Рассмотренные выше направления интеграции требуют не только технологической и институциональной проработки, но и чёткого понимания фундаментальных различий между традиционной и децентрализованной финансовыми моделями. Без такого понимания невозможно корректно оценить ни потенциал синергии, ни зоны, где интеграция сопряжена с неприемлемыми рисками.

Для системного понимания преимуществ и ограничений интеграции DeFi целесообразно сопоставить ключевые характеристики традиционной модели (TradFi) и децентрализованной модели (DeFi) *(таблица 2).*

Таблица 2 – Сравнительный анализ TradFi и DeFi в контексте банковской экосистемы

Критерий сравнения	Традиционные финансы (TradFi)	Децентрализованные финансы (DeFi)	Потенциал интеграции в экосистему
Централизация управления	Высокая (ЦБ, банки, клиринг)	Низкая (DAO, протоколы)	Гибридные модели (банк как управляющий протоколом)
Идентификация клиентов (KYC)	Обязательная, регламентированная	Псевдонимная (адрес кошелька)	Банк проводит KYC на входе в DeFi
Прозрачность транзакций	Ограниченная (банковская тайна)	Полная (публичный реестр)	Баланс: конфиденциальность + аудит
Скорость расчетов	1–3 рабочих дня (SWIFT), мгновенно (СБП)	Секунды – минуты (в зависимости от сети)	Интеграция для мгновенных микроплатежей
Издержки на трансграничные переводы	Высокие (2–5 % + конверсия)	Низкие (0, 1–1 % комиссия сети)	Банк как агрегатор ликвидности
Гарантии возврата средств	Государственная (АСВ)	Отсутствуют (риск потери ключей)	Добровольное страхование через банк
Регуляторный надзор	Полный	Минимальный/отсутствует	Банк как «регуляторный фильтр»

Источник: составлено авторами по материалам исследования.

Из представленного сравнения *(таблица 2)* следует, что «чистый» DeFi не может полностью заменить TradFi в силу отсутствия защиты прав потребителей, механизмов разрешения споров и страхования. Однако интеграция DeFi-инструментов в банковскую экосистему позволяет «экстернализировать» преимущества децентрализации (скорость, низкие издержки, программируемость), одновременно «интернализируя» риски через банковские механизмы комплаенса и управления. Банковская экосистема может выступать в роли «регуляторного фильтра», проводя KYC (Know Your Customer «знай своего клиента») на входе и обеспечивая комплаенс при сохранении преимуществ DeFi.

Представленный в *таблице 2* сравнительный анализ показывает, что традиционные и децентрализованные финансы не являются взаимоисключающими. Напротив, их ключевые характеристики демонстрируют потенциал взаимодополнения: сильные стороны одной модели компенсируют слабости другой. Именно это наблюдение – комплементарность, а не конкуренция – становится главным теоретическим обоснованием для выработки стратегии конвергенции двух финансовых систем.

Заключение. Развитие банковских экосистем в условиях распространения децентрализованных финансов происходит не по пути вытеснения, а по пути конвергенции. Коммерческий банк, сохраняя контроль над цифровой платформой и клиентскими данными, получает возможность «легитимизировать» DeFi-инструменты, встроив их в периметр регулируемого и защищенного экосистемного пространства. Наиболее перспективными направлениями являются организация кредитных платформ на смарт-контрактах и выпуск токенизированных реальных активов (RWA). Дальнейшие исследования должны быть направлены на построение экономико-математических моделей ценообразования гибридных продуктов, сочетающих традиционные и децентрализованные элементы.

Список источников

1. Федеральный закон от 31.07.2020 N 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

2. Schär F. Decentralized finance: On blockchain-and smart contract-based financial markets // Federal Reserve Bank of St. Louis Review. 2021. Vol. 103. No 2. Pp. 153–74.

3. Aramonte, S. DeFi risks and the decentralisation illusion / S. Aramonte, W. Huang, A. Schrimpf // BIS Quarterly Review. 2021. N12. URL: https://www.bis.org/publ/qtrpdf/r_qt2112b.pdf (дата обращения: 02.02.2026).

4. Karim S. Examining the interrelatedness of NFTs, DeFi tokens and cryptocurrencies / S. Karim, B.M. Lucey, M.A. Naeem, G.S. Uddin // Finance Research Letters. 2022. С. 102696. https://doi.org/10.1016/j.frl.2022.102696.

5. Maouchi Y. Understanding digital bubbles amidst the COVID-19 pandemic: Evidence from DeFi and NFTs / Y. Maouchi, L. Charfeddine, G. El Montasser // Finance Research Letters. 2022. Т. 47. С. 102584. https://doi.org/10.1016/j.frl.2021.102584

6. Эскиндаров М.А., Абрамова М.А., Масленников В.В. и др. Устойчивость и трансформация финансового рынка в условиях цифровизации: монография. М.: КНОРУС, 2023. 364 с.

7. Андрюшин С.А., Григорьев Р.А. Экосистемные банки: формы, риски и методы регулирования // Terra Economicus. 2021. Т. 19, N 4. С. 51–65.

8. Смирнов В.Д. Банковские экосистемы: специфика развития // Управленческие науки. 2021. Т. 11, N 3. С. 47–60.

9. Щербаков Г.А. Цифровые экосистемы как инструмент достижения конкурентных преимуществ на финансовом рынке: системный анализ проблемы // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2022. Т. 13, № 1. С. 42-59.

10. Быканова Н.И. Формирование экосистем банков в условиях цифровизации банковского пространства / Н.И. Быканова, Ю А. Соловей, Д.В. Гордя, Л.А. Коньшина // Экономика. Информатика. 2020. Т. 47, № 1. С. 91-100.

11. Горчакова М.Е. Классификация банковских экосистем // Вопросы инновационной экономики. 2025. Т. 9, № 2. С. 100-110.

12. Магомаева Л.Р. Современные вызовы цифровой трансформации банковской деятельности. Грозный: ГУП «Книжное издательство», г., 2019. 230 с.

List of sources

1. Federal Law of July 31, 2020 N 259-FZ "On Digital Financial Assets, Digital Currency, and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation.

2. Schär, F. Decentralized finance: On blockchain-and smart contract-based financial markets // Federal Reserve Bank of St. Louis Review. 2021. Vol. 103. No 2. Pp. 153-74.

3. Aramonte, S. DeFi risks and the decentralisation illusion / S. Aramonte, W. Huang, A. Schrimpf // BIS Quarterly Review. 2021. N12. URL: https://www.bis.org/publ/qtrpdf/r_qt2112b.pdf (дата обращения: 02.02.2026).

4. Karim, S. Examining the interrelatedness of NFTs, DeFi tokens and cryptocurrencies / S. Karim, B.M. Lucey, M.A. Naeem, G.S. Uddin // Finance Research Letters. 2022. C. 102696. https://doi.org/10.1016/j.frl.2022.102696

5. Maouchi, Y. Understanding digital bubbles amidst the COVID-19 pandemic: Evidence from DeFi and NFTs / Y. Maouchi, L. Charfeddine, G. El Montasser // Finance Research Letters. 2022. T. 47. C. 102584. https://doi.org/10.1016/j.frl.2021.102584

6. Eskindarov M.A., Abramova M.A., Maslennikov V.V. et al. Sustainability and transformation of the financial market in the context of digitalization: monograph. M.: KNO-RUS, 2023. 364 p.

7. Andryushin, S.A. Ecosystem Banks: Forms, Risks, and Regulation Methods / S.A. Andryushin, R.A. Grigoriev // Terra Economicus. 2021. Vol. 19, N 4. Pp. 51–65. DOI 10.18522/2073-6606-2021-19-4-51-65.

8. Smirnov V.D. Banking ecosystems: development specifics // Management sciences. 2021. Vol. 11, N 3. Pp. 47–60. DOI 10.26794/2404-022X-2021-11-3-47-60

9. Shcherbakov G.A. Digital ecosystems as a tool for achieving competitive advantages in the financial market: a systems analysis of the problem // MIR (Modernization. Innovation. Development). 2022. Vol. 13, N 1. Pp. 42–59. – DOI 10.18184/2079-4665.2022.13.1.42-59

10. Bykanova, N.I. Formation of Banking Ecosystems in the Context of Digitalization of the Banking Space / N.I. Bykanova, Yu. A. Solovey, D.V. Gordya, L.A. Konshina // Economy. Informatics. 2020. Vol. 47, N 1. Pp. 91–100. – DOI 10.18413/2687-0932-2020-47-1-91-100

11. Gorchakova M.E. Classification of banking ecosystems // Issues of innovation economics. 2025. Vol. 9, N 2. Pp. 100-110.

12. Magomaeva L.R. Modern challenges of digital transformation of banking activities. Grozny: State Unitary Enterprise "Book Publishing House", Grozny, 2019. 230 p.

© Калабекова Л.И., Хуранов А.Р., Ашинов Ш.В., 2026

Вестник СКФО: Право и экономика. – 2026. – № 2 (38). – С. 76–84.
Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics. 2026;2(38):76–84.

Экономика
Научная статья
УДК 657.6:004.8

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ПРОЦЕССЫ КОНТРОЛЯ И РЕВИЗИИ

Мадина Мухарбиевна Кумышева
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия, kumysheva84@list.ru

Аннотация. Цифровая трансформация экономики обусловила переход контрольно-ревизионной деятельности от ретроспективного выборочного контроля к непрерывному проактивному мониторингу. В статье систематизированы ключевые цифровые технологии (Big Data, искусственный интеллект, блокчейн, роботизированная автоматизация процессов, облачные вычисления), определяющие указанную трансформацию. Для каждой технологии выявлены преимущества (полный охват данных, автоматизация рутинных операций, предиктивная аналитика, неизменность записей), риски (феномен «чёрного ящика», киберугрозы, высокая стоимость внедрения) и ограничения применительно к российским условиям. Особое внимание уделено национальной специфике: налоговому мониторингу ФНС, импортозамещению программного обеспечения и требованиям Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (с изменениями на 24 июня 2025 года). Предложены рекомендации по интеграции технологий на основе отечественного ПО, обучению кадров и адаптации нормативных стандартов. Результаты могут быть использованы внутренними аудиторами, контрольно-ревизионными службами и регуляторами при цифровизации контрольных функций.

Ключевые слова: цифровая трансформация, контрольно-ревизионная деятельность, Big Data, искусственный интеллект, блокчейн, роботизированная автоматизация процессов, налоговый мониторинг, предиктивная аналитика, внутренний контроль, аудит

***Для цитирования*: Кумышева М.М.** Влияние цифровых технологий на процессы контроля и ревизии // Вестник СКФО: право и экономика. 2026. № 2 (38). С. 76–84.

Economy
Originak article

THE IMPACT OF DIGITAL TECHNOLOGIES ON CONTROL AND AUDIT PROCESSES

Madina Mukharbievna Kumysheva
Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik, Russia, kumysheva84@list.ru

***Annotation*.** The digital transformation of the economy has necessitated a shift in audit and control activities from retrospective, selective auditing to continuous, proactive monitoring. This article systematizes the key digital technologies (Big Data, artificial intelligence, blockchain, robotic process automation, and cloud computing) driving this transformation. Each technology is characterized by its advantages (full data coverage, automation of routine operations, predictive analytics, and immutability of records), risks (the "black box" phenomenon, cyber threats, and high implementation costs), and limitations in relation to Russian conditions. Particular attention is paid to national specifics: tax monitoring by the Federal Tax Service, software import substitution, and the requirements of Federal Law N 152-FZ. Recommendations are offered for integrating technologies based on domestic software, training personnel, and adapting regulatory standards. The results can be used by internal auditors, audit departments, and regulators in the digitalization of control functions.

Keywords: digital transformation, audit activities, Big Data, artificial intelligence, blockchain, robotic process automation, tax monitoring, predictive analytics, internal control, audit

For citation: Kumysheva M. M. The impact of digital technologies on control and audit processes // Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics. 2026; 2 (38): 76–84.

Введение. Цифровая трансформация экономики и бизнеса вносит фундаментальные изменения в организацию и методологию контрольно-ревизионной деятельности. Традиционные подходы, основанные на выборочных проверках и ретроспективном анализе, перестают отвечать требованиям оперативности, полноты и достоверности в условиях экспоненциального роста объёмов обрабатываемых данных и усложнения хозяйственных связей. Внедрение технологий анализа больших данных (Big Data), искусственного интеллекта (ИИ), распределенных реестров (блокчейн) и роботизированной автоматизации процессов (RPA) создаёт новые возможности для повышения эффективности контроля, но одновременно порождает ранее не встречавшиеся риски (киберугрозы, неинтерпретируемость алгоритмов, правовую неопределённость).

Необходимость адаптации традиционных методик контроля и ревизии к условиям цифровизации, а также отсутствие в научной литературе систематизированного анализа влияния совокупности указанных технологий на точность, скорость и независимость контрольно-ревизионной деятельности с учётом российской специфики (налоговый мониторинг, импортозамещение, требования к защите персональных данных) актуализировало исследование.

Цель исследования – выявление и систематизация влияния ключевых цифровых технологий на эффективность и качество процессов контроля и ревизии, а также разработка практических рекомендаций по их интеграции в практику внутреннего аудита и контроля.

Объект исследования – процессы внутреннего контроля и ревизии в коммерческих организациях.

Предмет исследования – содержание, методы и результаты контрольно-ревизионной деятельности под влиянием технологий Big Data, ИИ, блокчейна, RPA и облачных вычислений.

Методы и методология исследования. Теоретико-методологическую основу исследования составили труды отечественных и зарубежных учёных в области цифрового аудита, информационных систем и внутреннего контроля (M. Alles [1], D. Appelbaum [2], M.A. Vasárhelyi [3], J. Kokina [4], а также российские разработки Л. Г. Макаровой [5], Ю. В. Пятковской [6]). Исследование базируется на системном подходе, позволяющем рассматривать контрольно-ревизионную деятельность как целостную систему, элементы которой (методы, процедуры, инструменты) находятся в диалектической взаимосвязи с внешней технологической средой.

В процессе исследования были использованы следующие ***методы***: метод теоретического анализа и синтеза (для обобщения зарубежных и российских подходов к цифровизации контроля); сравнительно-сопоставительный метод (для выявления различий между традиционными и цифровыми методами проверки); метод классификации (для группировки цифровых технологий по их функциям в контрольном процессе (сбор данных, аналитика, верификация, автоматизация)); case-study (анализ конкретных кейсов) (для изучения практики налогового мониторинга ФНС России и внедрения RPA в Сбербанке и ВТБ); SWOT-анализ (адаптированный) (для структурирования преимуществ и рисков каждой технологии).

Информационную базу составили: нормативно-правовые акты РФ (Федеральные законы от 06.12.2011 № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» N 402-ФЗ (последняя редакция) [7], от 30.12.2008 № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности» (последняя редакция) [8], О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ (последняя редакция) [9], приказы ФНС), открытые отчёты российских компаний, данные рейтинговых агентств и международные публикации в рецензируемых журналах (Journal of Information Systems, Auditing: A Journal of Practice & Theory, Accounting Horizons).

Таким образом, выбранный методологический аппарат позволяет не только констатировать факт цифровой трансформации контрольно-ревизионной деятельности, но и выявить причинно-следственные связи между внедрением конкретных технологий и изменением ключевых характеристик контрольных процедур (охват, непрерывность, прогностическая

способность). Ниже представлены результаты системного анализа влияния каждой из рассматриваемых технологий, структурированные по единому шаблону: преимущества → риски и ограничения → российская специфика применения.

Результаты и дискуссия

Влияние цифровых технологий на контроль и ревизию: систематизация результатов

Цифровая трансформация оказывает глубокое влияние на методологию и инструментарий контрольно-ревизионной деятельности, изменяя её характер от ретроспективного и выборочного к проактивному, непрерывному и всеобъемлющему [3]. Это преобразование затрагивает все аспекты контроля и ревизии – от независимого аудита до внутреннего контроля, налоговых проверок и государственного финансового надзора. Ниже последовательно рассмотрены ключевые технологии, определяющие указанные изменения.

Big Data и аналитика данных

Применение технологий больших данных и продвинутой аналитики признано одним из наиболее значимых драйверов изменений в современном аудите и внутреннем контроле [1]. В отличие от традиционных подходов, ограниченных выборочным методом и ретроспективным анализом, Big Data обеспечивает качественно иной уровень контроля, что проявляется в следующих аспектах.

Преимущества:

– *расширение охвата проверки*: переход от выборочных проверок к анализу 100 % совокупности данных, что значительно повышает достоверность аудиторских выводов [2];

– *выявление аномалий и индикаторов мошенничества*: алгоритмы машинного обучения способны выявлять неочевидные паттерны, которые могут указывать на мошеннические действия [10];

– *непрерывный мониторинг*: системы аналитики позволяют настроить автоматизированный мониторинг ключевых показателей в режиме реального времени [3];

– *предиктивная аналитика*: построение моделей для прогнозирования потенциальных рисков (кредитных, операционных, налоговых) переводит контроль в проактивный формат [11].

Вместе с тем практическая реализация перечисленных преимуществ сталкивается с рядом системных барьеров, требующих отдельного рассмотрения. К числу наиболее существенных ограничений относятся следующие.

Риски и ограничения: высокая стоимость систем, дефицит квалифицированных специалистов по данным (data scientists), риски конфиденциальности, а также проблема «мусор на входе – мусор на выходе» (garbage in, garbage out) при некачественных исходных данных [12].

Искусственный интеллект и машинное обучение

ИИ и машинное обучение (ML) выступают катализаторами качественных изменений, автоматизируя рутинные задачи и предоставляя новые аналитические инсайты [13]. В отличие от традиционных статистических методов, которые требуют явного задания правил проверки, ML-алгоритмы самостоятельно выявляют закономерности в данных, что даёт три ключевых преимущества для контрольно-ревизионной деятельности.

Преимущества:

– *автоматизация рутинных задач*: сверка данных из различных источников, классификация транзакций, анализ договоров [1];

– *обработка неструктурированных данных*: алгоритмы NLP (обработки естественного языка) позволяют анализировать электронные письма, протоколы совещаний, аудиозаписи, расширяя горизонт аудита [14];

– *поддержка принятия решений*: ИИ-системы выступают в роли «интеллектуальных помощников», предоставляя комплексные отчёты и прогнозы рисков [15].

Однако, несмотря на высокий потенциал, применение ИИ в контроле порождает принципиальную дилемму: чем сложнее и точнее модель, тем менее она интерпретируема для человека-аудитора. Эта проблема «чёрного ящика» дополняется рядом практических ограничений, которые необходимо учитывать при принятии решения о внедрении.

Риски и ограничения: феномен «чёрного ящика» (black box), когда логика принятия решений моделью неочевидна, что затрудняет проверку результатов [13]; риски ложноположительных срабатываний; высокие затраты на разработку; дефицит специалистов в области ИИ.

Блокчейн и достоверность информации

Блокчейн благодаря децентрализации, неизменности и криптографической защищённости существенно изменяет подходы к обеспечению достоверности финансовой информации [16]. В отличие от традиционных централизованных баз данных, где риск несанкционированного изменения остаётся высоким, распределённый реестр предоставляет три фундаментальных гарантии целостности учётных данных.

Преимущества:

– *неизменность и целостность данных*: записи транзакций криптографически защищены, что делает практически невозможным их изменение задним числом [17];

– *прозрачность и прослеживаемость*: каждая транзакция имеет полную историю, доступную авторизованным пользователям [3, 18];

– *смарт-контракты*: самоисполняющиеся контракты, условия которых записаны в блокчейне, минимизируют риски ошибок и мошенничества [19].

Однако столь привлекательные с точки зрения контроля свойства блокчейна вступают в противоречие с реалиями корпоративных информационных систем, порождая ряд трудноразрешимых проблем.

Риски и ограничения: сложность интеграции с устаревшими (legacy) информационными системами, высокие начальные затраты, регуляторная неопределённость [12].

Если блокчейн ориентирован на обеспечение целостности данных в долгосрочной перспективе, то роботизированная автоматизация процессов (RPA) решает иную задачу – операционную эффективность здесь и сейчас

Роботизированная автоматизация процессов (RPA)

RPA направлена на автоматизацию повторяющихся, рутинных и высокообъёмных задач [4]. В отличие от ИИ, который требует обучения на больших массивах данных, программные роботы действуют по жёстко заданным правилам, что обеспечивает три ключевых эффекта для контроля.

Преимущества:

– *автоматизация сбора и обработки данных*: программные роботы извлекают данные из ERP, CRM, банковских систем, сокращая время на подготовку рабочих документов [20];

– *выполнение рутинных контрольных процедур*: непрерывная проверка соответствия цен в договорах и счетах-фактурах, сверка банковских выписок [21];

– *исключение человеческого фактора*: снижение вероятности случайных ошибок и повышение последовательности выполнения процедур.

Вместе с тем, как и любая технология, основанная на строгом следовании алгоритму, RPA уязвима при изменении исходных бизнес-процессов и несёт риски, связанные с администрированием роботизированных учётных записей.

Риски и ограничения: высокие начальные затраты на лицензирование, необходимость постоянной поддержки ботов, риск неверной настройки, вопросы безопасности доступа к конфиденциальным данным [4].

Если RPA оптимизирует выполнение отдельных контрольных операций, то облачные вычисления трансформируют саму среду, в которой эти операции осуществляются, создавая как новые возможности, так и принципиально иные угрозы.

Облачные вычисления и кибербезопасность

Облачные технологии предоставляют гибкие, масштабируемые и экономически эффективные решения для хранения и обработки данных, но сопряжены с повышенными рисками информационной безопасности. Их применение в контрольно-ревизионной деятельности даёт следующие **преимущества**: удалённый доступ из любой точки, динамическое масштабирование ресурсов, облегчение совместной работы распределённых команд, снижение капитальных затрат на ИТ-инфраструктуру.

Однако платой за перечисленные преимущества становится утрата прямого контроля над физическим размещением данных и зависимость от провайдера облачных услуг, что в российских условиях усугубляется действием специальных нормативных требований.

Риски и ограничения: передача конфиденциальных данных в облачную среду создаёт угрозы несанкционированного доступа, потери или искажения данных. В России это особенно актуально в контексте Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» и требований ФСТЭК России.

Проведённый анализ общих преимуществ и рисков цифровых технологий в контроле не был бы полным без учёта национальной специфики. В Российской Федерации процессы цифровизации контроля и ревизии имеют особенности, обусловленные тремя группами факторов: нормативно-правовой базой, сложившимися практиками государственного и корпоративного управления, а также внешними ограничениями.

Особенности цифровизации контроля и ревизии в России

Рассмотренные выше общие принципы влияния цифровых технологий на контроль и ревизию приобретают национальную специфику применительно к российской институциональной и технологической среде. Ниже анализируются особенности, барьеры и сложившиеся практики цифровой трансформации контрольно-ревизионной деятельности в Российской Федерации.

Цифровая трансформация контроля и ревизии в Российской Федерации имеет свою специфику, обусловленную национальным законодательством, экономическими условиями, санкционными ограничениями и уровнем цифровой зрелости различных секторов. Указанные факторы формируют как уникальные драйверы развития (например, налоговый мониторинг), так и системные ограничения, которые необходимо учитывать при внедрении цифровых инструментов. Рассмотрим последовательно нормативно-правовую базу, сложившиеся практики и ключевые барьеры.

Нормативно-правовая база. Российская система регулирования опирается на Федеральный закон от 06.12.2011 № 402-ФЗ «О бухгалтерском учёте» [7], Федеральный закон от 30.12.2008 № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности», федеральные стандарты бухгалтерского учёта (ПБУ 1/2008 «Учётная политика организации») [8], а также федеральные правила (стандарты) аудиторской деятельности, гармонизированные с Международными стандартами аудита. Требования ФНС России к налоговому мониторингу (Приказ ФНС России от 25.05.2021 № ЕД-7-23/518@) являются примером активной цифровизации государственного контроля.

Приведённые нормативные акты создают формальные основания для цифровизации, однако реальное наполнение эти нормы получают лишь в конкретных практиках внедрения. Наиболее показательные примеры реализации цифровых технологий в контроле сложились в трёх сферах: налоговом администрировании, банковском секторе и государственном финансовом контроле.

Российские кейсы и практика

1. *Налоговый мониторинг ФНС*: проект ГИВЦ ФНС позволяет налоговым органам получать доступ к данным налогоплательщиков в режиме реального времени, что по сути является формой непрерывного налогового контроля, основанной на Big Data и аналитике [6].

2. *RPA в банковском секторе*: Сбербанк и ВТБ активно используют RPA для автоматизации рутинных операций во внутреннем контроле, финансовом мониторинге и бэк-офисных процессах.

3. *Государственный финансовый контроль*: Счётная палата РФ изучает возможности применения аналитики данных и ИИ для повышения эффективности государственного аудита.

4. *Внутренний контроль в крупных компаниях*: развиваются системы внутреннего контроля, использующие аналитические модули для мониторинга рисков и выявления отклонений.

Приведённые примеры свидетельствуют о значительном прогрессе в цифровизации контроля в крупных компаниях и государственном секторе. Однако массовое распространение цифровых технологий на всю совокупность хозяйствующих субъектов наталкивается на комплекс барьеров, которые носят не столько технологический, сколько институциональный и кадровый характер.

Основные барьеры в России

– *Низкий уровень цифровизации малого и среднего бизнеса (МСБ)*: недостаток ресурсов для внедрения дорогостоящих цифровых решений, что создаёт цифровой разрыв между крупными и малыми предприятиями.

– *Санкционные ограничения*: ограничения на доступ к зарубежному программному обеспечению и оборудованию стимулируют развитие отечественных решений (импортозамещение), но замедляют внедрение передовых технологий.

– *Дефицит квалифицированных кадров*: нехватка специалистов, обладающих компетенциями одновременно в области аудита/контроля и информационных технологий [4].

– *Правовые и этические аспекты*: вопросы защиты персональных данных (Федеральный закон от 27.07.2006 152-ФЗ) [6], юридического статуса электронных доказательств и блокчейн-транзакций, а также допустимости использования ИИ в принятии решений требуют дальнейшей проработки.

Проведённый выше анализ позволил идентифицировать три группы факторов, сдерживающих цифровизацию контроля и ревизии в России: нормативно-правовые пробелы (статус электронных доказательств, ИИ-решений), технологические барьеры (санкционные ограничения, устаревшая ИТ-инфраструктура МСБ) и кадровые дефициты (нехватка специалистов с двойной компетенцией). Преодоление этих барьеров невозможно без целенаправленной системы мер, адресованных различным категориям стейкхолдеров. С учётом международного опыта и российской специфики сформулированы следующие рекомендации, сгруппированные по трём направлениям: технологическая интеграция, развитие человеческого капитала и совершенствование нормативной базы.

Рекомендации по интеграции цифровых технологий в контрольно-ревизионную деятельность

Идентифицированные в предыдущем разделе барьеры (нормативные, технологические, кадровые) носят системный характер и не могут быть преодолены точечными мерами. Это обусловливает необходимость комплексного подхода к интеграции цифровых технологий в контрольно-ревизионную деятельность, учитывающего как международный опыт, так и российскую специфику.

На основе проведённого анализа предлагаются следующие рекомендации, структурированные по трём направлениям: технологическому, кадровому и нормативному. Каждое из направлений адресовано соответствующей группе стейкхолдеров: технологические рекомендации – преимущественно руководителям ИТ-служб и системным интеграторам; кадровые – службам управления персоналом и образовательным организациям; нормативные – регуляторам (Минфин России, ФНС, Банк России).

Технологические рекомендации

– Внедрять Big Data и предиктивную аналитику для перехода на сплошные проверки и проактивный мониторинг рисков (особенно в крупных компаниях и госсекторе).

– Использовать RPA для автоматизации высокообъёмных рутинных операций (сверка счетов, мониторинг лимитов, формирование выборок) с обязательным периодическим аудитом настроек ботов.

– Применять блокчейн в цепочках поставок и при операциях с цифровыми активами для обеспечения неизменности и прослеживаемости записей с учётом сложности интеграции с устаревшими системами.

– Отдавать приоритет отечественному программному обеспечению, имеющему аттестацию ФСТЭК России, для соответствия требованиям импортозамещения и информационной безопасности.

– Внедрять облачные решения только после проведения оценки рисков кибербезопасности и соблюдения требований Федеральный закон от 27.07.2006 152-ФЗ (локализация персональных данных на территории РФ).

Однако внедрение даже самых совершенных технологических решений останется неэффективным без соответствующего кадрового обеспечения. Компетенции сотрудников контрольно-ревизионных служб должны эволюционировать синхронно с технологической базой, что требует целенаправленных мер в области подготовки и сертификации кадров.

Кадровые рекомендации

– Разработать программы повышения квалификации для сотрудников контрольно-ревизионных служб, включающие модули по анализу данных, основам ИИ и кибербезопасности.

– Формировать междисциплинарные команды (аудиторы + аналитики данных + ИТ-специалисты) для внедрения и сопровождения цифровых инструментов.

– Внедрить в систему профессиональной сертификации аудиторов и внутренних контролёров компетенции в области цифровых технологий (по аналогии с международными сертификатами CISA, CDPSE).

Даже при наличии технологической инфраструктуры и квалифицированных кадров устойчивое развитие цифрового контроля невозможно без адекватной нормативной базы. Действующие стандарты аудита и контроля были разработаны до массового внедрения Big Data, ИИ и блокчейна, поэтому требуют системного обновления, учитывающего новые возможности и риски.

Нормативные рекомендации

– Инициировать внесение изменений в федеральные стандарты аудита (ФПСАД), предусматривающих применение методов анализа 100 % данных, непрерывного аудита и использование ИИ-инструментов с обязательным раскрытием информации о применяемых алгоритмах.

– Разработать методические рекомендации по документированию аудиторских процедур, выполненных с использованием RPA и ИИ, включая требования к проверке настроек и верификации результатов.

– Уточнить правовой статус смарт-контрактов и блокчейн-записей в качестве аудиторских доказательств.

Предложенные рекомендации, охватывающие технологическую, кадровую и нормативную сферы, образуют взаимосвязанную систему. Их реализация позволит преодолеть основные барьеры цифровизации контроля и ревизии в России (низкий уровень цифровизации МСБ, санкционные ограничения, дефицит кадров, правовую неопределённость) и обеспечить переход от выборочных ретроспективных проверок к непрерывному проактивному мониторингу. В заключении обобщим основные результаты проведённого исследования наметим направления дальнейших изысканий

Заключение. Проведённое исследование подтвердило, что цифровые технологии (Big Data, ИИ, блокчейн, RPA, облачные вычисления) кардинально трансформируют контрольно-ревизионную деятельность, обеспечивая переход от выборочных ретроспективных проверок к непрерывному проактивному мониторингу. Систематизированы ключевые преимущества (полный охват данных, автоматизация рутины, предиктивная аналитика) и риски (затраты, «чёрный ящик», киберугрозы, правовая неопределённость) для каждой технологии.

Выявлена российская специфика: налоговый мониторинг ФНС как пример эффективного государственного цифрового контроля, активное внедрение RPA в банковском секторе, а также барьеры, связанные с санкциями, слабой цифровизацией МСБ и дефицитом кадров. Предложены практические рекомендации по интеграции технологий с учётом импортозамещения (отечественное ПО с аттестацией ФСТЭК), обучению кадров и обновлению нормативных стандартов.

Перспективы дальнейших исследований связаны с эмпирической оценкой эффективности внедрения цифровых технологий в организациях МСБ, разработкой унифицированных нормативов непрерывного аудита, а также с изучением правовых последствий применения «чёрных ящиков» ИИ в контрольной деятельности.

Список источников

1. Alles M., Kogan A., Vasarhelyi M. A. The effect of XBRL on audit judgment and decision-making: Evidence from a behavioral experiment // Auditing: A Journal of Practice & Theory. 2018. Vol. 37, N 1. P. 1–21.

2. Appelbaum D., Kogan A., Vasarhelyi M. A. An introduction to data analysis for auditors and accountants // Auditing: A Journal of Practice & Theory. 2017. Vol. 36, N 4. P. 1–12.

3. Vasarhelyi M.A., Halper F.B. The continuous audit of online systems // Auditing: A Journal of Practice & Theory. 1991. Vol. 10, N 1. P. 110–125.

4. Kokina J., Blanchette S. Robotic Process Automation: The accounting profession's next big thing // Accounting Horizons. 2019. Vol. 33, N 2. P. 79–91.

5. Макарова Л.Г. Цифровизация аудита и новые требования к компетенциям аудиторов // Учет. Анализ. Аудит. 2019. № 2. С. 60–68.

6. Пятковская Ю.В. Налоговый мониторинг как элемент цифровой трансформации налогового администрирования // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2020. Т. 8, № 1. С. 84–92.

7. Федеральный закон «О бухгалтерском учете» от 06.12.2011 № 402-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. – Режим Доступа: https://www.consultant.ru (дата обращения 15.03.2026).

8. Федеральный закон «Об аудиторской деятельности» от 30.12.2008 N 307-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru (дата обращения 15.03.2026).

9. Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 N 152-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. – Режим Доступа: https://www.consultant.ru (дата обращения 15.03.2026).

10. Bhimani A., Willcocks L. Digitisation, 'Big Data' and the transformation of accounting information // Accounting and Business Research. 2014. Vol. 44, N 4. P. 469–490.

11. Warren J.D. Jr., Moffitt K.C., Byrnes P. How Big Data will change accounting // Accounting Horizons. 2015. Vol. 29, N 2. P. 397–407.

12. Cao M., Chychyla R., Handley J. C. Toward Blockchain-Based Auditing // The Accounting Review. 2018. Vol. 93, N 6. P. 45–64.

13. Moffitt K.C., Vasarhelyi M.A. Big Data and analytics in auditing: Research opportunities // Journal of Information Systems. 2019. Vol. 33, N 3. P. 1–17.

14. Zhang Y., Li S., Wang Y. Natural Language Processing in Auditing: A Survey // International Journal of Accounting Information Systems. 2020. Vol. 38. P. 100475.

15. Du J., Li Y., Chen Y. Artificial intelligence in auditing: A review and research agenda // Journal of Accounting & Economics. 2019. Vol. 67, N 1. P. 1012–1025.

16. Cohn R., Hughes J. Blockchain and the Future of Audit // Journal of Digital Accounting Research. 2020. Vol. 2, N 1. P. 1–15.

17. Griffin P.A., Wright R. Blockchain and accounting: A review and research agenda // Accounting Horizons. 2020. Vol. 34, N 3. P. 1–20.

18. Dai J., Vasarhelyi M.A. Toward blockchain-based accounting and assurance // Journal of Information Systems. 2017. Vol. 31, N 3. P. 5–21.

19. Peters G.W., Panayi E. Understanding modern banking ledgers through blockchain technologies: Future of transaction processing and smart contracts // Banking Beyond Banks and Money. Springer, 2016. P. 239–278.

20. Issa H., Sun T., Vasarhelyi M.A. Research ideas for robotics and artificial intelligence in auditing // Auditing: A Journal of Practice & Theory. 2020. Vol. 39, N 4. P. 1–18.

21. Lacity M.C., Willcocks L.P. Robotic process automation at Telefónica O2 // MIS Quarterly Executive. 2015. Vol. 14, N 1. P. 21–35.

List of sources

1. Alles M., Kogan A., Vasarhelyi M.A. The effect of XBRL on audit judgment and decision-making: Evidence from a behavioral experiment // Auditing: A Journal of Practice & Theory. 2018. Vol. 37, N 1. P. 1–21.

2. Appelbaum D., Kogan A., Vasarhelyi M. A. An introduction to data analysis for auditors and accountants // Auditing: A Journal of Practice & Theory. 2017. Vol. 36, N 4. P. 1–12.

3. Vasarhelyi M.A., Halper F.B. The continuous audit of online systems // Auditing: A Journal of Practice & Theory. 1991. Vol. 10, N 1. P. 110–125.

4. Kokina J., Blanchette S. Robotic Process Automation: The accounting profession's next big thing // Accounting Horizons. 2019. Vol. 33, N 2. P. 79–91.

5. Makarova L.G. Digitalization of Auditing and New Requirements for Auditor Competencies // Accounting. Analysis. Audit. 2019. N 2. Pp. 60–68.

6. Pyatkovskaya Yu.V. Tax Monitoring as an Element of Digital Transformation of Tax Administration // Bulletin of Omsk University. Series: Economics. 2020. Vol. 8, N 1. Pp. 84–92.

7. Federal Law «On Accounting» dated 06.12.2011 N 402-FZ (latest revision) [electronic resource] Access Mode: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122855/ (date of access 03.15.2026).

8. Federal Law «On Auditing Activity» dated 12.30.2008 N 307-FZ (latest revision) [electronic resource] Access Mode: URL: https://www.consultant.ru (date of access 03.15.2026).

9. Federal Law «On Personal Data» of July 27, 2006, N 152-FZ (latest revision) [electronic resource] Access Mode: URL: https://www.consultant.ru (accessed March 15, 2026).

10. Bhimani A., Willcocks L. Digitisation, 'Big Data' and the transformation of accounting information // Accounting and Business Research. 2014. Vol. 44, N 4. P. 469–490.

11. Warren J.D. Jr., Moffitt K.C., Byrnes P. How Big Data will change accounting // Accounting Horizons. 2015. Vol. 29, N 2. P. 397–407.

12. Cao M., Chychyla R., Handley J.C. Toward Blockchain-Based Auditing // The Accounting Review. 2018. Vol. 93, N 6. P. 45–64.

13. Moffitt K.C., Vasarhelyi M.A. Big Data and analytics in auditing: Research opportunities // Journal of Information Systems. 2019. Vol. 33, N 3. P. 1–17.

14. Zhang Y., Li S., Wang Y. Natural Language Processing in Auditing: A Survey // International Journal of Accounting Information Systems. 2020. Vol. 38. P. 100475.

15. Du J., Li Y., Chen Y. Artificial intelligence in auditing: A review and research agenda // Journal of Accounting & Economics. 2019. Vol. 67, N 1. P. 1012–1025.

16. Cohn R., Hughes J. Blockchain and the Future of Audit // Journal of Digital Accounting Research. 2020. Vol. 2, N 1. P. 1–15.

17. Griffin P.A., Wright R. Blockchain and accounting: A review and research agenda // Accounting Horizons. 2020. Vol. 34, N 3. P. 1–20.

18. Dai J., Vasarhelyi M. A. Toward blockchain-based accounting and assurance // Journal of Information Systems. 2017. Vol. 31, N 3. P. 5–21.

19. Peters G.W., Panayi E. Understanding modern banking ledgers through blockchain technologies: Future of transaction processing and smart contracts // Banking Beyond Banks and Money. Springer, 2016. P. 239–278.

20. Issa H., Sun T., Vasarhelyi M.A. Research ideas for robotics and artificial intelligence in auditing // Auditing: A Journal of Practice & Theory. 2020. Vol. 39, N 4. P. 1–18.

21. Lacity M.C., Willcocks L.P. Robotic process automation at Telefónica O2 // MIS Quarterly Executive. 2015. Vol. 14, N 1. P. 21–35.

© Кумышева М.М., 2026

Вестник СКФО: Право и экономика. – 2026. – № 2 (38). – С. 85–91.
Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics. 2026;2(38) 85–91.

Экономика
Научная статья
УДК 657.3

РОЛЬ ФИНАНСОВОЙ ОТЧЕТНОСТИ В ОЦЕНКЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ

Фуза Магометовна Мамбетова[1], Арсен Петрович Кушхов[2], Арсен Мухадинович Губачиков[3]
[1, 2, 3] Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия
[1]Fuzam@mail.rum
[2]petrovich_405@mail.ru
[3] gubachikov@mail.ru

***Аннотация*.** В статье обосновывается ключевая роль бухгалтерской (финансовой) отчетности как информационной базы для оценки экономической устойчивости предприятия. Систематизированы основные показатели устойчивости (коэффициенты автономии, ликвидности, рентабельности, маневренности собственного капитала и др.), рассчитанные на основе данных бухгалтерского баланса и отчета о финансовых результатах. Показано, что достоверность и полнота отчетности являются необходимыми условиями для принятия обоснованных управленческих решений. Особое внимание уделено влиянию нового федерального стандарта ФСБУ 4/2023 на аналитичность отчетности, а также роли бухгалтерского аутсорсинга в повышении качества учетных процедур. Выявлены риски, связанные с передачей учётных функций внешним провайдерам, и предложены способы их минимизации. Сделан вывод о том, что прозрачная и достоверная отчетность выступает фундаментом для объективной оценки способности предприятия функционировать и развиваться в условиях рыночной нестабильности.

Ключевые слова: финансовая отчетность, экономическая устойчивость, бухгалтерский баланс, ФСБУ 4/2023, бухгалтерский аутсорсинг, коэффициенты ликвидности, финансовая независимость

***Для цитирования*: Мамбетова Ф.М., Кушхов А.П., Губачиков А.М.** Роль финансовой отчетности в оценке экономической устойчивости предприятия // Вестник СКФО: право и экономика. 2026. № 2 (38). С. 85–91.

Economy
Originak article

THE ROLE OF FINANCIAL STATEMENTS IN ASSESSING THE ECONOMIC SUSTAINABILITY OF AN ENTERPRISE

Fuza Magometovna Mambetova[1], Arsen Petrovich Kushkhov[2], Arsen Mukhadinovich Gubachikov[3]
[1,2,3]Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik, Russia
[1]Fuzam@mail.rum
[2]petrovich_405@mail.ru
[3] gubachikov@mail.ru

***Annotation*.** This article substantiates the key role of accounting (financial) statements as an information base for assessing an enterprise's economic sustainability. Key sustainability indicators (autonomy ratios, liquidity, profitability, equity maneuverability, etc.), calculated based on balance sheet and income statement data, are systematized. It is shown that the reliability and completeness of reporting are necessary conditions for making informed management decisions. Particular attention is paid to the impact of the new federal standard FSBU 4/2023 on the analytical nature of reporting, as well as the

role of accounting outsourcing in improving the quality of accounting procedures. The risks associated with the transfer of accounting functions to external providers are identified, and ways to minimize them are proposed. It is concluded that transparent and reliable reporting serves as the foundation for an objective assessment of an enterprise's ability to function and develop in conditions of market instability.

Keywords: financial statements, economic stability, balance sheet, FSBU 4/2023, accounting outsourcing, liquidity ratios, financial independence

For citation: Mambetova F.M., Kushkhov A.P., Gubachikov A.M. The role of financial reporting in assessing the economic sustainability of an enterprise. *Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics*. 2026;2(38):85–91.

Введение. В условиях современной экономики, характеризующейся высокой неопределенностью, санкционным давлением и волатильностью финансовых рынков, проблема оценки экономической устойчивости предприятия выходит на первый план. Экономическая устойчивость представляет собой не только способность организации выживать в кризисных ситуациях, но и её потенциал для развития, адаптации и сохранения финансовой независимости в долгосрочной перспективе [1]. Однако любая оценка устойчивости невозможна без достоверной и полной информационной базы, основу которой составляет бухгалтерская (финансовая) отчетность предприятия [2].

Именно противоречие между возрастающей потребностью в достоверной оценке устойчивости и объективными сложностями её формирования в условиях трансформации учетных и экономических процессов определяет актуальность настоящего исследования.

Актуальность исследования продиктована рядом взаимосвязанных причин. Во-первых, современная бизнес-среда характеризуется высокой степенью волатильности, что обостряет необходимость в точной оценке и обеспечении устойчивости предприятий. Во-вторых, с 2023 года действует федеральный стандарт бухгалтерского учета ФСБУ 4/2023 «Бухгалтерская (финансовая) отчетность», который кардинально пересмотрел правила формирования и раскрытия отчетности [3]. В-третьих, широкое распространение получил бухгалтерский аутсорсинг, оказывающий прямое влияние на качество учётных данных и, как следствие, на корректность анализа устойчивости [4]. Наконец, проблема обеспечения достоверности и сопоставимости отчетной информации сохраняет свою остроту, что диктует необходимость дальнейшего развития методологических основ анализа.

Таким образом, перечисленные факторы актуализируют не только проблему поиска адекватных показателей оценки устойчивости, но и требуют критического пересмотра самой информационной базы, на которой эта оценка строится.

Без решения этой фундаментальной задачи – обеспечения достоверности, полноты и сопоставимости исходных учетных данных – любые, даже самые совершенные методики анализа устойчивости утрачивают свою практическую ценность.

Цель исследования – установить значение финансовой отчетности в процессе оценки экономической устойчивости организации и обозначить ключевые направления повышения качества предоставляемых данных для соответствующего анализа.

Объект исследования – финансовая (бухгалтерская) отчетность коммерческих организаций как источник информации для управленческих решений.

Предмет исследования – методы и показатели оценки экономической устойчивости предприятия, формируемые на основе данных финансовой отчетности, а также факторы, влияющие на их достоверность и аналитическую ценность.

Выбор предмета исследования предопределил необходимость обращения к теоретическому наследию в области бухгалтерского учёта и финансового анализа, а также к современным подходам, учитывающим трансформацию информационной среды предприятия.

Материалы и методы исследования

Теоретико-методологическую основу исследования составили труды отечественных учёных в области бухгалтерского учёта, финансового анализа и оценки экономической устойчивости предприятий [1, 2, 5]. Исследование базируется на системном подходе, рассматривающем предприятие как целостную социально-экономическую систему, а финансовую отчетность – как интегрированный информационный источник, отражающий результаты её функционирования.

Методологический аппарат включает следующие методы: общенаучные методы: анализ и синтез – для декомпозиции категории «экономическая устойчивость» на составляющие (финансовая независимость, ликвидность, платежеспособность, деловая активность); дедукция и индукция – для перехода от общих положений теории финансового анализа к частным показателям устойчивости; системный подход – для рассмотрения взаимосвязей между отдельными формами отчетности и показателями устойчивости; специальные методы финансового анализа: горизонтальный анализ – для оценки динамики показателей устойчивости во времени; вертикальный анализ – для изучения структуры активов и пассивов; коэффициентный анализ – для расчёта ключевых относительных показателей (автономии, ликвидности, рентабельности, маневренности); методы качественного анализа: сравнительный анализ – для сопоставления влияния различных моделей организации учёта (собственная бухгалтерия vs. аутсорсинг) на качество отчетности; метод экспертных оценок – для идентификации рисков искажения данных при передаче учётных функций внешним провайдерам.

Информационную базу исследования составили: нормативно-правовые акты РФ (Федеральный закон от 06.12.2011 N 402-ФЗ «О бухгалтерском учёте», ФСБУ 4/2023 «Бухгалтерская (финансовая) отчетность»); данные научных публикаций в рецензируемых журналах; аналитические материалы по проблемам бухгалтерского аутсорсинга.

Применение описанного методологического аппарата к сформированной информационной базе позволило выявить ключевые взаимосвязи между качеством отчётных данных и возможностями оценки экономической устойчивости предприятия, а также систематизировать основные факторы, влияющие на достоверность и аналитическую ценность показателей.

Результаты и дискуссия

Экономическая устойчивость организации представляет собой её способность поддерживать платежеспособность и финансовую независимость в течение длительного периода, а также эффективно адаптироваться к изменениям внешней среды [1, 5]. Ключевыми составляющими этой концепции являются финансовая стабильность (структура источников финансирования), ликвидность (способность своевременно погашать обязательства), платежеспособность и уровень деловой активности. Основным источником информации для комплексной оценки этих параметров выступает бухгалтерская (финансовая) отчетность, включающая бухгалтерский баланс (форма 1), отчет о финансовых результатах (форма 2), отчет о движении денежных средств (форма 4) и соответствующие примечания и пояснения [2].

Именно эти формы отчётности служат первичной информационной базой для расчёта большинства показателей, используемых в практике оценки экономической устойчивости. Однако анализ научной литературы и практики финансового менеджмента свидетельствует о том, что существующие подходы к выбору и применению этих показателей отличаются разнообразием, а зачастую и противоречивостью, что затрудняет формирование целостного и достоверного заключения об уровне устойчивости предприятия. В связи с этим возникает объективная необходимость в систематизации показателей, определении их взаимосвязи с формами отчётности и обосновании границ их применимости.

Практический анализ показывает, что для оценки экономической устойчивости традиционно используются показатели, рассчитываемые на основе данных форм 1 и 2. В *таблице 1* представлена авторская классификация основных показателей устойчивости и их связь с формами отчетности.

Как следует из *таблицы 1*, подавляющее большинство показателей устойчивости рассчитывается именно по данным бухгалтерской (финансовой) отчетности. Это подчёркивает критическую зависимость качества анализа от достоверности и полноты исходных данных.

Таблица 1 – Ключевые показатели экономической устойчивости и их связь с формами финансовой отчетности

Показатель	Формула расчета	Форма отчетности	Интерпретация
Коэффициент автономии (финансовой независимости)	$\frac{\text{собственный капитал}}{\text{валюта баланса}}$	Бухгалтерский баланс (форма 1)	≥ 0,5 – финансовая независимость
Коэффициент текущей ликвидности	$\frac{\text{оборотные активы}}{\text{краткосрочные обязательства}}$	Бухгалтерский баланс	1,5–2,5 – норма
Коэффициент абсолютной ликвидности	$\frac{\text{денежные средства} + \text{краткосрочные вложения}}{\text{краткосрочные обязательства}}$	Бухгалтерский баланс	≥ 0,2
Рентабельность продаж (ROS)	$\frac{\text{прибыль от продаж}}{\text{выручка}}$	Отчет о финансовых результатах (форма 2)	> 0 – наличие прибыли
Рентабельность активов (ROA)	$\frac{\text{чистая прибыль}}{\text{активы}}$	Форма 1 + форма 2	> 0 – эффективное использование
Коэффициент маневренности собственного капитала	$\frac{\text{псобственные оборотные средства}}{\text{собственный капитал}}$	Бухгалтерский баланс	0,2–0,5 – гибкость
Коэффициент соотношения заемных и собственных средств	$\frac{\text{заемный капитал}}{\text{собственный капитал}}$	Бухгалтерский баланс	≤ 1
Период оборота дебиторской задолженности	$\frac{\text{дебиторская задолженность} \times 365}{\text{выручка}}$	Форма 1 + форма 2	Уменьшение – ускорение расчетов

Источник: составлено авторами на основе [2, 6, 7]

Однако сама по себе совокупность показателей, какой бы полной она ни была, не гарантирует корректности оценки устойчивости, если исходные данные сформированы с нарушением требований нормативных документов или не отражают всех существенных аспектов деятельности предприятия. Именно поэтому необходимо обратиться к анализу нормативной базы, регулирующей составление отчетности, и оценке её влияния на аналитические возможности пользователей.

Углублённого обсуждения требует влияние современной нормативной базы. В 2023 году был утверждён Федеральный стандарт бухгалтерского учёта ФСБУ 4/2023 «Бухгалтерская (финансовая) отчетность», который внёс существенные изменения в состав и структуру отчётных форм. Как отмечается в работе [3], новый стандарт ориентирован на повышение аналитичности и полезности отчётности для пользователей, в том числе посредством расширения состава пояснительной информации. Именно пояснения раскрывают факторы, не находящие отражения в основных формах (сведения о связанных сторонах, условных обязательствах, оценочных резервах), что напрямую влияет на корректность расчёта и интерпретации показателей устойчивости.

Вместе с тем внедрение стандарта требует от предприятий дополнительных усилий по сбору и раскрытию информации, а также повышения квалификации учетного персонала. Особую сложность представляет детализация данных о рисках и оценочных значениях, что может создавать временные трудности в переходный период.

Указанные обстоятельства актуализируют вопрос о том, каким образом предприятия могут обеспечить выполнение новых требований при минимизации издержек и рисков. Одним из наиболее востребованных инструментов решения этой задачи выступает бухгалтерский аутсорсинг, позволяющий привлечь внешнюю экспертизу и распределить ответственность за качество учётных данных.

Как подчёркивается в работе [4], бухгалтерский аутсорсинг становится всё более востребованным инструментом для предприятий, стремящихся сосредоточиться на основной деятельности при сохранении высокого качества учётных процедур. Передача учётных функций внешнему провайдеру позволяет снизить риск ошибок, обеспечить профессиональное ведение учёта в соответствии с меняющимся законодательством, что, в свою очередь, повышает достоверность отчётности и качество оценки устойчивости.

Однако авторы [4] обращают внимание и на риски аутсорсинга: возможная потеря контроля над первичными документами, утечка конфиденциальной информации, недобросовестность провайдера, а также «эффект рассинхронизации», когда внешний бухгалтер не обладает полным контекстом хозяйственных операций. Поэтому выбор модели организации учёта (собственная бухгалтерия или аутсорсинг) должен быть взвешенным и основываться на специфике деятельности предприятия, объёме учётных операций, а также на анализе затрат и выгод.

Таким образом, даже при условии соблюдения нормативных требований (ФСБУ 4/2023) и выбора оптимальной модели учёта (аутсорсинг или собственная бухгалтерия) сохраняется ряд фундаментальных проблем, ограничивающих достоверность и сопоставимость показателей устойчивости. Выявление и систематизация этих ограничений необходимы для дальнейшего совершенствования методов анализа.

Проведённый анализ позволил выявить, что действующие методики оценки устойчивости зачастую ориентированы на статические данные и не в полной мере учитывают риски, связанные с недобросовестным составлением отчётности (например, преднамеренное искажение показателей). Поэтому в дополнение к традиционным коэффициентам целесообразно использовать методы обнаружения фальсификации отчётности (интегральная балльная оценка, модель Бениша). Внедрение таких методов в практику экономического анализа позволяет повысить надёжность выводов об устойчивости предприятия.

Кроме того, сохраняется проблема сопоставимости отчётных данных организаций разных отраслей, что ограничивает использование межотраслевых бенчмарков. Решение этой проблемы видится в разработке отраслевых нормативных значений показателей устойчивости, учитывающих специфику структуры активов и источников финансирования.

Заключение. Обобщение выявленных проблем и ограничений позволяет сформулировать ключевые выводы о современном состоянии методического обеспечения оценки эконо-

мической устойчивости и определить направления его дальнейшего совершенствования. К числу основных результатов проведённого исследования относятся следующие положения.

Проведённое исследование подтвердило, что финансовая отчетность играет фундаментальную роль в оценке экономической устойчивости предприятия. На её основе рассчитываются ключевые показатели финансовой независимости, ликвидности, платёжеспособности и рентабельности. Предложенная в работе авторская систематизация показателей устойчивости демонстрирует, что корректность их расчёта зависит не только от наличия отчётности, но и от полноты и достоверности каждого отчётного элемента.

Внедрение ФСБУ 4/2023 повышает аналитический потенциал отчётности, однако требует от предприятий дополнительных усилий по сбору и раскрытию информации, в частности по расширению пояснений и детализации данных о рисках. Использование бухгалтерского аутсорсинга может стать эффективным инструментом повышения качества учётных данных, но при условии тщательного выбора провайдера, регулярного мониторинга его работы и выстраивания системы внутреннего контроля за переданными функциями.

Теоретические выводы, сформулированные по итогам исследования, имеют прямое прикладное значение и могут быть трансформированы в конкретные практические рекомендации для финансовых служб предприятий, стремящихся повысить качество оценки экономической устойчивости. К числу наиболее значимых из них относятся следующие:

1. Переход от формального расчёта коэффициентов к анализу их динамики за 3–5 лет.
2. Сопоставление полученные значений со среднеотраслевыми показателями.
3. Применение дополнительных методов проверки достоверности отчётности, включая модель Бениша, балльные системы оценки.
4. При принятии решения об аутсорсинге учётных функций проведение независимой оценки компетенций провайдера обязательным закреплением в договоре ответственности за сохранность данных.

Наряду с решением прикладных задач, в ходе исследования был выявлен ряд проблем, которые не могут быть полностью разрешены в рамках существующего методического инструментария. Это определяет необходимость постановки новых исследовательских вопросов и формирует вектор для дальнейших научных изысканий. Направления дальнейших исследований целесообразно связать с разработкой интегральных индикаторов экономической устойчивости, учитывающих отраслевые особенности и влияние цифровых технологий (блокчейн, ИИ) на процесс формирования отчётности. Кроме того, требует углублённого изучения роль пояснительной информации в раскрытии факторов, влияющих на устойчивость, особенно в условиях перехода на новые стандарты.

Список источников

1. Герасимова Л.Н., Парфенова М.В. Экономическая устойчивость предприятия: понятие, факторы, методы оценки // Экономический анализ: теория и практика. 2022. № 8. С. 34–42.
2. Ветрова И.Ф., Борисова О.Н. Анализ финансовой отчетности: теория и практика. М.: Финансы и статистика, 2023. 312 с.
3. Губачиков А.М., Мамбетова Ф.М., Кушхов А.П. Модернизация российского учета и отчетности: новый федеральный стандарт ФСБУ 4/2023 «Бухгалтерская (финансовая) отчетность» // Вестник СКФО: право и экономика. 2024. № 4 (32). С. 17–23.
4. Мамбетова Ф.М., Губачиков А.М., Мамбетова К.М. Бухгалтерский аутсорсинг как инновационный инструмент деятельности современных предприятий // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова. 2024. № 1. С. 138–146.
5. Пласкова Н.С., Чеглакова С.Г. Анализ и диагностика финансово-хозяйственной деятельности предприятия. М.: ИНФРА-М, 2023. 288 с.
6. Грищенко Ю.И., Горлова О.Е. Показатели финансовой устойчивости в системе анализа бухгалтерской отчетности // Вестник университета. 2023. № 5. С. 112–119.
7. Кузнецова С.В., Рыжкова Е.А. Бухгалтерский баланс как информационная база оценки финансовой устойчивости // Международный бухгалтерский учет. 2024. № 2. С. 45–53.

List of sources

1. Gerasimova L.N., Parfenova M.V. Economic Stability of an Enterprise: Concept, Factors, and Assessment Methods // Economic Analysis: Theory and Practice. 2022. N 8. Pp. 34–42.

2. Vetrova I.F., Borisova O.N. Financial Statement Analysis: Theory and Practice. Moscow: Finance and Statistics, 2023. 312 p.

3. Gubachikov A.M., Mambetova F.M., Kushkhov A.P. Modernization of Russian accounting and reporting: new federal standard FSBU 4/2023 «Accounting (financial) statements» // Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics. 2024. N 4 (32). Pp. 17–23.

4. Mambetova F.M., Gubachikov A.M., Mambetova K.M. Accounting outsourcing as an innovative tool for modern enterprises // Bulletin of the North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov. 2024. N 1. Pp. 138–146.

5. Plaskova N.S., Cheglakova S.G. Analysis and diagnostics of the financial and economic activities of the enterprise. M.: INFRA-M, 2023. 288 p.

6. Grishchenko Yu.I., Gorlova O.E. Financial Stability Indicators in the Financial Statement Analysis System // University Bulletin. 2023. N 5. Pp. 112–119.

7. Kuznetsova S.V., Ryzhkova E.A. Balance sheet as an information base for assessing financial stability // International accounting. 2024. N 2. Pp. 45–53.

© Мамбетова Ф.М., Кушхов А.П., Губачиков А.М., 2026

Вестник СКФО: Право и экономика. – 2026. – № 2 (38). – С. 91–98.
Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics. 2026;2 (38): 91–98.

Экономика
Научная статья
УДК 336.71:004

АНАЛИЗ ФИНАНСОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В БАНКОВСКОЙ СФЕРЕ

Эльдар Русланович Мажгихов
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия, judomeldar@mail.ru

Аннотация. В статье представлен анализ текущего состояния и тенденций развития финансовых технологий (FinTech) в банковском секторе Российской Федерации. Рассмотрены ключевые направления цифровой трансформации: искусственный интеллект, блокчейн, Система быстрых платежей, биометрическая идентификация, Big Data и открытые API. На основе данных Банка России за 2024–2025 гг. оценены количественные показатели внедрения FinTech-решений. Выявлены основные проблемы и перспективы дальнейшего развития финансовых технологий в банковской сфере. Особое внимание уделено влиянию FinTech на конкурентоспособность традиционных банков и регуляторные аспекты.

Ключевые слова: финансовые технологии, FinTech, банковский сектор, цифровизация, искусственный интеллект, блокчейн, цифровой рубль, Система быстрых платежей, Big Data, открытые API

Для цитирования: **Мажгихов Э.Р.** Анализ финансовых технологий в банковской сфере // Вестник СКФО: право и экономика. 2026. № 2 (38). С. 91–98.

Economy
Originak article

ANALYSIS OF FINANCIAL TECHNOLOGIES IN THE BANKING SECTOR

Eldar Ruslanovich Mazhgikhov
Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik, Russia
judomeldar@mail.ru

Abstract. The article presents an analysis of the current state and development trends of financial technologies (FinTech) in the banking sector of the Russian Federation. Key areas of digital transformation are considered: artificial intelligence, blockchain, fast payment systems, biometric identification, Big Data and open APIs. Based on Bank of Russia data for 2024–2025, quantitative indicators of the implementation of FinTech solutions are assessed. The main problems and prospects for the further development of financial technologies in the banking sector are identified. Special attention is paid to the impact of FinTech on the competitiveness of traditional banks and regulatory aspects.

Keywords: financial technologies, FinTech, banking sector, digitalization, artificial intelligence, blockchain, digital ruble, Fast Payment System, Big Data, open API

For citation: Mazhgikhov E. R. Analysis of financial technologies in the banking secto. *Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics*. 2026; 2(38):91–98.

Введение. Современный этап развития мировой и российской экономики характеризуется ускоренной цифровой трансформацией всех отраслей, при этом наиболее интенсивно данный процесс протекает в финансовой сфере. Финансовые технологии (FinTech) представляют собой совокупность инновационных решений, основанных на передовых цифровых инструментах, которые изменяют традиционные модели оказания финансовых услуг. К ним относятся мобильные платежи, онлайн-кредитование, блокчейн, криптовалюты, цифровой банкинг, робо-эдвайзинг, регтех и суптех.

В Российской Федерации рынок FinTech является одним из наиболее динамично развивающихся в Восточной Европе. Согласно оценкам, объём инвестиций в FinTech продолжает расти двузначными темпами, что обусловлено как внутренними драйверами (конкуренция банков, спрос на удобные сервисы), так и внешними (санкционное давление, стимулирующее импортозамещение в ИТ) [1].

Использование финансовых технологий не только повышают эффективность банковской деятельности, но и порождают новые риски, требующие пересмотра регуляторных подходов. Кроме того, FinTech меняет поведение клиентов, структуру рынка и конкурентную среду, что актуализирует данное исследование.

Цель исследования – комплексный анализ влияния финансовых технологий на банковский сектор России, включая оценку текущего состояния, выявление системных проблем и определение перспективных направлений развития FinTech.

Объектом исследования выступает банковский сектор Российской Федерации как институциональная среда, в которой внедряются и развиваются финансовые технологии.

Предметом исследования являются экономические, организационные и регуляторные отношения, возникающие в процессе внедрения и использования финансовых технологий в коммерческих банках.

Материалы и методы исследования. Теоретико-методологическую основу исследования составили системный и институциональный подходы. Системный подход позволил рассматривать банковский сектор и FinTech как взаимосвязанные элементы финансовой системы. Институциональный подход использован для анализа регуляторных изменений и адаптации надзорных практик.

В процессе исследования были использованы следующие методы: сравнительный анализ (сопоставление преимуществ и недостатков FinTech, а также позиций российских и зару-

бежных банков); статистический анализ (обработка данных Банка России о доле онлайн-операций, объёмах переводов через Систему быстрых платежей (СБП)); метод экспертных оценок (использование выводов из аналитических докладов и публикаций (Базельский комитет, Банк России)); контент-анализ (обработка научных публикаций, нормативных документов и материалов специализированных интернет-ресурсов).

Результаты и дискуссия

Анализ научной литературы по исследуемой проблематике показывает, что цифровая трансформация российских банков охватывает следующие основные направления:

1. Искусственный интеллект (ИИ) и машинное обучение. Используются для скоринга, оценки кредитных рисков, персонализации предложений, чат-ботов и голосовых ассистентов. К 2025 году более 70 % крупных банков внедрили ИИ-решения в клиентский сервис.

2. Блокчейн и распределённые реестры. Применяются для обеспечения прозрачности транзакций, сокращения издержек при международных расчётах (в условиях санкционных ограничений), а также для развития цифрового рубля.

3. Система быстрых платежей (СБП). За 2024–2025 гг. объём переводов через СБП вырос более чем на 60 %. СБП позволяет совершать мгновенные переводы по QR-кодам, оплачивать товары и услуги без комиссии для населения.

4. Биометрическая идентификация. Единая биометрическая система (ЕБС) охватила к концу 2025 года свыше 30 млн граждан России. Удалённое открытие счетов по биометрии становится стандартом.

5. Большие данные (Big Data). Банки анализируют транзакционную активность, поведенческие паттерны и социально-демографические данные для управления рисками и кросс-продаж.

6. Открытые API (Open API). Позволяют подключать сторонних разработчиков к банковским сервисам, что стимулирует развитие экосистем и финтех-стартапов.

7. Цифровой рубль. С 2023 года Банк России проводит пилотные проекты по внедрению цифровой национальной валюты. Ожидается, что к 2027 году цифровой рубль станет полноценным средством платежа наравне с наличными и безналичными деньгами [2].

Представленные направления цифровой трансформации носят не только качественный, но и количественно измеримый характер. Оценка масштабов внедрения FinTech-решений позволяет объективно судить о глубине проникновения технологий в банковскую практику и динамике изменений.

По данным Банка России за 2024–2025 гг. [3]

- доля онлайн-операций корпоративных клиентов достигла 92 %;
- около 80 % физических лиц используют мобильные банки ежедневно;
- объём переводов через СБП превысил 100 трлн рублей в 2025 году;
- количество регистраций в ЕБС увеличилось на 150 % за два года;
- инвестиции банков в FinTech-решения выросли в среднем на 20–25 % год к году.

Наиболее наглядно динамику цифровой трансформации платежного ландшафта иллюстрирует рост объёмов переводов через Систему быстрых платежей (СБП). Данный показатель отражает не только техническую доступность сервиса, но и фактическое изменение поведенческих паттернов населения и бизнеса в пользу мгновенных безналичных расчетов.

На *рисунке 1* представлена динамика объемов переводов через СПБ за 2022–2025 гг.

Как следует из данных, представленных на *рисунке 1*, объем переводов через СПБ за четыре года увеличился в 7,1 раз – с 14,4 трлн руб. в 2022 г. до 103 трлн руб. в 2025 г. Рост носит устойчивый ускоряющийся характер: если в 2022–2023 гг. прирост составил 16,6 трлн руб., то в 2023–2024 гг. уже 37 трлн руб., а в 2024–2025 гг. – 35 трлн руб. [2]. Такая динамика свидетельствует о завершении этапа первоначального внедрения СБП и переходе к масштабному использованию сервиса как населением, так и бизнесом, что подтверждает статус СБП ключевым драйвером цифровизации платёжной инфраструктуры России.

Прогнозируется, что к 2028 году мировой объём инвестиций в FinTech достигнет 335,2 млрд долл. США, а среднегодовой темп роста составит 19–25 % [4].

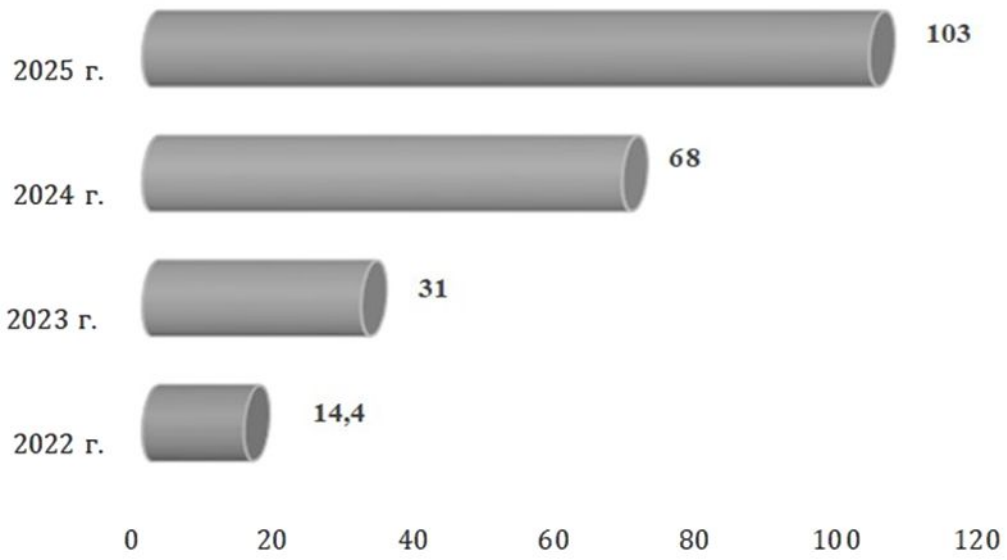

Рисунок 1 – Динамика объемов перевод через СПБ за 2022–2025 гг. (трлн руб.)
Источник: составлено автором по [3].

Стремительный рост количественных показателей внедрения FinTech-решений, с одной стороны, свидетельствует о безусловных преимуществах цифровизации для банков и их клиентов. С другой стороны, он обнажает комплекс рисков, которые необходимо учитывать при формировании стратегии технологического развития. Систематизация этих двух сторон – преимуществ и рисков – позволяет выработать сбалансированный подход к управлению FinTech-трансформацией.

В целях системного представления взаимосвязанных эффектов цифровой трансформации на основе обобщения эмпирических данных и научной литературы составлена сводная таблица, в которой преимущества и риски внедрения финансовых технологий в банковском секторе сгруппированы по ключевым функциональным областям *(таблица 1).*

Таблица 1 – Преимущества и недостатки внедрения финансовых технологий в банковском секторе

Сфера влияния	Преимущество	Риск	Характер взаимосвязи
Операционная	Эффективность и скорость	Кибербезопасность	Прямая: автоматизация ↑ → уязвимость ↑
Социальная	Доступность	Цифровое неравенство	Обратная: доступность для одних ↔ недоступность для других
Продуктовая	Новые продукты	Конфиденциальность данных	Компромисс: персонализация ↔ сбор данных
Сервисная	Удобство (24/7)	Регуляторные лаги	Независимые: технологический прогресс опережает законодательство
Экономическая	Снижение операционных издержек	Высокие начальные инвестиции	Временная: CAPEX ↑ сегодня → OPEX ↓ завтра
Институциональная	Повышение прозрачности, борьба с теневой экономикой	Сложность интеграции с legacy-системами	Технологическая: новые решения ↔ старая инфраструктура

Источник: составлено автором по материалам исследования.

Представленная *таблица 1* систематизирует ключевые эффекты внедрения финансовых технологий в банковском секторе по дихотомическому принципу «преимущества – риски». Анализ позволяет выделить следующие закономерности. *Таблица 1* включает шесть пар «преимущество – риск», что свидетельствует о комплексном характере влияния FinTech на банковскую деятельность. Каждое технологическое преимущество сопровождается идентифицируемым риском, что подтверждает тезис об амбивалентности цифровой трансформации.

В *таблице 1* также представлены риски различной природы: технологические (кибербезопасность, сложность интеграции); социальные (цифровое неравенство); правовые (регуляторные лаги); экономические (высокие начальные инвестиции); этические (конфиденциальность данных).

Представленная систематизация преимуществ и рисков внедрения финансовых технологий позволяет не только оценить внутренние эффекты цифровой трансформации банковского сектора, но и выявить внешний конкурентный вызов, который в таблице отражён имплицитно. Действительно, перечисленные преимущества (эффективность, доступность, новые продукты, удобство, снижение издержек) в равной мере доступны не только традиционным банкам, проводящим технологическую модернизацию, но и новым рыночным игрокам – необанкам и финтех-компаниям, которые изначально строят свою бизнес-модель на этих же принципах. Более того, риски (цифровое неравенство, регуляторные лаги, сложность интеграции) для традиционных банков оказываются более острыми, поскольку они вынуждены преодолевать институциональную инерцию и техническую задолженность (legacy-системы), тогда как новые игроки изначально свободны от этих ограничений.

Финансовые технологии создают серьёзную конкуренцию классическим банкам со стороны необанков (Tinkoff, Revolut и др.) и финтех-компаний. Рост популярности необанков уже сегодня позволяет предположить, что количество визитов в физические отделения банков может сократиться на 40 % в ближайшие годы.

Для сохранения конкурентоспособности традиционные банки вынуждены:

– инвестировать в развитие собственных цифровых платформ;

– привлекать ИТ-специалистов и аналитиков данных;

– переходить от продуктовой к клиентоцентричной модели.

Банки, не развивающие технологические решения, постепенно теряют рыночную долю. Однако успешная интеграция FinTech без надлежащего планирования не гарантирует положительных результатов. Более того, финтех усложняет выход новых игроков на банковский рынок из-за высоких технологических требований.

Появление новых бизнес-моделей в сфере FinTech создаёт вызовы для традиционного банковского надзора. Базельский комитет по банковскому надзору обнародовал консультативный документ, содержащий 10 основных наблюдений и рекомендаций. Среди них:

– необходимость адаптации пруденциальных норм к цифровым рискам;

– усиление требований к киберустойчивости;

– оценка рисков аутсорсинга критических функций;

– мониторинг концентрации на рынке финтех-услуг.

В России Банк России активно развивает «регтех»-технологии для автоматизации надзора и соответствия требованиям. Это позволяет снижать нагрузку на банки и повышать эффективность мониторинга.

Дискуссия. В научной и экспертной среде сложились два основных подхода к оценке роли FinTech.

Первый подход (технологический оптимизм). Сторонники [5] утверждают, что FinTech является драйвером экономического роста, повышает финансовую инклюзию и снижает издержки. Они подчёркивают необходимость опережающего инвестирования в ИИ, блокчейн и цифровые валюты. Эмпирические исследования подтверждают, что использование FinTech улучшает прибыльность и платёжеспособность банков.

Второй подход (риск-ориентированный). Представители [3, 5] акцентируют внимание на киберрисках, проблемах конфиденциальности и регуляторных лагах. Они предупреждают, что чрезмерное увлечение инновациями без надлежащего контроля может подорвать финан-

совую стабильность. Как отмечает Базельский комитет по банковскому надзору, растущая зависимость банков от внешних поставщиков FinTech-услуг требует пересмотра традиционных подходов к управлению операционными рисками [5].

Наше исследование подтверждает, что оба подхода имеют рациональное зерно. Действительно:

– FinTech уже принёс значительные выгоды: доступность выросла, скорость обслуживания увеличилась;

– однако резко возросло число киберинцидентов: в 2025 году количество атак на банки увеличилось на 35 % по сравнению с 2023 годом;

– цифровое неравенство сохраняется: около 15 % населения России (в основном пожилые люди и жители отдалённых сёл) не используют цифровые финансовые услуги.

Кроме того, важным аспектом дискуссии является геополитический фактор. Санкции против России стимулировали развитие собственных финтех-решений (аналог SWIFT – СПФС, цифровой рубль, блокчейн-платформы). Согласно «Основным направлениям развития финансовых технологий на период 2025–2027 годов», в России уже сформированы три уровня национальной цифровой инфраструктуры, включая Единую биометрическую систему, Систему быстрых платежей и платформу цифрового рубля. Активное развитие данных систем обеспечивает технологический суверенитет финансовой отрасли.

Иностранные наблюдатели (по данным газеты «Газета.Ru») отмечают высокую скорость и удобство российских банковских сервисов, а также отсутствие излишней бюрократии. Это даёт основания полагать, что российская модель FinTech может стать примером для других развивающихся рынков. Более того, аналитические отчёты показывают, что цифровой рубль, будучи третьей формой национальной валюты, способен частично заместить наличные и безналичные расчёты, а также открыть новые возможности для смарт-контрактов и целевого финансирования. При этом эксперты Базельского комитета подчёркивают необходимость технологически нейтрального подхода к регулированию: нормативные требования должны фокусироваться на характере финансовой деятельности и уровне риска, а не на используемой технологии [5].

Таким образом, перспективы дальнейших исследований должны быть направлены на количественную оценку экономической эффективности внедрения конкретных FinTech-решений; анализ влияния цифрового рубля на денежно-кредитную политику; разработку методик оценки киберустойчивости банков; сравнительный анализ регуляторных подходов к FinTech в странах ЕАЭС.

Заключение. Финансовые технологии стали мощным инструментом трансформации банковского сектора России. Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Основные направления FinTech – ИИ, блокчейн, СБП, биометрия, Big Data, открытые API, цифровой рубль – активно внедряются в российских банках. Количественные показатели (92 % онлайн-операций у корпораций, 80 % охват мобильным банкингом) свидетельствуют о высоком уровне цифровизации. Как отмечается в официальных документах Банка России, дальнейшее развитие национальной цифровой инфраструктуры будет способствовать бесшовному взаимодействию всех элементов финансового рынка.

2. Преимущества FinTech для банков: снижение операционных издержек в долгосрочной перспективе, повышение скорости обслуживания, возможность персонализации. Эмпирические исследования показывают, что внедрение FinTech позволяет банкам повышать эффективность операционной деятельности и расширять клиентскую базу. Для клиентов FinTech это означает доступность 24/7, удобство, новые продукты, для государства – прозрачность операций и борьбу с теневой экономикой.

3. Риски включают киберугрозы, цифровое неравенство, проблемы конфиденциальности и регуляторные лаги. Как подчёркивают принципы Базельского комитета, банки должны сохранять чёткую ответственность за деятельность, осуществляемую третьими сторонами, даже при полном аутсорсинге функций. Эти риски требуют системного управления на уровне банков и надзорных органов.

4. Влияние на конкуренцию: FinTech усиливает давление на традиционные банки, заставляя их инвестировать в технологии. Необанки и финтех-компании оттягивают часть клиентов, особенно среди молодёжи и малого бизнеса. Однако именно партнёрство банков и финтех-компаний создаёт наибольшую ценность, объединяя технологическую гибкость финтехов и дистрибуционные возможности банков.

5. Регуляторные аспекты: необходима сбалансированная политика, стимулирующая инновации, но сохраняющая финансовую стабильность. Базельский комитет и Банк России уже разрабатывают соответствующие рекомендации и нормы. При этом, как отмечается в отраслевых исследованиях, для успешной интеграции новых технологий требуется также адаптация пруденциальных требований к цифровым рискам.

6. Перспективы развития: дальнейший рост инвестиций (до 335 млрд долл. США к 2028 году), расширение применения ИИ, внедрение цифрового рубля, углубление интеграции банковских экосистем. Полномасштабный запуск цифрового рубля начнётся с 1 сентября 2026 года, что создаст новые возможности для развития смарт-контрактов, целевого финансирования и управления корпоративной ликвидностью. Количественный анализ показывает, что после масштабирования проекта банки смогут получать от 17 до 61 млрд рублей дополнительных ежегодных доходов за счёт новых продуктов и оптимизации межбанковских операций.

Интеграция современных технологий в банковскую сферу создаёт новые возможности для экономического роста, повышения инвестиционной привлекательности и глобальной конкурентоспособности России. Однако успех зависит от тесного сотрудничества государства, бизнеса и общества, а также от готовности регулятора своевременно реагировать на технологические изменения. Как показывают международные исследования, именно синергия традиционных банков и финтех-компаний, объединяющая технологии и сервис, определяет будущее финансовой отрасли.

Список источников

1. Нестеренко С.А., Смирнова Е.А. Цифровые финансовые услуги в условиях цифровой экономики: тенденции, вызовы и перспективы // Научный вестник: Финансы, банки, инвестиции. 2025. № 1. С. 187–202.

2. Залилова М. А. Цифровые технологии в банковском бизнесе: перспективы развития FinTech на современном этапе // Управленческий учет. 2025. С. 164–170.

3. Банк России. Развитие финансовых технологий [Электронный ресурс]. – URL: https://www.cbr.ru/fintech/ (дата обращения: 01.06.2026).

4. РБК Тренды. ИИ и цифровой рубль: какие FinTech-тренды ждут Россию [Электронный ресурс]. – URL: https://trends.rbc.ru/trends/industry/65a77d849a7947b3cbde2275 (дата обращения: 01.06.2026).

5. Артеменко Д. А., Зенченко С. В. Цифровые технологии в финансовой сфере: эволюция и основные тренды развития в России и за рубежом // Finance: Theory and Practice. 2021. Т. 25, № 3. С. 90–101. DOI: 10.26794/2587-5671-2021-25-3-90-101.

6. Базельский комитет по банковскому надзору. Консультативный документ по FinTech (обобщение). – Basel: BIS, 2024 (электронная версия).

List of sources

1. Nesterenko S. A., Smirnova E. A. Digital Financial Services in the Digital Economy: Trends, Challenges, and Prospects // Scientific Bulletin: Finance, Banks, Investments. 2025. No. 1. P. . 187–202.

2. Zalilova M.A. Digital Technologies in the Banking Business: Prospects for the Development of FinTech at the Current Stage // Management Accounting. 2025. Pp. 164–170.

3. Bank of Russia. Development of financial technologies. URL: https://www.cbr.ru/fintech/ (date of access: 01.06.2026).

4. RBC Trends. AI and the digital ruble: what FinTech trends await Russia. URL: https://trends.rbc.ru/trends/industry/65a77d849a7947b3cbde2275 (date of access: 01.06.2026).

5. Artemenko D. A., Zenchenko S. V. Digital technologies in the financial sector: evolution and main development trends in Russia and abroad // Finance: Theory and Practice. 2021. Vol. 25, N 3. pp. 90–101. DOI: 10.26794/2587-5671-2021-25-3-90-101.

6. Basel Committee on Banking Supervision. Advisory document on FinTech (summary). – Basel: BIS, 2024 (electronic version).

© Мажгихов Э.Р., 2026

Вестник СКФО: Право и экономика. – 2026. – № 2 (38). – С. 98–105.
*Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics. 2026;2 (38):98–*105.

Экономика
Научная статья
УДК 336.6:330.341.1

РОЛЬ ВЕНЧУРНЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В РАЗВИТИИ ИННОВАЦИОННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Карина Султановна Шумахова[1], Саида Ахметовна Жирова[2]
[1, 2] Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия
[1]karinashumahova@mail.ru
[2]sayida@yandex.ru

Аннотация. В условиях перехода к экономике знаний и усиления технологической конкуренции венчурные инвестиции становятся критическим инструментом финансирования инновационных стартапов, недоступных для традиционных банковских механизмов из-за высоких рисков и отсутствия залогов. В статье раскрывается экономическая сущность венчурного капитала, его отличительные черты («умные деньги», активное участие в управлении, портфельный способ диверсификации рисков) и поэтапная структура инвестирования – от предпосевной стадии до Pre-IPO. На основе анализа глобального рынка (объём инвестиций в 2025 году достиг 469 млрд долл., рост на 47 %, концентрация в секторах ИИ и робототехники) и российских кейсов («О3-Коутингс», OilGene) авторы демонстрируют ускоряющее влияние венчурного капитала на коммерциализацию разработок, рост выручки и создание новых отраслей. Особое внимание уделяется системным барьерам в России: дефицит компетентных управляющих, сжатие рынка exit-стратегий, правовые пробелы и культурные ограничения. В качестве решений предложены комплексные меры государственной политики: налоговые вычеты для инвесторов (с 2025 года), развитие корпоративного венчура, создание вторичного рынка долей, образовательные программы и инфраструктурные проекты (технопарки, гибридные фонды). Результаты исследования могут быть использованы при разработке региональных программ поддержки инноваций, а также в учебных курсах по инновационному менеджменту и финансам.

Ключевые слова: венчурные инвестиции, инновационное предпринимательство, стартап, венчурный капитал, технологический суверенитет, государственная поддержка, exit-стратегии, «умные деньги»

Для цитирования: **Шумахова К.С., Жирова С.А.** Роль венчурных инвестиций в развитии инновационного предпринимательства // Вестник СКФО: право и экономика. 2026. № 2 (38). С. 98–105.

Economy
Originak article

THE ROLE OF VENTURE INVESTMENTS IN THE DEVELOPMENT OF INNOVATIVE ENTREPRENEURSHIP

Shumakhova Karina Sultanovna[1], Saida Akhmetovna Zhirova[2]
[1, 2] Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik, Russia
[1]karinashumahova@mail.ru
[2]sayida@yandex.ru

Annotation. In the context of the transition to a knowledge economy and intensifying technological competition, venture investments are becoming a critical tool for financing innovative startups that are inaccessible to traditional banking mechanisms due to high risks and lack of collateral. The article reveals the economic essence of venture capital, its distinctive features («smart money», active participation in management, portfolio-based risk diversification) and the staged investment structure – from pre-seed to Pre-IPO. Based on an analysis of the global market (investment volume in 2025 reached $469 billion, up 47 %, concentration in AI and robotics sectors) and Russian cases (O3-Coatings, OilGene), the authors demonstrate the accelerating effect of venture capital on the commercialization of R&D, revenue growth, and the creation of new industries. Special attention is paid to systemic barriers in Russia: a shortage of competent managers, a shrinking exit market, legal gaps, and cultural constraints. As solutions, comprehensive government policy measures are proposed: tax deductions for investors (since 2025), the development of corporate venture capital, the creation of a secondary market for shares, educational programs, and infrastructure projects (technoparks, hybrid funds). The research results can be used in the development of regional innovation support programs, as well as in educational courses on innovation management and finance.

Keywords: venture investments, innovative entrepreneurship, startup, venture capital, technological sovereignty, government support, exit strategies, smart money

For citation: **Shumakhova K.S., Zhirova S.A.** The role of venture investments in the development of innovative entrepreneur-ship // Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics. 2026;2(38):98–105.

Введение. В современных условиях глобальной технологической гонки способность генерировать и коммерциализировать инновации становится ключевым фактором конкурентоспособности национальных экономик. Инновационное предпринимательство, особенно в высокотехнологичных секторах, выступает драйвером структурной перестройки и создания новых рынков. Однако его развитие сталкивается с фундаментальным препятствием: традицион_ные финансовые институты (банки, фондовые биржи) не готовы предоставлять капитал молодым компаниям на ранних стадиях из-за высоких рисков, отсутствия залогов и кредитной истории. В этом «провале рынка» ключевую роль призван играть венчурный капитал – специфический инструмент, сочетающий долгосрочные долевые вложения, активное участие инвестора в управлении и ориентацию на многократный рост стоимости бизнеса.

Актуальность исследования обусловлена растущей потребностью российской экономики в технологическом суверенитете и импортозамещении, что требует эффективных механизмов финансирования инновационных стартапов. В 2025 году мировой венчурный рынок достиг объема 469 млрд долларов, увеличившись на 47 %, причем почти половина этой суммы пришлась на сектор искусственного интеллекта. В этих условиях выявление роли венчурных инвестиций как системообразующего элемента инновационной экосистемы приобретает прикладное значение.

Цель исследования – выявить роль венчурных инвестиций как механизма стимулирования инновационного предпринимательства и предложить направления повышения их эффективности в современных условиях.

Объектом исследования выступают венчурные инвестиции как экономическое явление.

Предмет исследования – роль и механизмы влияния венчурных инвестиций на развитие инновационного предпринимательства.

Материалы и методы исследования. Теоретико-методологической базой исследования послужили фундаментальные труды зарубежных и отечественных ученых в области венчурного инвестирования, инновационного предпринимательства и финансового менеджмента, а также нормативно-правовые акты Российской Федерации, регулирующие инвестиционную деятельность (Федеральный закон от 28.11.2011 N 335-ФЗ «Об инвестиционном товариществе» [1]).

Эмпирическая база исследования включает: статистические данные глобального венчурного рынка за 2024–2025 годы (аналитические обзоры, отчеты венчурных ассоциаций); данные Банка России о развитии альтернативных механизмов инвестирования; публичные отчеты институтов развития (ВЭБ.РФ, Сколтех); материалы деловой периодики (газета «Коммерсантъ»); кейсы успешных венчурных проектов в России и за рубежом.

Методологический инструментарий включает следующие подходы и методы: общенаучные методы познания: анализ и синтез; системный подход; сравнительный анализ; методы статистической обработки; кейс-метод; метод контент-анализа.

Совокупность примененных методов обеспечила комплексность исследования и достоверность полученных выводов.

Результаты и дискуссия

Инновационное предпринимательство – это процесс коммерческого использования технико-технологических нововведений, направленных на создание новых или усовершенствованных продуктов, услуг, процессов или бизнес-моделей, изменяющих рынок.

Венчурные инвестиции (venture investments) – долгосрочные вложения в молодые быстрорастущие компании (стартапы) на ранних стадиях, обладающие высоким инновационным потенциалом и способные к многократному росту. Прибыль формируется от роста капитализации при продаже компании или выходе на биржу [2].

Сущность венчурных инвестиций раскрывается через его ключевые функции:

1. **Решение «провала рынка»**. Традиционные институты отказывают стартапам в капитале из-за отсутствия залогов и кредитной истории. Венчурный капитал заполняет этот разрыв.

2. **Активное инвестирование («умные деньги»)**. Инвестор становится активным партнером: входит в совет директоров, участвует в стратегическом планировании, помогает с наймом и предоставляет доступ к сети контактов.

3. **Управление риском через портфель**. Модель построена на принципе: из 10–15 стартапов 3–4 полностью проигрывают, 3–4 возвращают вложенное, 2–3 приносят умеренную прибыль, 1 становится «звездой» (х10–х100), окупая все потери. Это принципиально отличает венчур от кредитования.

4. **Долгосрочный и неликвидный характер**. Средний срок жизни фонда – 10 лет. Выход возможен через M&A, IPO или продажу доли на вторичном рынке.

Основу венчурного инвестирования составляет модель «один успех окупает девять провалов». По статистике, в первые годы прекращают работу от 40 до 60 % стартапов. Для компенсации рисков инвесторы формируют диверсифицированный портфель из 10–15 проектов, рассчитывая на кратный рост одного-двух из них. В классической венчурной сделке участвуют четыре стороны: частные инвесторы (вносят капитал), управляющие фонда (отбирают перспективные проекты), команда стартапа (создают продукта) и менторы (помогают развиваться и масштабироваться).

Венчурное инвестирование происходит поэтапно, и его структура тесно связана со стадией развития компании. Этапы венчурного инвестирования представлены в *таблице 1*.

Таблица 1 – Этапы венчурного инвестирования

Стадия	**Характеристика**	**Объем инвестиций**
Pre-seed	Идея, MVP, продаж нет	Тысячи – десятки тыс. долл.
Seed	Первые продажи, доработка продукта	Сотни тыс. – 1 млн долл.
Series A–B	Масштабирование, выход на новые рынки	Несколько млн долл.
Growth	Расширение бизнеса, укрепление лидерства	Десятки – сотни млн долл.
Expansion/Pre-IPO	Подготовка к выходу, минимальные риски	Крупные раунды

Источник: составлено авторами по материалам исследования.

В процессе отбора проекта инвесторы оценивают компетентность команды, емкость рынка, уникальность продукта/технологии и прозрачность финансовой модели.

Традиционные механизмы финансирования, такие как банковское кредитование и инструменты фондового рынка, используются компаниями в основном на стадиях роста и зрелости. Компаниям на ранних стадиях банковские кредиты, в особенности долгосрочные, малодоступны, поскольку такие компании не соответствуют требованиям кредиторов к финансовому положению, сроку деятельности и наличию обеспечения, а также не имеют возможности регулярно погашать задолженность. Более половины кредитов, предоставленных предприятиям малого и среднего бизнеса, являются краткосрочными, что делает их непригодными для финансирования долгосрочных инновационных проектов.

Именно здесь венчурные инвестиции демонстрируют свои конкурентные преимущества. Для наглядного сравнения венчурного капитала с банковским кредитованием и государственным финансированием представлена *таблица 2*.

Таблица 2 – Сравнение венчурных инвестиций с другими финансовыми инструментами

Критерий	Венчурные инвестиции	Банковский кредит	Государственное финансирование
Финансирование ранних стадий	Да (seed – раунд А)	Нет (нужен залог)	Частично (гранты)
Скорость принятия решений	Высокая (месяцы)	Низкая (месяцы, бюрократия)	Очень низкая (годы, конкурсы)
Экспертная поддержка	Да, активная	Нет	Ограниченная
Ориентация на коммерческий успех	Да, жесткая	Да, но только на возврат долга	Слабая (часто формальные KPI)
Стимулирование инноваций	Высокое (поощряет радикальные идеи)	Низкое (избегает риска)	Среднее (поддерживает фундаментальную науку)
Риск для государства	Отсутствует (частный капитал)	Отсутствует (кредит)	Высокий (бюджетные потери)

Как следует из *таблицы 2*, венчурные инвестиции принципиально отличаются от традиционных инструментов по ключевым параметрам: они доступны на ранних стадиях, обеспечивают активную экспертизу («умные деньги») и ориентированы на прорывные инновации, а не на гарантированный возврат средств.

Однако, несмотря на очевидные преимущества, венчурное инвестирование сопряжено с высокими рисками, которые необходимо учитывать, как инвесторам, так и предпринимателям. Рассмотрим основные риски, связанные с венчурными инвестициями.

– Рыночный риск – стартап может не найти платежеспособный спрос на свой продукт, или объем продаж окажется ниже прогнозов. Усиление конкуренции и изменение ценовой конъюнктуры также могут резко ухудшить экономику проекта.

– Операционный риск – ошибки команды в управлении финансами, продуктом или процессах масштабирования приводят к срывам планов и повышению текущих расходов, что снижает шансы на привлечение следующего раунда инвестиций.

– Технологический риск – технология может не достичь заявленных характеристик, не масштабироваться до промышленного уровня или потребовать непредвиденных затрат на доработку. Возможно также быстрое устаревание решения из-за появления более эффективных аналогов у конкурентов.

– Репутационный риск – продукт или деловые практики компании могут вызвать негативную реакцию у клиентов, партнеров или регуляторов, что негативно влияет на стоимость бренда и снижает вероятность успешного выхода из проекта.

Понимание этих рисков позволяет инвесторам формировать диверсифицированные портфели, а предпринимателям – выстраивать стратегии их минимизации на каждом этапе развития.

Мировой венчурный рынок, оправившись от спада, в 2025 году вырос на 47 % до 469 млрд долл., и этот рост почти полностью обеспечили стартапы в сфере искусственного интеллекта. Структура инвестиций по секторам представлена в *таблице 3*.

Таблица 3 – Объем венчурных инвестиций по секторам в 2025 году

Сектор экономики	Объем инвестиций в 2025 году (млрд долл.)	Доля в общем объеме от мирового рынка (%)
Искусственный интеллект (ИИ)	225,8	~48
Робототехника	40,7	~8,6
Оборудование (чипы, кванты)	16,2	~3,4
Биотехнологии	15,8	~3,3

Источник: таблица составлена на основе данных за 2025 год из источника [3]

Анализ таблицы показывает четкую концентрацию капитала в наиболее динамичных технологических направлениях. Почти половина всех венчурных вложений приходится на искусственный интеллект, что свидетельствует о формировании нового технологического уклада. Значительные инвестиции в робототехнику и оборудование указывают на усиление внимания к аппаратным решениям, а биотехнологии сохраняют устойчивую долю как стратегическое направление.

Венчурные инвестиции выполняют системообразующую роль в современной инновационной экономике. Они позволяют преодолевать критический этап развития проекта («долину смерти») на ранних этапах, ускоряют технологический цикл с 10–15 до 3–5 лет и служат рыночным фильтром для отбора наиболее перспективных проектов. Финансирование дает стартапам стратегические преимущества: ускоренный рост, повышение устойчивости, развитие НИОКР и создание новых рабочих мест.

Влияние венчурного капитала наиболее наглядно подтверждается примерами компаний, ставших столпами глобальной экономики. Семь из десяти самых дорогих компаний мира – Nvidia, Apple, Alphabet (Google), Microsoft, Amazon, Meta и Tesla – начинали свой путь с венчурного финансирования. Помимо денег, венчурный капитал дал им доступ к стратегической экспертизе и деловым связям.

Российский рынок также демонстрирует позитивные примеры. Компания «ОЗ-Коутингс» (производитель антикоррозионных покрытий) получила от ВЭБ.РФ 500 млн руб. инвестиций, запустила собственный завод в Ростовской области и увеличила выручку на 70 % в 2023 году и еще на 23 % в 2024-м [4]. Агротехнический стартап OilGene (выпускник Сколтеха) привлек 10 млн рублей от венчурного фонда AIK Invest, что позволило команде масштабировать бизнес, закупить оборудование и увеличить выручку в десять раз [5].

Несмотря на положительные примеры, эффективному использованию венчурного капитала в России препятствует комплекс системных проблем:

1. Макроэкономические и геополитические: сжатие рынка, высокие ставки, налоговое давление.

2. Структурные: дефицит «умных денег» и компетентных управляющих с опытом масштабирования; потеря глобального нетворкинга из-за ухода западных фондов; региональная концентрация активности в Москве и Санкт-Петербурге.

3. Правовые пробелы: несовершенство регулирования венчурной деятельности.

4. Поведенческие: смена приоритетов инвесторов в сторону коротких горизонтов окупаемости; дефицит масштабных технологических идей; культурные барьеры и недоверие.

5. Барьеры выхода (Exit): недоступность зарубежных IPO и снижение активности M&A из-за санкционных ограничений.

Развитие венчурного рынка требует комплексного подхода, сочетающего совершенствование правовой базы, внедрение налоговых стимулов и создание рыночной инфраструктуры.

Правовое регулирование. Ключевым элементом является создание гибкой и прозрачной правовой среды, упрощающей структурирование инвестиционных фондов и защищающей высокотехнологичный бизнес от рисков немотивированных отказов.

Вторичный рынок. Развитие специализированных платформ для торговли долями венчурных фондов позволит инвесторам выходить из проектов до финального этапа, повышая ликвидность вложений. Формирование реестра инвестиционных товариществ, инвестирующих в малые технологические компании, обеспечит доступ к мерам господдержки.

Стимулирование спроса. Развитие корпоративного венчура (CVC) предполагает льготы для компаний, создающих собственные венчурные подразделения. Мерами поддержки могут выступать квотирование госзакупок у малых технологических компаний и создание гарантированного спроса на инновации.

Налоговые стимулы. С 2025 года введен новый налоговый вычет для участников договоров инвестиционного товарищества: уменьшение региональной части налога на прибыль (17 из 25 %) на сумму вклада (до 100 %, лимит устанавливают регионы) при условии включения товарищества в региональный реестр организаций, инвестирующих в малые технологические компании.

Образовательные программы. Магистерские программы, практико-ориентированные курсы для предпринимателей и инвесторов по управлению инновационными проектами позволят повысить уровень профессиональных компетенций.

Инфраструктура. Создание технопарков, инженерных школ, государственное софинансирование на паритетной основе с частным капиталом (модель гибридных фондов) и поддержка студенческих проектных команд в рамках программы «Университет 3.0» позволят снизить порог входа для новых проектов.

Заключение. Проведенное исследование позволяет сделать ряд обобщающих выводов, подтверждающих центральную гипотезу о том, что венчурные инвестиции являются не просто альтернативным источником финансирования, а системообразующим механизмом развития инновационного предпринимательства в современной экономике.

Во-первых, в работе установлено, что венчурный капитал выполняет уникальную функцию, недоступную традиционным финансовым институтам: он заполняет «провал рынка» на ранних стадиях развития стартапов, когда банковское кредитование невозможно из-за

отсутствия залогов и положительной кредитной истории, а государственное финансирование ограничено бюрократическими процедурами и не ориентировано на коммерческую эффективность. Венчурные инвестиции обеспечивают не только «длинные» деньги, но и активное участие инвестора в управлении, что позволяет стартапам преодолевать «долину смерти» и масштабироваться в разы быстрее, чем при использовании традиционных инструментов.

Во-вторых, эмпирический анализ подтверждает высокую эффективность венчурной модели. Мировой рынок в 2025 году достиг объема 469 млрд долл., причем рост на 47 % был обеспечен преимущественно сектором искусственного интеллекта (225,8 млрд долл.). Это свидетельствует о том, что венчурный капитал является главным драйвером формирования новых технологических укладов, обеспечивая быструю коммерциализацию прорывных разработок. Российские кейсы («ОЗ-Коутингс», OilGene) демонстрируют, что даже в условиях санкционных ограничений венчурное финансирование способно обеспечить импортозамещение и многократный рост выручки.

В-третьих, выявлены системные барьеры, препятствующие полноценному развитию венчурного рынка в России: макроэкономическая нестабильность, дефицит компетентных управляющих, исчезновение глобального нетворкинга, правовые пробелы и ограниченность exit-стратегий. Эти проблемы требуют комплексного государственного вмешательства.

В-четвертых, на основе анализа лучших мировых и российских практик предложены шесть направлений совершенствования венчурной экосистемы: совершенствование правового регулирования, развитие вторичного рынка венчурных долей, стимулирование корпоративного венчура и спроса на инновации, внедрение налоговых вычетов для инвесторов (уже действующих с 2025 года), запуск образовательных программ для предпринимателей и инвесторов, а также улучшение инфраструктуры (технопарки, гибридные фонды, университетские стартап-студии).

Таким образом, венчурные инвестиции являются критическим ресурсом для достижения технологического суверенитета и устойчивого экономического роста. В условиях глобальной турбулентности и санкционного давления для России усиление роли венчурного капитала переходит из разряда экономической задачи в разряд стратегического приоритета государственной политики. Реализация предложенных мер позволит не только преодолеть текущий дефицит ликвидности, но и сформировать устойчивую инновационную экосистему, способную генерировать и коммерциализировать технологии мирового уровня.

Перспективы дальнейших исследований связаны с количественной оценкой эффективности налоговых стимулов, разработкой моделей оценки венчурных проектов с учетом российских реалий, а также анализом влияния цифрового рубля и блокчейн-технологий на трансформацию венчурного инвестирования.

Список источников

1. Федеральный закон от 28.11.2011 № 335-ФЗ «Об инвестиционном товариществе» (ред. От 14.07.2022).

2. Гулькин П.Г. Венчурные и прямые частные инвестиции в России: теория и десятилетие практики. СПб.: Аналитический центр «Альпари СПб», 2003. 240 с.

3. Савельева Н.А., Видищева Е.В. Анализ теоретических подходов формирования понятийного аппарата венчурного инвестирования // Вестник Академии знаний. 2022. № 50 (3). С. 282–288.

4. Сытник А.А., Антоничев А.В. Сущность венчурных инвестиций // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2015. Т. 15, вып. 2. С. 132–137.

5. Финуслуги: инвестиции в венчурные проекты [Электронный ресурс]. URL: https://finuslugi.ru/navigator/investirovat/stat_investicii-v-venchurnye-proekty (дата обращения: 15.06.2026).

List of sources

1. Federal Law «On Investment Partnerships» N 335-FZ of November 28, 2011 (as amended on July 14, 2022).

2. Gulkin P.G. Venture and direct private investments in Russia: Theory and a decade of practice. – St. Petersburg: Analytical Center «Alpari SPb», 2003. – 240 p.

3. Savelyeva N.A., Vidishcheva E.V. Analysis of theoretical approaches to the formation of the conceptual apparatus of venture investing // Bulletin of the Academy of Knowledge. 2022. N 50 (3). P. 282–288.

4. Sytnik A.A., Antonichev A.V. The essence of venture investments // Bulletin of the Saratov University. New series. Series: Economics. Management. Law. 2015. Vol. 15, issue 2. P. 132–137.

5. Financial services: investments in venture projects. URL: https://finus-lugi.ru/navigator/investirovat/stat_investicii-v-venchurnye-proekty (accessed: 15.06.2026).

© Шумахова К.С., Жирова С.А., 2026

Вестник СКФО: Право и экономика. – 2026. – № 2 (38). – С. 105–111.
Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics. 2026;2 (38):105–111.

Экономика
Научная статья
УДК 657.1:336.6:338.1

ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕТНО-АНАЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМИ И РАСЧЕТАМИ В ЦЕЛЯХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ

Генриетта Аркадьевна Эфендиева[1], Светлана Суадиновна Сижажева[2]
[1, 2] Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия
[1]efendieva.greta@yandex.ru
[2]svetlana_sizhazheva @mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются организационные принципы построения учетно-аналитической системы, ориентированной на управление обязательствами и расчетами как фактором экономической безопасности предприятия. Показано, что качество расчетной дисциплины, структура дебиторской и кредиторской задолженности и своевременность исполнения обязательств непосредственно определяют уровень платежеспособности, финансовой устойчивости и деловой репутации хозяйствующего субъекта. Выявлена роль учетно-аналитического обеспечения в формировании информации о состоянии расчетов, надежности контрагентов и сопутствующих рисках. В отличие от работ, рассматривающих учет обязательств изолированно, авторы предлагают комплекс принципов (достоверность, разграничение ответственности, оценка контрагентов, управление рисками, защита информации), реализация которых превращает учетно-аналитическую систему в инструмент раннего предупреждения угроз. Сделан вывод, что системная организация учета, контроля и анализа расчетов способствует укреплению экономической безопасности предприятия.

Ключевые слова: экономическая безопасность, учетно-аналитическая система, обязательства, расчеты, дебиторская задолженность, кредиторская задолженность, платежная дисциплина, внутренний контроль, финансовые риски, оценка контрагентов

Для цитирования: **Эфендиева Г.А., Сижажева С.С.** Общие принципы организации учетно-аналитической системы управления обязательствами и расчетами в целях обеспечения экономической безопасности предприятия // Вестник СКФО: право и экономика. 2026. № 2 (38). С. 105–111.

Economy
Originak article

GENERAL PRINCIPLES OF ORGANIZING AN ACCOUNTING AND ANALYTICAL SYSTEM FOR LIABILITIES AND SETTLEMENTS MANAGEMENT IN ENSURING ENTERPRISE ECONOMIC SECURITY

Genrietta Arkadyevna Efendieva[1], Svetlana Suadinovna Sizhazheva[2]
[1, 2] Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik, Russia
[1]efendieva.greta@yandex.ru
[2]svetlana_sizhazheva @mail.ru

Abstract. The article examines the organizational principles of building an accounting and analytical system focused on managing liabilities and settlements as a factor of enterprise economic security. It is shown that the quality of payment discipline, the structure of receivables and payables, and the timeliness of fulfilling obligations directly determine the level of solvency, financial stability, and business reputation of an economic entity. The role of accounting and analytical support in generating information on the state of settlements, counterparty reliability, and associated risks is revealed. Unlike works that consider liability accounting in isolation, the authors propose a set of principles (reliability, separation of responsibilities, counterparty assessment, risk management, information protection), the implementation of which turns the accounting and analytical system into an early warning tool for threats. It is concluded that the systematic organization of accounting, control, and analysis of settlements contributes to strengthening the economic security of an enterprise.

Keywords: economic security, accounting and analytical system, liabilities, settlements, accounts receivable, accounts payable, payment discipline, internal control, financial risks, counterparty assessment

For citation: **Efendieva G.A., Sizhazheva S.S.** General principles of organizing an accounting and analytical system for liabilities and settlements management in ensuring enterprise economic security// Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics. 2026; 2 (38): 105–111.

Введение. В современных условиях хозяйствования обеспечение экономической безопасности предприятия во многом зависит от качества управления финансовыми обязательствами и расчетами. Экономическая безопасность может рассматриваться как состояние защищенности финансово-экономических интересов организации, позволяющее ей противостоять внутренним и внешним угрозам, сохранять устойчивость функционирования и конкурентоспособность [1].

Нарушение платежной дисциплины, рост просроченной дебиторской и кредиторской задолженности, несвоевременное исполнение договорных обязательств и недостаточный контроль расчетных операций способны привести к ухудшению платежеспособности, снижению финансовой устойчивости, возникновению штрафных санкций и потере деловой репутации. Следовательно, управление обязательствами и расчетами следует рассматривать не только как элемент бухгалтерской работы, но и как важное направление обеспечения экономической безопасности предприятия.

В этих условиях особую значимость приобретает учетно-аналитическая система, способная генерировать достоверную информацию о состоянии обязательств, расчетах с контрагентами, сроках погашения задолженности и финансовых рисках. В связи с этим актуальным является исследование общих принципов организации учетно-аналитической системы управления обязательствами и расчетами как инструмента укрепления экономической безопасности предприятия.

Цель исследования состоит в обосновании и систематизации общих принципов организации учетно-аналитической системы управления обязательствами и расчетами как инструмента укрепления экономической безопасности предприятия.

Объектом исследования выступает совокупность обязательств и расчетов предприятия как объект учетно-аналитического наблюдения в контексте экономической безопасности.

Предметом исследования являются организационные принципы построения учетно-аналитической системы, обеспечивающей управление обязательствами и расчетами в целях предотвращения финансовых угроз.

Материалы и методы исследования. Теоретическую и методологическую основу составили работы по экономической безопасности, бухгалтерскому и управленческому учету, внутреннему контролю. Информационную базу обеспечили нормативные актыи научная литература по исследуемой проблематике.

В процессе исследования использованы методы анализа, синтеза, сравнения, систематизации и обобщения. Их применение позволило раскрыть содержание обязательств и расчетов как объектов учетно-аналитического наблюдения, определить их значение в системе экономической безопасности предприятия, выявить основные финансовые риски, связанные с расчетными операциями, и сформулировать принципы построения учетно-аналитической системы управления обязательствами и расчетами.

Результаты и дискуссия

Учетно-аналитическое обеспечение в научной литературе рассматривается как один из значимых инструментов управления экономической безопасностью. Как отмечает Р.А. Гезиханов, совершенствование учетно-аналитической системы выступает важным условием устойчивого развития хозяйствующего субъекта [2]. О.С. Глинская также подчеркивает, что такое обеспечение позволяет осуществлять учет, контроль и анализ, выявлять уязвимые зоны и принимать обоснованные решения [3].

Применительно к обязательствам и расчетам учетно-аналитическая система не может ограничиваться простой регистрацией фактов возникновения и погашения задолженности. Она должна давать возможность анализировать структуру долга, сроки исполнения, платежную дисциплину контрагентов и влияние расчетов на финансовую устойчивость.

К основным объектам учетно-аналитического наблюдения в данной сфере относятся дебиторская и кредиторская задолженность, обязательства перед бюджетом и внебюджетными фондами, расчеты с персоналом, расчеты по кредитам и займам, договорные обязательства перед поставщиками и покупателями, а также расчеты по претензиям, штрафам, пеням и иным санкциям. Каждый из указанных объектов может выступать источником финансовых рисков при отсутствии надлежащего учета, контроля и анализа.

Дебиторская задолженность связана с риском несвоевременного поступления денежных средств, ухудшения ликвидности и возникновения кассовых разрывов. Кредиторская задолженность при несвоевременном погашении может привести к штрафным санкциям, судебным спорам, ограничению поставок и утрате доверия со стороны контрагентов. Расчеты с бюджетом и внебюджетными фондами требуют особого контроля, поскольку нарушение сроков уплаты налогов и страховых взносов влечет налоговые риски и финансовые санкции. Следовательно, управление обязательствами и расчетами является не только бухгалтерской, но и стратегически значимой задачей в системе экономической безопасности предприятия.

Учетно-аналитическая система управления обязательствами и расчетами должна обеспечивать формирование достоверной и своевременной информации о состоянии расчетов, контроль сроков исполнения обязательств и соблюдения договорных условий, анализ платежеспособности контрагентов, оценку финансовых рисков, прогнозирование денежных потоков, предупреждение кассовых разрывов, а также внутренний контроль и защиту финансовой информации.

Содержание учетно-аналитической системы управления обязательствами и расчетами можно представить через совокупность взаимосвязанных элементов, представленных в *таблице 1*.

Таблица 1 – Элементы учетно-аналитической системы управления обязательствами и расчетами

Элемент учетно-аналитической системы	Содержание	Значение для экономической безопасности
Бухгалтерский учет расчетов	Регистрация обязательств, дебиторской и кредиторской задолженности, отражение расчетов с контрагентами, бюджетом, персоналом и кредиторами	Обеспечивает достоверность информации о состоянии расчетов и обязательств
Управленческий учет	Формирование внутренней аналитики по срокам, контрагентам, договорам, подразделениям и центрам ответственности	Позволяет оперативно оценивать задолженность и принимать управленческие решения
Анализ задолженности	Оценка структуры, динамики, оборачиваемости, просроченной задолженности и платежной дисциплины	Позволяет выявлять финансовые риски и угрозы ликвидности
Внутренний контроль	Проверка первичных документов, договоров, сроков платежей, лимитов задолженности и полномочий ответственных лиц	Снижает вероятность ошибок, злоупотреблений и несанкционированных операций
Бюджетирование и платежный календарь	Планирование поступлений и платежей, прогнозирование денежных потоков	Предупреждает кассовые разрывы и способствует поддержанию платежеспособности
Оценка контрагентов	Анализ надежности партнеров, их платежеспособности, судебной и налоговой истории	Снижает риск невозврата денежных средств и неисполнения обязательств
Информационная безопасность	Защита учетных, договорных и платежных данных, разграничение доступа	Предупреждает утечку информации и финансовое мошенничество

Источник: составлено авторами по материалам исследования.

Перечисленные в *таблице 1* элементы не должны существовать изолированно. Только работая как единая система, они способны выполнять учетную, управленческую, контрольную и защитную функции. Взаимосвязь бухгалтерского учета, управленческой аналитики, внутреннего контроля, бюджетирования, оценки контрагентов и информационной безопасности формирует целостную картину состояния обязательств и расчетов, позволяет своевременно фиксировать отклонения и принимать превентивные меры.

Однако наличие отдельных элементов учетно-аналитической системы само по себе не гарантирует ее эффективности. Для того чтобы данная система действительно способствовала обеспечению экономической безопасности предприятия, она должна быть выстроена на определенных организационно-методических принципах, обеспечивающих достоверность учетной информации, прозрачность расчетов, своевременный контроль обязательств и предупреждение финансовых рисков (*рисунок 1*).

Комплексное применение представленных принципов позволяет повысить качество учетной информации, усилить контроль расчетных операций, минимизировать риск возникновения просроченной задолженности, обеспечить защиту финансовых данных и своевременно выявлять угрозы экономической безопасности предприятия. Рассмотрим указанные принципы более подробно.

Первый принцип – *достоверность и оперативность отражения хозяйственных операций*. Ошибки или задержки в оформлении договоров, счетов, актов, счетов-фактур, платежных поручений искажают данные о задолженности, ведут к несвоевременному исполнению обязательств, налоговым рискам и конфликтам. Учетная система должна обеспечивать своевременную регистрацию операций, регулярную сверку расчетов и актуализацию информации в регистрах.

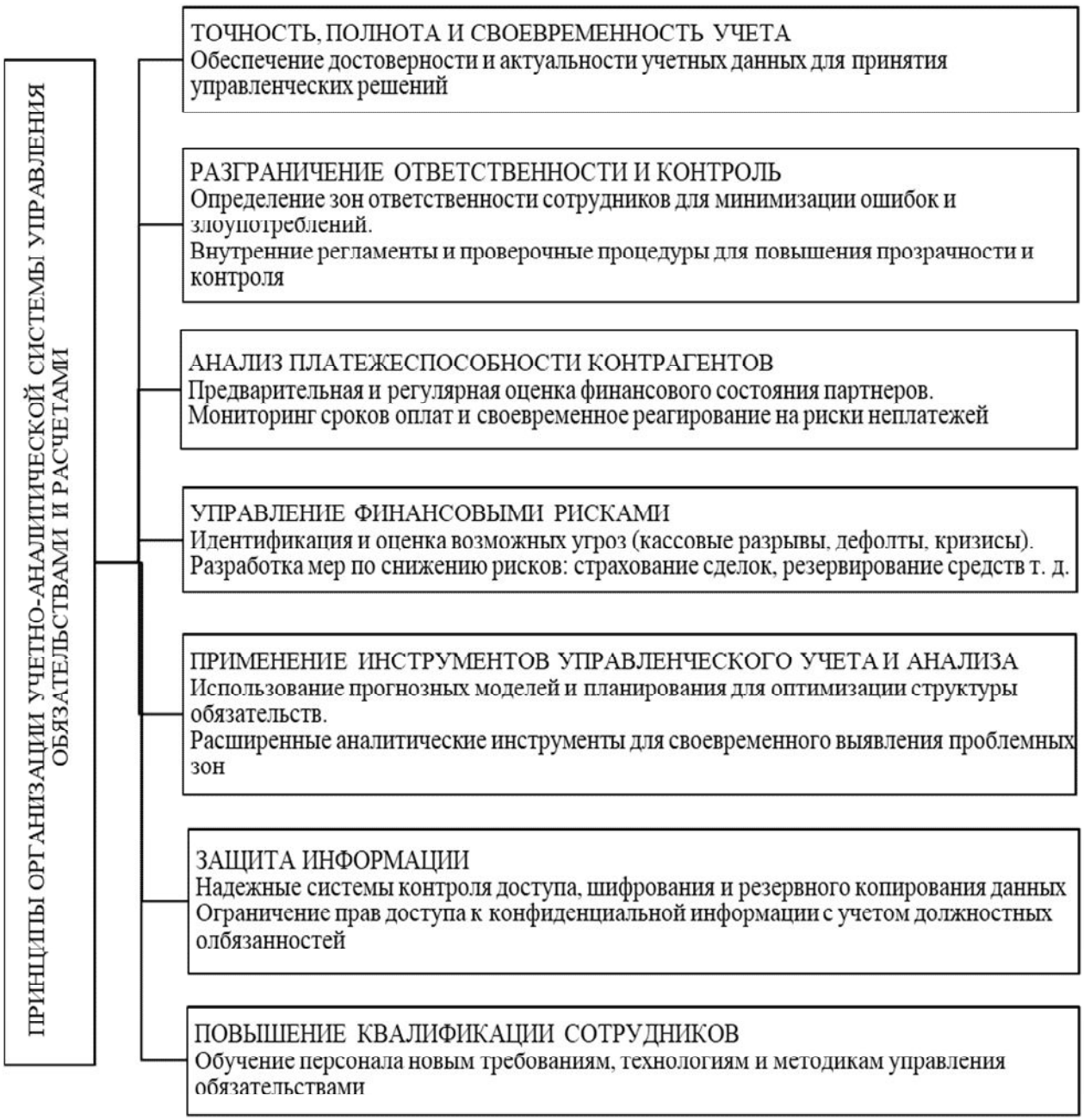

Рисунок 1 – Основные принципы организации учетно-аналитической системы управления обязательствами и расчетами

Источник: составлено авторами по материалам исследования.

Второй принцип – *разграничение функций, полномочий и ответственности.* Управление обязательствами связано с движением денежных средств, согласованием договоров и принятием платежных решений. Концентрация этих функций у одного лица повышает риск ошибок, злоупотреблений и несанкционированных операций. Необходимы внутренние регламенты, должностные инструкции, многоуровневое согласование финансовых документов и регулярный контроль.

Третий принцип – *оценка надежности и платежеспособности контрагентов.* Расчетные отношения всегда несут риск неисполнения обязательств. Проверка контрагентов нужна не только на этапе заключения договора, но и в ходе сотрудничества: анализ отчетности, судебной истории, налоговой дисциплины, долговой нагрузки, деловой репутации. Особого внимания требуют новые контрагенты, отсрочки платежа, крупные сделки.

Четвертый принцип – *управление финансовыми рисками.* К ним относятся: риск неплатежей покупателей, кассовых разрывов, несвоевременных расчетов с поставщиками и бюджетом, штрафных санкций, потери ликвидности, мошенничества, искажения учетных данных. Инструментарий минимизации включает планирование денежных потоков, платежный календарь, лимитирование задолженности, резервирование, регулярную инвентаризацию расчетов, претензионную работу и внутренний аудит.

Пятый принцип – *использование управленческого учета и аналитических инструментов*. Бухгалтерский учет фиксирует свершившиеся факты, но для безопасности этого мало. Руководству необходима аналитическая информация о структуре задолженности, сроках ее возникновения и погашения, доле просроченных обязательств, концентрации задолженности по отдельным контрагентам, динамике расчетов, влиянии задолженности на ликвидность и финансовый результат. В связи с этим особое значение приобретают аналитические отчеты, платежные реестры, графики погашения задолженности, коэффициенты оборачиваемости дебиторской и кредиторской задолженности, показатели просрочки и внутренние рейтинги контрагентов.

Шестой принцип – *обеспечение информационной безопасности расчетных данных.* Цифровизация учета, электронный документооборот, дистанционное банковское обслуживание делают финансовую информацию одним из главных объектов защиты. Договоры, платежные документы, сведения о задолженности, банковские реквизиты, данные о контрагентах могут составлять коммерческую тайну. Их утечка, искажение или несанкционированное изменение наносят финансовый и репутационный ущерб. Требуются разграничение доступа, электронные подписи, резервное копирование, антивирусная защита, контроль действий пользователей.

Седьмой принцип – *повышение квалификации сотрудников.* Даже самые современные информационные системы не гарантируют качества учета и анализа, если персонал недостаточно компетентен. Бухгалтеры, финансисты, юристы, внутренние контролеры и руководители должны постоянно совершенствовать знания в области налогового, бухгалтерского и гражданского законодательства, электронного документооборота и договорной работы. Обучение, внутренние методические инструкции и контроль соблюдения регламентов – необходимое условие надежности системы.

Следует отметить, что учетно-аналитическая система управления обязательствами и расчетами должна быть ориентирована не только на выявление уже возникших проблем, но и на их предупреждение. Ее профилактическая функция проявляется в возможности заранее определить признаки ухудшения платежной дисциплины, роста просроченной задолженности, увеличения зависимости от отдельных контрагентов, нарушения сроков расчетов или возникновения кассовых разрывов. В этом смысле учетно-аналитическая система становится инструментом раннего предупреждения угроз экономической безопасности предприятия.

Особая роль в этом процессе принадлежит внутреннему контролю. Он должен охватывать не только проверку правильности бухгалтерских записей, но и контроль договорных условий, лимитов задолженности, сроков оплаты, полномочий ответственных лиц, полноты первичных документов и результатов сверки расчетов. Это позволяет своевременно выявлять ошибки, несогласованность данных, нарушения платежной дисциплины и признаки возможных злоупотреблений.

Важным направлением повышения эффективности учетно-аналитической системы является автоматизация процессов управления расчетами. Современные учетные программы, ERP-системы, системы электронного документооборота и аналитические панели позволяют оперативно получать информацию о задолженности, контролировать сроки платежей, формировать напоминания о наступлении обязательств, анализировать отклонения и готовить управленческую отчетность. Автоматизация снижает вероятность технических ошибок, ускоряет обработку информации и повышает прозрачность расчетных процессов. Вместе с тем цифровизация требует усиления контроля доступа к данным и защиты информационных систем.

Таким образом, учетно-аналитическая система управления обязательствами и расчетами в целях обеспечения экономической безопасности предприятия должна строиться на комплексном подходе, объединяя бухгалтерский учет, управленческий учет, финансовый анализ, внутренний контроль, оценку контрагентов, бюджетирование, информационную безопасность и профессиональную подготовку персонала. Только при таком подходе система способна не только отражать расчетные операции, но и обеспечивать выявление, оценку и предупреждение угроз экономической безопасности.

Заключение. Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что управление обязательствами и расчетами является одним из ключевых направлений обеспечения экономической безопасности предприятия. Состояние дебиторской и кредиторской задолженности, соблюдение сроков исполнения обязательств, платежная дисциплина и качество внутреннего контроля непосредственно влияют на платежеспособность, финансовую устойчивость и деловую репутацию организации.

Учетно-аналитическая система управления обязательствами и расчетами должна решать две взаимосвязанные задачи: во-первых, достоверно отражать расчетные операции, во-вторых, формировать информацию для анализа задолженности, оценки контрагентов, контроля сроков платежей, прогнозирования денежных потоков и предупреждения финансовых рисков.

Эффективность такой системы зависит от комплексного применения принципов достоверности и своевременности учета, разграничения ответственности, внутреннего контроля, оценки контрагентов, управления рисками, защиты информации и повышения квалификации персонала. Реализация этих принципов позволяет своевременно выявлять угрозы экономической безопасности и принимать меры по защите финансово-экономических интересов предприятия.

Список источников

1. Серебрякова Т.Ю., Суглобов А.Е. Теоретические подходы к сущности экономической безопасности организации // Russian Journal of Management. 2019. Т. 7. № 4. С. 11–15. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://elib.fa.ru/art2020/bv85.pdf (дата обращения: 19.05.2026).

2. Гезиханов Р.А. Учетно-аналитическое обеспечение экономической безопасности организации // Экономическая безопасность. 2022. Т. 5. № 1. С. 125–142. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.elibrary.ru (дата обращения: 19.05.2026).

3. Глинская О.С. Основные компоненты учетно-аналитического обеспечения экономической безопасности бизнеса // Russian Journal of Management. 2023. Т. 11. № 3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rusjm.ru/ru/nauka/article/71813/view (дата обращения: 19.05.2026).

List of sources

1. Serebryakova T.Yu., Suglobov A.E. Theoretical approaches to the essence of economic security of an organization // Russian Journal of Management. 2019. Vol. 7. N 4. Pp. 11–15. URL: http://elib.fa.ru/art2020/bv85.pdf (accessed: 19.05.2026).

2. Gezihanov R.A. Accounting and analytical support for the economic security of an organization // Economic Security. 2022. Vol. 5. N 1. pp. 125–142. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_48121705_50730111.pdf (accessed: 19.05.2026).

3. Glinskaya O.S. Main components of accounting and analytical support for the economic security of business // Russian Journal of Management. 2023. Vol. 11. N 3 URL: https://rusjm.ru/ru/nauka/article/71813/view (accessed: 19.05.2026).

© Эфендиева Г.А., Сижажева С.С., 2026

Вестник СКФО: Право и экономика. – 2026. – № 2 (38). – С. 112–118.
Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics. 2026;2 (38):112–118.

Экономика
Научная статья
УДК 657.421.3:338.1

ОБЕСЦЕНЕНИЕ МАТЕРИАЛОВ КАК ОБЪЕКТ УЧЕТНО-АНАЛИТИЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ В СИСТЕМЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ

Генриетта Аркадьевна Эфендиева[1], Светлана Суадиновна Сижажева[2]
[1, 2] Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия
[1]efendieva.greta@yandex.ru
[2]svetlana_sizhazheva @mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается обесценение материалов как объект учетно-аналитического контроля в системе экономической безопасности предприятия. Обосновано, что несвоевременное выявление признаков обесценения материальных запасов может привести к завышению стоимости активов, искажению финансовых результатов и снижению достоверности бухгалтерской отчетности. Раскрыта роль последующей оценки материалов, формирования резерва под обесценение, инвентаризации и аналитического учета в предупреждении финансовых рисков. Сделан вывод о том, что учетно-аналитический контроль обесценения материалов способствует повышению достоверности отчетной информации, укреплению внутреннего контроля и обеспечению экономической безопасности предприятия.

Ключевые слова: материалы, запасы, обесценение материалов, чистая стоимость продажи, резерв под обесценение, учетно-аналитический контроль, финансовые результаты, бухгалтерская отчетность, экономическая безопасность

Для цитирования: **Эфендиева Г.А., Сижажева С.С.** Обесценение материалов как объект учетно-аналитического контроля в системе экономической безопасности предприятия // Вестник СКФО: право и экономика. 2026. № 2 (38). С. 112–118.

Economy
Originak article

IMPAIRMENT OF MATERIALS AS AN OBJECT OF ACCOUNTING AND ANALYTICAL CONTROL IN THE SYSTEM OF ENTERPRISE ECONOMIC SECURITY

Genrietta Arkadyevna Efendieva[1], Svetlana Suadinovna Sizhazheva[2]
[1, 2] Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik, Russia
[1]efendieva.greta@yandex.ru
[2]svetlana_sizhazheva @mail.ru

Abstract. The article examines the impairment of materials as an object of accounting and analytical control in the enterprise economic security system. It is substantiated that the untimely identification of signs of impairment of inventories may lead to an overstatement of asset values, distortion of financial results and a decrease in the reliability of accounting statements. The role of subsequent measurement of materials, formation of an impairment allowance, inventory procedures and analytical accounting in preventing financial risks is revealed. The conclusion is made that accounting and analytical control over the impairment of materials contributes to improving the reliability of reporting information, strengthening internal control and ensuring the economic security of an enterprise.

Keywords: materials, inventories, impairment of materials, net realizable value, impairment allowance, accounting and analytical control, financial results, accounting statements, economic security

For citation: **Efendieva G.A., Sizhazheva S.S.** Impairment of materials as an object of accounting and analytical control in the system of enterprise economic security. *Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics*. 2026;2(38):112–118.

Введение. Запасы являются одним из значимых элементов оборотных активов предприятия и оказывают непосредственное влияние на себестоимость продукции, финансовые результаты, ликвидность и финансовую устойчивость организации. В условиях ценовых колебаний, технологических изменений и риска утраты потребительских свойств материалов особую значимость приобретает достоверная оценка этих активов в бухгалтерском учете.

Одна из существенных проблем, снижающих качество отчетности, – обесценение материалов. Если признаки обесценения выявляются несвоевременно, стоимость активов оказывается завышенной, расходы периода искажаются, а финансовый результат теряет объективность. В связи с этим учет обесценения материалов правомерно рассматривать не только как формальное требование стандартов, но и как элемент учетно-аналитического контроля, направленный на предупреждение финансовых рисков и укрепление экономической безопасности предприятия.

Актуальность темы обусловлена необходимостью построения такой системы учета и контроля, которая позволяла бы своевременно идентифицировать неликвидные, устаревшие или поврежденные материалы, корректно отражать снижение их стоимости и обоснованно управлять потерями.

Цель исследования – обоснование необходимости интеграции контроля обесценения материалов в систему экономической безопасности предприятия через развитие учетно-аналитического инструментария (последующая оценка, резервирование, инвентаризация, детализация аналитического учета).

Объектом исследования выступает процесс обесценения материальных запасов промышленного предприятия как объект учетно-аналитического наблюдения.

Предметом исследования является совокупность методов и процедур бухгалтерского учета, внутреннего контроля и анализа, обеспечивающих своевременное выявление обесценения материалов и минимизацию связанных с ним финансовых угроз.

Материалы и методы исследования. Информационной базой послужили нормативные положения ФСБУ 5/2019 «Запасы», ПБУ 21/2008, учебная и научная литература по учету запасов, внутреннему контролю и экономической безопасности.

Методологическая основа включает общенаучные методы: анализ (при рассмотрении обесценения как фактора влияния на активы и финансовые результаты), синтез (объединение оценки, резервирования и инвентаризации в единую систему), а также систематизацию и обобщение (при определении направлений контроля в целях экономической безопасности). Метод сравнения использован для сопоставления фактической себестоимости и чистой стоимости продажи материалов.

Результаты и дискуссия. Материалы являются важнейшей частью запасов организации, предназначенной для производственного потребления, выполнения работ или хозяйственных нужд. Их учет не ограничивается отражением операций поступления и выбытия, а предполагает систематический контроль состояния, сроков хранения, возможности дальнейшего использования и достоверности оценки на отчетную дату.

В системе экономической безопасности материалы имеют двойственное значение. С одной стороны, это необходимая ресурсная база, с другой – именно с ней связаны риски избыточного накопления, порчи, морального устаревания, неэффективного хранения и искажения учетной оценки. Поэтому учет материалов должен обеспечивать не только регистрацию их поступления и выбытия, но и постоянный контроль за их реальной стоимостью и возможностью дальнейшего использования.

Особое значение в этом процессе имеет оценка материалов, поскольку именно от нее зависит достоверность отражения запасов в бухгалтерском учете и отчетности. Завышение стоимости материалов может привести к искажению величины активов, расходов периода и финансового результата, что, в свою очередь, снижает качество учетной информации и создает риски для экономической безопасности предприятия. Поэтому вопросы первоначальной и последующей оценки запасов являются методической основой для выявления признаков их обесценения.

Оценка играет ключевую роль как при первоначальном признании запасов, так и при их последующем учете. Эти аспекты регулируются главами 2 и 3 ФСБУ 5/2019 «Запасы» [1]. При признании в бухгалтерском учете запасы оцениваются по фактической себестоимости, которая включает затраты на приобретение или создание материальных ценностей, а также затраты на приведение их в состояние и местоположение, необходимые для потребления, продажи или использования.

Последующая оценка (на отчетную дату) согласно п. 28 ФСБУ 5/2019 производится по наименьшей из двух величин: фактической себестоимости или чистой стоимости продажи (ЧСП). ЧСП определяется как предполагаемая цена продажи запасов в обычной деятельности за вычетом затрат на производство, подготовку к продаже и реализацию. При затруднениях в расчете допускается принимать цену приобретения аналогичных материалов на отчетную дату (п. 29 ФСБУ 5/2019).

Для запасов, используемых в производстве продукции, в том числе сырья, материалов и покупных полуфабрикатов, ЧСП может определяться расчетным путем [2]:

$$\text{ЧСП запасов} = \frac{\text{предполагаемая цена продажи готовой продукции без учета НДС} \times \text{фактическая себестоимость запасов}}{\text{предполагаемые затраты на производство и реализацию продукции, для которых используются запасы}}.$$

Превышение фактической себестоимости запасов над их ЧСП признается обесценением запасов. Признаками обесценения запасов выступают моральное устаревание запасов, потеря первоначальных качеств, снижение рыночной стоимости, сужение рынков сбыта запасов. В случае обесценения организация обязана создать резерв под обесценение запасов (п. 30 ФСБУ 5/2019). Сумма резерва под обесценение запасов на каждую отчетную дату должна соответствовать величине обесценения, рассчитанной в соответствии с п. 30 ФСБУ 5/2019. В общем виде расчет может быть представлен следующим образом:

$$\text{Резерв под обесценение} = \text{Фактическая себестоимость запасов} - \text{чистая стоимость продажи запасов}.$$

Такой подход позволяет своевременно отражать уменьшение стоимости запасов в бухгалтерском учете, обеспечивая достоверность финансовой отчетности. Организация должна регулярно пересматривать расчет резерва, чтобы он соответствовал актуальной величине обесценения, особенно в условиях изменения рыночной конъюнктуры.

Сумма резерва под обесценение включается в расходы на последнее число отчетного периода, в котором выявлено обесценение (п. 31 ФСБУ 5/2019, пп. 3, 4 ПБУ 21/2008 «Изменения оценочных значений» [3]). Признание суммы резерва в составе расходов осуществляется в зависимости от характера предполагаемых затрат. Если стоимость обесцениваемых запасов формирует расходы по обычным видам деятельности, сумма резерва относится на соответствующие статьи расходов; если – прочие расходы, то резерв включается в их состав.

Такая практика учета обоснована тем, что при восстановлении резерва необходимо уменьшить расходы в виде балансовой стоимости запасов, списанных в период восстановления резерва.

Для отражения создания резерва под обесценение запасов применяется счет 14 «Резервы под снижение стоимости материальных ценностей». Бухгалтерская запись выглядит следующим образом: Дебет 90/2 (91/2) Кредит 14 – создание резерва под обесценение.

На каждую отчетную дату требуется пересматривать обоснованность суммы резерва. Организация должна анализировать факторы, вызвавшие обесценение ранее учтённых запасов, и определять сохранность их влияния. Если есть основания полагать, что влияние этих

факторов изменилось (усугубилось, уменьшилось или исчезло), необходимо пересчитать чистую стоимость продажи.

При изменении ЧСП следует скорректировать сумму ранее начисленного резерва.

1. Если ЧСП снизилась, сумму созданного резерва увеличивают на величину дополнительного обесценения. Величина корректировки может быть определена следующим образом:

$$\text{Увеличение резерва} = \text{балансовая стоимость запасов} - \text{чистая стоимость продажи},$$

где балансовая стоимость запасов – это их фактическая себестоимость за вычетом ранее созданного резерва под обесценение.

Увеличение резерва отражается в составе расходов периода, в котором произошло увеличение обесценения запасов следующим образом (п. 31 ФСБУ 5/2019, пп. 3, 4 ПБУ 21/2008):

Дебет 90/2 (91/2) Кредит 14 – увеличен резерв под обесценение запасов.

2. Если ЧСП запасов увеличилась, то часть резерва, соответствующую величине увеличения, необходимо восстановить. Величину восстановления резерва относят на уменьшение признанной в расходах балансовой стоимости запасов того периода, в котором произошло увеличение ЧСП запасов (пп. 30, 31 ФСБУ 5/2019). Бухгалтерская запись по восстановлению резерва отражается следующим образом:

Дебет 90/2 (91/2) Кредит 14 – уменьшен резерв под обесценение запасов (сторно).

При изменении вида запасов (например, при отпуске материалов в производство, выпуске продукции или отгрузке продукции покупателю до признания выручки) запасы продолжают признаваться активами (п. 42 ФСБУ 5/2019). Это означает, что резерв, созданный ранее, не списывается, а его вид изменяется в аналитическом учете. Например, при отпуске материалов в производство делается запись:

Дебет 14/Резерв под обесценение материалов Кредит 14/Резерв под обесценение НЗП – изменен вид резерва в аналитическом учете.

При списании запасов расходом признается их балансовая стоимость, то есть фактическая себестоимость за вычетом созданного резерва. В связи с этим сумму резерва по списанным запасам относят на уменьшение их фактической себестоимости, списываемой в себестоимость продаж или на прочие расходы (пп. 30, 43 ФСБУ 5/2019):

Дебет 90/2 (91/2) Кредит 14 – скорректирована себестоимость списанных материалов (сторно).

Таким образом, порядок формирования, увеличения, восстановления и списания резерва под обесценение материалов обеспечивает корректное отражение запасов в бухгалтерском учете и отчетности. Однако значение данной процедуры не ограничивается только соблюдением требований ФСБУ 5/2019. Обесценение материалов имеет более широкое учетно-аналитическое значение, поскольку позволяет оценить реальное состояние материальных ресурсов, выявить неликвидные и устаревшие запасы, определить влияние снижения их стоимости на расходы, финансовый результат и показатели финансового положения предприятия.

С позиции экономической безопасности несвоевременное признание обесценения материалов может привести к завышению стоимости запасов в бухгалтерской отчетности, искажению расходов и финансового результата, а также к принятию необоснованных управленческих решений, связанных с закупками, производством, хранением и использованием материальных ресурсов.

Учетно-аналитический контроль обесценения материалов должен быть направлен на своевременное выявление признаков снижения стоимости запасов, оценку причин обесценения, определение величины резерва и анализ влияния обесценения на финансовые показатели предприятия. Такой контроль не должен ограничиваться только бухгалтерскими процедурами. Он предполагает взаимодействие бухгалтерской службы, складского учета, производственных подразделений, службы снабжения, финансового отдела и системы внутреннего контроля.

Важное значение имеет аналитический учет материалов. Для выявления признаков обесценения необходима информация не только об общей стоимости запасов, но и об их составе, сроках хранения, назначении, местах нахождения, материально ответственных лицах, скорости использования и возможности дальнейшего применения в производстве. Чем более детализирован аналитический учет, тем выше вероятность своевременного обнаружения неликвидных, устаревших или поврежденных материалов.

Инвентаризация материалов является одним из ключевых инструментов выявления признаков обесценения. В ходе инвентаризации устанавливается фактическое наличие запасов, их состояние, соответствие данным бухгалтерского учета, наличие испорченных, устаревших, излишних или неиспользуемых материалов. Результаты инвентаризации позволяют подтвердить достоверность учетных данных, выявить источники возможных убытков, установить ответственность материально ответственных лиц и усилить внутренний контроль.

Не менее значимым элементом является мониторинг чистой стоимости продажи материалов. Организация должна учитывать рыночные цены, спрос на продукцию, возможность использования материалов в производстве, условия хранения, сроки годности, технологические изменения и иные факторы, влияющие на будущие экономические выгоды от использования запасов. Такой мониторинг позволяет своевременно выявлять признаки обесценения и формировать резерв до того, как потери станут существенными для финансового положения предприятия.

Влияние обесценения материалов на финансовые результаты и экономическую безопасность предприятия представлены в *таблице 1*.

Таблица 1 – Влияние обесценения материалов на финансовые результаты и экономическую безопасность предприятия

Направление влияния	Возможные последствия	Значение для экономической безопасности
Завышение стоимости материалов	Искажение величины активов в бухгалтерской отчетности	Снижение достоверности информации для внутренних и внешних пользователей
Несвоевременное создание резерва под обесценение	Занижение расходов периода и завышение финансового результата	Риск принятия необоснованных управленческих решений
Наличие неликвидных и устаревших материалов	Замораживание оборотных средств, рост затрат на хранение	Ухудшение ликвидности и снижение эффективности использования ресурсов
Недостаточный контроль состояния запасов	Порча, утраты, хищения, неэффективное использование материалов	Рост внутренних угроз экономической безопасности
Отсутствие аналитического учета причин обесценения	Невозможность установить источники потерь и ответственных лиц	Ослабление внутреннего контроля и управляемости запасами
Недостоверная оценка запасов на отчетную дату	Искажение показателей финансовой отчетности	Повышение финансовых, налоговых и репутационных рисков

Источник: составлено авторами по материалам исследования.

Представленные направления показывают, что обесценение материалов нельзя рассматривать только как техническую бухгалтерскую операцию. Оно связано с оценкой реального состояния активов, качеством внутреннего контроля, достоверностью финансовой отчетности и способностью предприятия своевременно реагировать на финансовые риски.

Для повышения эффективности контроля целесообразно: закрепить в учетной политике порядок выявления обесценения и расчета резерва; обеспечить детализацию аналитического учета по номенклатурным группам, местам хранения, срокам использования; регулярно про-

водить инвентаризацию и анализ состояния запасов; внедрять цифровые инструменты для оперативного мониторинга движения, остатков и стоимости материалов.

Логика учетно-аналитического контроля может быть представлена моделью (*рисунок 1*), отражающей последовательность от данных о наличии и стоимости материалов до управленческих решений по снижению рисков. Модель связывает бухгалтерский учет, аналитический контроль, инвентаризацию и управление экономической безопасностью.

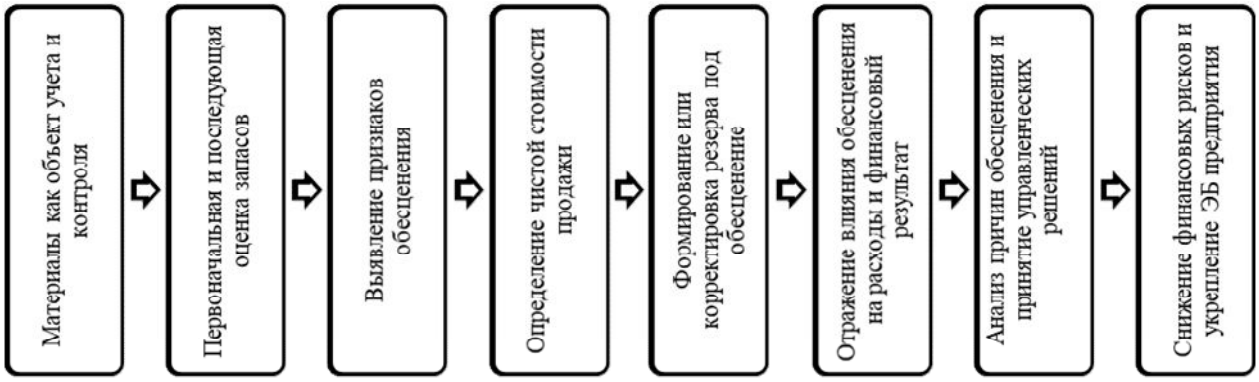

Рисунок 1 – Модель учетно-аналитического контроля обесценения материалов в системе экономической безопасности предприятия

В современных условиях особое значение приобретают информационные технологии. Автоматизированные системы позволяют формировать отчеты по остаткам, срокам хранения, оборачиваемости, отклонениям фактической стоимости от рыночной, а также по неликвидным позициям. Цифровизация переводит контроль из режима последующего выявления потерь в режим текущего мониторинга рисков. При настроенных аналитических признаках организация своевременно выявляет запасы, длительное время не используемые, устаревшие или требующие переоценки.

Таким образом, учетно-аналитический контроль обесценения материалов представляет собой комплексную систему, объединяющую нормативно закрепленную оценку, аналитический учет, инвентаризацию, мониторинг ЧСП, формирование резерва и анализ причин снижения стоимости. Такой подход позволяет рассматривать обесценение не только как способ корректной оценки, но и как инструмент предупреждения финансовых потерь и внутренних угроз.

Заключение. Проведенное исследование позволяет утверждать, что обесценение материалов является значимым объектом учетно-аналитического контроля. Оно влияет на достоверность оценки запасов, величину расходов, финансовый результат и качество отчетности. Несвоевременное выявление признаков обесценения приводит к завышению активов, искажению показателей и ошибочным решениям.

Эффективная организация контроля требует не только соблюдения формальных требований учета, но и построения устойчивой системы внутреннего контроля, ориентированной на своевременное выявление неликвидных, устаревших или поврежденных материалов. Применение аналитического учета, инвентаризации, мониторинга чистой стоимости продажи и цифровых инструментов повышает достоверность информации, предотвращает финансовые потери и укрепляет экономическую безопасность предприятия.

Список источников

1. Федеральный стандарт бухгалтерского учета «Запасы» (ФСБУ 5/2019). Утвержден приказом Минфина России от 15.11.2019 г. № 180н. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru (дата обращения: 17.05.2026).

2. Как создать резерв под обесценение товаров, материалов и других запасов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://login.consultant.ru (дата обращения: 20.05.2026).

3. Положение по бухгалтерскому учету «Изменения оценочных значений» (ПБУ 21/2008). Утверждено приказом Минфина России от 06.10.2008 г. № 106н. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru (дата обращения: 17.05.2026).

List of sources

1. Federal Accounting Standard "Inventories" (FSBU 5/2019). Approved by Order of the Ministry of Finance of Russia dated November 15, 2019, N 180n. [Electronic resource]. – Access mode: http://www.consultant.ru (accessed: May 17, 2026).
2. How to Create a Reserve for the Impairment of Goods, Materials, and Other Inventories [Electronic Resource]. – Available at: https://login.consultant.ru (accessed: 20.05.2026).
3. Accounting Regulation "Changes in Estimated Values" (PBU 21/2008). Approved by Order of the Ministry of Finance of Russia dated October 6, 2008, N 106n. [Electronic resource]. – Available at: https://www.consultant.ru (accessed: 17.05.2026).

© Эфендиева Г.А., Сижажева С.С., 2026

Вестник СКФО: Право и экономика. – 2026. – № 2 (38). – С. 118–125.
Bulletin of the N orth Caucasus Federal District: Law and Economics. 2026; 2 (38): 118–125.

Экономика
Научная статья
УДК 336.719

ОЦЕНКА РЕЗУЛЬТАТОВ НОВЫХ МЕР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ БАНКОВСКОМУ МОШЕННИЧЕСТВУ В РОССИИ

Елена Алексеевна Золотова
Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, Ставропольский филиал, Ставрополь, Россия, zolotowa@mail.ru

Аннотация. В рамках данного исследования анализируются результаты внедрения новых нормативных и технологических мер по противодействию банковскому мошенничеству в Российской Федерации в период 2024–2026 гг., включая закон о самозапрете на кредиты, обязательная проверка операций при снятии наличных в банкоматах, государственная информационная система «Антифрод». Установлено, что при росте общего объема хищений до 29,3 млрд руб. в 2025 году впервые за пять лет снизился средний размер одной операции – с 22,4 до 18,0 тыс. руб, а доля кредитного мошенничества сократилась с 37 до 18 %, благодаря вступлению в силу закона о самозапрете на кредиты и обязательной проверке операций при снятии наличных в банкоматах. Показано, что запуск с 1 марта 2026 года государственной информационной системы противодействия киберпреступлениям «Антифрод» реализует модель межведомственного взаимодействия, необходимость которой обсуждалась еще на этапе анонса проекта в 2025 году. Выявлено расхождение между официальной статистикой Банка России и оценками крупнейших банков относительно масштаба ущерба, что обусловило рекомендацию по унификации методики его расчета. На основе анализа сформулированы рекомендации по устранению разрывов правоприменения новых норм и адаптации систем защиты к атакам с использованием генеративного искусственного интеллекта. Результаты исследования могут быть использованы Банком России, кредитными организациями и научным сообществом при разработке и оценке мер противодействия банковскому мошенничеству.

Ключевые слова: банковское мошенничество, социальная инженерия, антифрод-системы, кредитное мошенничество, дипфейки, самозапрет на кредиты

Для цитирования. Золотова Е.А. Оценка результатов новых мер противодействия банковскому мошенничеству в России // Вестник СКФО: право и экономика. 2026. № 2 (38). С. 118–125.

Economy Scientific
Originak article

ASSESSMENT OF THE RESULTS OF NEW MEASURES TO COUNTERACT BANK FRAUD IN RUSSIA

Elena Alekseevna Zolotova
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
Stavropol branch, Russia, Stavropol
zolotowa@mail.ru

Abstract. The subject of the study is the results of new regulatory and technological measures to combat bank fraud introduced in Russia in 2024–2026: the law on self-prohibition of loans, mandatory verification of operations when withdrawing cash from ATMs, the state information system "Antifraud". It was found that with an increase in the total volume of embezzlement to 29.3 billion rubles in 2025, for the first time in five years, the average size of a single transaction decreased from 22.4 to 18.0 thousand rubles, and the share of credit fraud decreased from 37 % to 18 %, due to the entry into force of the law on self–prohibition of loans and mandatory verification of cash withdrawal operations. at ATMs. It is shown that the launch of the Antifrod state information system for countering cybercrime on March 1, 2026 implements a model of interdepartmental interaction, the need for which was discussed at the stage of the project announcement in 2025. A discrepancy was revealed between the official statistics of the Bank of Russia and the estimates of the largest banks regarding the scale of the damage, which led to the recommendation to unify the methodology for calculating it. Based on the analysis, recommendations are formulated to eliminate gaps in the enforcement of new norms and adapt protection systems to attacks using generative artificial intelligence. The results of the study can be used by the Bank of Russia, credit organizations and the scientific community in the development and evaluation of measures to combat bank fraud.

Keywords: bank fraud, social engineering, anti-fraud systems, credit fraud, deepfakes, self-locking on loans

For citation: Zolotova E.A. Evaluation of the Results of New Measures to Counteract Banking Fraud in Russia. *Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics*. 2026. 2 (38). 118–125.

Введение. Мошенничество в банковской сфере остается одной из наиболее динамично трансформирующихся угроз финансовой стабильности: за период 2021–2025 гг. объем хищений со счетов клиентов вырос более чем вдвое, а ряд законодательных и технологических мер противодействия, вступивших в силу за последние полтора года, существенно изменил структуру угроз и финансовую нагрузку на банковский сектор. Значительная часть этих мер начала действовать только в 2025–2026 гг., поэтому их результаты пока не получили системного отражения в научной литературе, что и определяет актуальность настоящего исследования.

Цель работы заключается в оценке результатов нормативных и технологических решений, введенных в 2025–2026 годах, на основе актуальной статистики. Для достижения цели поставлены следующие задачи: проанализировать динамику операций без добровольного согласия клиентов за 2021–2025 гг., оценить первые результаты действия закона о самозапрете на кредиты, рассмотреть создание государственной информационной системы «Антифрод», выявить методологические проблемы измерения ущерба от мошенничества, сформулировать рекомендации по дальнейшему снижению финансовой нагрузки на банки.

Методы исследования. Методологическую основу исследования составили общенаучные методы анализа и синтеза, а также специальные методы: статистический анализ данных Банка России за 2021–2025 гг., сравнительный анализ экспертных оценок регулятора, крупнейших банков и специализированных аналитических центров (Центра аналитики социальной инженерии и искусственного интеллекта в кибермошенничестве, BI.Zone AntiFraud), обобщение нормативно-правовой базы, регулирующей внедрение мер противодействия мошенни-

честву в 2024–2026 гг. Эмпирическую базу исследования составили официальные обзоры Банка России, публичные выступления представителей регулятора и банковского сообщества, а также материалы специализированных отраслевых изданий за период 2025–2026 года.

Обзор литературы. Вопросы противодействия мошенничеству в банковской сфере получили развитие в отечественной научной литературе как с технической, так и с криминологической точек зрения. Л.Е. Батюкова и Т.В. Карлова предложили методику обеспечения безопасности транзакций на основе антифрод-систем с использованием машинного обучения, отметив, что применение алгоритмов машинного обучения позволяет повысить точность выявления мошеннических операций и сократить долю ложноположительных срабатываний [1]. В.А. Аксенов рассмотрел программный комплекс «Антифрод» как меру специально-криминологического характера в предупреждении мошенничества, совершенного с использованием информационно-телекоммуникационных технологий [2]. Н.В. Ивлиева проанализировала актуальные проблемы противодействия хищениям денежных средств с банковских счетов физических лиц [3]. А.А. Копнин, Е.В. Соколова и А.А. Долгополов также обращались к методике обеспечения безопасности банковских интернет-транзакций на основе антифрод-систем [4]. Вместе с тем большинство указанных работ рассматривают антифрод-системы преимущественно с технической точки зрения – как инструмент детектирования мошеннических операций, – не затрагивая финансово-экономическую результативность конкретных нормативных мер, введенных регулятором в 2024–2026 гг. Кроме того, использованные в них статистические данные относятся к более раннему периоду и не отражают динамику мошеннических операций после вступления в силу новых мер. Это определяет научную новизну настоящего исследования, ориентированного на анализ результатов мер, введенных именно в 2024–2026 гг., на основе актуальной статистики Банка России.

Результаты и дискуссия. По данным Банка России, в 2025 году объем хищений денежных средств со счетов клиентов финансовых организаций достиг 29,3 млрд руб., увеличившись на 6,4 % по сравнению с 2024 годом [5; 6]. При этом количество операций без добровольного согласия клиента выросло значительнее – на 31,2 %, что во многом обусловлено техническим фактором, так как с 1 октября 2025 года в мобильных приложениях крупнейших банков стало обязательным наличие специального сервиса «спецкнопки» для оперативного информирования банка о факте мошенничества [4].

В 2025–2026 гг. в силу вступил целый ряд системных мер противодействия. С 1 марта 2025 года закон о самозапрете на кредиты [7], с сентября 2025 года – обязательная проверка на признаки мошенничества при выдаче наличных в банкоматах [8], а с 1 марта 2026 года и государственная информационная система противодействия киберпреступлениям «Антифрод» [9; 10]. Каждая из этих мер воздействует на свое звено мошеннической схемы, что и обусловливает необходимость их последовательного рассмотрения.

Данные *таблицы 1* показывают важный перелом тренда в 2025 году среднего размера операций по физическим лицам. Если в 2021–2024 гг. средний размер хищений устойчиво рос с 11,8 тыс руб. до 22,4 тыс руб., то в 2025 г. он впервые снизился до 18 тыс руб. Заместитель председателя Банка России Г. Зубарев связывает это не со снижением активности мошенников, а с совершенствованием защитных систем банков и ростом охвата мелких инцидентов благодаря новому сервису информирования [12]. С октября 2025 года в мобильных приложениях крупных банков стало обязательным наличие специальной кнопки для пострадавших, которая позволяет клиентам оперативно проинформировать банк о хищении, а также получить электронную справку о мошенническом переводе для обращения в полицию. Одновременно выросла и результативность самих банков в предотвращении атак, так количество предотвращенных операций увеличилось с 14,17 млн ед. до 134,2 млн ед.

По данным директора департамента информационной безопасности Банка России В. Уварова доля кредитного мошенничества также показывает результаты снижения с 37 % от общего объема хищений в 2024 году до 18 % в 2025 году [13]. Полученные результаты позволяют связать снижение прежде всего с результатами мер, введенных в действие в 2025 г.: период охлаждения для крупных кредитов, обязательная проверка признаков мошенничества при снятии наличных в банкоматах и закон о самозапрете на кредиты.

Таблица 1 – Динамика операций без добровольного согласия клиентов финансовых организаций РФ

Показатель	2021	2022	2023	2024	2025
Объем хищений, млрд руб.	13,58	14,17	15,80	27,53	29,3
Средний размер операции по физическим лицам, тыс. руб.	11,8	15,3	19,0	22,4	18,0
Доля возмещения клиентам, %	–	–	5,4	9,9	5,9
Объем предотвращенных операций, трлн руб.	–	–	4,8	13,5	13,9
Количество предотвращенных операций, млн ед.	–	–	14,17	72,2	134,2

Источник: [5,11]

Федеральный закон от 26.02.2024 N 31-ФЗ, «О кредитных историях» и Федеральный закон «О потребительском кредите (займе)» вступивший в силу 1 марта 2025 года, предоставил гражданам право установить запрет на заключение договоров потребительского кредита в дистанционном или очном формате [7; 14]. К середине 2026 года статус самозапрета установили 19,7 млн россиян, из них 53 % – граждане с уже имеющейся долговой нагрузкой, 27 % никогда не брали кредитов [15]. Подавляющее большинство 91,4 % выбрали полный запрет.

Вместе с тем практика выявила проблему исполнения закона со стороны кредиторов. Банк России зафиксировал 309 тысяч случаев, когда микрофинансовые организации заключали договоры займа, не проверив наличие у гражданина самозапрета [15], что указывает на разрыв между нормативным регулированием и его правоприменением на уровне МФО и требует усиления надзорных мер именно в этом сегменте кредитного рынка.

Необходимость создания единой платформы для оперативного обмена данными между банками, операторами связи и государственными органами была зафиксирована еще на этапе анонса Министерством цифрового развития соответствующего проекта в марте 2025 года, с плановым вводом в эксплуатацию в 2026 году. Пилотный этап системы стартовал в мае 2025 года. Первый этап промышленной эксплуатации – 3 сервиса из 10 запланированных запущены 1 марта 2026 года, полномасштабный запуск намечен на декабрь 2026 года [9]. Круг предполагаемых участников платформы широк – от Министерства цифрового развития, Банка России, Росфинмониторинга, МВД, ФСБ, Генеральной прокуратуры, Следственного комитета, операторов связи, коммерческих банков до хостинг-провайдеров и социальных сетей [9; 16].

Согласно концепции платформы, к 2030 году число предотвращенных попыток мошенничества должно вырасти до 90,5 млн ед. – почти на 50 % по сравнению с результатом 2024 года, а именно 60,4 млн ед. по оценке Министерства цифрового развития [17]. Среди запланированных сервисов – «красная кнопка» для пострадавшего гражданина и «зеленая кнопка» для добросовестных лиц, ошибочно попавших в категорию подозрительных, что отвечает на распространенную проблему избыточных блокировок счетов добросовестных клиентов.

Наиболее динамично растущей угрозой 2025–2026 гг. стали атаки с использованием технологий генеративного искусственного интеллекта. По данным заместителя председателя правления ПАО «Сбербанк» С. Кузнецова, число дипфейков, применяемых непосредственно в мошеннических схемах против клиентов банков, выросло в 26 раз с начала 2025 года по июнь 2026 года [18]. Применительно непосредственно к финансовому мошенничеству отчет Центра аналитики социальной инженерии и искусственного интеллекта в кибермошенничестве (ЦАСИ) за I квартал 2026 года фиксирует двукратный рост количества дипфейков в мошеннических схемах к аналогичному периоду 2025 года, а также важный качественный сдвиг: если ранее дипфейки использовались преимущественно для прямого психологического давления на жертву, то с начала 2026 года все активнее применяется тактика «вхождения в доверие». Доля видео, сгенерированных по текстовому промпту, выросла с 17 в 2025 году до 51 % в I квартале 2026 года [19].

Несмотря на рост, глава BI.Zone AntiFraud А. Лужнов и главный эксперт «Лаборатории Касперского» С. Голованов отмечают, что доля дипфейков среди всех случаев мошенничества с применением социальной инженерии по-прежнему составляет лишь 3–5 %, а сам рост во многом объясняется эффектом низкой базы 2024 года, когда данная технология только начинала применяться [20]. Это не отменяет необходимости защиты от подобных атак, но указывает на то, что дипфейки пока остаются не доминирующим, а быстрорастущим нишевым вектором атак – и реагировать на эту угрозу следует соразмерно текущему, а не потенциальному масштабу, не смещая приоритеты защиты в ее сторону в ущерб более массовым видам мошенничества.

Отдельного анализа заслуживает выявленное в 2026 году расхождение официальной статистики Банка России и оценок коммерческих банков. Если по данным ЦБ РФ, объем хищений за 2025 год составил 29,3 млрд руб., то, по оценке ПАО «Сбербанк», реальный объем похищенных у россиян средств за тот же период составляет 280–285 млрд руб., что почти в десять раз больше [21]. Председатель Банка России Э. Набиуллина на Уральском форуме «Кибербезопасность в финансах» 2026 года публично признала это расхождение и предложила выработать единую методику подсчета ущерба, обозначив при этом четкую иерархию оценок: официальная статистика Банка России представлена как наименьшая по величине, данные МВД, основанные на возбужденных уголовных делах, – промежуточные, а оценки самих банков – наибольшие [21; 22]. Это обстоятельство имеет принципиальное значение, так как официальная статистика Банка России фиксирует только операции, о которых банк получил формальное обращение пострадавшего клиента по установленной форме отчетности, тогда как оценки банков и правоохранительных органов, по всей видимости, учитывают более широкий круг инцидентов, включая случаи, не дошедшие до формальной процедуры возмещения. Соответственно, все количественные оценки финансовой нагрузки на банковский сектор, основанные исключительно на данных ЦБ РФ, следует интерпретировать как консервативную нижнюю границу.

Заключение /выводы. Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, динамика мошеннических операций в 2025 году демонстрирует неоднозначную картину: общий объем хищений продолжил расти, однако впервые за пять лет снизился средний размер одной операции, а эксперты расходятся в оценке того, отражает ли это реальный успех защитных систем или рост полноты статистического учета. Во-вторых, доля кредитного мошенничества заметно сократилась благодаря закону о самозапрете на кредиты и обязательной проверке операций при снятии наличных в банкоматах, однако выявленные 309 тысяч случаев нарушения закона со стороны МФО показывают, что правоприменение новых норм пока неполное. В-третьих, создание государственной информационной системы «Антифрод» представляет собой институциональный ответ на проблему фрагментарности межведомственного взаимодействия, необходимость которого обсуждалась в отраслевых исследованиях еще до запуска платформы. В-четвертых, атаки с использованием дипфейков демонстрируют кратный рост, однако их доля в общей структуре мошенничества с применением социальной инженерии остается небольшой, что требует соразмерного, а не панического реагирования. В-пятых, выявленное расхождение между официальной статистикой Банка России и оценками коммерческих банков свидетельствует об отсутствии единой методологии измерения масштаба проблемы, что затрудняет как научный анализ, так и практическое планирование мер противодействия.

Таким образом, финансовая нагрузка на банковский сектор от мошенничества и противодействия ему в 2025–2026 гг. смещается от прямых потерь к издержкам иного рода – инвестициям в интеграцию с государственными платформами, адаптации систем защиты к атакам с использованием искусственного интеллекта и затратам на приведение внутренних процедур в соответствие с новыми нормами.

Список источников

1. Батюкова Л.Е., Карлова Т.В. Методика обеспечения безопасности транзакций на основе использования антифрод-системы // Автоматизация и моделирование в проектировании и управлении. 2024. № 1 (23). С. 58–64.

2. Аксенов В.А. Роль и значение программного комплекса «Антифрод» как меры специально-криминологического характера в предупреждении мошенничества, совершенного с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 16–20.

3. Ивлиева Н.В. Актуальные проблемы противодействия хищениям денежных средств с банковских счетов физических лиц // Научный портал МВД России. 2019. № 3 (47).

4. Копнин А.А., Соколова Е.В., Долгополов А.А. Методика обеспечения безопасности банковских интернет-транзакций на основе антифрод-системы // International journal of professional science. 2022. № 10.

5. Обзор операций, совершенных без добровольного согласия клиентов финансовых организаций// Банк России. 2025. URL: https://www.cbr.ru/analytics/ib/operations_survey/2025/ (дата обращения: 12.07.2026).

6. ЦБ сообщил о росте объема хищений мошенников в 2025 году до 29,3 млрд рублей // Интерфакс. 2026. 13 февраля. URL: https://www.interfax.ru/business/1072685 (дата обращения: 12.07.2026).

7. О внесении изменений в Федеральный закон «О потребительском кредите (займе)»: Федеральный закон от 26.02.2024 N 31-ФЗ. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202402260017 (дата обращения: 12.07.2026).

8. Рентабельность мошенничества падает, но растет угроза от дипфейков Набиуллина // SecPost. 2026. 18 февраля. URL: https://secpost.ru/rentabelnost-moshennichestva-padaet-czb-fiksiruet-40-e-sokrashhenie-v-obemah-kreditnogo-moshennichestva-no-rastet-ugroza-ot-dipfejkov (дата обращения: 12.07.2026).

9. ГИС «Антифрод» заработает с 1 марта 2026 г. // ComNews. 2025. 13 октября. URL: https://www.comnews.ru/content/241725/2025-10-13/2025-w42/1008/gis-antifrod-zarabotaet-1-marta-2026-g (дата обращения: 12.07.2026).

10. О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий: Федеральный закон от 01.04.2025 № 41-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 12.07.2026).

11. Обзор операций, совершенных без добровольного согласия клиентов финансовых организаций: [сайт] / Банк России. 2024. URL: https://cbr.ru (дата обращения: 12.07.2026).

12. Зампред ЦБ Герман Зубарев раскрыл настоящий ущерб от мошенников в России [Электронный ресурс] // Банк России. 2026. URL: https://cbr.ru (дата обращения: 12.07.2026).

13. В ЦБ оценили объем похищенных кредитных средств у клиентов банков // ПРАЙМ. 2026. 24 июня. URL: https://1prime.ru (дата обращения: 12.07.2026).

14. Самозапрет на заключение договоров потребительских кредитов (займов) // Банк России. URL: https://www.cbr.ru (дата обращения: 12.07.2026).

15. Эксперт Бархота предупредил о мошенниках, обходящих самозапрет граждан на выдачу кредитов // Рамблер/Финансы. 2026. 1 апреля. URL: https://cbr.ru (дата обращения: 12.07.2026).

16. Минцифры заявило о готовности к запуску антифрод-платформы // Интерфакс-Россия. 2026. 20 февраля. URL: https://www.interfax-russia.ru (дата обращения: 12.07.2026).

17. Национальная антифрод-платформа // TAdviser. URL: https://cbr.ru: (дата обращения: 12.07.2026).

18. Количество дипфейков в России выросло в 26 раз с начала 2025 года // Ведомости. 2026. 1 июля. URL: https://www.vedomosti.ru (дата обращения: 12.07.2026).

19. ИИ и социальная инженерия в мошеннических схемах: отчет ЦАСИ за I квартал 2026 года [Электронный ресурс] // Кибердом (ЦАСИ). 2026. 10 июня. URL: https://cyber-dom.pro (дата обращения: 12.07.2026).

20. Эксперты сообщили о резком росте числа мошенничеств с использованием дипфейков // Forbes.ru. 2025. 19 июня. URL: https://www.forbes.ru (дата обращения: 12.07.2026).

21. Набиуллина предложила унифицировать методику подсчета ущерба от мошенничества // Интерфакс. 2026. 18 февраля. URL: https://www.interfax.ru/russia/1073415 (дата обращения: 12.07.2026).

22. Эльвира Набиуллина: «За год мошенники похитили у россиян 29 миллиардов рублей» // Комсомольская правда. 2026. 18 февраля. URL: https://www.ural.kp.ru (дата обращения: 12.07.2026).

List of sources

1. Batyukova L.E., Karlova T.V. Methodology for ensuring the transaction security based on using an anti-fraud system. Automation and modeling in design and management. 2024;1(23):58-64. (In Russ.) doi: 10.30987/2658-6436-2024-1-58-64.

2. Aksenov V.A. The role and significance of the «Antifraud» software package as a special criminological measure in the prevention of fraud committed using information and telecommunication technologies. Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. 2021; 6:16-20. (In Russ.)

3. Ivlieva N.V. Current problems of counteracting the theft of funds from bank accounts of individuals. Nauchnyy portal MVD Rossii [Scientific Portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. 2019;3(47). (In Russ.).

4. Kopnin A.A., Sokolova E.V., Dolgopolov A.A. Methodology for ensuring the security of banking Internet transactions based on an antifraud system. International journal of professional science. 2022;10. (In Russ.).

5. Overview of transactions carried out without the voluntary consent of financial institution clients [Internet]. Bank of Russia. 2025 [cited 2026 Jul 12]. Available from: https://www.cbr.ru/analytics/ib/operations_survey/2025/ (In Russ.).

6. The Central Bank reported an increase in the volume of fraudster thefts in 2025 to 29.3 billion rubles [Internet]. Interfax. 2026 Feb 13 [cited 2026 Jul 12]. Available from: https://www.interfax.ru/business/1072685 (In Russ.).

7. On amendments to the Federal Law «On Consumer Credit (Loan)»: Federal Law No. 31-FZ of February 26, 2024 [Internet]. [cited 2026 Jul 12]. Available from: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202402260017 (In Russ.).

8. The profitability of fraud is declining, but the threat from deepfakes is growing Nabiullina [Internet]. SecPost. 2026 Feb 18 [cited 2026 Jul 12]. Available from: https://secpost.ru/rentabelnost-moshennichestva-padaet-czb-fiksiruet-40-e-sokrashhenie-v-obemah-kreditnogo-moshennichestva-no-rastet-ugroza-ot-dipfejkov (In Russ.).

9. The "Antifraud" state information system will start operating on March 1, 2026 [Internet]. ComNews. 2025 Oct 13 [cited 2026 Jul 12]. Available from: https://www.comnews.ru/content/241725/2025-10-13/2025-w42/1008/gis-antifrod-zarabotaet-1-marta-2026-g (In Russ.).

10. On the establishment of the state information system for combating offenses committed using information and communication technologies: Federal Law No. 41-FZ [Internet]. [cited 2026 Jul 12]. Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_528011/ (In Russ.).

11. Overview of transactions carried out without the voluntary consent of financial institution clients [Internet]. Bank of Russia. 2024 [cited 2026 Jul 12]. Available from: https://cbr.ru/analytics/ib/operations_survey/2024/ (In Russ.).

12. Deputy Chairman of the Bank of Russia German Zubarev revealed the real damage caused by fraudsters in Russia [Internet]. Bank of Russia. 2026 [cited 2026 Jul 12]. Available from: https://cbr.ru/press/event/?id=28288 (In Russ.).

13. The Central Bank estimated the volume of stolen credit funds from bank clients [Internet]. PRIME. 2026 Jun 24 [cited 2026 Jul 12]. Available from: https://1prime.ru/20260624/tsb-871028658.html (In Russ.).

14. Self-prohibition on entering into consumer credit (loan) agreements [Internet]. Bank of Russia. [cited 2026 Jul 12]. Available from: https://www.cbr.ru/ckki/self-prohibition_credit/ (In Russ.).

15. Expert Barkhota warned about fraudsters circumventing citizens' self-prohibition on issuing loans [Internet]. Rambler/Finance. 2026 Apr 1 [cited 2026 Jul 12]. Available from: https://finance.rambler.ru/money/56243171-ekspert-barhota-predupredil-o-moshennikah-obhodyaschih-samozapret-grazhdan-na-vydachu-kreditov/ (In Russ.).

16. The Ministry of Digital Development announced readiness to launch the antifraud platform [Internet]. Interfax-Russia. 2026 Feb 20 [cited 2026 Jul 12]. Available from: https://www.interfax-russia.ru/main/mincifry-zayavilo-o-gotovnosti-k-zapusku-antifrod-platformy (In Russ.).

17. National antifraud platform [Internet]. TAdviser. [cited 2026 Jul 12]. Available from: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Национальная_антифрод-платформа (In Russ.).

18. The number of deepfakes in Russia has increased 26-fold since the beginning of 2025 [Internet]. Vedomosti. 2026 Jul 1 [cited 2026 Jul 12]. Available from: https://www.vedomosti.ru (In Russ.).

19. AI and social engineering in fraud schemes: TSASI report for Q1 2026 [Internet]. Cyberdom (TSASI). 2026 Jun 10 [cited 2026 Jul 12]. Available from: https://cyberdom.pro (In Russ.).

20. Experts reported a sharp increase in the number of frauds using deepfakes [Internet]. Forbes.ru. 2025 Jun 19 [cited 2026 Jul 12]. Available from: https://www.forbes.ru (In Russ.).

21. Nabiullina proposed unifying the methodology for calculating damage from fraud [Internet]. Interfax. 2026 Feb 18 [cited 2026 Jul 12]. Available from: https://www.interfax.ru (In Russ.).

22. Elvira Nabiullina: «In a year, fraudsters stole 29 billion rubles from Russians» [Internet]. Komsomolskaya Pravda. 2026 Feb 18 [cited 2026 Jul 12]. Available from: https://www.ural.kp.ru/daily/27764/5211656/ (In Russ.).

© Золотова Е.А., 2026

Вестник СКФО: Право и экономика. – 2026. – № 2 (38). – С. 126–133.
Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics. 2026;2(38):126–133.

Юриспруденция
Научная статья
УДК 343.71

ПРАВОВОЙ СТАТУС И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ДВОЙНИКОВ ЛИЧНОСТИ (АВАТАРОВ) В КАЧЕСТВЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Лорина Олеговна Асланова
Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиал) Краснодарского университета МВД России, Нальчик, Россия, aslanova.lo@yandex.ru

Аннотация. В условиях стремительной цифровизации общества сформировался новый вид преступлений – киберпреступность. В статье анализируется правовой статус и уголовно-процессуальные аспекты использования цифровых двойников личности в качестве доказательств по уголовным делам. Рассматриваются современные технологии создания и применения цифровых аватаров. Особое внимание уделяется вопросам достоверности, допустимости и относимости цифровых доказательств. Автором выявлены пробелы в уголовно-процессуальном производстве, связанные с ориентацией действующего законодательства на физический мир и биологических личностей.

Ключевые слова: цифровой двойник личности, уголовно-правовая охрана, квалификация, киберпреступления, цифровизация

***Для цитирования*: Асланова Л.О.** Правовой статус и уголовно-процессуальные проблемы использования цифровых двойников личности (аватаров) в качестве доказательствпо уголовным делам // Вестник СКФО: право и экономика. 2026. № 2 (38). С. 126–133.

Jurisprudence
Originak article

LEGAL STATUS AND CRIMINAL PROCEDURE ISSUES OF USING DIGITAL PERSONALITY DOUBLE (AVATAR) AS EVIDENCE IN CRIMINAL CASES

Lorina Olegovna Aslanova
North Caucasus Institute for Advanced Studies (branch) of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nalchik, Russian, aslanova.lo@yandex.ru

Annotation. Currently, digitalization has reached such a level that a new type of crime has emerged – cybercrime. This article analyzes the legal status and criminal procedure aspects of using digital twins of an individual as evidence in criminal cases. It examines modern technologies for creating and using digital avatars. Special attention is given to the issues of reliability, admissibility, and relevance of digital evidence. The article identifies gaps in criminal procedure related to the current legislation's focus on the physical world and biological individuals.

Keywords: digital twin of an individual, criminal law protection, qualification, cybercrimes, digitalization

For citation: **Aslanova L.O.** Legal status and criminal procedure issues of using digital personality double (avatar) as evidence in criminal cases. *Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics*. 2026;2(38):126–133.

Введение. В настоящее время технологии создания высокотехнологичных цифровых двойников личности (digital twins) и виртуальных аватаров вышли далеко за рамки индустрии развлечений и активно внедряются в сферу социальных коммуникаций, бизнеса, образования, медицины, инклюзивной среды и клиентского сервиса. Следствием этой тенденции является формирование принципиально новой категории правонарушений и преступлений, связанных с использованием виртуальных личностей.

Ключевая проблема заключается в существенном временном лаге между стремительным развитием технологий и существующим законодательным базисом. Действующий Уголовный кодекс РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ ориентированы на физический мир и биологические субъекты, в связи с чем в них отсутствуют действенные механизмы работы с доказательствами, не имеющими физической или биологической основы. Возникает фундаментальный вопрос: «Как доказывать вину, если «личность» преступника – программный код?»

Актуальность темы исследования обусловлена также ростом противоправного использования цифровых аватаров: от мошенничества с использованием дипфейков до репутационных атак и киберпреступлений против цифровых активов личности. Детерминантами роста угроз выступают сложность адаптации классических норм УК РФ и УПК РФ к условиям цифровой реальности, недостаток IT-компетенций у сотрудников правоохранительных органов, а также отсутствие правовых механизмов идентификации преступника в цифровой среде, где исполнитель не имеет биологического прототипа.

Цель исследования – изучение правовых и уголовно-процессуальных аспектов использования цифровых двойников личности (аватаров) в качестве доказательств по уголовным делам.

Материалы и методы исследования. Теоретической базой исследования послужили научные труды отечественных и зарубежных авторов в области уголовного права, уголовного процесса, криминалистики, информационного права и цифровых технологий.

Эмпирическую основу составили: положения Уголовного кодекса РФ и Уголовно-процессуального кодекса РФ; Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ»; законопроекты, находящиеся на рассмотрении в Государственной Думе РФ (№ 1069302-8, № 166424); материалы судебной практики, включая Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 25.11.2021 № 305-ЭС21-15277; аналитические данные о рынке цифровых активов и технологиях создания аватаров (генеративные нейросети, LLM, motion capture).

Методологический аппарат включает следующие методы научного познания: анализ и синтез (для декомпозиции понятий «цифровой двойник», «виртуальная личность», «цифровой след» и выявления их сущностных характеристик); компаративистика (сравнительный анализ) (для сопоставления российского и зарубежного подходов к правовому регулированию цифровых активов и ответственности за преступления с использованием ИИ); системный подход (для рассмотрения цифрового двойника как элемента инновационной экосистемы во взаимосвязи с другими правовыми институтами); формально-юридическая логика (для толкования норм УК РФ, УПК РФ и выявления пробелов в правовом регулировании).

Применённый комплекс методов позволил обеспечить многоаспектность исследования и достоверность полученных выводов.

Результаты и дискуссия

По состоянию на первый квартал 2026 года технология создания цифровых аватаров перестала быть нишевым инструментом для индустрии развлечений и выходит на массовый рынок.

Анализ технологических трендов показывает, что наблюдается положительная динамика в создании цифровых двойников и аватаров, и, соответственно, можно прогнозировать рост правонарушений и преступлений в указанной сфере в дальнейшем.

Впервые понятие цифрового двойника было представлено профессором Мичиганского университета Майклом Гривзом в 2002 году, однако активно концепция стала обсуждаться спустя десятилетие. Изначально технология применялась в Интернете вещей и машиностроении, но в настоящее время фокус сместился на цифровых двойников личности.

Концепция цифрового двойника личности (HDT) – динамическая модель, синтезирующая физиологические, поведенческие и психологические данные [1].

В основе «оцифровки» личности лежат определенные технологические стеки:

1) генеративные нейросети (к примеру, styleGAN, stable diffusion, Valle) – для создания реалистичных портретов и имитация внешности;

2) большие языковые модели (LLM) – для повышения интеллектуальности и способности к анализу данных и взаимодействия с пользователем;

3) технологии захвата движения (motion capture, performance capture, facial capture) – для фиксации движения живых объектов, мимики и жестов.

В целом создание цифровых двойников личности влечет за собой ряд этических и правовых аспектов. В частности, защита данных и конфиденциальность, определение ответственности за действия цифровых двойников личности, риски дискриминации и предвзятости.

Острую проблему, с другой стороны, создает доступность реалистичного аватара не только крупным корпорациям, но и частным лицам.

Это, в свою очередь, опосредует положительный тренд роста противоправного использования цифровых двойников личности.

На наш взгляд, наиболее вероятным и массовым видом правонарушений могут стать следующие:

1. Мошенничество и социальная инженерия нового уровня, сопровождающееся трансформацией классических схем мошенничества. К примеру, видеовызов от «руководства» кратно повышает уровень доверия жертвы и эффективность атаки.

2. Репутационные атаки и дискредитация, когда созданный синтетический контент совершает аморальные поступки, например, «высказывает» экстремистские взгляды. В таких случаях доказать искусственное происхождение такого контента будет технически сложно, а ущерб – необратим.

3. Киберпреступления против цифровых активов личности – наиболее массовый вид на данный момент времени. В этом случае стоит говорить о новом объекте преступного посягательства, что требует переосмысления понятий «имущество», «личность», «честь и достоинство», так как происходит нарушение целостности личности, хоть и в виртуальной среде.

Детерминантами роста угроз являются:

– сложная и долгая адаптация классических норм УК РФ и УПК РФ к условиям новой реальности;

– недостаточность и отсутствие IT-компетенций у рядовых специалистов правоохранительных органов (следователи, криминалисты, дознаватели), что приведет к невозможности отличить высококачественный цифровой двойник личности от реального человека. Следовательно, назревает проблема кадрового обеспечения, повышения квалификации и переподготовки сотрудников органов внутренних дел;

– традиционные методы идентификации реального преступника становятся неактуальными в цифровой среде, поскольку диджитал преступник не имеет биологического прототипа.

Для характеристики цифрового двойника личности как объекта уголовно-правовой охраны следует определиться с понятиями «цифровой след» и «виртуальная личность».

Цифровой двойник – виртуальная модель реального субъекта, объекта, процесса или системы, отражающая личность в Интернет-пространстве [2].

Цифровой след – информация, зафиксированная в цифровом формате, остающаяся в результате активности пользователя в цифровой среде [3].

Виртуальная личность – информационный образ личности, представленный в цифровой среде, подконтрольный пользователю и не являющийся самостоятельным субъектом права [2].

В отличие от цифрового двойника, виртуальная личность не является самостоятельным субъектом права, а выступает инструментом воздействия реального лица с кибрепространством [2].

Цифровой двойник – более широкое понятие, которое может относиться не только к объектам, но и субъектам.

В правовом контексте цифровой двойник личности может рассматриваться как отражение реальной личности в Интернет-пространстве, позволяющее создавать персонифицированные виртуальные профили для взаимодействия с другими участниками [2].

В уголовно-правовой охране цифровой двойник личности имеет некоторые особенности:

– может выступать в качестве объекта посягательства;

– в трудах некоторых ученых цифровой двойник личности отождествляется в некотором смысле с предметом личности потерпевшего, под которым понимают «нематериальный динамический и виртуальный объект, который является объектом уголовно-правовой охраны» [4].

Для современной правовой системы характерны фундаментальные пробелы в уголовном законодательстве, возникающие в результате отставания нормотворческого процесса от условий новой реальности, где искусственный интеллект развивается небывалыми темпами.

Действующее законодательство, в частности УК РФ, ориентированный на физический мир, биологические субъекты, на данный момент не содержит механизмов для адекватной квалификации преступлений, где исполнителем или инструментом является искусственный интеллект.

Ключевыми проблемами являются:

1. Проблема определения субъекта преступления. В ст. 13 УК РФ зафиксировано, что «уголовной ответственности подлежит только вменяемое *физическое* лицо, достигшее возраста, установленного УК РФ» [5]. Следовательно, синтетическая личность не является по определению физическим лицом.

Происходит размывание фигуры исполнителя. В случае совершения преступления цифровым двойником личности (аватаром) возникает логичный вопрос: «Кто является субъектом преступления: программист, написавший код, оператор или алгоритм как таковой»?

В частности, программист, написавший код, доподлинно не может знать о преступных намерениях конечного пользователя.

В условиях высокой скорости самообучения нейросетей и практически полной автономии между пользователем и результатом становится неочевидной.

Глава 25 УК РФ не предусматривает ответственности за создание и использование вредоносных агентов, и тем более, не содержит критерии определения субъекта преступления в новых причинно-следственных связях типа «создатель – оператор – ИИ-агент».

Возникает проблема опосредованного причинения вреда. Каким образом квалифицировать роль лиц, не «нажимавших кнопку»? Можно ли назвать соучастником администратора платформы и хостинг-провайдера. Статья 33 УК РФ гласит, что «соучастником признается умышленное совместное участие двух и более лиц в совершении умышленного преступления. Соучастником преступления наряду с исполнителем признается организатор, подстрекатель и пособник» [5]. Нормы статьи 33 УК РФ требуют доказывания именно прямого умысла, что в случае использования генеративных инструментов – это практически недоказуемо.

2. Проблема объективной стороны и способы совершения. Использование синтетической личности – это не просто использование информационно-телекоммуникационных сетей (ст. 159.6 УК РФ). Это принципиально иной способ обмана посредством визуальной и аудиальной идентификации личности. На данный момент закон не дифференцирует степень общественно опасного деяния с использованием ИКТ от использования технологии имитации личности; отсутствует специальный квалифицирующий признак «с использованием поддельного образа (лица, голоса) другого лица».

Традиционно нормы УК РФ, например, статьи 161 УК РФ, не могут быть применены к виртуальным аватарам. Как квалифицировать действия, например, совершенные в метавселенных, когда один аватар блокирует другого, крадет или отнимает у него предмет NFT (невзаимозаменяемый токен).

К слову, кража NFT может происходить разными способами: вредоносный код в смарт-контрактах, фишинг, поддельный NFT, фейковые розыгрыши NFT на торговых платформах.

Налицо отсутствие правовой связи между реальным ущербом и действиями в виртуальной реальности, ведь действия аватара не образуют состав грабежа или разбоя.

3. Проблема объекта преступления – создаются или трансформируются старые. Статья 128.1 УК РФ, статья 152 ГК РФ защищают право на честь, достоинство и деловую репутацию. Однако в настоящее время они не содержат механизмов, защищающих право человека на контроль над своим цифровым образом. Создание и использование, тиражирование цифрового двойника без согласия нарушает его автономность и право на идентичность.

Понятие *виртуальная собственность* в цифровых мирах, например, метавселенных предполагает наличие цифровых активов (скинов, земли, одежды и др. объектов), имеющих реальную стоимость. Является ли тогда кража аккаунта у аватара и его объектов хищением чужого имущества? С точки зрения вещного права, норм статьи 130 ГК РФ имущество – совокупность материальных и нематериальных объектов гражданских прав, которые по общему правилу могут отчуждаться и переходить от одного лица к другому.

По данным на апрель 2026 года на торговой площадке Steam ежедневно тратилось около 8,5 млн руб. По примерным подсчетам доходы Valve от продажи внутриигровых косметических предметов в Counter strike-2 составили более 1,15 млрд долл. за 2025 год.

Цифровые активы аватаров в эту категорию вписать довольно сложно. Термин «цифровой актив» получил закрепление в рамках ФЗ N 259 от 31.07.2020 г. «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» [6].

«Цифровой финансовый актив – цифровые права, удостоверенные посредством записи в информационной системе, которая обеспечивает учет и обращение таких прав (чаще всего – блокчейн)» [6].

Цифровая валюта не является (кроме цифрового рубля) законным средством платежа в РФ, но признается объектом прав.

На практике цифровые активы подразделяются на цифровые финансовые активы, цифровую валюту, нематериальные цифровые активы (NFT), цифровые права (ст. 144.1 ГК РФ).

В отношении цифровых валют есть определение судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 25.11.2021 г. № 305-ЭС 21-15277 по делу № А40-269758/20[17], где Суд признал, что она подлежит защите как имущество в соответствии с нормами ГК РФ.

4. Проблема доказывания вины и субъективной стороны. Нетрудно заметить, что доказывание прямого умысла при использовании ИИ усложняется. Пользователь может сослаться на незнание о высокой реалистичности аватара или на шутку. На данный момент отсутствуют четкие технические стандарты и методики криминалистической экспертизы синтетического контента, так как создание таких технологий, механизмов и подготовка специальных кадров требует больших временных и денежных затрат. На стадии предварительного следствия факт подлога и прямого умысла сильно затруднён.

Для устранения или нивелирования вышеописанных пробелов требуется введения новых составов преступлений или глубокой переработки и модернизации существующих норм с учетом развития цифровизации и порождаемых ею технологий.

Следовательно, внедрение цифровых двойников личности и аватаров, метавселенных, генеративного ИИ ставит перед уголовным процессом сложный и фундаментальный вопрос: «Могут ли нормы УПК РФ и УК РФ, созданные для физического мира, быть адаптированы к цифровой среде»?

Системообразующими признаками любых доказательств являются относимость, допустимость и достоверность (ст. 88 УПК РФ).

Виртуальные доказательства в корне нарушают эту триаду. Во-первых, возникает проблема материальности (ст. 81 УПК РФ). В соответствии со ст. 81 УПК РФ «вещественные доказательства – любые предметы, которые послужили орудиями преступления и сохранили

на себе его следы. Например, видеофайл с дипфейком или лог-файл сервера не является предметами в классическом смысле.

Назревает необходимость легализации понятий «цифровой объект» или «виртуальное вещественное доказательство». При приобщении такого вида доказательств к делу необходимо использовать не только распечатку скриншота, но и изъятие носителя информации, чтобы обеспечить сохранность всех метаданных для подтверждения неизменности данных.

Во-вторых, могут иметь место проблемы источника аутентификации. Как, например, доказать, что файл с цифровым двойником не был изменен на компьютере третьего лица?

В УПК РФ на данный момент нет четких требований к процессуальной фиксации цифровых следов. Процедура осмотра места происшествия рассчитана на проведение физического осмотра (ст. 176, 177 УПК РФ). Поэтому необходимо развивать IT-компетенции у сотрудников органов внутренних дел либо обеспечивать и внедрить обязательное участие такого специалиста при проведении следственных действий с цифровыми доказательствами.

В криминалистике для исключения изменения данных на оригинальном носителе при создании криминалистических копий используется аппаратное или программные блокираторы записи. Они предотвращают случайное или намеренное изменение данных в процессе копирования [7].

В частности, wiebeTECH forensic ultradockV, Belkasoft Acquisition Tool, а также криптографические хэш-функции. Многие следственные действия по УПК РФ требуют физической локализации объектов или лиц.

Как, например, проводить обыск у аватара, где искать место происшествия в цифровой среде?

Поэтому требует уточнения или внедрения в правовой обиход понятий «удаленный доступ» или «цифровой обыск».

Далее возникают вопросы относительно особенностей допроса (ст. 187–192 УПК РФ) «цифрового свидетеля». Может ли цифровой двойник личности или аватар потерпевшего дать показания? Как провести очную ставку между аватарами? В настоящее время для работы с аватарами отсутствует механизм «допроса источника информации».

В целом доказывание факта использования синтетической личности является узкоспециализированной отраслью знаний.

По определению судебная экспертиза – не просто исследование, а процессуальное действие, реализуемое законом РФ. Согласно ст. 54 УПК РФ «эксперт – лицо, обладающее специальными знаниями и назначенное в порядке, установленном УПК РФ, для производства судебной экспертизы и дачи заключения». Логично предположить, что в данный момент в структуре органов внутренних дел нет цифровых экспертов синтетических объектов или их число критически мало.

Министерство юстиции РФ и МВД должны разработать стандарты анализа нейросетевого контента и новый класс судебных экспертиз.

При отсутствии специальных знаний судьи, следователи или дознаватели не могут достоверно оценить выводы эксперта относительно цифровых двойников, и, как следствие, возникает риск ошибки и/или субъективизма при оценке.

Принцип состязательности сторон (ст. 15 УПК РФ) требует равенства возможностей. Зачастую сторона защиты лишена возможности проводить контрэкспертизу вследствие высокой стоимости услуг специалистов с IT-навыками и/или сложности доступа к исходным данным, так как не у всех потребителей контента имеются соответствующие вычислительные мощности.

В начале 2026 года активно обсуждались предложения о введении уголовной ответственности за преступления с использованием ИИ, в том числе дипфейки.

Однако законопроект Минцифры РФ вызвал критику Минюста РФ из-за риска формирования противоречивой правоприменительной практики. По их мнению, признание использования ИИ квалифицирующим признаком приведет к проведению дополнительных экспертиз, что повысит нагрузку на экспертные учреждения, увеличит сроки рассмотрения уголовных дел и потребует больших затрат.

Законопроект Минцифры РФ «Об основах государственного регулирования сфер применения технологии искусственного интеллекта в РФ» № 166424 вносит поправки в ст. 158, 159, 163 УК РФ, ст. 272 и 274 УК РФ. Предлагается ввести отдельный вид преступлений, совершенных с помощью ИИ.

В качестве санкции предлагаются штрафы до 2 млн руб. и лишение свободы до 15 лет. В настоящее время в процессе разработки находится статья 163 УК РФ – вымогательство в ИКТ.

До настоящего времени рынок ИИ в России развивался в условиях правовой неопределённости. Планируется, что закон вступит в силу 1 сентября 2027 года, а инициатива вносится на фоне действующей национальной стратегии развития ИИ в РФ до 2030 г.

Законопроект вводит в правовое поле термины «искусственный интеллект», «модель ИИ», «сервис ИИ», а также определяет статусы участников рынка – разработчиков, операторов и владельцев сервисов.

Ключевым нововведением станет классификация моделей ИИ в зависимости от их происхождения и уровню доверия к ним (суверенные, и национальные модели, доверенные модели).

Законопроект акцентирует внимание на защите прав человека, предусматривая право пострадавшего на компенсацию вреда при использовании ИИ. Революционной нормой для российского законодательства является норма о распределении ответственности – презумпция виновности разработчика. Субъекты отношений будут нести ответственность за результат, полученный с помощью ИИ, соразмерно степени вины каждого.

Стоит также упомянуть, что на стадии рассмотрения находится еще несколько инициатив. Например, законопроект № 1069302-8 «О внесении изменений в ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», который будет предусматривать обязательную маркировку контента, созданного с помощью ИИ. Указанные законопроекты уже внесены в ГД РФ и проходят первое чтение.

Заключение. Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, технологии создания цифровых двойников личности достигли уровня, при котором их противоправное использование становится массовым и общественно опасным. Наиболее вероятные виды правонарушений – мошенничество с использованием дипфейков, репутационные атаки и киберпреступления против цифровых активов.

Во-вторых, действующее уголовное и уголовно-процессуальное законодательство РФ не содержит эффективных механизмов противодействия таким преступлениям. Ключевые пробелы связаны с определением субъекта преступления (физическое лицо vs. ИИ-агент), объективной стороны (отсутствие квалифицирующих признаков использования синтетической личности), объекта посягательства (цифровые активы и виртуальная идентичность) и доказывания вины.

В-третьих, доказательственная база по делам о преступлениях с использованием аватаров сталкивается с фундаментальными проблемами допустимости, относимости и достоверности цифровых доказательств. Требуется легализация понятий «цифровой объект» и «виртуальное вещественное доказательство», разработка процессуальных механизмов фиксации цифровых следов, а также создание нового класса судебных экспертиз.

В-четвёртых, рассматриваемые законопроекты (№ 166424, № 1069302-8) являются важным шагом в направлении адаптации правовой системы к цифровой реальности, однако требуют доработки с учётом необходимости сохранения процессуальных гарантий и принципа состязательности сторон.

Таким образом, для эффективного противодействия правонарушениям с использованием цифровых двойников личности необходим комплексный подход, охватывающий материальное и процессуальное право, а также создание правовой основы для оборота аватаров в гражданском обороте, определение их статуса, прав и обязанностей.

Список источников

1. Макаров В.В., Волчик О.В., Мироненко Н.М. Цифровой двойник человека: архитектура, технологии применения, риски // Экономика и качество систем связи. 2026. № 39. URL: https://cyberleninka.ru.

2. Иванов В.В., Зуев Д.И. Цифровой двойник и цифровая личность: понятие, соотношение, значение в процессе совершения киберпреступлений и в праве в целом // Правовое государство: теория и практика. 2022. №4 (70). URL: https://cyberleninka.ru.

3. Хомяков Э.Г. О сущности цифровых следов в криминалистике и их фиксации // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2025. № 1 (21). URL: https://cyberleninka.ru.

4. Бунова И.И. Понятие потерпевшего в условиях трансформации: теоретические основы и новые объекты уголовно-правовой охраны // Вестник экономической безопасности. 2025. № 5. URL: https://cyberleninka.ru.

5.Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Гос. Думой 24 мая 1996 г.: одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г.: [в ред. от 2 авг. 2019 г.] // Официальный интернет-портал правовой информации: гос. система правовой информации. URL:http://pravo.gov.ru.

6. Федеральный закон от 31.07.2020 N 259-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: https://sudact.ru.

7. Михайлов И. Как создать криминалистическую копию жесткого диска. URL: https://www.anti-malware.ru.

List of sources

1. Makarov V.V., Volchik O.V., Mironenko N.M. Human Digital Double: Architecture, Application Technologies, Risks // Economics and Quality of Communication Systems. 2026. N 39. URL: https://cyberleninka.ru.

2. Ivanov V.V., Zuev D.I. Digital double and digital identity: concept, relationship, significance in the process of committing cybercrimes and in law in general // Legal state: theory and practice. 2022. N 4 (70). URL: https://cyberleninka.ru.

3. Khomyakov E.G. "On the nature of digital traces in forensics and their recording" // Society, Law, and Statehood: Retrospective and Prospective. 2025. N 1 (21). URL: https://cyberleninka.ru.

4. Bunova I.I. The concept of a victim in the context of transformation: theoretical foundations and new objects of criminal-legal protection // Bulletin of Economic Security. 2025. N 5. URL: https://cyberleninka.ru.

5. Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of June 13, 1996 N 63-FZ: adopted by the State Duma on May 24, 1996: approved by the Federation Council on June 5, 1996: [as amended on August 2, 2019] // Official Internet Portal of Legal Information: state legal information system. URL: http://pravo.gov.ru.

6. Federal Law of July 31, 2020 N 259-FZ (as amended on December 28, 2024) "On Digital Financial Assets, Digital Currency, and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation." URL: https://sudact.ru.

7. Mikhailov I. How to create a forensic copy of a hard drive. URL: https://www.anti-malware.ru.

© Асланова Л.О., 2026

Вестник СКФО: Право и экономика. – 2026. – № 2 (38). – С. 134–143.
Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics. 2026;2(38):133–143.

Юриспруденция
Научная статья
УДК 340.12

ЛИБЕРАЛЬНАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПРАВОСУДИЯ В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ ПРАВА XIX ВЕКА

Эльдар Мухамедович Дымов[1], Арсен Хасенович Тлупов[2]
[1, 2] Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия
[1]eldym@rambler.ru
[2]tlupovarsen@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена исследованию либерально-правового понимания правосудия в русской философии права XIX – начала XX века. Рассматриваются философско-правовые взгляды К.Д. Кавелина, Б.Н. Чичерина, П.И. Новгородцева и Б.А. Кистяковского на проблемы права, справедливости, правового государства и судебной власти. Особое внимание уделено идеям свободы личности, независимости суда, нравственным основаниям права и роли правосознания. Исследуется связь либеральной философии права с судебной реформой 1864 года. На основе историко-правового и философско-правового анализа выявлены особенности либерального подхода к правосудию, заключающиеся в сочетании принципов законности, свободы личности и нравственной ответственности государства. Сделан вывод о том, что идеи русских либералов сохраняют актуальность для современных вопросов укрепления правового государства и независимости судебной власти.

Ключевые слова: либерализм, философия права, правосудие, правовое государство, Б.Н. Чичерин, П.И. Новгородцев, Б.А. Кистяковский, правосознание, судебная реформа 1864 года, справедливость

***Для цитирования*: Дымов Э.М., Тлупов А.Х.** Учение С.Е. Либеральная концепция правосудия в русской философии права XIX века // Вестник СКФО: право и экономика. 2026. № 2 (38). С. 134–143.

Jurisprudence
Originak article

THE LIBERAL CONCEPT OF JUSTICE IN 19TH-CENTURY RUSSIAN LEGAL PHILOSOPHY

Eldar Mukhamedovich Dymov[1], Arsen Khasenovich Tlupov[2]
[1,2] Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik, Russia
[1]eldym@rambler.ru
[2]tlupovarsen@gmail.com

Annotation. The article examines the liberal legal interpretation of justice in Russian philosophical and legal thought of the nineteenth and early twentieth centuries. The study analyzes the views of K.D. Kavelin, B.N. Chicherin, P.I. Novgorodtsev, and B.A. Kistyakovsky on law, justice, the rule of law, and judicial authority. Particular attention is paid to individual freedom, judicial independence, moral foundations of law, and the role of legal consciousness. The connection between liberal legal philosophy and the Judicial Reform of 1864 is explored. Based on historical-legal and philosophical-legal analysis, the distinctive features of the liberal approach to justice are identified. It is concluded that the ideas of Russian liberals remain relevant for strengthening the rule of law and judicial independence.

Keywords: liberalism, philosophy of law, justice, rule of law, B.N. Chicherin, P.I. Novgorodtsev, B.A. Kistyakovsky, legal consciousness, Judicial Reform of 1864, fairness

For citation: **Dymov E.M., Tlupov A.Kh.** The Liberal Concept of Justice in 19th-Century Russian Legal Philosophy. *Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics*. 2026;2(38):134–143.

Введение. Проблема правосудия занимает центральное место в философско-правовой мысли, поскольку связана с представлениями о справедливости, законности и пределах государственной власти. Для российской правовой традиции особое значение приобрели концепции XIX века, сформировавшиеся в условиях масштабных общественных преобразований и модернизации государственно-правовых институтов.

Одним из наиболее влиятельных направлений отечественной мысли стал либерализм, представители которого внесли существенный вклад в учение о правовом государстве, правах личности, независимости суда и верховенстве закона. В отличие от консервативных концепций, либеральные мыслители обосновывали необходимость институциональных гарантий свободы личности, ограничения государственной власти правом и создания эффективных механизмов судебной защиты гражданских прав [1, с. 112–118; 2, с. 73–81].

Особое значение либеральные идеи приобрели в период подготовки и проведения судебной реформы 1864 года. Закреплённые ею принципы независимости суда, состязательности процесса и гласности отражали стремление к формированию системы правосудия, основанной на законности и равенстве всех перед законом [3, с. 23–28; 4, с. 1–15].

В современных условиях вопросы соотношения права, справедливости и нравственности сохраняют актуальность. Развитие институтов правового государства, укрепление независимости судебной власти и повышение общественного доверия к суду обусловливают обращение к философско-правовому наследию отечественных либералов.

Объект исследования – русская либеральная философия права XIX–начала XX века как направление отечественной правовой мысли.

Предмет исследования – концепция правосудия, разработанная в трудах ведущих представителей русского либерализма (К.Д. Кавелина, Б.Н. Чичерина, П.И. Новгородцева, Б.А. Кистяковского), включая их взгляды на правовое государство, независимость суда, нравственные основания права и правосознание.

Цель исследования – выявить содержание и особенности либеральной концепции правосудия в русской философии права XIX века и определить её значение для развития отечественной правовой традиции.

Достижение поставленной цели предполагает использование комплекса методов, адекватных природе исследуемого материала.

Материалы и методы. В работе применялись как общенаучные, так и специальные юридические и философские подходы.

В процессе исследования авторами использовались: историко-правовой метод (позволил рассмотреть эволюцию либеральных взглядов на правосудие в контексте общественно-политических преобразований XIX века, включая подготовку и проведение судебной реформы 1864 года); философско-правовой (герменевтический) метод (применён для интерпретации текстов первоисточников (трудов К.Д. Кавелина, Б.Н. Чичерина, П.И. Новгородцева, Б.А. Кистяковского) и выявления их понятийного аппарата, а также для реконструкции внутренней логики их аргументации); сравнительно-правовой метод (использован для сопоставления взглядов различных представителей русского либерализма, что позволило выявить общее и особенное в их понимании правосудия, правового государства и роли судебной власти); системный подход (позволил представить либеральную концепцию правосудия не как сумму разрозненных идей, а как целостную систему взаимосвязанных элементов: свободы личности, правового государства, независимости суда, нравственного идеала права и правосознания); формально-логический метод (применён для анализа дефиниций, выявления логической структуры аргументации мыслителей и оценки внутренней непротиворечивости их философско-правовых построений).

Применение указанных методов в их совокупности обеспечило многоаспектность исследования, позволив сочетать историческую реконструкцию с философско-правовым анализом и сравнительной оценкой различных концепций.

Обзор литературы. Проблематика русского либерализма и его влияния на философию права остаётся предметом активного научного интереса. Существенный вклад в изучение идейных оснований русского либерализма внесли И.Д. Осипов, Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская, С.С. Секи-

ринский и В.В. Шелохаев, рассматривавшие либеральное направление как важный этап становления концепции правового государства в России [2, с. 11–25; 5, с. 18–31; 6, с. 9–18].

Исследователи отмечают, что российский либерализм XIX–начала XX века носил преимущественно этико-правовой характер, уделяя особое внимание нравственным основаниям права и независимости судебной власти [2, с. 73–81; 6, с. 44–52;]. Центральное место в современной историографии занимают работы, посвящённые творчеству Б.Н. Чичерина как создателя целостной концепции правового государства [7, с. 41–45], а также исследования философско-правового наследия П.И. Новгородцева [8, с. 87–96; 9, с. 118–127] и Б.А. Кистяковского [10, с. 101–115; 11, с. 245–258].

Отдельное направление связано с судебной реформой 1864 года как практическим воплощением либеральных представлений о справедливом суде [3, с. 23–28].

Вместе с тем проблема понимания правосудия как самостоятельной философско-правовой категории в трудах русских либералов остаётся недостаточно изученной, что обусловливает необходимость настоящего исследования.

Результаты и дискуссия

1. Либеральная философия права в России: общая характеристика

Формирование либеральной философии права в России происходило в условиях общественных преобразований второй половины XIX века. Представители либерализма связывали прогресс с развитием правовых институтов, укреплением законности и расширением гарантий прав личности [1, с. 118–125; 2, с. 73–81].

К.Д. Кавелин рассматривал личность как центральную ценность общественного развития. По его мнению, формирование правового государства должно осуществляться с учётом исторических особенностей России через постепенное совершенствование законодательства и развитие правовой культуры [5, с. 41–47; 12, с. 135–142].

Наиболее последовательное выражение либеральная философия права получила в трудах Б.Н. Чичерина. Учёный рассматривал свободу личности как фундаментальный принцип общественного устройства, а право – как необходимое средство её обеспечения. Свобода предполагает существование юридических границ, обеспечивающих равенство и безопасность. Государственная власть должна действовать исключительно в рамках закона [13, с. 91–98; 14, с. 102–109].

Характерной особенностью русского либерализма являлось стремление соединить свободу и законность с нравственными основаниями общественной жизни. Наиболее полно данный подход развит в концепциях П.И. Новгородцева и Б.А. Кистяковского [8, с. 87–96; 11, с. 252–258].

Для систематизации взглядов ключевых представителей русского либерализма и их вклада в формирование концепции правосудия представляется целесообразным обратиться к обобщающей таблице, отражающей не только их основные труды, но и те идеи, которые составили философско-правовую основу отечественного понимания справедливого правосудия (*таблица 1*).

Представленные в *таблице 1* данные позволяют проследить эволюцию либеральной мысли в России и выделить несколько ключевых аспектов формирования концепции правосудия.

Во-первых, обращает на себя внимание хронологическая и содержательная преемственность. Если К.Д. Кавелин закладывает общие философские основания, рассматривая личность как центральную ценность и обосновывая необходимость постепенного развития правовых институтов, то Б.Н. Чичерин переводит эти идеи на язык конкретной юридической теории, создавая целостное учение о правовом государстве и независимой судебной власти. В свою очередь, П.И. Новгородцев и Б.А. Кистяковский дополняют эту конструкцию важнейшими этическими и культурологическими измерениями – нравственным идеалом права и правосознанием.

Во-вторых, в трудах всех четырёх мыслителей прослеживается общая установка на понимание права как инструмента защиты человеческой личности. Однако акценты существенно различаются: Кавелин делает упор на историческую обусловленность правовых форм, Чичерин – на институциональные гарантии (независимый суд, верховенство закона), Новгородцев – на нравственное измерение правосудия, а Б.А. Кистяковский – на социокультурные предпосылки эффективности права (правосознание, правовая культура, доверие к суду).

Таблица 1 – Основные представители русского либерализма и их ключевые идеи в сфере правосудия

Мыслитель	Основные труды	Ключевые идеи
К.Д. Кавелин	Наш умственный строй (1989)	Личность как центральная ценность; постепенное развитие правовых институтов с учётом исторических особенностей России
Б.Н. Чичерин	Философия права (1900), Собственность и государство (1882)	Правовое государство, независимость суда, верховенство закона, судебная защита как фундаментальное право личности
П.И. Новгородцев	Кризис современного правосознания (2009), Об общественном идеале (1991)	Нравственный идеал права, справедливость как внутреннее основание правосудия, сочетание законности и нравственности
Б.А. Кистяковский	Социальные науки и право (1916), В защиту права (1991)	Правосознание и правовая культура как условия устойчивого правопорядка; доверие к суду как критерий эффективности правосудия

Источник: составлено авторами по материалам исследования.

В-третьих, именно совокупность этих идей образует целостную либеральную концепцию правосудия, которая не сводится ни к формальной законности, ни к абстрактным нравственным декларациям. Её суть – в признании того, что справедливое правосудие возможно лишь при одновременном наличии: а) независимой судебной власти; б) гарантированных прав личности; в) нравственного обоснования правовых норм; г) развитого правосознания и д) доверия общества к суду. Каждый из мыслителей внёс свой вклад в обоснование одного из этих элементов, и только в совокупности они дают полноценное представление о либеральной модели правосудия.

Таким образом, либеральная концепция правосудия представляет собой не механическую сумму взглядов отдельных авторов, а органическое единство философских, правовых и культурологических аспектов, каждый из которых был разработан одним из представителей русского либерализма.

В ряду этих мыслителей особое место принадлежит Б.Н. Чичерину, чьё учение стало наиболее систематическим и последовательным обоснованием принципов правового государства в отечественной философии права XIX века. Если Кавелин заложил общие философские основания либерального подхода, а Новгородцев и Кистяковский впоследствии дополнили его нравственными и культурологическими измерениями, то именно Чичерин разработал институциональное ядро либеральной концепции правосудия – учение о правовом государстве и независимой судебной власти как необходимых условиях обеспечения свободы личности. К его философско-правовому наследию мы обратимся в настоящем разделе

2. Правовое государство и независимость суда в учении Б.Н. Чичерина

Учение Б.Н. Чичерина стало одним из наиболее последовательных обоснований принципов правового государства в отечественной мысли. В отличие от сторонников неограниченной государственной власти, Чичерин исходил из необходимости юридического ограничения власти и её подчинения праву [13, с. 112–118; 14, с. 215–223].

Центральное место в его концепции занимала свобода личности. Право, по его мнению, является необходимым средством обеспечения свободы и согласования интересов личности и государства. Свобода не может существовать вне правового порядка, поэтому государство обязано гарантировать соблюдение закона и защиту гражданских прав [13, с. 118–123].

Чичерин рассматривал правовое государство как форму политической организации, основанную на верховенстве закона. Государственная власть, по его убеждению, не должна стоять над правом, поскольку именно право определяет пределы её осуществления и обеспечивает защиту личности от произвола. Важнейшими признаками правового государства он считал независимость суда, гарантированность прав граждан и равенство всех перед законом [7, с. 42–44; 13, с. 123–126].

Особое значение в обеспечении законности Чичерин придавал судебной власти. Суд рассматривался им как гарант защиты прав личности и важнейший механизм ограничения государственной власти. Эффективность правовой системы, по его мнению, напрямую зависит от независимости суда, способного обеспечить объективное рассмотрение дел и равную защиту прав всех граждан [7, с. 42–45; 13, с. 126–129].

Чичерин подчёркивал, что провозглашение гражданских прав не имеет практического значения без существования эффективного механизма их судебной защиты. Поэтому суд должен выступать не только органом разрешения споров, но и институтом контроля за соблюдением законности в деятельности государства [7, с. 43–45].

Положительно оценивая судебную реформу 1864 года, Чичерин рассматривал её как важный шаг на пути формирования правового государства в России. Введение принципов гласности, состязательности процесса, несменяемости судей и суда присяжных он связывал с расширением гарантий справедливого правосудия и укреплением законности [7, с. 43–45].

Таким образом, философско-правовое учение Б.Н. Чичерина не ограничивалось абстрактным теоретизированием. Его концепция правового государства и независимой судебной власти формировалась в прямой связи с конкретными историческими преобразованиями, важнейшим из которых стала судебная реформа 1864 года. Более того, реформа во многом явилась практической реализацией тех принципов, которые либеральные мыслители обосновывали на протяжении предшествующих десятилетий. Анализ реформы в контексте либеральной философии права позволяет не только оценить масштаб преобразований, но и выявить степень воплощения либеральных идеалов в российской правовой действительности. Обратимся к этому вопросу подробнее.

3. Судебная реформа 1864 года как практическое воплощение либеральных идей

Одним из важнейших событий в истории российского права XIX века стала судебная реформа 1864 года, ставшая практическим воплощением многих положений либеральной философии права. Проведённая в период Великих реформ Александра II, она ознаменовала переход от сословной и административно зависимой судебной системы к принципам законности, равенства граждан перед судом и защиты прав личности [3, с. 23–24].

Необходимость реформы была обусловлена кризисом дореформенного судоустройства. Судебные органы находились в значительной зависимости от администрации, отсутствовали эффективные механизмы защиты прав граждан, а суд нередко воспринимался как часть государственного аппарата, а не как независимый орган правосудия [3, с. 24–25; 4, с. 5–12].

Либеральные мыслители второй половины XIX века рассматривали подобное положение как серьёзное препятствие на пути формирования правового государства. В частности, Б.Н. Чичерин подчёркивал, что обеспечение свободы личности невозможно без независимой судебной власти, способной защищать граждан от произвола как частных лиц, так и государства [7, с. 42–44; 13, с. 126–129;].

Для системного анализа судебной реформы 1864 года и её соответствия либеральным идеалам целесообразно обратиться к основным принципам, закреплённым Судебными уставами, и сопоставить их с философско-правовым обоснованием, которое было дано представителями русского либерализма (*таблица 2*).

Таблица 2 – Основные принципы судебной реформы 1864 года и их либеральное обоснование

Принцип реформы	Содержание	Либеральное обоснование
Независимость суда	Организационное отделение судебной власти от административной	Чичерин: условие защиты личности от произвола
Несменяемость судей	Невозможность увольнения судей без судебного решения	Гарантия объективности и независимости правосудия
Гласность	Открытое судебное разбирательство	Общественный контроль за правосудием
Состязательность	Равные права сторон в судебном процессе	Реализация принципа равенства перед законом
Суд присяжных	Участие представителей общества в отправлении правосудия	Элемент гражданского участия и общественного доверия
Адвокатура	Профессиональная защита прав граждан в суде	Обеспечение доступа к правосудию

Источник: составлено авторами по материалам исследования.

Как следует из представленных в *таблице 2* данных, судебная реформа 1864 года закрепила целый ряд принципов, которые непосредственно вытекали из либеральной философии права и находили своё обоснование в трудах её ведущих представителей.

Во-первых, обращает на себя внимание, что каждый из принципов реформы имеет прямое соответствие в либеральной теории. Независимость суда и несменяемость судей рассматривались Чичериным как важнейшие гарантии защиты личности от произвола. Гласность и состязательность процесса обеспечивали реализацию принципа равенства всех перед законом и общественный контроль за правосудием. Учреждение суда присяжных и адвокатуры расширяло возможности общественного участия и профессиональной защиты прав граждан.

Во-вторых, судебная реформа стала практическим воплощением либерального тезиса о том, что провозглашение гражданских прав не имеет значения без существования эффективного механизма их судебной защиты. Создание независимого суда, отделённого от администрации, и введение состязательного процесса с участием присяжных заседателей и адвокатов означали формирование именно такого механизма.

В-третьих, анализ таблицы позволяет увидеть, что реформа не была механическим заимствованием западных образцов. Она учитывала российские реалии и опиралась на те философско-правовые идеи, которые были разработаны отечественными мыслителями применительно к условиям России. Это придавало реформе органичный характер и обеспечивало её соответствие национальной правовой традиции.

Таким образом, судебная реформа 1864 года явилась не только важнейшим этапом модернизации российской правовой системы, но и практической проверкой либеральных идей на предмет их реализуемости в российских условиях. Однако, как справедливо отмечали русские либералы, формальное закрепление прогрессивных принципов в законодательстве является необходимым, но недостаточным условием построения справедливой системы правосудия. Эффективность правовых институтов определяется не только качеством законов, но и их нравственным содержанием, а также готовностью общества воспринимать право как ценность. Именно эти аспекты – нравственные основания права и правосознание – оказались в центре внимания представителей следующего поколения русских либеральных мыслителей, обратившихся к более глубоким, философско-этическим измерениям правосудия. Наиболее последовательное развитие данная проблематика получила в трудах П.И. Новгородцева и Б.А. Кистяковского, анализ которых является предметом дальнейшего исследования.

4. Нравственный идеал права в философии П.И. Новгородцева

Особое место в развитии русской либеральной философии права конца XIX – начала XX века принадлежит Павлу Ивановичу Новгородцеву. В отличие от представителей юридического позитивизма, связывавших сущность права преимущественно с действующим законодательством и государственным принуждением, П.И. Новгородцев рассматривал право как явление, неразрывно связанное с нравственными ценностями и общественным идеалом справедливости. Его философско-правовая концепция стала одной из наиболее значимых попыток преодоления противоречия между формальной законностью и нравственным содержанием права [9, с. 118–127].

Центральное место в учении П.И. Новгородцева занимает идея нравственного идеала права. По мнению мыслителя, правовая система не может оцениваться исключительно с точки зрения её юридической эффективности или соответствия установленным государством нормам. Право должно содержать нравственный ориентир, позволяющий оценивать законодательство с позиций справедливости, свободы и человеческого достоинства. Именно поэтому философ критиковал концепции, сводившие право исключительно к воле государства или совокупности формально обязательных правил поведения [8, с. 87–96].

Новгородцев исходил из того, что общественная жизнь постоянно развивается, а потому любой правопорядок остаётся исторически ограниченным и требует совершенствования. В этой связи нравственный идеал выступает критерием оценки действующего законодательства и одновременно ориентиром дальнейшего развития права. Благодаря этому право сохраняет способность отвечать изменяющимся потребностям общества и обеспечивать реализацию принципов справедливости [5, с. 95–101; 9, с. 121–124].

Особое значение данные идеи приобретают применительно к проблеме правосудия. П.И. Новгородцев подчёркивал, что судебная деятельность не должна сводиться к механическому применению правовых норм. Формальное соблюдение закона не всегда гарантирует справедливый результат, поэтому при разрешении правовых конфликтов необходимо учитывать нравственные основания права и принципы гуманизма.

Согласно позиции мыслителя, подлинное правосудие возможно лишь при сочетании законности и нравственности. Закон обеспечивает устойчивость правового порядка, однако его действие должно быть направлено на реализацию более высоких ценностей – свободы личности, человеческого достоинства и общественного блага. Справедливость при этом выступает не внешним дополнением к праву, а его внутренним основанием [8, с. 92–95].

Таким образом, П.И. Новгородцев существенно дополнил либеральную концепцию правосудия, показав, что формальная законность не может рассматриваться как самодостаточный критерий справедливости. Право нуждается в нравственном обосновании, а судебная деятельность не должна сводиться к механическому применению норм.

Однако постановка вопроса о нравственных основаниях права неизбежно выводила на ещё более глубокий уровень анализа – на проблему восприятия права обществом, его укоренённости в общественном сознании и культуре. Если право требует нравственного оправдания, то возникает закономерный вопрос: каковы социальные и духовные предпосылки, делающие возможным само существование справедливого правопорядка? Ответ на этот вопрос искал другой выдающийся представитель русского либерализма – Б.А. Кистяковский, который сосредоточил внимание не столько на нравственном идеале права, сколько на правосознании и правовой культуре как необходимых условиях устойчивости правового государства и эффективности правосудия.

5.Правосознание и правовая культура в учении Б.А. Кистяковского

Значительный вклад в развитие русской либеральной философии права начала XX века внёс Б.А. Кистяковский, сосредоточивший внимание на проблемах правосознания, правовой культуры и социальной ценности права. В отличие от представителей юридического позитивизма, рассматривавших право преимущественно через призму законодательства и государственных институтов, Б.А. Кистяковский стремился выявить социальные и духовные основания устойчивого правопорядка. Центральное место в его исследованиях занимала проблема отношения общества к праву и роли правосознания в обеспечении эффективности правовых институтов [10, с. 101–115; 11, с. 245–252].

Кистяковский исходил из того, что существование развитой правовой системы невозможно обеспечить исключительно посредством государственного принуждения. Формальное наличие законов ещё не гарантирует устойчивости правопорядка. Право становится действенным регулятором общественных отношений лишь тогда, когда воспринимается гражданами как социальная ценность и получает внутреннее признание со стороны общества. Именно поэтому важнейшим условием функционирования правового государства он считал высокий уровень правосознания граждан [11, с. 245–252].

Особое внимание мыслитель уделял взаимосвязи правосознания и правовой культуры. По его мнению, эффективность законодательства зависит не только от качества нормативных предписаний, но и от готовности граждан соблюдать закон, уважать права других лиц и использовать правовые механизмы для защиты своих интересов. Правовая культура формирует уважительное отношение к праву и способствует укреплению законности в обществе [10, с. 110–115].

Применительно к проблеме правосудия Кистяковский подчёркивал, что доверие общества к суду определяется не только профессионализмом судей и качеством законодательства, но и общим уровнем правовой культуры населения. Судебная власть может эффективно выполнять свои функции лишь тогда, когда воспринимается гражданами как справедливый и легитимный механизм защиты прав личности и разрешения социальных конфликтов [11, с. 252–258].

Таким образом, в трудах русских либеральных мыслителей постепенно сложилась целостная система взглядов на правосудие, объединяющая несколько взаимосвязанных элементов: философско-антропологический (понимание личности как высшей ценности), институциональный (независимый суд как гарантия свободы), этический (нравственное обоснование права) и социокультурный (правосознание и правовая культура как условия эффективности правовых институтов). Внутренняя логика и взаимосвязь этих элементов представлена на *рисунке 1*.

Рисунок 1 – Взаимосвязь элементов либеральной концепции правосудия
Источник: составлено авторами по материалам исследования

Представленный рисунок отражает внутреннюю логику либеральной концепции правосудия, которая выстраивается как последовательная цепочка взаимосвязанных элементов, каждый из которых был разработан одним из представителей русского либерализма.

Первый блок (философские основания) – «Свобода личности» (элемент 1) – представляет собой исходный принцип всей концепции. Именно из признания свободы личности как высшей ценности (К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин) вытекает необходимость создания правовых механизмов её защиты. Свобода не может существовать вне правового порядка, что подводит к следующему элементу.

Второй блок (институциональные гарантии) – «Правовое государство» (элемент 2) и «Независимый суд» (элемент 3). Б.Н. Чичерин разработал учение о правовом государстве как форме политической организации, основанной на верховенстве закона, и обосновал необходимость независимой судебной власти как важнейшей гарантии свободы личности. Эти элементы образуют институциональное ядро концепции: правовое государство устанавливает правила игры, а независимый суд обеспечивает их соблюдение.

Третий блок (этические и культурологические основания) – «Нравственный идеал права» (элемент 4), «Правосознание» (элемент 5) и «Доверие к суду» (элемент 6). Новгородцев дополнил институциональную конструкцию нравственным измерением, показав, что формальная законность не может быть единственным критерием справедливости. Б.А. Кистяковский, в свою очередь, обосновал, что эффективность правовых институтов невозможна без развитого правосознания и правовой культуры, а доверие к суду является индикатором их легитимности.

Вертикальная структура данного рисунка показывает, что либеральная концепция правосудия имеет три уровня: философский (исходные принципы), институциональный (конкретные механизмы) и культурологический (условия эффективности). Горизонтальные связи между элементами демонстрируют их логическую преемственность: свобода личности требует правового государства, правовое государство – независимого суда, а эффективность суда зависит от нравственного содержания права, правосознания и доверия общества.

Таким образом, либеральная концепция правосудия представляет собой не сумму разрозненных идей, а целостную систему, в которой каждый элемент выполняет свою функцию и находится в необходимой взаимосвязи с другими. Отсутствие или ослабление любого из этих элементов делает концепцию неполной, а правосудие – несправедливым.

Заключение. Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы. Русская либеральная философия права XIX–начала XX века сформировала самостоятельную концепцию правосудия, основанную на принципах свободы личности, верховенства закона и ограничения государственной власти правом. В отличие от юридического позитивизма, отечественные либералы рассматривали право не только как средство регулирования общественных отношений, но и как инструмент обеспечения справедливости и защиты человеческого достоинства.

Ключевую роль в развитии данной концепции сыграли идеи Б.Н. Чичерина о правовом государстве, независимости суда и судебной защите как фундаментальном праве личности. Он обосновал необходимость организационного отделения судебной власти от административной и закрепления гарантий несменяемости судей.

Практическое воплощение либеральных представлений о справедливом правосудии нашло отражение в судебной реформе 1864 года, закрепившей принципы независимости суда, состязательности процесса, гласности и равенства граждан перед законом. Введение суда присяжных и адвокатуры расширило возможности общественного участия и защиты прав граждан.

Дальнейшее развитие либеральной философии права связано с трудами П.И. Новгородцева и Б.А. Кистяковского. П.И. Новгородцев обосновал необходимость нравственной оценки права и правосудия через категорию справедливости, показав, что формальная законность не может рассматриваться как единственный критерий справедливого суда. Б.А. Кистяковский раскрыл значение правосознания и правовой культуры для устойчивости правопорядка и эффективности судебной власти, подчеркнув, что доверие общества к суду является необходимым условием его легитимности.

Таким образом, либеральная концепция правосудия представляет собой целостную систему взглядов, объединяющую идеи свободы личности, независимости суда, правового государства, нравственного идеала права и развитого правосознания. Значение данного философско-правового наследия сохраняется и в современных условиях, поскольку вопросы обеспечения независимости суда, укрепления правового государства и повышения доверия общества к судебной власти продолжают оставаться актуальными для российской юридической науки и правоприменительной практики.

Список источников

1. Беленький И.Л. История русской общественной мысли XIX века: русский либерализм и философия права. М.: Изд-во МГУ, 2004. 312 с.

2. Секиринский С.С., Шелохаев В.В. Либерализм в России: очерки истории (середина XIX–начало XX века). М.: Памятники исторической мысли, 1995. 286 с.

3. Климанов А.Ю. Судебная реформа Александра II и её значение для развития российского правосудия // История государства и права. 2017. № 18. С. 23–28.

4. Судебные уставы 20 ноября 1864 года. СПб.: Государственная типография, 1867. 658 с.

5. Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Идейные истоки русского либерализма. М.: ИФ РАН, 2000. 256 с.

6. Осипов И.Д. Философия русского либерализма XIX–начала XX века. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1996. 184 с.

7. Дидык М.А., Ерыгин А.Н. Политико-правовые идеи Б.Н. Чичерина и их влияние на развитие отечественной государственно-правовой мысли // Философия права. 2017. № 4 (83). С. 41–45.

8. Новгородцев П.И. Кризис современного правосознания. М.: Канон, 2009. 416 с.

9. Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М.: Пресса, 1991. 640 с.

10. Кистяковский Б.А. В защиту права (Интеллигенция и правосознание) // Вехи: сборник статей о русской интеллигенции. М.: Республика, 1991. С. 101–132.

11. Кистяковский Б.А. Социальные науки и право: очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1916. 704 с.

12. Кавелин К.Д. Наш умственный строй: статьи по философии русской истории и культуры. М.: Правда, 1989. 654 с.

13. Чичерин Б.Н. Философия права. М.: Типография товарищества И.Д. Сытина, 1900. 344 с.

14. Чичерин Б.Н. Собственность и государство. В 2 т. Т. 1. М.: Типография Мартынова, 1882. 480 с.

List of sources

1. Belenkiy I.L. History of Russian Social Thought of the 19th Century: Russian Liberalism and Philosophy of Law. Moscow: Moscow State University Press, 2004. 312 p.

2. Sekirinsky S.S., Shelokhaev V.V. Liberalism in Russia: Essays on History (Mid-19th – Early 20th Century). M.: Monuments of Historical Thought, 1995. 286 p.

3. Klimanov A.Yu. The Judicial Reform of Alexander II and Its Significance for the Development of Russian Justice // History of the State and Law. 2017. N 18. Pp. 23–28.

4. Judicial Statutes of November 20, 1864. St. Petersburg: State Printing House, 1867. 658 p.

5. Novikova L.I., Sizemskaya I.N. Ideological Sources of Russian Liberalism. Moscow: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, 2000. 256 p.

6. Osipov I.D. Philosophy of Russian Liberalism of the 19th – Early 20th Centuries. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 1996. 184 p.

7. Didyk M.A., Erygin A.N. Political and Legal Ideas of B.N. Chicherin and Their Influence on the Development of Russian State and Legal Thought // Philosophy of Law. 2017. N 4 (83). Pp. 41–45.

8. Novgorodtsev P.I. The Crisis of Modern Legal Consciousness. M.: Kanon, 2009. 416 p.

9. Novgorodtsev P.I. On the Social Ideal. M.: Press, 1991. 640 p.

10. Kistyakovsky B.A. In Defense of the Law (Intelligentsia and Legal Consciousness) // Vekhi: A Collection of Articles on the Russian Intelligentsia. M.: Respublika, 1991. Pp. 101–132.

11. Kistyakovsky B.A. Social Sciences and Law: Essays on the Methodology of Social Sciences and the General Theory of Law. M.: M. and S. Sabashnikov Publishing House, 1916. 704 p.

12. Kavelin K.D. Our Mental System: Articles on the Philosophy of Russian History and Culture. Moscow: Pravda, 1989. 654 p.

13. Chicherin B.N. Philosophy of Law. M.: Printing House of the I.D. Sytin Partnership, 1900. 344 p.

14. Chicherin B.N. Property and the State. In 2 volumes. Vol. 1. Moscow: Martynov Printing House, 1882. 480 p.

© Дымов Э.М., Тлупов А.Х., 2026

Вестник СКФО: Право и экономика. – 2026. – № 2 (38). – С. 144–151.
Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics. 2026;2 (38):144–151.

Юриспруженция
Научная статья
УДК 340.12

НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРАВОСУДИЯ В ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОМ НАСЛЕДИИ СЛАВЯНОФИЛОВ

Эльдар Мухамедович Дымов[1], Арсен Хасенович Тлупов[2]
[1,2] Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия
[1]eldym@rambler.ru
[2]tlupovarsen@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена исследованию нравственных оснований правосудия в философско-правовом наследии славянофилов XIX века. Рассматриваются взгляды И.В. Киреевского, А.С. Хомякова и К.С. Аксакова на право, справедливость, соборность и роль правосознания в обеспечении справедливого общественного порядка. Особое внимание уделено концепции внутренней и внешней правды как ключевому элементу славянофильского понимания правосудия. На основе историко-правового и герменевтического анализа выявлены особенности славянофильского подхода, заключающиеся в признании неразрывной связи права и нравственности, а также в понимании правосудия как выражения нравственного идеала, основанного на внутреннем единстве права, совести и общественного сознания. Сделан вывод о том, что идеи славянофилов сохраняют актуальность для осмысления современных проблем правосознания, доверия к судебной власти и нравственных оснований правоприменительной практики.

Ключевые слова: славянофильство, правосудие, философия права, правосознание, справедливость, соборность, внутренняя правда, внешняя правда, И.В. Киреевский, А.С. Хомяков

***Для цитирования*: Дымов Э.М., Тлупов А.Х.** Учение С.Е. Нравственные основания правосудия в философско-правовом наследии славянофилов // Вестник СКФО: право и экономика. 2026. № 2 (38). С. 144–151.

Jurisprudence
Originak article

MORAL FOUNDATIONS OF JUSTICE IN THE PHILOSOPHICAL AND LEGAL HERITAGE OF THE SLAVOPHILES

Eldar Mukhamedovich Dymov[1], Arsen Khasenovich Tlupov[2]
[1,2] Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik, Russia
[1]eldym@rambler.ru
[2]tlupovarsen@gmail.com

Annotation. The article examines the moral foundations of justice in the philosophical and legal heritage of the Slavophiles of the nineteenth century. The views of I.V. Kireevsky, A.S. Khomyakov, and K.S. Aksakov on law, justice, sobornost, and the role of legal consciousness are analyzed. Special attention is paid to the concept of internal and external truth as a key element of the Slavophile understanding of justice. Based on historical-legal and hermeneutic analysis, the distinctive features of the Slavophile approach are identified, which consist in recognizing the inseparable connection between law and morality, as well as in understanding justice as an expression of a moral ideal. It is concluded that the ideas of the Slavophiles remain relevant for understanding contemporary issues of legal consciousness, trust in the judiciary, and the moral foundations of legal practice.

Keywords: Slavophilism, justice, philosophy of law, legal consciousness, fairness, sobornost, internal truth, external truth, I.V. Kireevsky, K.S. Khomyakov

For citation: Dymov E.M., Tlupov A.Kh. Moral foundations of justice in the philosophical and legal heritage of the slavophiles. *Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics.* 2026; 2 (38): 144–151.

Введение. Проблема соотношения права, нравственности и справедливости на протяжении длительного времени занимает центральное место в философско-правовой мысли. Несмотря на развитие правовых институтов и совершенствование законодательства, вопросы нравственного содержания права, общественного доверия к судебной власти и ценностных оснований правосудия сохраняют свою актуальность [1; 2, с. 76–89]. В этой связи особый научный интерес представляет обращение к отечественным философско-правовым концепциям XIX века, оказавшим значительное влияние на развитие русской правовой мысли.

Важное место среди таких концепций занимает славянофильское учение, представители которого стремились осмыслить право не только как систему юридических предписаний, но и как выражение нравственных начал общественной жизни. В трудах И.В. Киреевского, А.С. Хомякова и К.С. Аксакова получили развитие идеи соборности, внутренней правды, нравственного правосознания и духовного единства народа, которые рассматривались как необходимые условия существования справедливого общественного порядка [3, с. 248–293; 4, с. 279–310]. В отличие от формально-юридического подхода, характерного для ряда западноевропейских теорий, славянофилы акцентировали внимание на внутреннем нравственном содержании правовых отношений [5, с. 74–89].

Актуальность исследования обусловлена также современными дискуссиями о роли нравственных ценностей в правовой системе, обеспечении справедливости судебных решений, преодолении правового нигилизма и укреплении общественного доверия к судебной власти [2, с. 76–89; 6, с. 58–63]. Обращение к славянофильской концепции правосудия позволяет выявить особенности отечественной философско-правовой традиции и определить её значение для современного понимания права и справедливости.

Цель исследования – выявить особенности понимания правосудия в философско-правовом наследии славянофилов XIX века, а также определить значения категорий внутренней правды, соборности и нравственного правосознания для формирования представлений о справедливом общественном порядке.

Объект исследования – философско-правовое наследие славянофилов XIX века как направление отечественной правовой мысли.

Предмет исследования – нравственные основания правосудия, разработанные в трудах И.В. Киреевского, А.С. Хомякова и К.С. Аксакова, включая концепции внутренней и внешней правды, соборности, правосознания и их связь с пониманием справедливости.

Материалы и методы исследования. Теоретической основой исследования послужили труды основоположников славянофильства (И.В. Киреевского, А.С. Хомякова, К.С. Аксакова, Ю.Ф. Самарина), а также полемические работы их оппонентов (П.Я. Чаадаева, А.И. Герцена, В.Г. Белинского). В процессе исследования использовались монографии и статьи отечественных и зарубежных исследователей философии права, истории русской правовой мысли, посвящённые анализу славянофильского наследия (Н.Ю. Андреева, А.А. Васильева, М.А. Широковой, М.Н. Гусаровой, П.И. Новгородцева, И.А. Ильин)а, а также нормативно-правовые источники.

Методологическая основа исследования базируется на сочетании общенаучных и специальных методов познания, что обусловлено междисциплинарным характером работы, находящейся на стыке философии права, истории правовых учений и теории государства и права.

В ходе исследования авторами использовались: историко-правовой метод – применён для рассмотрения эволюции философско-правовых взглядов славянофилов в контексте общественно-политических процессов России XIX века [7, с. 86–102]. Метод позволил установить обусловленность правовых идей мыслителей историческими условиями и выявить их динамику; герменевтический метод – использован для интерпретации первоисточников (трудов И.В. Кире-

евского, А.С. Хомякова, К.С. Аксакова) и реконструкции понятийного аппарата славянофильской философии права [3, с. 248–293; 4, с. 279–310]; сравнительно-правовой метод – позволил сопоставить славянофильское понимание права и правосудия с западноевропейскими концепциями юридического рационализма и правового позитивизма, что способствовало выявлению специфики национальной правовой традиции; системный подход – обеспечил рассмотрение категорий права, нравственности, соборности, внутренней правды и правосознания как взаимосвязанных элементов единой философско-правовой концепции; формально-логический метод – применён для анализа дефиниций и логической структуры аргументации мыслителей.

Обзор литературы. Философско-правовое наследие славянофилов на протяжении более полутора столетий остаётся в фокусе исследовательского внимания, причём его проблематика разрабатывалась в нескольких самостоятельных направлениях.

Истоки и контекст формирования взглядов рассмотрены в работах, анализирующих общественно-политические процессы России XIX века [7, с. 86–102; 8, с. 118–130]. *Философско-правовые аспекты* славянофильства раскрыты в трудах Н.Ю. Андреева, исследующего категории права, государства и справедливости [9, с. 18–23], и А.А. Васильева, анализирующего соотношение права, нравственности и государственной власти [5, с. 74–97]. *Проблема внутреннего и внешнего в праве* получила развитие в работах М.А. Широковой, отмечающей, что нравственное сознание личности рассматривалось славянофилами как условие устойчивости общественного порядка [10, с. 102–107; 11, с. 294–298]. *Духовные основания правовой культуры* исследованы М.Н. Гусаровой, показавшей, что право в славянофильской традиции воспринималось как выражение нравственных представлений общества о справедливости [12, с. 88–93; 13, с. 13–25]. *Вопросы правосознания и нравственной природы права* разработаны в трудах П.И. Новгородцева, М.И. Ненашева и И.А. Ильина [1; 2, с. 76–89; 6, с. 58–63].

Вместе с тем вопросы понимания правосудия как самостоятельной категории в славянофильской философии остаются недостаточно разработанными, что обусловливает необходимость настоящего исследования.

Восполнение указанного пробела предполагает обращение к первоисточникам и их системную интерпретацию. Ниже представлены основные результаты предпринятого анализа, структурированные по ключевым проблемным блокам: общая характеристика славянофильского понимания права и правосудия, соотношение внутренней правды и внешнего закона, соборность как принцип правовой жизни, а также роль нравственного правосознания в отправлении правосудия.

Результаты и дискуссия

Славянофильское понимание права и правосудия: общая характеристика

Философско-правовые взгляды славянофилов сформировались в условиях активной общественной дискуссии о путях развития России. В отличие от представителей западнического направления, связывавших прогресс с развитием государственных институтов и законодательства, славянофилы рассматривали право, как явление, неразрывно связанное с духовной культурой народа, его нравственными ценностями и историческим опытом [7, с. 86–102; 14, с. 215–224].

Центральное место в философии славянофилов занимала идея соборности – свободного духовного единства людей, основанного на общности нравственных убеждений. По мнению А.С. Хомякова, общественная жизнь не может устойчиво развиваться исключительно на основе внешнего принуждения, поскольку подлинный порядок достигается через внутреннее согласие между человеком, обществом и государством [4, с. 279–310].

И.В. Киреевский, критикуя рационалистические основания западноевропейской правовой мысли, подчёркивал ограниченность подхода, сводящего право к формальным юридическим конструкциям. Справедливый общественный порядок, по его мнению, невозможен без нравственного содержания права и развитого правосознания граждан [3, с. 248–293; 12, с. 88–93].

Аналогичные идеи развивали и другие представители славянофильства, однако каждый из них подчеркивал отдельные аспекты правовой проблематики. Систематизация их взглядов представлена в *таблице 1*.

Таблица 1 – Основные представители славянофильства и их ключевые идеи в сфере правосудия

Мыслитель	Основные труды	Ключевые идеи в сфере правосудия
И.В. Киреевский	О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России (1852)	Критика западноевропейского рационализма; обоснование нравственного содержания права; связь правосудия с внутренней правдой и «цельным разумением»
А.С. Хомяков	Полное собрание сочинений (1900)	Идея соборности как духовного единства; правосудие как выражение нравственного идеала; критика юридического формализма
К.С. Аксаков	Работы по истории и философии права	Противопоставление «внутренней правды» и «внешнего закона»; обоснование роли общинного начала в отправлении правосудия; ограничение государственного принуждения

Источник: составлено авторами по материалам исследования.

Систематизация взглядов ключевых представителей славянофильства (*таблица 1*) позволяет выделить общие для данной традиции положения: критику правового позитивизма, признание нравственного содержания права и понимание правосудия как выражения «внутренней правды», а не только формального закона. Акцентные различия между мыслителями касаются преимущественно способа обоснования этой идеи – через философско-антропологического подхода (И.В. Киреевский), учение о соборности (А.С. Хомяков) или политико-правовую критику государственного принуждения (Аксаков).

Общим системообразующим элементом, объединяющим различные версии славянофильского правопонимания, выступает дихотомия «внутренней» и «внешней» правды. Именно через это концептуальное противопоставление славянофилы раскрывают фундаментальное различие между правосудием, основанным на нравственных началах, и правосудием, сведённым к формальному применению закона. Рассмотрим данную дихотомию подробнее.

Концепция внутренней и внешней правды в славянофильском понимании правосудия

Общим системообразующим элементом, объединяющим различные версии славянофильского правопонимания, выступает дихотомия «внутренней» и «внешней» правды. Именно через это концептуальное противопоставление славянофилы раскрывают отношение между нравственными основаниями общественной жизни и юридическими механизмами регулирования [3, с. 248–293; 4, с. 279–310]. Указанная дихотомия находит выражение в двух противоположных, но взаимосвязанных категориях.

Внешняя правда представляет собой систему формальных юридических предписаний, обеспечиваемых государственным авторитетом и принудительной силой закона. Она призвана поддерживать общественный порядок, регулировать поведение и обеспечивать соблюдение установленных норм. Однако славянофилы подчёркивали ограниченность формально-юридического понимания права, справедливо отмечая, что закон способен воздействовать лишь на внешние проявления поведения, но не может формировать нравственные убеждения личности [5, с. 74–89; 9, с. 18–23;].

Им противопоставляется категория внутренней правды, которая понимается как нравственный критерий справедливости, основанный на совести, духовном опыте и общественном правосознании. В отличие от внешней правды, она позволяет оценивать не только поступки отдельных лиц, но и деятельность государственных институтов. Именно внутренняя правда рассматривалась славянофилами как основа общественного доверия, добровольного подчинения правовым требованиям и устойчивости правопорядка [12, с. 88–93].

Представленное разграничение находит выражение в системе взаимосвязанных критериев, позволяющих отличить нравственно-ориентированное правосудие от формально-юридического законоприменения. Систематизация этих критериев представлена в *таблице 2*.

Таблица 2 – Сравнительная характеристика внутренней и внешней правды

Критерий	Внутренняя правда	Внешняя правда
Основание	Совесть, нравственное сознание, духовный опыт	Государственный авторитет, принудительная сила закона
Источник	Внутреннее убеждение личности, религиозно-нравственная традиция	Внешний нормативный акт (закон, указ, обычай)
Способ воздействия	Внутреннее принятие, добровольное следование	Внешнее принуждение, санкции за нарушение
Сфера действия	Внутренний мир личности, общественное правосознание	Внешнее поведение, юридически значимые действия
Критерий оценки	Соответствие нравственному идеалу, совести	Соответствие формальной норме
Роль в правосудии	Обеспечивает содержательную справедливость	Обеспечивает формальную законность

Как следует из представленных в *таблице 2* данных, внутренняя и внешняя правда не исключают, а дополняют друг друга. Внешняя правда обеспечивает формальный правопорядок и стабильность общественных отношений. Внутренняя правда придаёт праву нравственную легитимность, формирует доверие к правовым институтам и обеспечивает их добровольное признание обществом. Славянофилы исходили из того, что эффективное правосудие возможно лишь при сочетании обоих начал.

Особое значение концепция внутренней и внешней правды приобретала в понимании правосудия. Славянофилы исходили из того, что судебная деятельность не должна ограничиваться механическим применением закона. Формальное соблюдение правовых предписаний ещё не гарантирует достижения справедливого результата, если судебное решение противоречит нравственным представлениям общества [9, с. 20–22; 10, с. 102–107].

В славянофильской интерпретации правосудие представляет собой сложный феномен, в котором переплетаются юридические, нравственные, религиозные и социальные аспекты. Его сущность не исчерпывается процессуальной правильностью, но предполагает достижение внутренней правды – соответствия принимаемого решения не только букве закона, но и представлениям о справедливости, укоренённым в правосознании народа. Логика взаимосвязи ключевых элементов славянофильской концепции правосудия представлена на *рисунке 1*.

Как следует из *рисунка 1*, славянофильская концепция правосудия выстраивается как иерархическая система, в которой внешняя правда (формальный закон) получает своё содержательное наполнение через внутреннюю правду (нравственное сознание, совесть), а справедливое судебное решение выступает результатом синтеза обоих начал. При этом личность судьи рассматривается как ключевой элемент, соединяющий правовые и нравственные требования в акте правосудия.

Славянофильский подход существенно отличался от распространённых в европейской правовой мысли XIX века концепций юридического позитивизма. Если позитивисты связывали обязательность права с волей государства, то славянофилы подчёркивали необходимость нравственной легитимации права. Закон, лишённый нравственного содержания, воспринимался ими как недостаточное основание для достижения подлинной справедливости [5, с. 91–97].

Вместе с тем концепция внутренней и внешней правды не предполагала отрицания роли закона или государственных институтов. Славянофилы признавали необходимость правового регулирования, однако рассматривали его как вспомогательный элемент более широкой системы нравственных ценностей. Правосудие, основанное исключительно на внешней правде, способно обеспечить юридический порядок, но не всегда способно восстановить нарушенное чувство справедливости [9, с. 21–23; 10, с. 105–107].

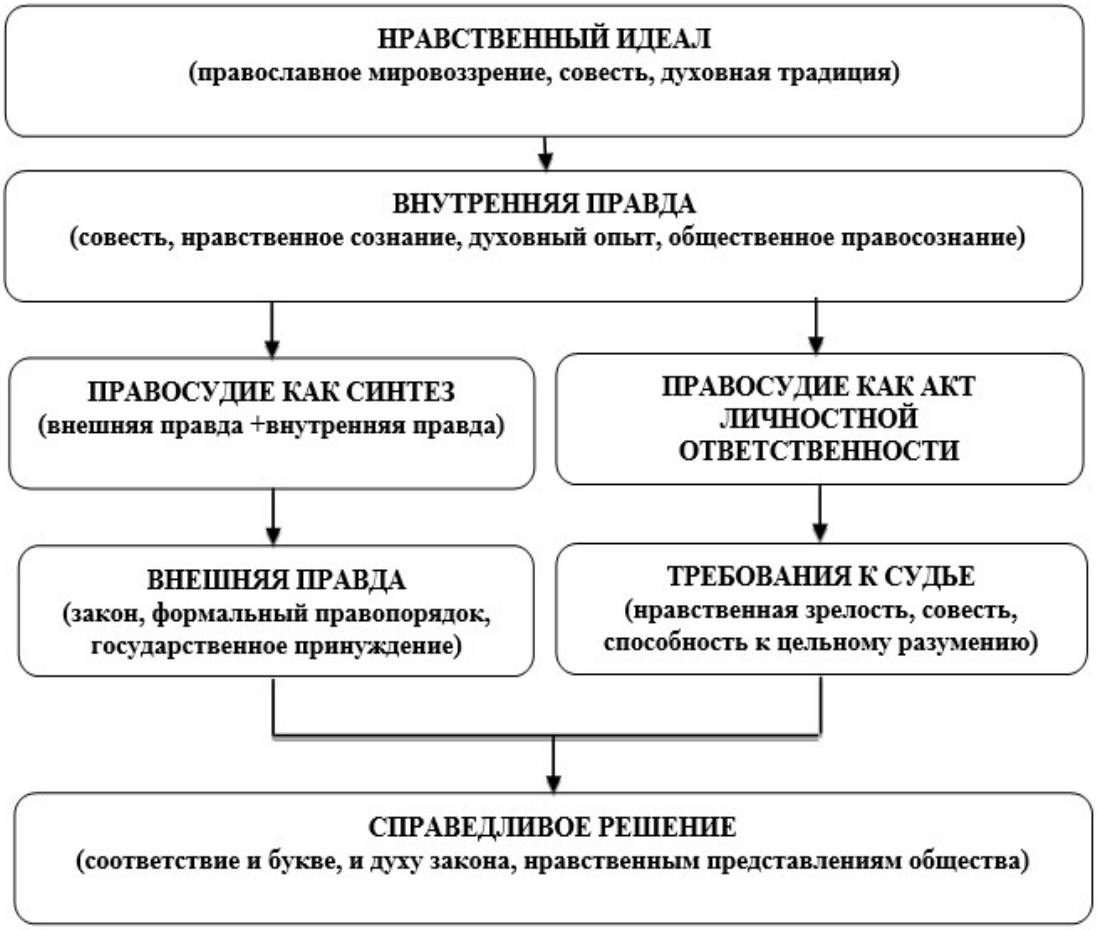

Рисунок 1 – Взаимосвязь элементов славянофильской концепции правосудия
Источник: составлено авторами по материалам исследования

Заключение. Проведённое исследование показало, что философско-правовое наследие славянофилов представляет собой самостоятельную концепцию понимания права и правосудия, основанную на признании неразрывной связи юридических и нравственных начал общественной жизни. В трудах И.В. Киреевского, А.С. Хомякова и К.С. Аксакова право рассматривалось как выражение духовных ценностей народа, его исторического опыта и представлений о справедливости [3, с. 248–293; 4, с. 279–310].

Центральное место в славянофильском понимании правосудия занимает концепция внутренней и внешней правды. Внешняя правда связывалась с юридической формой и государственными механизмами регулирования, тогда как внутренняя правда понималась как нравственный критерий справедливости, основанный на совести и общественном правосознании [5, с. 74–97; 9, с. 102–107].

Славянофилы исходили из необходимости согласования правовых предписаний с нравственными представлениями общества. Справедливость выступала не только юридической, но и нравственной категорией, определяющей общественное доверие к правовым институтам и судебной власти [11, с. 88–93; 12, с. 13–25].

Идеи славянофилов сохраняют научную значимость в современных условиях. Обращение к категориям внутренней правды, нравственного правосознания и соборности позволяет по-новому осмыслить проблемы правового нигилизма, доверия к судебной власти и нравственной легитимации права. В этом контексте философско-правовые идеи славянофилов продолжают представлять интерес как для историко-правовых исследований, так и для дальнейшего развития современной юридической науки.

Список источников

1. Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М.: Пресса, 1991. 640 с.
2. Табаков А.В. Понятие справедливости в философии права И.А. Ильина // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2017. № 2 (21). С. 76–89.
3. Киреевский И.В. О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России // Киреевский И.В. Избранные статьи. М.: Современник, 1984. С. 248–293.
4. Хомяков А.С. Полное собрание сочинений: в 8 т. Т. 1. М.: Университетская типография, 1900. 408 с.
5. Васильев А.А. Нравственные основы русского государства и права в мировоззрении славянофилов. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2011. 224 с.
6. Ненашев М.И. Русская философия о соотношении нравственности и права // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 5. С. 58–63.
7. Антонов К.М. Изучение славянофильства в русской мысли: основные этапы и направления исследований // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия I. Богословие. Философия. 2006. № 16. С. 86–102.
8. Рубанцова Т.А. Западники и славянофилы: особенности дискуссии о судьбе России // Идеи и идеалы. 2023. Т. 15, № 4. С. 118–130.
9. Андреев Н.Ю. О правовых взглядах славянофилов и их идейных последователей // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 4 (28). С. 18–23.
10. Широкова М.А. Славянофилы о соотношении «внутреннего» и «внешнего» // Известия Алтайского государственного университета. 2021. № 6 (122). С. 102–107.
11. Широкова М.А., Должиков В.А. Славянофильство как культурно-историческая концепция и её значение в современном образовательном пространстве // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 2 (105). С. 294–298.
12. Гусарова М.Н. Проблема духовных оснований русского правосознания в философии И.В. Киреевского // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. Т. 21. № 8 (160). С. 88–93.
13. Гусарова М.Н. Становление учения о правосознании в трудах славянофилов // История государства и права. 2020. № 8. С. 13–25.
14. Троицкий С.А. Научное наследие славянофилов и его значение для отечественной гуманитарной мысли // Вестник славянских культур. 2023. Т. 67, № 1. С. 215–224.

List of sources

1. Novgorodtsev P.I. On the Social Ideal. M.: Press, 1991. 640 p.
2. Tabakov A.V. The Concept of Justice in I.A. Ilyin’s Philosophy of Law // Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series “Law”. 2017. N 2 (21). Pp. 76–89.
3. Kireevsky I.V. On the Nature of the Enlightenment of Europe and its Relation to the Enlightenment of Russia // Kireevsky I.V. Selected Articles. M.: Sovremennik, 1984. Pp. 248–293.
4. Khomyakov A.S. Complete Works: in 8 volumes. Vol. 1. M.: University Printing House, 1900. 408 p.
5. Vasiliev A. A. Moral Foundations of the Russian State and Law in the Worldview of the Slavophiles. Barnaul: Publishing House of Altai State University, 2011. 224 p.
6. Nenashev M.I. Russian Philosophy on the Relationship between Morality and Law // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012. N 5. Pp. 58–63.
7. Antonov K. M. The Study of Slavophilism in Russian Thought: Main Stages and Directions of Research // Bulletin of the Orthodox St. Tikhon’s University for the Humanities. Series I. Theology. Philosophy. 2006. N 16. Pp. 86–102.
8. Rubantsova T.A. Westernizers and Slavophiles: Features of the Discussion on the Fate of Russia // Ideas and Ideals. 2023. Vol. 15, N 4. Pp. 118–130.

9. Andreev N. Yu. On the Legal Views of the Slavophiles and Their Ideological Followers // Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. N 4 (28). Pp. 18–23.

10. Shirokova M.A. Slavophiles on the Relationship between the "Internal" and the "External" // Bulletin of Altai State University. 2021. N 6 (122). Pp. 102–107.

11. Shirokova M.A., Dolzhikov V.A. Slavophilism as a Cultural and Historical Concept and Its Significance in the Modern Educational Space // World of Science, Culture, Education. 2024. N 2 (105). Pp. 294–298.

12. Gusarova M.N. The Problem of Spiritual Foundations of Russian Legal Consciousness in the Philosophy of I.V. Kireevsky // Bulletin of Tambov University. Series: Humanities. 2016. Vol. 21. N 8 (160). Pp. 88–93.

13. Gusarova M.N. Formation of the Doctrine of Legal Consciousness in the Works of Slavophiles // History of the State and Law. 2020. N 8. Pp. 13–25.

14. Troitsky S.A. The Scientific Heritage of the Slavophiles and Its Significance for Russian Humanitarian Thought // Bulletin of Slavic Cultures. 2023. Vol. 67, N 1. Pp. 215–224.

© Дымов Э.М., Тлупов А.Х., 2026

Вестник СКФО: Право и экономика. – 2026. – № 2 (38). – С. 151–156.
Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics. *2026;2(38):151–156.*

Юриспруденция
Научная статья
УДК 342

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ КОНЦЕПЦИИ «РАЗВИТОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА» И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ БАЗЫ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

Мурат Владимирович Дышеков [1], Сафарби Акоевич Динаев[2]
[1,2] Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия
[1]dugur1@mail.ru
[2]safadina03@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются теоретические и политико-правовые аспекты формирования концепции «развитого социализма» в СССР в 1960–1970-е годы. Рассматриваются предпосылки возникновения доктрины, её идеологическое содержание, этапы разработки и нормативное закрепление в Конституции СССР 1977 года. Выявляются внутренние противоречия концепции, связанные с расхождением между декларируемыми положениями и реальной практикой государственного управления. Особое внимание уделяется анализу системных несоответствий Основного закона 1977 года, выразившихся в фиктивном характере народовластия, формальном федерализме и юридическом дуализме. Делается вывод о том, что доктрина «развитого социализма», будучи идеологическим компромиссом, не устранила глубинных противоречий советской системы, а лишь законсервировала их, что в конечном счёте стало одной из предпосылок системного кризиса 1980-х годов.

Ключевые слова: Конституция СССР 1977 г., развитой социализм, зрелый социализм, советская идеология, правовой дуализм, Брежневская эпоха, советское государство, юридический позитивизм

***Для цитирования*: Дышеков М.В., Динаев С.А.** Проблемы формирования концепции «развитого социалистического общества» и законодательной базы советского государства// Вестник СКФО: право и экономика. 2026. № 2 (38). С. 151–156.

Jurisprudence
Originak article

PROBLEMS OF FORMATION OF THE CONCEPT OF «DEVELOPED SOCIALIST SOCIETY» AND THE LEGISLATIVE BASE OF THE SOVIET STATE

Murat Vladimirovich Dyshekov[1], Safarbi Akoevich Dinaev[2]
[1,2] Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik, Russia
[1]dugur1@mail.ru
[2]safadina03@mail.ru

Annotation. This article analyzes the theoretical, political, and legal aspects of the formation of the concept of "developed socialism" in the USSR in the 1960s and 1970s. It examines the preconditions for the doctrine's emergence, its ideological content, the stages of its development, and its normative codification in the 1977 USSR Constitution. It identifies the concept's internal contradictions, stemming from the discrepancy between its declared provisions and the actual practice of public administration. Particular attention is paid to analyzing the systemic inconsistencies of the 1977 Basic Law, expressed in the fictitious nature of popular sovereignty, formal federalism, and legal dualism. It concludes that the doctrine of «developed socialism», being an ideological compromise, did not eliminate the deep-seated contradictions of the Soviet system but merely perpetuated them, which ultimately became one of the preconditions for the systemic crisis of the 1980s.

Keywords: Constitution of the USSR of 1977, developed socialism, mature socialism, Soviet ideology, legal dualism, Brezhnev era, Soviet state, legal positivism

For citation: Dyshekov M.V., Dinaev S.A. Problems of formation of the concept of «developed socialist society» and the legis-lative base of the Soviet state. *Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics*. 2026;2(38):151–156.

Введение. Изучение проблем разработки и принятия концепции «развитого социализма», а также законодательных актов, связанных с данной концепцией, позволяет глубже понять структуру Конституции СССР 1977 года и логику её принятия. В историко-правовой литературе данная проблематика традиционно рассматривалась либо в рамках идеологической апологетики, либо в контексте критики советского политического режима. Однако комплексный анализ доктрины «развитого социализма» как целостного феномена, включающего теоретические, политические и правовые аспекты, остаётся недостаточно разработанным, что обусловливает актуальность настоящего исследования.

Цель исследования – выявить основные теоретические и нормативно-правовые проблемы формирования концепции «развитого социализма» в СССР, определить её внутренние противоречия и оценить влияние доктрины на становление законодательной базы советского государства в период 1960–1980-х годов.

Объект исследования – процесс формирования и институционализации концепции «развитого социализма» в СССР в 1960–1980-е годы.

Предмет исследования – теоретические основания и правовое оформление концепции «развитого социализма», а также её влияние на структуру и содержание Конституции СССР 1977 года и сопутствующего законодательства.

Материалы и методы исследования. Теоретическую основу исследования составили труды отечественных и зарубежных учёных, посвящённые истории советской идеологии, теории государства и права, конституционному праву СССР. Особое значение для анализа имели работы советских обществоведов – А.П. Бутенко, Г.Е. Глезермана, Р.И. Косолапова,

П.Н. Федосеева, Г.Х. Шахназарова, а также исследования современных историков и правоведов – А.В. Шубина, Е.Ю. Зубковой, С.С. Алексеева, в которых переосмысливается роль идеологического фактора в развитии советской государственности.

Эмпирическую базу исследования составили: Конституция СССР 1977 года; нормативные акты и партийно-правительственные документы советского периода; стенограммы съездов КПСС; архивные материалы Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ).

Методологическую основу работы составил комплекс общенаучных и специальных методов познания, а именно: диалектический метод, позволивший рассмотреть концепцию «развитого социализма» в её развитии и внутренней противоречивости; историко-ретроспективный метод применён для анализа эволюции доктрины в контексте общественно-политических процессов 1960–1980-х годов; формально-юридический метод использован при анализе текста Конституции СССР 1977 года и выявлении расхождений между нормативными предписаниями и фактической практикой; сравнительно-правовой метод, позволивший сопоставить конституционные положения с реальным состоянием правовой системы СССР; системный подход, обеспечивший рассмотрение концепции как целостного явления, объединяющего идеологические, политические и правовые аспекты.

Результаты и дискуссия

Предпосылки возникновения и теоретические основания концепции «развитого социализма»

К началу 1960-х годов общественно-политический и хозяйственный уклад СССР достиг этапа институциональной завершённости. Завершилась форсированная индустриализация, увеличился валовой национальный продукт, повысилось благосостояние граждан. Однако программные установки XXII съезда КПСС (1961 г.), провозглашавшие построение коммунизма к 1980 году, к середине десятилетия обнаружили свою утопичность. Возникла объективная потребность в новой идеологической формуле, способной легитимировать сложившийся статус-кво без радикальных реформ.

Внешним контекстом формирования доктрины стала идеологическая конкуренция внутри социалистического лагеря. Китай обвинял СССР в «ревизионизме» и «социал-империализме», пытаясь оспорить советское лидерство в коммунистическом движении [1, с. 225–226]. Компартии западных стран предлагали альтернативные модели социализма, включая многопартийность [2, с. 29]. ГДР, выступив пионером в разработке концепции «развитого социализма», рекомендовала СССР пересмотреть характеристику этапа социалистического строительства [3, Ф. 606. Оп. 1. Д. 522. Л. 21, 24]. Как отмечает историк А.В. Шубин, «развитой социализм» стал ответом СССР на попытки реформирования модели в Чехословакии («социализм с человеческим лицом») и на критику со стороны Китая [4, с. 46]. Таким образом, концепция выполняла функцию идеологической стабилизации, отказываясь от радикальных преобразований.

Разработка доктрины велась авторитетными советскими обществоведами – А.П. Бутенко, Г.Е. Глезерманом, Р.И. Косолаповым, П.Н. Федосеевым, Г.Х. Шахназаровым – при координирующей роли центрального партийного идеолога М.А. Суслова [3, с. 4–8]. В ходе дискуссий с «ортодоксальными» марксистами был достигнут консенсус о том, что «развитой социализм» – это «постоянно меняющееся и прогрессирующее общество» [5, с. 4–8]. Окончательное название новой концепции прозвучало в статье Ф.М. Бурлацкого в 1966 году [6, с. 156–178].

Основные этапы формирования концепции

Формирование концепции «развитого социализма» и соответствующей ей законодательной базы в СССР в 1960-1980-е годы было сложным и противоречивым процессом. Это демонстрировало системный кризис поздне-советской модели.

Анализ научной литературы по исследуемой проблематике позволил представить периодизацию формирования концепции «развитого социализма» на основе внутри- и внешнеполитического контекста, борьбы идейных течений и анализа правовых коллизий (*таблица 1*).

Таблица 1 – Периодизация формирования концепции «развитого социализма»

Период	Характеристика этапа	Ключевые события / документы
1961–1966 гг. (предпосылки и зарождение)	Отказ от утопических сроков построения коммунизма и поиск новой идеологической формулы для легитимации сложившегося статус-кво	XXII съезд КПСС (1961) и «коммунистическая» программа; поиск терминов («зрелый», «полный» социализм); влияние моделей ГДР и ЧССР
1967–1977 гг. (оформление и догматизация)	Официальное принятие концепции как государственной идеологии, её теоретическая «шлифовка» и конституционное закрепление	Речь Л.И. Брежнева о «развитом социализме» (1967); статья Ф.М. Бурлацкого; дискуссии в журнале «Коммунист»; принятие Конституции СССР (1977)
1978–1985 гг. (стагнация и критика)	Превращение концепции в застывшую догму, не соответствующую растущим социально-экономическим проблемам; начало скрытой критики «сверху»	Нарастание экономической стагнации; «кадровая стабильность» и геронтократия; речь Ю.В. Андропова (1982) о «незрелости» развитого социализма

Источник: составлено авторами по материалам исследования.

Внутренние противоречия концепции

Разработка концепции «зрелого социализма» сопровождалась рядом теоретических сложностей. Во-первых, сохранялась нечёткость базовых положений: доктрина исходила из того, что социалистический уклад в СССР уже создан, однако его сущность оставалась малопрозрачной для широких масс [7, с. 29–30]. Во-вторых, был отложен на неопределённый срок завершающий этап построения коммунизма, что подрывало уверенность в коммунистических идеалах. В-третьих, в рамках концепции акцент был сделан на материальном прогрессе и научно-технической революции в ущерб духовному развитию. В-четвёртых, догматичная позиция партийных теоретиков, отождествлявших государственный механизм СССР с общественной формацией, заблокировала возможность проведения значительных преобразований в политической сфере.

Как подчёркивает историк Е.Ю. Зубкова, концепция была не теоретическим прорывом, а «идеологическим компромиссом» между ортодоксами (М.А. Суслов) и технократами (А.Н. Косыгин) [8, с. 164]. Это предопределило её внутреннюю противоречивость. Положение об «отсутствии антагонистических противоречий» игнорировало реальные конфликты интересов между бюрократией и народом, центром и республиками.

Утверждение о становлении «бесклассового общества» и новой общности «советский народ» (термин, введенный еще в 1961 г.) маскировало процесс «неостратификации», то есть формирования замкнутой партийно-государственной номенклатуры, которую социолог М.Н. Руткевич называл «квазиклассом» [9, с. 12].

Акцент на научно-технической революции, по мнению одного из разработчиков концепции Г.Х. Шахназарова, вёл к «деидеологизации через модернизацию», подрывая веру в марксистско-ленинскую парадигму [10, с. 187].

Законодательное закрепление концепции: Конституция СССР 1977 года

Юридическим воплощением концепции «развитого социализма» стала Конституция СССР 1977 года. Однако анализ Основного закона через призму соотношения нормативных предписаний и фактической практики позволил выявить системные несоответствия (*таблица 2*).

Таблица 2 – Внутренние несоответствия Конституции СССР 1977 года

Закреплённое положение (статья)	Фактическое состояние дел	Характер расхождения
СССР провозглашается государством, выражающим волю всего народа (ст. 1)	Реальное управление осуществлял ограниченный круг партийной элиты	«Народовластие» трансформировалось в формальное участие в безальтернативных процедурах
Верховному Совету отводится роль высшего властного института (ст. 108)	Созывался на кратковременные заседания, лишь утверждая подготовленные законопроекты	Имитационный характер представительных структур
Гражданам предоставляется возможность высказывать критические замечания (ст. 49)	Выступления против основ режима квалифицировались как противоправные	Отсутствие реальных гарантий свободы критики
Гарантируется свобода вероисповедания (ст. 52)	Атеистическое мировоззрение возводилось в ранг государственной политики	Идеологическое принуждение
Закрепляется федеративная форма устройства (ст. 70)	Доминировала жёсткая централизация, автономия республик носила номинальный характер	Фиктивный федерализм, скрывавший унитарную природу государства

Источник: составлено авторами по материалам исследования

Как отмечал правовед С.С. Алексеев, Конституция 1977 года закрепила «юридический дуализм»: формально высшей правовой силой обладал закон, а фактически – закрытые партийные постановления («телефонное право») [11, с. 519]. Это создавало правовой нигилизм на всех уровнях управления.

Итоги и значение концепции для советской правовой системы

Современная историография рассматривает «развитой социализм» не как теоретическое достижение, а как комплексный идеологический и политический миф, выполнявший три функции: легитимизационную (оправдание существующего порядка без реформ), стабилизационную (снятие напряжения после оттепели и подавления Пражской весны) и мобилизационную (попытка связать модернизационные цели с социалистической риторикой).

В реальности доктрина «зрелого социализма» не сумела доказать свою действенность в перспективе. Ю.В. Андропов, сменивший Л.И. Брежнева на посту главы партии, в 1982 году озвучил планы по «улучшению» развитого социализма, указав на протяжённость этого пути, однако реализовано это не было. К 1985 году концепция полностью исчерпала свой мобилизационный потенциал.

Таким образом, доктрина «развитого социализма» и её юридическое оформление в Основном законе 1977 года не устранили глубинных противоречий советской системы, а лишь зафиксировали их в застывшем состоянии. Расхождение между декларируемыми нормами и реальной практикой породило правовой нигилизм, разрушение мировоззренческих устоев и распространение общественного скептицизма. В конечном итоге данные факторы послужили одной из ключевых причин системного кризиса 1980-х годов.

Заключение. Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы. Концепция «развитого социализма» формировалась в условиях идеологической конкуренции внутри социалистического лагеря и внутренних противоречий советской системы. Будучи идеологическим компромиссом, она не стала теоретическим прорывом, а выполнила функцию временной стабилизации. Её закрепление в Конституции СССР 1977 года привело к юридическому закреплению расхождения между нормой и реальностью, что проявилось в фиктивном народовластии, номинальном федерализме и правовом дуализме. Концепция не

смогла адаптироваться к изменяющимся социально-экономическим условиям и уже к началу 1980-х годов обнаружила свою несостоятельность, став одной из предпосылок системного кризиса, завершившегося распадом СССР.

Список источников

1. Meiklejohn Terry S. Theories of Social Development in Soviet – East European Relations. New Haven; London: Yale University Press, 1984.

2. Косолапов Р.И. «Идеи Мао Цзэ-дуна» – отречение от марксизма-ленинизма // Философские науки. 1968. № 4. С. 29.

3. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 606. Оп. 1. Д. 522.

4. Шубин А.В. От «застоя» к реформам. СССР в 1977–1985 гг. М.: РОССПЭН, 2001. 766 с.

5. Дмитренко В.П. Становление концепции развитого социализма в СССР // Вопросы истории. 1984. № 8. С. 3–22.

6. Бурлацкий Ф.М. Вожди и советники: О Хрущёве, Андропове и не только о них… М.: Политиздат, 1990. 383 с.

7. Синицын Ф.Л. Концепция «развитого социализма» как ответ СССР на идеологические и социально-экономические вызовы времени (1964–1982) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 29–39.

8. Зубкова Е.Ю. Общество и реформы. 1945–1964. М.: Россия молодая, 1993. 202 с.

9. Руткевич М.Н. Социальная структура советского общества в условиях развитого социализма // Социологические исследования. 1983. № 3. С. 3–15.

10. Шахназаров Г.Х. С вождями и без них. М.: Вагриус, 2001. 590 с.

11. Алексеев С.С. Право. Азбука. Теория. Философия: Опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. 709 с.

List of sources

1. Meiklejohn Terry S. Theories of Social Development in Soviet – East Europe-an Relations. New Haven; London: Yale University Press, 1984.

2. Kosolapov, R.I. "The Ideas of Mao Zedong" – a Renunciation of Marxism-Leninism // Philosophical Sciences. 1968. N 4. P. 29.

3. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). F. 606. Op. 1. D. 522.

4. Shubin, A.V. From «Stagnation» to Reforms. USSR in 1977–1985. M.: ROS-SPEN, 2001. 766 p.

5. Dmitrenko V.P. Formation of the Concept of Developed Socialism in the USSR // Questions of History. 1984. N 8. pp. 3–22.

6. Burlatsky F.M. Leaders and Advisers: About Khrushchev, Andropov, and More About Them… Moscow: Politizdat, 1990. 383 p.

7. Sinitsyn, F.L. The Concept of "Developed Socialism" as the USSR's Response to the Ideological and Socioeconomic Challenges of the Time (1964–1982) // Bulletin of the Saratov University. New Series. Series: History. International Relations. 2022. Vol. 22, issue 1. Pp. 29–39.

8. Zubkova E.Yu. Society and Reforms. 1945–1964. M.: Molodaya Rossiya, 1993. 202 p.

9. Rutkevich, M.N. The Social Structure of Soviet Society under Developed Socialism // Sociological Studies. 1983. N 3. pp. 3–15.

10. Shakhnazarov, G.Kh. With and Without Leaders. M.: Vagrius, 2001. 590 p.

11. Alekseev S.S. Law. ABC. Theory. Philosophy: An Essay on a Comprehensive Study. Moscow: Statut, 1999. 709 p.

© Дышеков М.В., Динаев С.А., 2026

Вестник СКФО: Право и экономика. – 2026. – № 2 (38). – С. 157–164.
Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics. 2026;2 (38):157–164.

Юриспруденция
Научная статья
УДК 343

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ФИНАНСИРОВАНИЯ ТЕРРОРИЗМА ПО ПРИЗНАКУ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ (СТ. 205.1 УК РФ)

Лейла Ибрагимовна Залиханова[1], Азамат Заурович Сибеков[2]
[1,2] Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия
[1]Zalihanowa@yandex.ru
[2]center56346@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена проблемам квалификации финансирования терроризма по признаку субъективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 205.1 УК РФ. Актуальность темы обусловлена широким распространением бесконтактных способов передачи средств (криптовалюты, электронные кошельки, благотворительные платформы), что существенно затрудняет доказывание умысла и специальной цели. В работе выявлены типичные правоприменительные ошибки, связанные с установлением вины и намерений лица, и предложены рекомендации по их устранению. Обосновано, что основными проблемами являются: доказывание осознания лицом террористического характера деятельности получателя; разграничение прямого и косвенного умысла; установление специальной цели при множественности возможных назначений переданных средств; квалификация при совершении ошибки в личности получателя. Предложены пути совершенствования правоприменения: дополнение постановления Пленума Верховного Суда РФ № 1 разъяснениями о критериях осведомлённости; законодательное закрепление презумпции добросовестности при неустранимых сомнениях в умысле; внедрение методических рекоме ндаций для следователей. Сделан вывод о необходимости комплексного подхода, сочетающего уточнение правовых норм и повышение профессиональной квалификации правоприменителей.

Ключевые слова: финансирование терроризма, ст. 205.1 УК РФ, субъективная сторона, прямой умысел, специальная цель, квалификация преступлений, судебная практика, противодействие финансированию терроризма

Для цитирования: **Залиханова Л.И., Сибеков А.З.** Проблемы квалификации финансирования терроризма по признаку субъективной стороны (ст. 205.1 УК РФ) // Вестник СКФО: Право и экономика. 2026. № 2 (38). С. 157–164.

Jurisprudence
Originak article

PROBLEMS OF QUALIFYING TERRORIST FINANCING BY THE SUBJECTIVE ASPECT (ARTICLE 205.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Leila Ibragimovna Zalikhanova[1], Azamat Zaurovich Sibekov[2]
[1,2] Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik, Russia
[1]Zalihanowa@yandex.ru
[2]center56346@gmail.com

Annotation. The article examines the problems of qualification of financing of terrorism based on the subjective side of the crime under Article 205.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. The relevance of the topic is due to the widespread use of contactless methods of transferring funds (cryptocurrencies, electronic wallets, charitable platforms), which complicates the proof of intent and special purpose. Typical law enforcement errors related to establishing the guilt and intentions of a person are identified, and recommendations for their elimination are proposed. It is substantiated that the main problems are: proving a person's awareness of the terrorist nature of the recipient's activity; distinguishing between

direct and indirect intent; establishing a special purpose when there are multiple possible uses of the transferred funds; qualification in case of mistake as to the identity of the recipient. Ways of improvement are proposed: supplementing the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation N 1 with clarifications on the criteria of awareness; legislative consolidation of the presumption of good faith in case of irremovable doubts about intent; introduction of methodological recommendations for investigators. The conclusion is made about the need for an integrated approach combining clarification of legal norms and improving the professional qualifications of law enforcement officers.

Keywords: financing of terrorism, Article 205.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, subjective side, direct intent, special purpose, qualification of crimes, judicial practice, countering the financing of terrorism

For citation: **Zalikhanova L.I., Sibekov A.Z.** Problems of Qualifying Terrorist Financing by the Subjective Aspect (Article 205.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics*. 2026. 2 (38): 157–164.

Введение. В условиях цифровой трансформации общественных отношений и активного использования информационно-телекоммуникационных технологий наблюдается устойчивый рост бесконтактных способов финансирования террористической деятельности. Криптовалюты, анонимные электронные кошельки, системы мгновенных переводов, краудфандинговые и благотворительные платформы всё чаще используются для аккумуляции и передачи денежных средств в адрес лиц, причастных к террористическим актам [1, с. 45–47]. Такие способы существенно затрудняют выявление и пресечение преступлений, предусмотренных ст. 205.1 УК РФ [2], позволяя злоумышленникам маскировать истинную цель платежей, дробить суммы и дистанцироваться от конечного получателя [3, с. 112].

Ключевая проблема лежит не только в технической стороне обнаружения транзакций, но и в правовой – доказывании субъективной стороны состава преступления. В отличие от объективных действий (перевод, передача, сбор средств), вина и цель лица являются идеальными категориями, не подлежащими прямому наблюдению. Именно сложность установления прямого умысла и специальной цели выступает основной причиной следственных и судебных ошибок [4, с. 187; 5, с. 35]. Анализ судебных актов последних лет показывает, что значительная часть оправдательных приговоров либо прекращения уголовных дел связана с недоказанностью осознания лицом террористического характера деятельности получателя [6]. С другой стороны, известны случаи необоснованного осуждения лиц, действовавших под влиянием обмана или в условиях добросовестного заблуждения [7, с. 26].

Цель исследования – выявление типичных проблем квалификации финансирования терроризма по признаку субъективной стороны и разработка научно обоснованных путей их решения для совершенствования уголовно-правовой политики, и практики правоприменения.

Объект исследования – общественные отношения, возникающие в сфере уголовно-правовой квалификации финансирования терроризма.

Предмет исследования – нормы российского уголовного законодательства, регулирующие ответственность за финансирование терроризма (ст. 205.1 УК РФ), материалы судебной практики, а также доктринальные подходы к установлению субъективной стороны данного преступления.

Материалы и методы исследования. Материалами исследования послужили: Уголовный кодекс РФ, Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ от 10.06.2026 № 172-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма» [8], международные правовые акты, постановления Пленума Верховного Суда РФ, обзоры судебной практики, приговоры военных судов 2025 года, а также научные публикации по проблематике противодействия финансированию терроризма.

Методологическую основу составили: формально-юридический метод (толкование норм ст. 205.1 УК РФ и выявления их содержательных признаков); сравнительно-правовой метод (сопоставление российского подхода с международными стандартами); метод анализа судебной практики (выявление типичных ошибок правоприменения и обобщения судебных позиций); системно-структурный метод (комплексное рассмотрение субъективной стороны во взаимосвязи с иными элементами состава преступления).

Результаты и дискуссия

Форма вины и специальная цель как ключевые элементы субъективной стороны

Анализ субъективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 205.1 УК РФ, традиционно начинается с установления формы вины. Законодатель сконструировал данный состав как формальный, требующий исключительно прямого умысла. Согласно ст. 25 УК РФ, прямой умысел предполагает, что виновный осознавал общественную опасность своих действий, предвидел возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желал их наступления. Применительно к финансированию терроризма это означает, что лицо должно сознавать предоставление либо сбор средств именно для целей терроризма и желать совершить указанные действия [9].

Поскольку состав формальный, момент окончания преступления не привязан к фактическому использованию средств по назначению, следовательно, желание лица направлено прежде всего на сами действия по финансированию. Косвенный умысел (лицо лишь допускало возможность использования его средств для терроризма, но не желало этого) не образует состава по ст. 205.1 УК РФ [4, с. 312], что неоднократно подчёркивалось в разъяснениях Верховного Суда РФ [9] и отличает российский подход от рекомендаций некоторых международных актов [10], допускающих криминализацию также при косвенном умысле [11, с. 55] (*таблица 1*).

Таблица 1 – Сравнительный анализ подходов к субъективной стороне

Критерий	Российский подход (ст. 205.1 УК РФ)	Международный подход (Конвенция ООН 1999 г.)
Форма вины	Только прямой умысел	Допускается как прямой, так и косвенный умысел
Специальная цель	Обязательный элемент состава (конститутивный)	Является ключевым элементом, но может толковаться шире
Момент окончания	Формальный состав – окончен с момента предоставления/ сбора средств	Не привязан к фактическому использованию, но допускаются вариации в национальных законодательствах
Добросовестное неведение	Исключает ответственность при отсутствии доказательств осознания	Предусматривает возможность освобождения от ответственности при добросовестном неведении

Специальная цель является конститутивным элементом состава. Согласно примечанию 1 к ст. 205.1 УК РФ, под финансированием терроризма понимается предоставление или сбор денежных средств и иных финансовых ресурсов при осознании лицом того факта, что эти средства предназначены для финансирования организации, подготовки или совершения хотя бы одного из преступлений террористической направленности, а также материальное обеспечение лица либо организованной группы для совершения таких преступлений. Без установления направленности умысла на использование средств в террористической деятельности состав отсутствует [12, с. 46]. Преступление окончено с момента предоставления или сбора, независимо от фактического использования средств [5, с. 36].

Цель не утрачивается даже в случае, если переданные средства террористическая организация тратит на бытовые нужды (оплату связи, жилья, питания), поскольку такая трата опосредованно обеспечивает возможность совершения террористических преступлений [9].

Отграничение от иных целей и мотивов

Правильная квалификация требует отграничения цели финансирования терроризма от иных целей, сопровождающих передачу средств:

– *Корыстная цель*. При финансировании терроризма виновный не ставит целью собственное незаконное обогащение; его умысел направлен на обеспечение чужой преступной деятельности [1, с. 92]. Даже при возмездном характере финансирования требуется доказывание доминирования цели поддержки терроризма над извлечением коммерческой выгоды [11, с. 26].

– *Политические цели*. Могут выступать в качестве мотива, но не являются обязательным элементом субъективной стороны. Решающее значение имеет направленность на материальное обеспечение возможности совершения конкретных преступлений террористического характера [11, с. 33].

– *Разграничение с финансированием незаконного вооружённого формирования (ч. 1 ст. 208 УК РФ).* Цели могут формально совпадать, что порождает вопросы о конкуренции норм и необходимости дополнительной квалификации [7, с. 27].

Чёткое установление и отграничение цели финансирования терроризма от корыстных, политических и иных мотивов выступает необходимым условием законной и обоснованной квалификации по ст. 205.1 УК РФ.

Основные правоприменительные проблемы

Наиболее острой проблемой является доказывание осознания лицом террористического характера деятельности получателя средств. В условиях, когда перевод денег осуществляется через анонимные платежные системы, а получатель может выступать под видом благотворительного фонда или волонтерской организации, далеко не всегда удается установить, что лицо действительно знало о связи адресата с террористической деятельностью [3, с. 134]. В судебной практике есть примеры, когда обвиняемые искренне полагали, что перечисляют средства на лечение детей, восстановление мечетей или гуманитарную помощь в зоны конфликтов. Такое добросовестное неведение или влияние обмана исключают прямой умысел [9], однако следователи нередко вменяют ст. 205.1 УК РФ исходя из одного лишь факта перевода на счета организаций, впоследствии признанных террористическими [6]. Одна лишь принадлежность получателя к списку запрещённых структур без доказательств осведомлённости отправителя не может служить основанием для обвинения.

Вторая проблема – разграничение прямого и косвенного умысла. Судебная практика знает случаи, когда суды признавали прямой умысел при отсутствии прямых доказательств, основываясь на предположении, что лицо «должно было и могло знать» о связи получателя с боевиками [7, с. 27]. Такой подход не соответствует принципу субъективного вменения и критикуется в литературе [4, с. 210].

Третья проблема – установление специальной цели при множественности возможных назначений переданных средств. Если средства могут быть использованы как в террористических, так и в законных целях, требуется доказать, что доминирующей была именно цель поддержки терроризма.

Четвёртая проблема – квалификация при совершении ошибки в определении личности получателя. Если лицо переводило средства, ошибочно полагая, что получатель не связан с терроризмом, умысел отсутствует.

Вопросы соучастия и стадий совершения преступления

В соответствии с ч. 5 ст. 205.1 УК РФ, лицо, добровольно отказавшееся от финансирования терроризма, освобождается от ответственности при отсутствии иного состава. Однако на практике сложно отличить добровольный отказ от мнимого [5, с. 38]. После перевода средств добровольный отказ невозможен, поскольку состав формальный и окончен с момента перевода [12, с. 47]. Некоторые авторы предлагают допускать деятельное раскаяние как обстоятельство, смягчающее наказание [1, с. 204].

Приготовление к финансированию теоретически наказуемо (приискание реквизитов, создание кошельков), но на практике редко выделяется в самостоятельный состав, поглощаясь покушением или оконченным преступлением [5, с. 36].

Анализ судебной практики

При изучении приговоров по ст. 205.1 УК РФ установлено, что примерно в каждом пятом деле, дошедшем до апелляции, обвинение изменяется в сторону смягчения или приговор отменяется именно из-за недоказанности субъективной стороны [6]. Типичные ошибки следствия: формальное описание умысла без указания на конкретные обстоятельства; игнорирование показаний обвиняемого о незнании; непринятие во внимание отсутствия маркеров террористической деятельности на счетах получателя.

Разъяснения Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 [9] подчёркивают необходимость прямого умысла и специальной цели, но носят общий характер и не дают ответов на конкретные вопросы доказывания [1, с. 186].

Показательное дело № 1-123/2020: суд оправдал гражданина, переводившего деньги на счёт, указанный в телеграм-канале как сбор для пострадавших. Экспертиза установила, что канал маскировался под благотворительный, и средний пользователь не мог знать о связи с террористами. Обвинение не доказало осознание предназначенности средств [6].

Противоположный пример (Республика Дагестан): суд признал прямой умысел, сославшись на то, что подсудимый «должен был и мог знать» о связи получателя с боевиками в силу проживания в зоне КТО [7, с. 27].

Особого внимания заслуживают приговоры военных судов 2025 года. Приговором Центрального окружного военного суда от 28.02.2025 лицо осуждено по ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ (крупный размер) к 12 годам лишения свободы. Верховный Суд РФ оставил приговор без изменения, подчеркнув, что умысел подтверждался не только фактом перевода, но и перепиской об обходе банковского мониторинга [14]. Приговором 2-го Восточного окружного военного суда от 09.04.2025 суд принял во внимание систематический характер переводов и использование зашифрованных мессенджеров [15].

Обобщая выявленные правоприменительные трудности и требования уголовного закона, представляется целесообразным визуализировать логику доказывания субъективной стороны по ст. 205.1 УК РФ. На *рисунке 1* представлен алгоритм, отражающий последовательность проверки ключевых элементов – осознания лицом террористического характера деятельности получателя, наличия специальной цели и отсутствия обстоятельств, исключающих умысел (добросовестное заблуждение, принуждение). Предложенная схема позволяет системно подойти к квалификации, минимизировать следственные и судебные ошибки и служит наглядным ориентиром для правоприменителя.

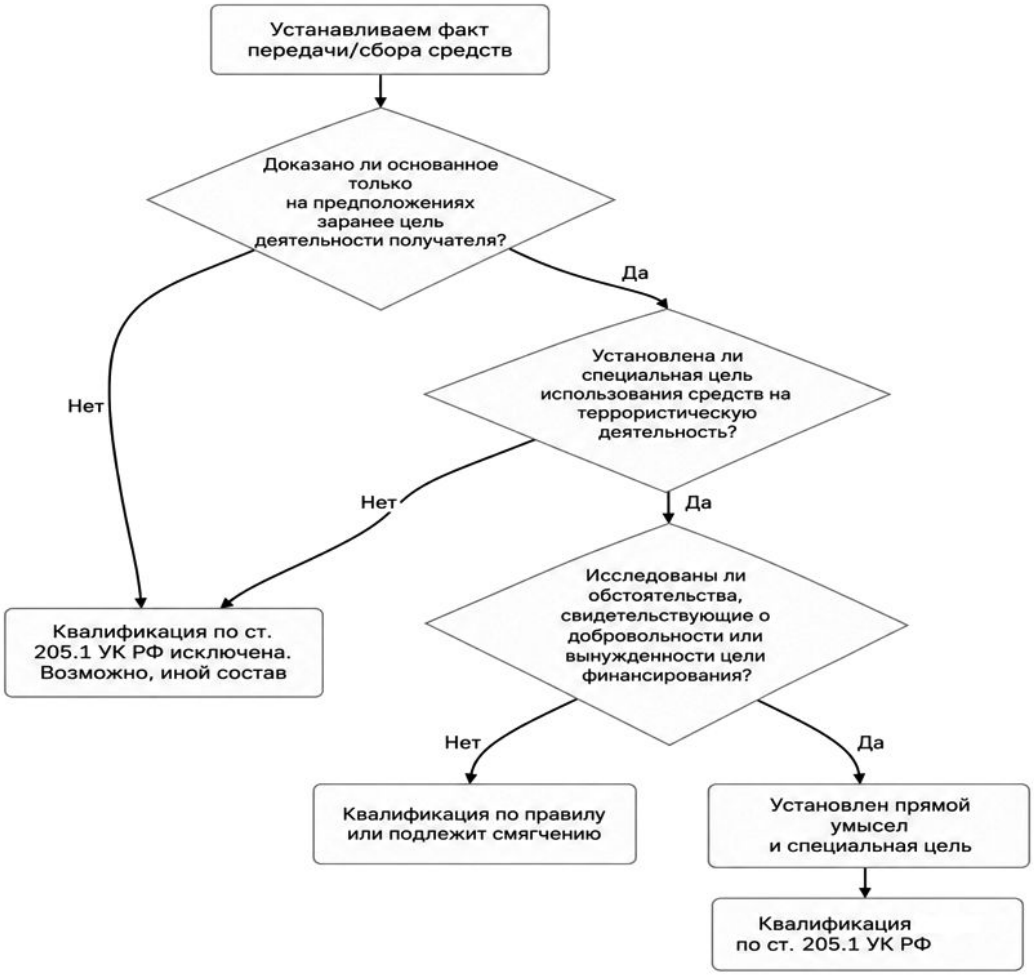

Рисунок 1 – Алгоритм доказывания субъективной стороны по ст. 205.1 УК РФ

Предложения по совершенствованию правоприменения

Исходя из проведённого анализа, представляется возможным предложить ряд мер, направленных на устранение выявленных проблем

1. Дополнить постановление Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 09.02.2012 отдельным разделом о доказывании субъективной стороны, разъяснив:

– обстоятельства, свидетельствующие об осознании (например, наличие получателя в официальном перечне террористических организаций при условии, что подсудимый имел доступ к этому перечню; характер переписки; предшествующие высказывания подсудимого; способ перевода, указывающий на стремление к анонимности);

– обстоятельства, опровергающие осознание (добросовестное заблуждение, перевод через разрекламированную благотворительную акцию, отсутствие специальных знаний) [1, с. 198].

2. Законодательно закрепить презумпцию добросовестности при неустранимых сомнениях в наличии прямого умысла, что соответствует принципу презумпции невиновности [5, с. 38]. Ввести примечание к ст. 205.1 УК РФ об исключении ответственности, если лицо не знало и не могло знать об использовании средств для терроризма в силу объективных обстоятельств [11, с. 67].

3. Ввести норму о деятельном раскаянии для лиц, принявших меры к возврату или блокировке средств после перевода, как обстоятельство, смягчающее наказание [4, с. 229].

4. Внедрить методические рекомендации для следователей по сбору и оценке доказательств субъективной стороны, включая психологические и лингвистические экспертизы переписки.

Заключение. Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. Субъективная сторона финансирования терроризма, предусмотренного ст. 205.1 УК РФ, характеризуется прямым умыслом и специальной целью – направлением средств на обеспечение террористической деятельности [9; 12, с. 45]. Косвенный умысел и отсутствие специальной цели исключают квалификацию по данной статье.

2. В правоприменении возникают серьёзные проблемы: доказывание осознания лицом террористического характера деятельности получателя; установление конкретной цели использования средств; разграничение прямого и косвенного умысла; квалификация при ошибке в личности получателя и добросовестном неведении [1, с. 178; 7, с. 25].

3. Анализ судебной практики [6; 14; 15] показывает, что значительная часть судебных ошибок обусловлена недоказанностью субъективной стороны, что приводит либо к необоснованному осуждению, либо к оправданию виновных.

4. Для преодоления проблем необходимо уточнение разъяснений Пленума Верховного Суда РФ [9], внесение изменений в методики расследования, а также корректировка уголовного закона в части введения норм о деятельном раскаянии и презумпции добросовестности при определённых условиях [4, с. 231].

Перспективы дальнейших исследований видятся в сравнительно-правовом анализе зарубежного законодательства о финансировании терроризма (особенно стран ЕС и США) [10], а также в разработке психологических методик для судебных экспертиз, направленных на установление умысла [3, с. 92]. Только комплексный подход, сочетающий совершенствование правовых норм, следственной и судебной практики, позволит повысить эффективность противодействия финансированию терроризма при неуклонном соблюдении прав и законных интересов граждан.

Список источников

1. Петрянин А.В., Богомолов С.Ю. Ответственность за финансирование терроризма: уголовно-правовое и криминологическое исследование. М.: Проспект, 2023. 256 с.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 28.04.2023) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

3. Абрамова А.А., Кучин О.С. Расследование финансирования терроризма: монография. М.: Юрлитинформ, 2023. 200 с.

4. Рарог А.И. Вина и квалификация преступлений: избранные труды. М.: Проспект, 2020. 312 с.

5. Дикаев С.У. Проблемы квалификации финансирования терроризма // Законность. 2020. № 11. С. 34–38.

6. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2021) по уголовным делам (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 08.12.2021) // СПС «КонсультантПлюс». 2021.

7. Макаров А.Н. Финансирование терроризма: спорные вопросы квалификации // Российский следователь. 2024. № 12. С. 25–28. DOI: 10.18572/1812-3783-2024-12-25-28.

8. Федеральный закон от 07.08.2001 N 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 33. Ст. 3418.

9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» (ред. от 28.06.2022) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 4.

10. Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма (принята резолюцией 54/109 Генеральной Ассамблеи ООН от 09.12.1999) // Собрание законодательства РФ. 2003. № 12. Ст. 1059.

11. Сидорова Е.З. Уголовно-правовое противодействие финансированию экстремистской деятельности и терроризма: монография. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2023. 96 с. ISBN 978-5-9538-0096-9.

12. Кибальник А.Г. Субъективная сторона преступлений террористической направленности // Уголовное право. 2018. № 2. С. 45–51.

13. Бриллиантов А.В. Уголовно-правовая характеристика финансирования терроризма // Российский следователь. 2019. № 7. С. 23–27.

14. Приговор Центрального окружного военного суда от 28.02.2025 по ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ // Архив Центрального окружного военного суда. 2025. URL: https://covs--svd.sudrf.ru (дата обращения: 05.06.2026).

15. Приговор 2-го Восточного окружного военного суда от 09.04.2025 по ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ // Коммерсантъ. 2025. 9 апреля. – URL: https://www.kommersant.ru (дата обращения: 05.06.2026).

List of sources

1. Petryanin A.V., Bogomolov S.Yu. Responsibility for Financing Terrorism: A Criminal Law and Criminological Study. Moscow: Prospekt, 2023. 256 p.

2. The Criminal Code of the Russian Federation dated 13.06.1996 N 63-FZ (as amended on 28.04.2023) // Collection of Laws of the Russian Federation. 1996. N 25. Art. 2954.

3. Abramova A.A., Kuchin O.S. Investigation of Terrorist Financing: A Monograph. Moscow: Yurlitinform, 2023. 200 p.

4. Rarog A.I. Guilt and Qualification of Crimes: Selected Works. M.: Prospekt, 2020. 312 p.

5. Dikaev S.U. Problems of Qualification of Terrorist Financing // Legality. – 2020. N 11. Pp. 34–38.

6. Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation N 3 (2021) on Criminal Cases (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on December 8, 2021) // SPS ConsultantPlus. 2021.

7. Makarov A.N. Financing of Terrorism: Controversial Issues of Qualification // Russian Investigator. 2024. N 12. Pp. 25–28. DOI: 10.18572/1812-3783-2024-12-25-28.

8. Federal Law N 115-FZ dated August 7, 2001, «On Countering the Legalization (Laundering) of Proceeds from Crime and the Financing of Terrorism» // Collection of Laws of the Russian Federation. 2001. N 33. Art. 3418.

9. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation N 1 dated 09.02.2012 «On Certain Issues of Judicial Practice in Criminal Cases on Terrorist Crimes» (as amended on 28.06.2022) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2012. N 4.

10. International Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism (adopted by UN General Assembly Resolution 54/109 of 09.12.1999) // Collection of Laws of the Russian Federation. 2003. N 12. Art. 1059.

11. Sidorova E.Z. Criminal Law Counteraction to the Financing of Extremist Activities and Terrorism: A Monograph. – Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2023. 96 p. ISBN 978-5-9538-0096-9.

12. Kibalnik A.G. The Subjective Aspect of Terrorist Crimes // Criminal Law. 2018. N 2. Pp. 45–51.

13. Brilliantov A.V. Criminal Law Characteristics of Terrorist Financing // Russian Investigator. 2019. N 7. Pp. 23–27.

14. Sentence of the 2nd Eastern District Military Court dated 09.04.2025 under Part 1.1 of Article 205.1 of the Criminal Code of the Russian Federation // Kommersant. 2025. April 9. URL: https://www.kommersant.ru (accessed on 05.06.2026).

15. Sentence of the Central District Military Court dated 28.02.2025, under Part 1.1 of Article 205.1 of the Criminal Code of the Russian Federation // Archive of the Central District Military Court. 2025. URL: https://covs--svd.sudrf.ru (accessed on 05.06.2026).

© Залиханова Л.И., Сибеков А.З., 2026

Вестник СКФО: Право и экономика. – 2026. – № 2 (38). – С. 164–171.
Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics. *2026;2 (38):164–171.*

Юриспруденция
Научная статья
УДК 343

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ФИНАНСИРОВАНИЮ ТЕРРОРИЗМА: АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ И ПРАВОВЫХ МЕХАНИЗМОВ (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В 2024–2025 ГГ.)

Лейла Ибрагимовна Залиханова[1], Азамат Заурович Сибеков[2]
[1,2] Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия
[1]Zalihanowa@yandex.ru
[2]center56346@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу системы противодействия финансированию терроризма в Российской Федерации в 2024–2025 годах с акцентом на региональную специфику Кабардино-Балкарской Республики. Исследованы теоретико-правовые основы, статистические показатели деятельности Росфинмониторинга и Национального антитеррористического комитета, а также современные вызовы, включая использование криптовалют и анонимных платёжных систем. Выявлены основные каналы финансирования террористической деятельности, характерные для Северо-Кавказского региона. Обоснована необходимость усиления мониторинга цифровых финансовых активов, совершенствования законодательства и активизации профилактической работы среди молодёжи. Сделан вывод о том, что эффективное противодействие требует комплексного сочетания правовых, организационных, технических и превентивных мер.

Ключевые слова: финансирование терроризма, ст. 205.1 УК РФ, субъективная сторона, прямой умысел, специальная цель, квалификация преступлений, судебная практика, противодействие финансированию терроризма

Для цитирования: **Залиханова Л.И., Сибеков А.З.** Проблемы квалификации финансирования терроризма по признаку субъективной стороны (ст. 205.1 УК РФ) // Вестник СКФО: Право и экономика. 2026. № 2 (38). С. 164–171.

Jurisprudence
Originak article

COUNTERING TERRORIST FINANCING: ANALYSIS OF THE CURRENT STATE AND LEGAL MECHANISMS (BASED ON THE RUSSIAN FEDERATION AND THE KABARDINO-BALKARIAN REPUBLIC IN 2024–2025)

Leila Ibragimovna Zalikhanova[1], Azamat Zaurovich Sibekov[2]
[1,2] Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik, Russia
[1]Zalihanowa@yandex.ru
[2]center56346@gmail.com

Annotation. This article presents a comprehensive analysis of the Russian Federation's counter-terrorism financing system for 2024–2025, with a focus on the regional specifics of the Kabardino-Balkarian Republic. It examines the theoretical and legal foundations, statistical indicators of the activities of Rosfinmonitoring and the National Anti-Terrorism Committee, and current challenges, including the use of cryptocurrencies and anonymous payment systems. The main channels of terrorist financing characteristic of the North Caucasus region are identified. The need for enhanced monitoring of digital financial assets, improved legislation, and intensified preventive work among young people is substantiated. It is concluded that effective counter-terrorism requires a comprehensive combination of legal, organizational, technical, and preventive measures**.**

Keywords: terrorist financing, AML/CFT, Rosfinmonitoring, National Anti-Terrorism Committee, account blocking, cryptocurrencies, Kabardino-Balkarian Republic, FATF, financial security, terrorism prevention

For citation: **Zalikhanova L.I., Sibekov A.Z.** Countering Terrorist Financing: Analysis of the Current State and Legal Mechanisms (Based on the Russian Federation and the Kabardino-Balkarian Republic in 2024–2025). *Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics*. 2026. 2 (38): 164–171.

Введение. Противодействие терроризму в современных условиях представляет собой сложную многоуровневую задачу, требующую консолидации усилий всех институтов государства и гражданского общества. Одним из стратегических направлений является подрыв экономической основы террористических организаций – перекрытие каналов поступления финансовых средств и материальных ресурсов. Как справедливо отмечается в юридической литературе, ключевая задача борьбы с терроризмом – устранение внешних и внутренних путей поступления средств, а также блокирование любых (легальных и нелегальных) источников финансирования [1, с. 12]. Финансирование является критически важным условием для ведения экстремистской и террористической деятельности: чем лучше материально-техническая поддержка, тем выше шансы таких организаций на достижение своих целей.

Актуальность темы обусловлена не только сохраняющейся угрозой террористических актов, но и качественной трансформацией самих механизмов финансирования. Преступные группы адаптируются к новым технологическим реалиям, активно внедряя инструменты цифровой экономики: криптовалюты, анонимные платёжные системы, защищённые каналы связи и социальные сети для сбора средств. Это создаёт серьёзные вызовы для национальных систем финансового мониторинга [2, с. 2]. Кроме того, осложнение международной обстановки и геополитическая напряжённость приводят к увеличению объёмов трансграничного финансирования деструктивных элементов, направленного на дестабилизацию общественно-политической обстановки в России.

Цель исследования – комплексный анализ состояния системы противодействия финансированию терроризма в Российской Федерации в 2024–2025 годах с акцентом на региональные особенности Кабардино-Балкарской Республики и выработка рекомендаций по совершенствованию правовых и организационных механизмов

Объект исследования – общественные отношения, складывающиеся в сфере противодействия легализации доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма (ПОД/ФТ).

Предмет исследования – нормы международного и российского законодательства, регулирующие противодействие финансированию терроризма, статистические данные деятельности уполномоченных органов (Росфинмониторинг, НАК), материалы правоприменительной практики, а также научные труды по рассматриваемой проблематике.

Материалы и методы. Материалами послужили: федеральные законы от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма» [3] и от 02.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [4] , Уголовный кодекс РФ, рекомендации FATF, официальные доклады НАК и Росфинмониторинга, статистические отчёты за 2024–2025 годы, а также научные публикации и монографии по проблематике противодействия финансированию терроризма.

Методологическую основу составили общенаучные методы (диалектический, анализ и синтез, индукция и дедукция, системно-структурный, статистический) и частно-научные методы юридического познания (формально-юридический, сравнительно-правовой, метод толкования правовых норм).

Результаты и дискуссия

Правовые основы противодействия финансированию терроризма

Фундамент международно-правового регулирования составляют Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма 1999 года, резолюции Совета Безопасности ООН и 40 рекомендаций Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ) [5]. Россия активно имплементирует международные стандарты в национальное законодательство. Вместе с тем, как показывает анализ, полное техническое соответствие рекомендациям FATF наблюдается только у шести из 40 показателей [6, с. 10], что свидетельствует о необходимости дальнейшей гармонизации правовой базы.

В российском уголовном законодательстве ключевая роль отводится ст. 205.1 УК РФ «Содействие террористической деятельности» [7]. В примечании 1 к ней дано легальное определение финансирования терроризма: предоставление или сбор денежных средств либо оказание финансовых услуг при осознании того, что они предназначены для финансирования организации, подготовки или совершения преступлений террористической направленности. Ответственность также предусмотрена ст. 282.3 УК РФ (финансирование экстремистской деятельности) и ст. 208 УК РФ (организация незаконного вооружённого формирования).

Изложенные правовые нормы и международные стандарты образуют формальную основу противодействия финансированию терроризма. Однако их практическая эффективность может быть объективно оценена лишь через призму количественных показателей, отражающих как масштаб угрозы, так и результативность работы уполномоченных органов. В связи с этим представляется необходимым обратиться к статистическим данным Росфинмониторинга и Национального антитеррористического комитета за 2024–2025 годы, которые позволяют выявить динамику основных индикаторов противодействия и оценить реальное состояние системы ПОД/ФТ в стране.

Анализ статистических показателей деятельности уполномоченных органов

Оценка эффективности невозможна без объективных данных, отражающих масштабы угрозы и результаты работы. В *таблице 1* представлены показатели противодействия финансированию терроризма в РФ за 2024–2025 гг.

Таблица 1 – Ключевые показатели противодействия финансированию терроризма в РФ (2024–2025 гг.)

Показатель	2024 год	2025 год (на июль)	Изменение
Предотвращено террористических актов	190 [16]	273 [16]	+83
Заблокировано счетов лиц, причастных к финансированию терроризма	6 000+	5 500+	–500
Сумма заблокированных средств	230 млн руб.	490 млн руб.	+260 млн руб.
Внесено в перечень террористов и экстремистов (физ. лиц)	3 100+	~18 000 (всего)	рост
Количество организаций в перечне	80	более 800	рост

Источник: составлено авторами по данным НАК и Росфинмониторинга [8]

Согласно данным представленным в *таблице 1*, в 2024 году на территории России удалось предотвратить 190 террористических актов [8]. Этот показатель сам по себе свидетельствует о высоком уровне угрозы и одновременно об эффективности оперативно-розыскной деятельности спецслужб. В 2025 году динамика предотвращения преступлений террористической направленности усилилась: с начала года было предотвращено 374 террористических преступления, включая 273 теракта [8]. Как следует из *таблицы 1*, количество предотвращённых терактов увеличилось на 83, что может указывать как на рост активности террористического подполья, так и на повышение результативности оперативной работы.

Сумма заблокированных средств возросла более чем вдвое, что свидетельствует о выявлении более крупных финансовых потоков. В перечне террористов и экстремистов на июль 2025 года числилось около 18 тыс. физических лиц, включая 155 подростков в возрасте от 14 до 17 лет, в том числе один 14-летний, 23 лица в возрасте 15 лет, 46 шестнадцатилетних и 85 семнадцатилетних [9, с. 145]. Данный факт указывает на целенаправленную работу вербовщиков по вовлечению несовершеннолетних через интернет-пространство.

Значительные результаты в 2024 году были достигнуты и в части ликвидации кадровой базы террористического подполья. Правоохранительными органами ликвидировано 38 террористов и задержано свыше 1,7 тысячи их пособников [8]. Эти цифры указывают на то, что борьба с терроризмом ведется не только финансовыми и аналитическими методами, но и предполагает силовое подавление боевиков и их инфраструктуры.

Обобщая статистические данные по РФ, можно констатировать тенденцию к увеличению основных показателей противодействия финансированию терроризма. С одной стороны, растет количество предотвращенных терактов и заблокированных средств, с другой – расширяется перечень лиц, включенных в реестр террористов и экстремистов. Это позволяет сделать промежуточный вывод об активизации работы финансовой разведки и правоохранительной системы в целом, а также о сохранении высокой степени террористической угрозы.

Региональная специфика противодействия финансированию терроризма в Кабардино-Балкарской Республике

Общероссийские статистические тренды дают общее представление о состоянии противодействия финансированию терроризма, однако борьба с этим явлением требует учёта существенных региональных различий. Северо-Кавказский федеральный округ, и в частности Кабардино-Балкарская Республика, в силу своего географического положения, этноконфессионального состава и сохраняющихся угроз со стороны законспирированных террористических ячеек, представляет собой зону повышенного внимания. Анализ региональной специфики позволяет не только конкретизировать общероссийские показатели, но и выявить локальные каналы финансирования, а также оценить адекватность применяемых мер местным условиям. Поэтому далее целесообразно перейти к рассмотрению особенностей противодействия финансированию терроризма именно на территории Кабардино-Балкарской Республики.

Северо-Кавказский федеральный округ исторически является регионом повышенного внимания антитеррористических структур. Кабардино-Балкарская Республика (КБР) в силу географического положения, социально-экономических особенностей и этноконфессионального состава требует особого подхода.

В 2024 году на территории КБР сохранялись угрозы, связанные с деятельностью законспирированных ячеек международных террористических организаций. Основные усилия были сосредоточены на перекрытии каналов поступления денег из-за границы и пресечении сборов через социальные сети и мессенджеры. Согласно эмпирическим исследованиям, с использованием сети «Интернет» совершается 90% преступлений данной категории [9, с. 146].

Анализ криминологической ситуации позволяет выделить следующие каналы финансирования, актуальные для КБР (см. *таблицу 2*).

Таблица 2 – Основные каналы финансирования террористической деятельности в регионе

№ п/п	Канал	Характеристика
1.	Перечисления из-за границы	Финансовая поддержка от международных террористических структур, рост в условиях геополитического противостояния [10, с. 215]
2.	Криптовалюты и анонимные платёжные системы	Обеспечивают скрытность транзакций, использование неперсонифицированных SIM-карт [11, с. 78]
3.	Благотворительные фонды и религиозные структуры	Аккумулирование средств под видом гуманитарной помощи с последующим перенаправлением на терроризм [12, с. 60]
4.	Самофинансирование за счёт легальных доходов	Участники ячеек совмещают противоправную деятельность с работой в легальном секторе [13, с. 40]

В 2024 году на территории Кабардино-Балкарской Республики, как и в других субъектах СКФО, сохранялись угрозы, связанные с деятельностью законспирированных ячеек международных террористических организаций и лиц, подпавших под влияние радикальной идеологии. Главные усилия правоохранительных структур были сконцентрированы на перекрытии каналов поступления денежных средств из-за границы, а также на пресечении попыток сбора денег через социальные сети и мессенджеры. Результаты эмпирических исследований свидетельствуют о том, что интернет превратился в общедоступный инструмент, дающий возможность привлекать к участию в деятельности экстремистских и террористических организаций аудиторию из любой точки мира, что существенно увеличивает географию и масштабы финансирования; при этом с использованием сети Интернет совершается 90 % преступлений данной категории [9, с 146].

В 2025 году работа по противодействию в республике активизировалась: усилен мониторинг электронных кошельков и неперсонифицированных платёжных средств. Значительная часть общероссийской суммы заблокированных средств (490 млн руб.) предположительно приходится на финансовые потоки, проходящие через Северный Кавказ.

Важную роль в системе противодействия играет профилактическая работа среди населения, особенно молодежи. В Кабардино-Балкарской Республике реализуются программы, направленные на формирование антитеррористического сознания, разъяснение правовых последствий участия в финансировании терроризма, в том числе через информирование о практике блокировки счетов и включения в перечень Росфинмониторинга, что влечет серьезные ограничения финансовых прав граждан [14].

Современные вызовы и проблемы правоприменения

Эволюция механизмов финансирования терроризма создаёт серьёзные вызовы. Исследователи и практики отмечают появление новых, все более изощренных способов перевода средств, маскировки финансовых потоков и вовлечения новых участников в противоправную деятельность. Обобщение данных эмпирических исследований и актуальной статистики позволило выделить следующие ключевые тенденции [9, с. 143]:

Первая тенденция – массовый переход на цифровые финансовые активы. Криптовалюты, благодаря анонимности и децентрализации, стали удобным инструментом для сбора пожертвований и трансграничных переводов [11, с. 112]. Вербовщики и финансовые координаторы террористов активно используют возможности криптобирж, обменников и P2P-платформ [15, с. 108]. Это требует от регуляторов разработки новых методов отслеживания таких транзакций, включая использование программных комплексов для анализа блокчейна (блокчейн-аналитики).

Вторая тенденция – использование защищённых мессенджеров со сквозным шифрованием (секретные чаты в WhatsApp, Telegram). Это затрудняет получение доступа к переписке и выявление организаторов [2, с. 3].

Среди системных проблем правоприменения выделяются:

– высокая латентность преступлений, особенно при использовании криптовалют [9, с. 147];

– отставание правовой базы от технологического развития (пробелы в регулировании статуса криптовалют, идентификации пользователей) [6, с. 22];

– недостаточная эффективность международного сотрудничества в обмене информацией [10, с. 217].

Простая констатация недостатков без предложения конкретных путей их устранения не позволит повысить результативность противодействия финансированию терроризма. Исходя из этого, представляется целесообразным сформулировать комплекс мер, направленных на совершенствование правовых, организационных и технических механизмов, с учётом как общероссийского, так и регионального уровней.

Предложения по совершенствованию механизмов

На основе выявленных проблем можно сформулировать следующие направления:

1. Развитие законодательства о криптовалютах – создание правовых условий для идентификации пользователей при операциях с виртуальными активами и блокировки средств, принадлежащих террористам [16, с. 113].

2. Внедрение технологий искусственного интеллекта и машинного обучения в систему финансового мониторинга для анализа больших данных и выявления подозрительных транзакций.

3. Усиление профилактической работы в интернет-пространстве – создание позитивного контента, разоблачающего вербовщиков, и доступных каналов для обращений граждан.

4. Создание межведомственных рабочих групп на региональном уровне для мониторинга финансовых потоков с участием банков, правоохранительных органов и финансовой разведки [4].

Резюмируя изложенный анализ состояния системы противодействия финансированию терроризма, выявленные проблемы и предложенные пути их решения, представляется возможным сформулировать следующие обобщающие выводы и практические рекомендации.

1. Борьба с финансированием терроризма является ключевым вектором антитеррористической деятельности. Россия обладает сформированной системой ПОД/ФТ, включающей развитую правовую базу, специализированные органы (Росфинмониторинг) и координационные механизмы (НАК).

2. Статистические данные 2024–2025 годов свидетельствуют о наращивании усилий по блокированию финансовой базы терроризма: сумма заблокированных средств выросла более чем вдвое (с 230 до 490 млн руб.), а число предотвращённых терактов увеличилось на 83. Вместе с тем расширение перечня террористов и экстремистов (до 18 тыс. лиц) указывает на сохраняющуюся высокую степень угрозы.

3. Региональная специфика Кабардино-Балкарской Республики требует постоянного мониторинга трансграничных потоков, пресечения сборов через социальные сети и мессенджеры, а также усиления профилактики среди молодёжи, которая становится объектом вербовки.

4. Основными проблемами остаются латентность преступлений, отставание законодательства от технологий (особенно в сфере криптовалют) и недостаточная эффективность международного сотрудничества.

Для решения этих проблем необходимо дальнейшее совершенствование нормативной базы, внедрение цифровых технологий в систему финансового мониторинга, активизация профилактической работы и укрепление межведомственного взаимодействия на всех уровнях.

Только комплексный подход, сочетающий правовые, организационные, технические и превентивные меры, способен обеспечить надёжный подрыв экономической основы терроризма и защитить общество от этой глобальной угрозы.

Список источников

1. Гребенкина С.А., Прасолов В.И. Система противодействия финансированию экстремизма и терроризма в России: учебник. М., 2024. 312 с.

2. Казанцев Д.А. Трансформация механизма противодействия отмыванию доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма в условиях цифровизации экономики (на примере минимизации рисков, связанных с использованием криптовалют) // Вестник Евразийской науки. 2024. № s2. URL: https://esj.today/PDF/43FAVN224.pdf (дата обращения: 31.05.2026).

3. Федеральный закон от 7 августа 2001 г. N 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (ред. от 15.12.2025). URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/46907 (дата обращения: 31.05.2026).

4. Федеральный закон от 6 марта 2006 г. N 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (ред. от 28.02.2025). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.05.2026).

5. FATF (2025). International Standards on Combating Money Laundering and the Financing of Terrorism & Proliferation – The FATF Recommendations (updated October 2025). Paris: FATF. URL: https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Fatfrecommendations.html (дата обращения: 31.05.2026).

6. Глушакова О.В. Об эффективности национальной системы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма и ее техническом соответствии рекомендациям FATF // Финансы и кредит. 2025. № 4. С. 4–25.

7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: ст. 205.1 «Содействие террористической деятельности» (ред. от 28.12.2024). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 31.05.2026).

8. Национальный антитеррористический комитет (2025). Итоги деятельности НАК в 2025 году: доклад / Национальный антитеррористический комитет. URL: http://nac.gov.ru (дата обращения: 31.05.2026).

9. Лукошина П.А. Криминологическая характеристика финансирования экстремистской и террористической деятельности (на основе эмпирического исследования) // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024. № 3. С. 141–148.

10. Дубова Е.А., Савчук Д.О., Зацаринная Е.И. Анализ деятельности международных организаций в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов и финансирования терроризма // Управленческий учет. 2024. № 2. С. 212–219.

11. Тисен О.Н. Противодействие финансированию терроризма и диверсий, совершаемых с использованием криптовалют: монография. М.: Юрлитинформ, 2025. 240 с.

12. Тихомиров Ю.А., Талапина Э.В. Правовые механизмы противодействия финансированию терроризма в условиях цифровой трансформации // Журнал российского права. 2025. № 1. С. 55–68.

13. Стешин А.Ю. Совершенствование уголовно-правового регулирования борьбы с финансированием террористической деятельности // Право в Вооруженных Силах. 2024. № 12. С. 38-45.

14. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.05.2026).

15. Красинский В.В. Применение микро- и макроанализа финансовых операций криптопровайдеров в целях противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма // Современное право. 2025. № 8. С. 107–111.

16. Тургаева А.А. Современные подходы к оценке рисков отмывания денег и финансирования терроризма в условиях развития цифровых финансовых активов // Финансы: теория и практика // Finance: Theory and Practice 2025. Т. 29, № 3. С. 102–115.

List of sources

1. Grebenkina S.A., Prasolov V.I. The System of Countering the Financing of Extremism and Terrorism in Russia: textbook. M., 2024. 312 p.

2. Kazantsev D.A. Transformation of the mechanism for countering money laundering and terrorist financing in the context of digitalization of the economy (on the example of minimizing the risks associated with the use of cryptocurrencies) // Bulletin of Eurasian Science. 2024. № 2. URL: https://esj.today/PDF/43FAVN224.pdf (accessed: 05/31/2026).

3. Russian Federation. Federal Law N 115-FZ dated August 7, 2001, "On Countering the Legalization (Laundering) of Proceeds from Crime and the Financing of Terrorism" (as amended on December 15, 2025). URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/46907 (accessed on May 31, 2026).

4. Russian Federation. Federal Law N 35-FZ of March 6, 2006 "On Countering Terrorism" (as amended on 02.28.2025). Access from the help.-legal system "ConsultantPlus" (date of application: 05/31/2026).

5. FATF (2025). International Standards for Combating Money Laundering, Financing of Terrorism and Proliferation – FATF Recommendations (updated in October 2025). Paris: FATF. – URL: https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Fatfrecommendations.html (accessed on 31.05.2026).

6. Glushakova O.V. On the Effectiveness of the National System for Countering the Legalization (Money Laundering) of Criminal Proceeds and the Financing of Terrorism and Its Technical Compliance with the FATF Recommendations // Finance and Credit. 2025. N 4. Pp. 4–25.

7. Criminal Code of the Russian Federation N 63-FZ dated June 13, 1996: Article 205.1 "Assistance to terrorist activities" (as amended on 12/28/2024). Access from the help.-the Garant legal system (date of application: 05/31/2026).

8. National Anti-Terrorism Committee (2025). Results of the NAC's Activities in 2025: Report / National Anti-Terrorism Committee. URL: http://nac.gov.ru (date of application: 05/31/2026).

9. Lukoshina P.A. Criminological Characteristics of the Financing of Extremist and Terrorist Activities (Based on an Empirical Study) // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. N 3. Pp. 141–148.

10. Dubova E.A., Savchuk D.O., Zatsarinnaya E.I. Analysis of the activities of international organizations in the sphere of countering the legalization (money laundering) of income and financing of terrorism // Managerial Accounting. 2024. N 2. Pp. 212–219.

11. Tisen O.N. Countering the Financing of Terrorism and Sabotage Committed Using Cryptocurrencies: monograph. M.: Yurlitinform, 2025. 240 p.

12. Tikhomirov Yu.A., Talapina E.V. Legal Mechanisms of Countering Terrorist Financing in the Context of Digital Transformation // Journal of Russian Law. 2025N 1. Pp. 55–68.

13. Steshin A.Yu. Improvement of the criminal law regulation of the fight against the financing of terrorist activities // Law in the Armed Forces. 2024. N 12. Pp. 38–45.

14. Decree of the President of the Russian Federation N 400 dated July 2, 2021 "On the National Security Strategy of the Russian Federation". Access from the help.-legal system "ConsultantPlus" (date of application: 05/31/2026).

15. Krasinsky V.V. Application of micro- and macroanalysis of financial transactions of cryptographers in order to counter money laundering and terrorist financing // Modern Law. 2025. N 8. Pp. 107–111.

16. Turgaeva A.A. Modern approaches to assessing the risks of money laundering and terrorist financing in the context of the development of digital financial assets // Finance: theory and Practice / Finance: Theory and Practice. 2025 Vol. 29, N 3. Pp. 102–115.

© Залиханова Л.И., Сибеков А.З., 2026

Вестник СКФО: Право и экономика. – 2026. – № 2 (38). – С. 172–178.
Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics. 2026;2 (38):172–178.

Юриспруденция
Научная статья
УДК 347.44

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОНТРАКТ КАК ОСОБАЯ МОДЕЛЬ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО ДОГОВОРА

Зарема Ахматовна Зумакулова[1], Алим Хамидбиевич Сижажев[2]
[1,2] Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия
[1]zarema.zum@mail.ru
[2]alimsizazev1@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена комплексному цивилистическому анализу правовой сущности государственного контракта. Авторы обосновывают гипотезу о том, что государственный контракт, в силу имманентного дуализма частноправовых и публично-правовых элементов, не может быть квалифицирован исключительно как вид договора купли-продажи или подряда, а представляет собой уникальную функциональную модель гражданско-правового договора, обладающую свойством телеологической детерминированности. Рассмотрена эволюция доктринальных подходов к определению природы государственного контракта, проведена демаркация понятий «государственный контракт» и «гражданско-правовой договор», исследованы особенности субъектного состава, существенных условий и механизма понуждения к заключению. Особое внимание уделено проблеме конвергенции императивного регулирования и принципа свободы договора в контексте Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 08.05.2025) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». На основе системного толкования норм и анализа правоприменительной практики сделан вывод о формировании особого квазиинституционального режима правового регулирования, в рамках которого государственный контракт приобретает черты организационно-имущественного обязательства с выраженным публично-правовым содержанием.

Ключевые слова: государственный контракт, публичный интерес, свобода договора, кауза сделки, контрактная система, публично-правовое образование, императивность, квазидоговорная ответственность, существенные условия, гражданский оборот

Для цитирования: **Зумакулова З.А., Сижажев А.Х.** Государственный контракт как особая модель гражданско-правового договора // Вестник СКФО: право и экономика. 2026. № 2 (38). С. 172–178.

Jurisprudence
Originak article

STATE CONTRACT AS A SPECIAL MODEL OF CIVIL CONTRACT

Zarema Akhmatovna Zumakulova[1], Alim Khamidbievich Sizhazhev[2]
[1,2] Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik, Russia
[1]zarema.zum@mail.ru
[2]alimsizazev1@mail.ru

Annotation. This article is devoted to a comprehensive civil law analysis of the legal essence of state contracts. The authors substantiate the hypothesis that state contracts, due to the inherent dualism of private and public law elements, cannot be classified solely as a type of purchase and sale agreement or contract, but rather represent a unique functional model of civil law contracts possessing the property of teleological determinism. This article examines the evolution of doctrinal approaches to defining the nature of government contracts, demarcates the concepts of «government contract» and «civil contract», and explores the specifics of the parties involved, essential

conditions, and enforcement mechanisms. Particular attention is paid to the convergence of mandatory regulation and the principle of freedom of contract in the context of Federal Law N 44-FZ. Based on a systematic interpretation of the norms and an analysis of law enforcement practice, a conclusion is drawn regarding the formation of a special quasi-institutional legal regulation regime, within which government contracts acquire the characteristics of an organizational and property obligation with a distinct public law content.

Keywords: government contract, public interest, freedom of contract, causa of the transaction, contract system, public law entity, imperativeness, quasi-contractual liability, essential conditions, civil circulation

For citation: **Zumakulova Z.A., Sizhazhev A.Kh.** State Contract as a Special Model of a Civil Law Contract // Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics. 2026; 2 (38):172–178.

Введение. В современной цивилистической доктрине исследование природы государственного контракта традиционно сопряжено с фундаментальным противоречием: необходимостью вписать данную правовую конструкцию в классические договорные институты, разработанные для регулирования частноправовых отношений. Продолжительный период развития отечественного правопорядка демонстрирует непрерывность попыток адаптировать инструментарий римского частного права к отношениям, в которых доминирующей волей обладает публично-правовое образование, действующее через сложный многоуровневый аппарат административных процедур.

Вместе с тем, признание государственного контракта исключительно разновидностью договора поставки или подряда представляется доктринально редукционистским и не учитывающим его имманентной публично-правовой составляющей. Данное обстоятельство обусловливает необходимость пересмотра устоявшихся подходов и выработки новой теоретической модели, адекватно отражающей правовую природу исследуемого феномена.

Цель исследования – теоретико-прикладное обоснование выделения государственного контракта в качестве особой модели гражданско-правового договора, генетически связанной с базовыми цивилистическими конструкциями, но приобретшей в процессе правогенеза уникальные видовые признаки, не позволяющие отождествлять контракт с рядовыми двусторонними сделками.

Объект исследования – общественные отношения, складывающиеся в сфере заключения, исполнения и расторжения государственных контрактов в рамках контрактной системы Российской Федерации.

Предмет исследования – правовая природа государственного контракта, его сущностные признаки, структурные элементы и функциональные характеристики, а также система нормативно-правового регулирования, определяющая его особый правовой режим.

Материалы и методы исследования. Теоретической основой исследования послужили труды отечественных цивилистов, специализирующихся на проблематике договорного права и публичных закупок: М.И. Брагинского [1], В.В. Витрянского, В.А. Белова, Ю.В. Романца [2], Л.В. Андреевой [3], В.И. Кузнецова [4], Л.И. Шевченко [5], Д.А. Гладких [6], М.В. Карасевой [7], В.Ф. Яковлева [8]. Эмпирическую базу составили нормативные правовые акты (Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) [9], Федеральный закон от 05.04.2013 N 44-ФЗ (ред. от 08.05.2025) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [10], Бюджетный кодекс РФ Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 N 145-ФЗ (ред. от 28.12.2025)) [11], материалы судебной практики (постановления Пленума Верховного Суда РФ, обзоры арбитражной практики), а также доктринальные источники по проблематике государственного заказа.

Методологическую основу исследования составляет диалектический подход к анализу соотношения диспозитивных начал гражданского права и императивного регулирования бюджет-

ного и административного законодательства. В работе использованы следующие методы научного познания: метод юридической герменевтики (для толкования содержания правовых норм, регулирующих государственный контракт); метод телеологического толкования (для выявления целей и задач, стоящих перед законодателем при формировании контрактной системы); формально-юридический метод (для анализа структуры и содержания нормативных правовых актов); сравнительно-правовой метод (для сопоставления государственного контракта со смежными договорными конструкциями (публичный договор, договор присоединения)); системно-структурный метод (для изучения государственного контракта как элемента контрактной системы и его места в системе гражданско-правовых договоров).

Комплексное применение указанных методов позволило обеспечить достоверность, обоснованность и комплексность полученных научных результатов.

Результаты и дискуссия

Правовая природа государственного контракта длительное время выступает предметом острейших дискуссий в юридическом сообществе. Ретроспективный взгляд на генезис данного института позволяет утверждать, что на начальных этапах становления советского хозяйственного права контрактация рассматривалась как сугубо административно-плановый акт, где договорная форма выполняла декоративную функцию учётно-расчётного документа. Переход к рыночной экономике и кодификация гражданского законодательства середины 1990-х годов поставили перед наукой задачу имплементации публичных закупок в структуру Гражданского кодекса Российской Федерации.

Статья 525 ГК РФ, включенная законодателем в структуру параграфа о поставке товаров для государственных нужд, закрепила субсидиарное применение норм о договоре поставки, что породило устойчивую научную редукцию: государственный контракт начал интерпретироваться значительной частью исследователей как разновидность купли-продажи (поставки) или подряда с модифицированной правовой целью.

Однако подобный нормативистский подход игнорирует глубинную каузальную дифференциацию. В классическом гражданско-правовом договоре основание сделки (causa) заключается в свободном перемещении материальных благ, эквивалентно-возмездном обмене, опосредующем частные экономические интересы. В государственном контракте causa имеет сложносоставной характер: непосредственная хозяйственная цель (приобретение товара, работы, услуги для нужд публично-правового образования) неразрывно спаяна с публичным интересом, направленным на эффективное расходование бюджетных ассигнований, обеспечение обороны и безопасности государства, реализацию государственных программ. Эта двуединая телеологическая основа трансформирует правовой режим обязательства, выводя его за рамки сугубо частноправового регулирования.

Происходит феномен, именуемый в науке «сверхимперативизацией» договорного права. Свобода договора, провозглашённая в статье 421 ГК РФ в качестве краеугольного принципа, применительно к контрактным отношениям подвергается существенной деформации. Если в ординарном обороте стороны свободны в выборе контрагента, определении условий сделки и, что принципиально важно, в решении вопроса о самом вступлении в обязательство, то в плоскости государственного заказа мы наблюдаем инверсию: для публично-правового образования заключение контракта в ряде случаев является юридической обязанностью, вытекающей из доведённых лимитов бюджетных обязательств и планов-графиков, а для поставщика, признанного победителем конкурентной процедуры, вступление в договор также утрачивает характер свободного волеизъявления, будучи обеспечено механизмом понуждения и санкциями репутационного характера (внесение в реестр недобросовестных поставщиков).

Следовательно, юридический факт, порождающий контрактное правоотношение, имеет смешанную юридико-фактическую природу. Это не классическая двусторонняя сделка, а сложный юридический состав, включающий в себя административный акт планирования (план-график), акт определения поставщика (протокол подведения итогов) и, собственно,

подписанный сторонами текст договора. Контракт выступает венчающим элементом этого состава, интегрирующим волю публичного субъекта, выраженную через императивные веления закона, и формально автономную волю частного контрагента. Автономия воли частного субъекта редуцируется до права принять участие в процедуре либо отказаться от такового, но после акцепта условий конкурсной документации его волеизъявление объективируется в строго заданных параметрах.

Особого внимания заслуживает анализ субъектного состава. Публично-правовое образование (Россия, субъект Федерации, муниципалитет) выступает в обороте через систему уполномоченных органов и казённых учреждений, действующих в режиме специальной правосубъектности. Правоспособность государственного заказчика носит целевой характер, детерминированный статьёй 49 ГК РФ и нормами бюджетного права. Это порождает принципиальную невозможность применения к контракту принципа генерального деликта относительно свободы распоряжения средствами: заказчик не вправе изменять цену контракта в сторону существенного увеличения без наличия закрытого перечня оснований, исчерпывающе поименованных в Федеральном законе от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе …».

Казначейское сопровождение контрактов, при котором банковские транзакции санкционируются органами Федерального казначейства, создаёт уникальную ситуацию, при которой исполнение платежного обязательства зависит не от факта выполнения работы, а от административной проверки соответствия факта хозяйственной жизни коду бюджетной классификации. Тем самым происходит девальвация классической конструкции встречного предоставления, характерной для синаллагматических договоров: кредиторская задолженность государства гасится в момент, когда воля частного права административно верифицирована. В этом контексте государственный контракт реализует функцию не просто правового регулятора имущественных отношений, но финансово-правового инструмента казначейского контроля.

Сравнительный анализ контракта с моделью публичного договора (ст. 426 ГК РФ) и договора присоединения (ст. 428 ГК РФ) позволяет выявить определённый изоморфизм, но не тождество. Безусловно, государственный контракт в массе своей заключается посредством присоединения исполнителя к проекту, разработанному заказчиком, что сближает его с договорами присоединения. Однако механизм протокола разногласий, предусмотренный Законом от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе …», хотя и формально существует, фактически нивелирован запретом на изменение существенных условий, объявленных в извещении. Исполнитель лишён права на существенную модификацию объекта закупки и его ценовых характеристик при заключении договора, что свидетельствует о более жёсткой, нежели в потребительских отношениях, степени адгезии. По сути, мы сталкиваемся с конструкцией «принудительного присоединения», где проект договора, утверждённый заказчиком, приобретает свойства нормативного правового акта локального характера, обязательного для неограниченного, но персонально неопределённого круга участников закупки вплоть до момента определения победителя.

Рассматривая вопрос о предмете государственного контракта, следует отметить его специфическую определённость. Если предметом гражданско-правового договора поставки выступает индивидуально-определённая или родовая вещь, то предмет контракта опосредован более сложной конструкцией: он включает в себя не только объект материального мира, но и строгие параметры к его функциональным, техническим и качественным характеристикам, которые описаны через стандарты, ГОСТы, технические регламенты, а в случае закупки инновационной продукции – через регламентированное техническое задание. Социально-экономическая сущность контракта проявляется в его направленности не столько на удовлетворение хозяйственных нужд чиновничьего аппарата, сколько на реализацию публичных функций государства. Именно поэтому расторжение контракта по соглашению сторон или в одностороннем порядке допустимо лишь в строго регламентированных случаях, перечень которых в императивном порядке закреплён в статье 95 Закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О

контрактной системе …», что существенно сужает действие принципа расторжимости договора (clausula rebus sic stantibus) в его классическом понимании.

С точки зрения структуры договорных связей, для государственного контракта характерен феномен «расщепления» ответственности и интереса. Выгодоприобретателем по контракту в конечном счёте выступает неопределённый круг лиц (общество в целом), в то время как формальным кредитором является соответствующий бюджет. Данное обстоятельство породило в судебно-арбитражной практике проблему взыскания убытков с заказчика. Вследствие казённого иммунитета и субсидиарной ответственности собственника учреждения в гражданский оборот вводится конструкция, при которой иск о взыскании задолженности предъявляется к казённому учреждению, а при недостаточности лимитов – к главному распорядителю бюджетных средств, что является уникальным видом ответственности, несвойственным ординарным коммерческим организациям. Это подтверждает тезис о том, что имущественная обособленность государственного заказчика носит фиктивный характер, и за его формальной юридической личностью всегда стоит публично-правовое образование как собственник казны. В цивилистической плоскости подобная конструкция может быть квалифицирована как особый вид множественности лиц в обязательстве на стороне должника, возникающей в силу закона, а не сделки.

Ответственность в государственных контрактах трансформируется из восстановительной компенсационной функции в стимулирующе-превентивную, а порой и в чисто фискальную. Законодательство о контрактной системе переполнено нормами о штрафах и пенях, размер которых императивно установлен постановлениями Правительства. Эти штрафы несоразмерны последствиям нарушения обязательства и зачастую преследуют цель не восстановить имущественный баланс, а пополнить бюджет. Это противоречит компенсационной природе гражданско-правовой ответственности, сближая штрафные санкции по контракту с административными взысканиями. Устанавливая правило об обязательности включения условия о неустойке в контракт (ч. 4 ст. 34 Закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе …»), законодатель лишил данных субъектов права на согласование защитных оговорок, превратив меры имущественной защиты в публично-правовой инструмент управления поведением участников рынка.

Функциональная модель государственного контракта может быть описана через категорию «организационно-имущественного обязательства». Значительная доля содержания государственного контракта представлена неимущественными организационными обязательствами: согласование сроков поставки в зависимости от графика финансирования, взаимодействие с органами казначейства, предоставление расширенной банковской гарантии, привлечение субподрядчиков из числа субъектов малого предпринимательства. Данные условия, не имея прямой стоимостной оценки, создают сложный каркас социально-экономической политики государства. Посредством контракта реализуется не только операция по передаче титула на материальный объект, но и публичная политика по поддержке отдельных категорий хозяйствующих субъектов, импортозамещению, энергоэффективности и экологической безопасности. Следовательно, контракт наполняется публицизированным содержанием, делающим его мало похожим на договор, урегулированный частью второй ГК РФ.

В контексте динамики правового регулирования следует отметить тенденцию к обособлению нормативного массива о контрактах в отдельную отрасль законодательства. Несмотря на декларируемую частью 1 статьи 2 Закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе …» основу на положениях ГК РФ, приоритет специальных норм фактически выхолостил диспозитивное регулирование. Современный государственный контракт существует в автономном квази-кодексе императивных норм. Это позволяет констатировать факт постепенной миграции института государственных закупок из вещно-обязательственной парадигмы в сферу административно-хозяйственного права, где цивилистическая форма использует-

ся как технический приём, но не как содержательный регулятор. Форма сохраняется цивилистическая, сущность становится публично-правовой.

Обобщая вышеизложенное, следует резюмировать, что государственный контракт представляет собой полифункциональный юридический феномен, интегрирующий в себе свойства частноправовой сделки, административного акта реализации бюджетных ассигнований и инструмента экономической политики. Попытки втиснуть его в рамки единственной договорной модели (подряд, купля-продажа, возмездное оказание услуг) ведут к доктринальному упрощенчеству и игнорированию его координационной функции. Контракт выступает не как соглашение равных, автономных воль, а как асимметричное обязательственное отношение, в котором государство с помощью арсенала властных прерогатив, предоставленных не условиями сделки, а законом, конструирует односторонне-обязывающую связь с частным субъектом. Академизм данной конструкции подтверждается тем, что публичный субъект имеет право в одностороннем порядке отказаться от исполнения обязательства по мотивам, не связанным с нарушением договора контрагентом (ч. 15 ст. 95 Закона от 05.04.2013 N 44-ФЗ «О контрактной системе …»), что полностью разрывает классическую каузальную связь синаллагмы. Данное право является реализацией властного акта, лишь формально облеченного в договорную форму, и доказывает несостоятельность тезиса о равноправии сторон в государственном контракте. Следовательно, государственный контракт выступает нормативной моделью sui generis, и его дальнейшее развитие должно осуществляться не столько в «лоно» Гражданского кодекса, сколько в рамках специализированного кодифицированного акта, полноценно отражающего симбиоз административно-процедурного и частноправового регулирования.

Заключение. Проведённое теоретико-правовое исследование позволяет сформулировать ряд выводов, имеющих значение как для цивилистической доктрины, так и для правоприменительной практики.

1. Государственный контракт конституирует в себе качественно новую модель гражданско-правового договора, в которой принцип свободы договора подвергается эссенциальной деформации посредством тотальной императивизации порядка заключения, исполнения и расторжения. Его правовая сущность не исчерпывается суммой элементов поименованных договоров (подряда, поставки), а проявляется в особом каузальном основании, детерминированном двойственностью правовой цели – удовлетворением конкретной хозяйственной потребности публичного субъекта и реализацией отраслевой социально-экономической функции государства.

2. Структурно-функциональный анализ позволил зафиксировать скрытое присутствие в механизме правового регулирования административно-правового компонента, превращающего контракт в сложный юридический состав. Хозяйственная самостоятельность и формально-юридическое равенство сторон элиминируются наличием у публичного заказчика секундарных прав, реализуемых без обращения к судебным процедурам, что свидетельствует о появлении субординационного элемента в горизонтальных имущественных связях.

3. Имманентная включённость бюджетного и административного регламентирования в «ткань» контрактного обязательства свидетельствует о завершении формирования самостоятельного комплексного правового института, который лишь фрагментарно регулируется классическими положениями обязательственного права. Игнорирование этой правовой реальности и попытки применить к контрактным спорам исключительно цивилистический инструментарий приводят к судебным ошибкам и нарушению стабильности хозяйственного оборота.

4. Правовая парадигма восприятия государственного контракта должна быть смещена в пользу признания за ним статуса особой аналитико-юридической модели, основанной на принципе юридической асимметрии и приоритета публичного телеологического содержания. Дальнейшее развитие данного института должно осуществляться не столько в «лоне» Гражданского кодекса, сколько в рамках специализированного кодифицированного акта, полноценно отражающего симбиоз административно-процедурного и частноправового регулирования.

Список источников

1. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. 3-е изд., стереотип. М.: Статут, 2011. 847 с.

2. Романец Ю.В. Система договоров в гражданском праве России: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2013. 496 с.

3. Андреева Л.В. Закупки товаров для федеральных государственных нужд: правовое регулирование. М.: Волтерс Клувер. 2009. 272 с.

4. Кузнецов В.И. Правовое регулирование института государственного контракта: административно-правовая и цивилистическая характеристика // Хозяйство и право. 2017. № 3. С. 105–115.

5. Шевченко Л.И. Регулирование отношений поставки: теория и практика. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. 487 с.

6. Гладких Д.А. Публично-правовое образование как субъект имущественной ответственности // Журнал российского права. 2015. № 5. С. 33–41.

7. Карасева М.В. Финансовое правоотношение. М.: НОРМА, 2001. 349 с.

8. Яковлев В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. 2-е изд., доп. М.: Статут, 2006. 240 с.

9. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

10. Федеральный закон от 05.04.2013 N 44-ФЗ (ред. от 08.05.2025) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 14. Ст. 1652.

11. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 28.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.

List of sources

1. Braginsky M.I., Vitryansky V.V. Contract Law. Book One: General Provisions. 3rd ed., stereotype. Moscow: Statut, 2011. 847 p.

2. Romanets Yu.V. The System of Contracts in the Civil Law of Russia: Monograph. 2nd revised and enlarged edition. Moscow: Norma, 2013. 496 pages.

3. Andreeva L.V. Procurement of Goods for Federal State Needs: Legal Regulation. Moscow: Wolters Kluwer. 2009. 272 p.

4. Kuznetsov V.I. Legal Regulation of the Institution of State Contracts: Administrative-Legal and Civilistic Characteristics // Business and Law. 2017. N 3. Pp. 105–115.

5. Shevchenko L.I. Regulation of Supply Relations: Theory and Practice. St. Petersburg: Juridical Center Press, 2002. 487 pages.

6. Gladkikh D.A. Public-Law Entity as a Subject of Property Liability // Journal of Russian Law. 2015. N 5. Pp. 33–41.

7. Karaseva M.V. Financial Legal Relationship. Moscow: NORMA, 2001. 349 p.

8. Yakovlev V.F. Civil-Law Method of Regulating Public Relations. 2nd revised and enlarged edition. Moscow: Statut, 2006. 240 pages.

9. Part Two of the Civil Code of the Russian Federation N 14-FZ of January 26, 1996 (as amended on July 24, 2023) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. N 5. Article 410.

10. Federal Law N 44-FZ of April 5, 2013 (as amended on May 8, 2025) "On the Contract System in the Sphere of Procurement of Goods, Works, and Services for Ensuring National and Municipal Needs" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2013. N 14. Article 1652.

11. Budget Code of the Russian Federation N 145-FZ of July 31, 1998 (as amended on December 28, 2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1998. N 31. Article 3823.

© Зумакулова З.А., Сижажев А.Х., 2026

Вестник СКФО: Право и экономика. – 2026. – № 2 (38). – С. 179–184.
Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics. 2026;2(38):179–184.

Юриспруденция
Научная статья
УДК 347.155

ДЕЕСПОСОБНОСТЬ: ПОНЯТИЕ И ВИДЫ

Инна Барасбиевна Карамурзова[1], Алим Хамидбиевич Сижажев[2]
[1,2] Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия
[1]07innka@mail.ru
[2]alimsizazev1@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена комплексному цивилистическому анализу дееспособности как динамического элемента правосубъектности физических лиц. Авторы исследуют телеологическую природу дееспособности через призму автономии воли, дифференцируя её статическую и динамическую составляющие. Особое внимание уделено дихотомии сделкоспособности и деликтоспособности, а также юридическим составам, опосредующим трансформацию объёма дееспособности. В работе предложена развёрнутая уровневая классификация видов дееспособности с учётом новелл гражданского законодательства, направленных на расширение диспозитивных начал в регулировании статуса лиц с психическими расстройствами. Методологически исследование базируется на диалектическом сочетании догматического анализа и функционального подхода, что позволило выявить пробелы в механизме ограничения дееспособности и предложить направления их устранения. Сделан вывод о необходимости дальнейшей процессуальной детализации критериев и развития механизмов поддерживаемого принятия решений.

Ключевые слова: правосубъектность, дееспособность, сделкоспособность, деликтоспособность, эмансипация, ограничение дееспособности, порок воли, психическое расстройство, трансакция, гражданский оборот

Для цитирования: **Карамурзова И.Б., Сижажев А.Х.** Дееспособность граждан: понятие, структура и виды // Вестник СКФО: право и экономика. 2026. № 2 (38). С. 179–184.

Jurisprudence
Originak article

LEGAL CAPACITY: CONCEPT AND TYPES

Inna Barasbievna Karamurzova[1], Alim Khamidbievich Sizhazhev[2]
[1,2] Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik, Russia
[1]07innka@mail.ru
[2]alimsizazev1@mail.ru

Annotation. The article presents a comprehensive civil law analysis of legal capacity as a dynamic element of the legal personality of natural persons. The authors examine the teleological nature of legal capacity through the lens of party autonomy, distinguishing between its static and dynamic components. Particular attention is paid to the dichotomy between the capacity to enter into transactions and the capacity to bear tort liability, as well as the legal elements that mediate changes in the scope of legal capacity. The article proposes an expanded multi-level classification of types of legal capacity, taking into account recent legislative changes aimed at broadening the scope of party autonomy in regulating the legal status of persons with mental disorders. Methodologically, the research is based on a dialectical combination of doctrinal analysis and a functional approach, which made it possible to identify gaps in the mechanism for restricting legal capacity and to propose directions for their elimination. The authors conclude that further procedural specification of criteria and the development of supported decision-making mechanisms are necessary.

Keywords: legal personality, legal capacity, capacity to enter into transactions, delictual capacity, emancipation, restriction of legal capacity, defect of will, mental disorder, transaction, civil commerce

For citation: **Karamurzova I.B., Sizhazhev A.Kh.** Legal capacity of citizens: concept, structure, and types. *Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics.* 2026. 2 (38):179–184.

Введение. Проблематика дееспособности физического лица традиционно занимает одно из центральных мест в цивилистической науке, поскольку именно данный институт опосредует переход от абстрактной возможности правообладания к реальному, юридически значимому волеизъявлению. Исследование феномена дееспособности невозможно в отрыве от онтологического понимания субъекта права как участника имущественного оборота. Генезис правового регулирования демонстрирует устойчивую тенденцию к социализации цивильного законодательства, что выражается в отказе от жёстких патерналистских моделей в пользу гибких механизмов, учитывающих степень сохранности интеллектуально-волевой сферы индивида.

Актуальность темы продиктована не только реформированием норм Гражданского кодекса Российской Федерации, но и необходимостью соблюдения баланса между охраной прав самого носителя дееспособности и стабильностью гражданского оборота, контрагенты которого вправе рассчитывать на действительность совершённых трансакций.

Цель исследования – доктринальная интерпретация дееспособности как динамической категории, детерминация её структурных элементов и построение иерархической системы видов с учётом дихотомии частных и публичных интересов.

Объект исследования – общественные отношения, складывающиеся в сфере реализации физическими лицами своей дееспособности как элемента правосубъектности.

Предмет исследования – правовая природа дееспособности, её структурные элементы (сделкоспособность и деликтоспособность), основания и порядок изменения объёма дееспособности, а также система видов дееспособности в российском гражданском праве.

Материалы и методы исследования. Теоретической основой исследования послужили труды отечественных цивилистов: С.Н. Братуся, О.С. Иоффе, Я.Р. Веберса, О.А. Красавчикова, Л.Ю. Михеевой, А.М. Нечаевой, Т.В. Шершень. Эмпирическую базу составили нормы Гражданского кодекса РФ, законодательство об опеке и попечительстве, а также материалы судебной практики по делам о признании граждан недееспособными и об ограничении дееспособности.

Методологическую основу исследования составляет диалектический подход к анализу правовых явлений. В ходе исследования авторами использовались следующие методы: формально-юридический метод; метод телеологического толкования; сравнительно-правовой метод; системно-структурный метод; метод правового моделирования

Применение указанных методов в их совокупности позволило обеспечить достоверность, обоснованность и комплексность полученных научных результатов.

Результаты и дискуссия

Понятие и структура дееспособности

Легальная дефиниция, закреплённая в ст. 21 ГК РФ, определяет дееспособность как способность гражданина своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя обязанности и исполнять их [1]. Данная формулировка, при кажущейся аксиоматичности, требует глубинной герменевтики. В доктрине общепризнано, что правоспособность и дееспособность, интегрируясь в понятие правосубъектности, имеют различную юридическую природу. Правоспособность является пассивным условием, абстрактной мерой возможного поведения, которая признаётся за лицом в равной мере с момента рожде-

ния. Дееспособность же представляет собой активную форму реализации правосубъектности, имманентно связанную с волевым критерием.

С позиции аналитической юриспруденции дееспособность можно охарактеризовать как волеспособность, то есть юридически признаваемую способность лица к сознательному регулированию своего поведения для достижения правовых последствий. Волевой момент (интеллектуальный критерий осознания и волевой критерий управления действиями) является квинтэссенцией дееспособности. Без него индивид остаётся лишь персонифицированным центром правовых благ, не способным к автономной юридической коммуникации. Справедливо утверждение о том, что дееспособность выступает юридическим инструментом, обеспечивающим принцип автономии воли частного лица в гражданском обороте [2, с. 128].

Структурно дееспособность не монолитна, она распадается на ряд юридических способностей, имеющих самостоятельное значение. Традиционно выделяют:

– *сделкоспособность* – способность к совершению правомерных юридических действий (трансакций), направленных на установление, изменение или прекращение гражданских правоотношений;

– *деликтоспособность* – способность нести самостоятельную имущественную ответственность за совершённые деликты (внедоговорные обязательства из причинения вреда).

Критически важно разграничивать эти элементы, поскольку объём сделкоспособности и деликтоспособности у одного и того же субъекта может не совпадать. Например, малолетний в возрасте до 14 лет, будучи полностью лишённым сделкоспособности (за исключением мелких бытовых и иных перечисленных в законе сделок), может выступать субъектом деликтной ответственности, которая возлагается на его законных представителей, что свидетельствует о расщеплении функциональной нагрузки дееспособности.

Функциональный критерий и предпосылки возникновения

Законодатель связывает возникновение дееспособности в полном объёме с достижением совершеннолетия, то есть в возрасте 18 лет. Данный юридический факт является сложным по своему составу, так как базируется на презумпции достижения лицом психической зрелости, необходимой для адекватной оценки рыночной конъюнктуры и прогнозирования последствий собственных действий. Мы имеем дело с приёмом юридической фикции, приравнивающей биологический возраст к интеллектуальной зрелости, что необходимо для формальной определённости оборота.

Вместе с тем цивилистика знает исключения, когда сделкоспособность в полном объёме наступает ранее, что опровергает тезис о жёсткой привязке дееспособности исключительно к возрастному цензу. Речь идёт о диспозитивной норме, допускающей снижение возраста брачного совершеннолетия (п. 2 ст. 21 ГК), и об институте эмансипации.

Эмансипация (ст. 27 ГК) представляет собой сложный юридический состав: достижение 16-летнего возраста и наличие трудового договора (контракта) или занятие предпринимательской деятельностью с согласия законных представителей [1]. Объявление несовершеннолетнего полностью дееспособным производится по решению органа опеки и попечительства при наличии согласия обоих родителей, а при отсутствии такового, – по решению суда. Сущность эмансипации заключается в фиксации государством экономической самостоятельности несовершеннолетнего. Здесь происходит смещение акцента с возрастного психофизического критерия на социально-экономический. С момента эмансипации родители утрачивают не только право на законное представительство, но и субсидиарную ответственность по обязательствам эмансипированного, что подчеркивает полноту его имущественной деликтоспособности.

Виды дееспособности: уровневая дифференциация

Исходя из объёма сделкоспособности, правовая доктрина и легальная техника выстраивают строгую иерархическую систему видов дееспособности, которую следует рассматривать как континуум от полного отсутствия волеспособности до её полноценного функционирования.

1. Полностью недееспособные (нулевая сделкоспособность). К данной категории относятся: малолетние до 6 лет (согласно изменениям, внесённым в ст. 28 ГК, для детей до 6 лет не предусмотрено даже мелких бытовых сделок) и граждане, признанные судом недееспособными вследствие психического расстройства, при котором они не могут понимать значения своих действий или руководить ими. Юридическое значение недееспособности заключается в том, что за таких лиц все сделки совершают их законные представители. Воля представителя полностью замещает волю подопечного. При этом закон устанавливает абсолютную ничтожность сделок, совершенных недееспособным самостоятельно (ст. 171 ГК), что является императивом, направленным на защиту имущественной массы такого лица. Однако реституция, предусмотренная данной нормой, осложняется необходимостью доказывания контрагентом факта того, что он не знал и не должен был знать о состоянии недееспособности, что на практике порождает риск нестабильности трансакций [3, с. 214].

2. Частичная (фрагментарная) дееспособность малолетних. Данная категория охватывает граждан в возрасте от 6 до 14 лет. Их сделкоспособность носит исчерпывающе ограниченный характер. Закон предоставляет им право совершать три категории сделок: а) мелкие бытовые сделки, критерий которых оценочен (незначительность цены, направленность на удовлетворение обычных потребностей, исполнение в момент совершения); б) сделки, направленные на безвозмездное получение выгоды, не требующие нотариального удостоверения или государственной регистрации; в) сделки по распоряжению средствами, предоставленными законным представителем или с его согласия третьим лицом для свободного распоряжения (ст. 28 ГК) [4]. Расширительное толкование данной нормы не допускается. Характерной особенностью является закрепление законным представителем ответственности по сделкам малолетнего, а также субсидиарной ответственности за причинённый им вред (деликтная ответственность переложена на представителей). Механизм субсидиарной ответственности отражает римскую конструкцию culpa in eligendo et custodiendo.

3. Неполная (относительная) дееспособность несовершеннолетних. Лица в возрастной страте от 14 до 18 лет обладают значительным объёмом сделкоспособности. Они действуют в обороте преимущественно самостоятельно, но с получением письменного согласия (последующего одобрения) родителей, усыновителей или попечителя (ст. 26 ГК). Трансакция, совершенная без требуемого одобрения, является оспоримой. Это означает, что порок воли восполним, сделка не порочна изначально, но может быть аннулирована по иску законного представителя. Примечательно, что в этом возрасте появляется самостоятельная деликтоспособность: лица от 14 до 18 лет самостоятельно несут ответственность за причинённый вред на общих основаниях, и лишь при недостаточности имущества вред в недостающей части возмещается попечителями, если они не докажут отсутствие своей вины. Это уже не ответственность «вместо», а ответственность «наряду», что знаменует переход к автономии субъекта.

4. Ограниченная дееспособность – это специальный правовой режим, применяемый в судебном порядке к лицам, чьё социально опасное поведение угрожает имущественным интересам семьи. Основанием ограничения в соответствии со ст. 30 ГК является пристрастие к азартным играм, злоупотребление спиртными напитками или наркотическими средствами, ставящее семью в тяжёлое материальное положение. Важно подчеркнуть, что медицинский критерий (алкоголизм или наркомания как диагноз) в данном составе не является доминирующим. Юридический факт конституирующего значения – имущественный ущерб семьи, каузально связанный с девиантным поведением субъекта. Над таким лицом устанавливается попечительство, и он лишается права совершать сделки, выходящие за рамки получения и распоряжения заработком, а также получать доходы без согласия попечителя. Однако деликтоспособность сохраняется в полном объёме – лицо самостоятельно несёт ответственность за деликты. Здесь мы видим не порок интеллекта, а порок воли в части управления имущественной массой, что обосновывает избирательность применяемых санкций [5, с. 84].

5. Частичная дееспособность вследствие психического расстройства (модифицированная недееспособность). Федеральным законом от 30.12.2012 N 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» в ГК РФ внесены изменения, размывающие бинарную оппозицию «дееспособен – недееспособен». Введённая п. 2 ст. 30 конструкция допускает ограничение дееспособности лица, которое вследствие психического расстройства может понимать значение своих действий или руководить ими лишь при помощи других лиц. Это промежуточное состояние. Суд не лишает лицо прав полностью, а лишь ограничивает перечень самостоятельных действий. Данная норма является имплементацией принципа пропорциональности, заложенного в международных конвенциях о правах инвалидов [6, с. 19].

При данном виде дееспособности гражданин вправе совершать мелкие бытовые сделки самостоятельно, а также распоряжаться заработком и иными доходами, но только с письменного согласия попечителя. Все остальные сделки совершаются попечителем от имени подопечного. Тем самым вводится дифференцированная оценка волеспособности, при которой нозологическая форма расстройства не предопределяет тотального поражения в правах.

Проблемы разграничения и судебного усмотрения

Наибольшую сложность в практической плоскости представляет установление юридических фактов, влияющих на динамику дееспособности. Судебное решение о признании гражданина недееспособным или об ограничении дееспособности является правообразующим актом, создающим новое правовое состояние. Однако критерии, заложенные в процессуальное законодательство, остаются оценочными. Определение способности «понимать значение своих действий или руководить ими» требует не просто верификации медицинского диагноза (психиатрического критерия), но и установления юридического (психологического) критерия, который не всегда коррелирует с МКБ-10.

В рамках судебно-психиатрической экспертизы нередко возникает конкуренция между заключением эксперта и внутренним убеждением судьи. Согласно ст. 67 ГПК РФ, экспертное заключение не имеет преимущественной силы, однако de facto суд, не обладая специальными познаниями, связан выводами эксперта в вопросах клинической картины. Проблемой является и временной разрыв: дееспособность как категория дискретна и не всегда стабильна во времени. Лицо может страдать ремиттирующим психическим заболеванием, совершая сделки в «светлом промежутке» (lucidum intervallum). Действующее законодательство содержит пробел относительно оспаривания сделок, совершённых лицом, которое впоследствии было признано недееспособным, но в момент трансакции ещё не имело такового статуса. Доказывание состояния невменяемости на момент совершения конкретной сделки (ст. 177 ГК) возлагает на истца тяжёлое бремя доказывания порока воли в ретроспективе, что крайне затруднительно без своевременного медицинского документирования [7, 96].

Ещё одной процессуальной аномалией является частичное восстановление дееспособности. Гражданин, признанный недееспособным, помещается в состояние тотального правового вакуума, выход из которого возможен только через процедуру отмены соответствующего решения суда при существенном улучшении состояния. При этом текущая редакция закона не предусматривает гибкого механизма изменения объёма помощи с течением времени, что создаёт дихотомию «всё или ничего», хотя психический дефект может иметь волнообразное течение.

Заключение. Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Дееспособность является сложно структурированным феноменом, основанным на сочетании возрастного, волевого и социально-экономического критериев. Современная доктрина отходит от унитарного взгляда, допуская фрагментацию сделкоспособности и деликтоспособности.

Предложенная уровневая классификация видов дееспособности (полностью недееспособные, частичная дееспособность малолетних, неполная дееспособность несовершеннолетних, ограниченная дееспособность, частичная дееспособность вследствие психического

расстройства) позволяет системно охватить всё многообразие правовых режимов, существующих в российском гражданском праве.

Введение ограниченной дееспособности для лиц с психическими расстройствами свидетельствует о гуманизации регулирования и имплементации принципа пропорциональности в цивильное законодательство.

Дальнейшее совершенствование правового регулирования должно быть направлено на процессуальную детализацию критериев ограничения дееспособности, развитие механизмов «поддерживаемого принятия решений» и создание гибких процедур изменения объёма дееспособности при волнообразном течении психических заболеваний.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

2. Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. М.: Статут, 2000. 777 с.

3. Красавчиков О.А. Гражданская правосубъектность как правовая форма // Категории науки гражданского права. Избранные труды: в 2 т. М.: Статут, 2005. Т. 2. С. 204–218.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

5. Шершень Т.В. Принцип равенства прав граждан и его реализация в нормах о дееспособности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. № 2 (28). С. 17–23.

6. Нечаева А.М. О правосубъектности физических лиц // Государство и право. 2001. № 7. С. 23–31.

7. Братусь С.Н. Субъекты гражданского права. М.: Юридическая литература. 1984. 288 с.

List of sources

1. Civil Code of the Russian Federation (Part One) N 51-FZ dated November 30, 1994 (as amended on March 11, 2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. N 32. Art. 3301.

2. Ioffe O.S. Selected Works on Civil Law: From the History of Civil Law Thought. M.: Statut, 2000. 777 p.

3. Krasavchikov O.A. Civil Legal Personality as a Legal Form // Categories of Civil Law Science. Selected Works: In 2 vols. M.: Statut, 2005. Vol. 2. P. 204–218.

4. Civil Code of the Russian Federation (Part Two) N 14-FZ dated January 26, 1996 (as amended on July 24, 2023) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. N 5. Art. 410.

5. Shershen T.V. The principle of equality of citizens' rights and its implementation in norms regarding legal capacity // Bulletin of Perm University. Juridical Sciences. 2015. N 2 (28). P. 17–23.

6. Nechaeva A.M. On the legal personality of natural persons // State and Law. 2001. N 7. P. 23–31.

7. Bratus S.N. Subjects of Civil Law. M.: Yuridicheskaya Literatura. 1984. 288 p.

© Карамурзова И.Б., Сижажев А.Х., 2026

Вестник СКФО: Право и экономика. – 2026. – № 2 (38). – С. 185–193.
Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics. *2026;2 (38):185–193*.

Научная статья
УДК 349.3

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЕТЕЙ-ИНВАЛИДОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Инна Барасбиевна Карамурзова[1], Азамат Арсенович Куашев[2]
[1,2] Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия
[1]07innka@mail.ru
[2]alimsizazev1@mail.ru

Аннотация. В Российской Федерации как социальном государстве особое внимание уделяется поддержке наиболее уязвимых групп населения, включая детей с инвалидностью. Однако, несмотря на предпринимаемые меры, численность таких детей ежегодно увеличивается. По информации Федеральной службы государственной статистики, к концу 2025 года социальную пенсию получали 793 047 несовершеннолетних с инвалидностью, что на 13 тысяч больше, чем годом ранее. Рост числа детей-инвалидов обостряет проблему эффективности их социального обеспечения. Действующая система поддержки, несмотря на усилия государства, не всегда отвечает современным вызовам, что требует поиска новых подходов и методов оказания помощи этой категории граждан. В статье проведён комплексный анализ правового статуса детей-инвалидов, исследованы основные формы их социального обеспечения – денежные выплаты и натуральная помощь, выявлены системные недостатки действующего законодательства и практики его применения. Особое внимание уделено проблемам недостаточности размера социальных пенсий и компенсационных выплат, несовершенству механизма предоставления набора социальных услуг, а также отсутствию единого подхода к определению понятия «ребёнок-инвалид» в российском законодательстве. На основе проведённого анализа сформулированы предложения по совершенствованию нормативно-правовой базы и переходу к адресному подходу в социальном обеспечении детей-инвалидов.

Ключевые слова: ребёнок-инвалид, правовой статус, социальное обеспечение, социальная пенсия, единовременная денежная выплата, набор социальных услуг, компенсационная выплата, социальная защита, индивидуальная программа реабилитации и абилитации, адресный подход

Для цитирования: **Карамурзова И.Б., Куашев А.А.** Правовое регулирование социального обеспечения детей-инвалидов в Российской Федерации: проблемы и направления совершенствования // Вестник СКФО: право и экономика. 2026. № 2 (38). С. 185–193.

Jurisprudence
Originak article

LEGAL REGULATION OF SOCIAL SECURITY FOR CHILDREN WITH DISABILITIES IN THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS AND AREAS FOR IMPROVEMENT

Inna Barasbievna Karamurzova[1], Azamat Arsenovich Kuashev[2]
[1,2] Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik, Russia
[1]07innka@mail.ru
[2]alimsizazev1@mail.ru

Annotation. n the Russian Federation as a social welfare state, special attention is paid to supporting the most vulnerable groups of the population, including children with disabilities. However, despite the measures taken, the number of such children increases annually. According to the Federal State Statistics Service, by the end of 2025, 793,047 minors with disabilities were receiving social pensions, an increase of 13,000 compared to the previous year. The growing number of children with disabilities exacerbates the problem of the effectiveness of their social security. The current support system, despite the state's efforts, does not always meet modern challenges, necessitating the search for new approaches and methods to assist this category of citizens. The article provides a comprehensive analysis of the legal status of disabled children, examines the main forms of their social security – cash payments and in-kind assistance, identifies systemic shortcomings of the current legislation and its application practice. Special attention is

paid to the problems of insufficiency of social pensions and compensation payments, imperfection of the mechanism for providing a set of social services, as well as the lack of a unified approach to the definition of "disabled child" in Russian legislation. Based on the analysis, proposals are formulated to improve the legal framework and transition to a targeted approach in the social security of disabled children.

Keywords: disabled child, legal status, social security, social pension, lump-sum cash payment, set of social services, compensation payment, social protection, individual rehabilitation and habilitation program, targeted approach

For citation: **Karamurzova I.B., Kuashev A.A.** Legal Regulation of Social Security for Disabled Children in the Russian Federation: Problems and Areas for Improvement. *Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics*. 2026;2(38):185–193.

Введение. В Российской Федерации как социальном государстве, провозгласившем в статье 7 Конституции РФ курс на обеспечение достойной жизни и свободного развития человека, вопросы социальной поддержки наиболее уязвимых категорий населения являются приоритетными. Среди них особое место занимают дети-инвалиды, нуждающиеся в повышенном внимании государства и общества в силу ограничений жизнедеятельности, обусловленных стойкими нарушениями функций организма.

Правовое регулирование в сфере социального обеспечения детей-инвалидов представляет собой сложный и многоуровневый механизм, включающий нормы международного права, федеральное законодательство, подзаконные нормативные акты, а также региональное и муниципальное нормотворчество. Однако, несмотря на наличие обширной нормативной базы, действующая система поддержки не всегда отвечает современным вызовам, что подтверждается устойчивой тенденцией к росту численности детей-инвалидов и сохраняющимися проблемами в реализации их прав на достойный уровень жизни.

Особую актуальность исследованию придаёт необходимость критического переосмысления существующих подходов к социальному обеспечению детей-инвалидов, выявления системных недостатков и разработки предложений по их устранению с учётом современных социально-экономических условий и международных стандартов в области защиты прав лиц с инвалидностью.

Цель исследования – комплексный анализ нормативно-правовой базы социального обеспечения детей-инвалидов в Российской Федерации, выявление системных проблем в её реализации и разработка предложений по совершенствованию правового регулирования и практики применения мер социальной поддержки.

Объект исследования – общественные отношения, складывающиеся в сфере социального обеспечения и государственной поддержки детей-инвалидов в РФ.

Предмет исследования – нормы российского и международного законодательства, регулирующие правовой статус и социальное обеспечение детей-инвалидов, а также правоприменительная практика их реализации.

Материалы и методы исследования. Теоретической основой исследования послужили научные труды отечественных учёных в области права социального обеспечения и защиты прав детей-инвалидов – Е.Г. Азаровой, Д.А. Семянниковой, О.С. Смирновой. Эмпирическую базу составили нормативные правовые акты: Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года. (в ред. Законов Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) [1], Гражданский кодекс Российской Федерации от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) [2], Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (ред. от 29.05.2024) [3], Федеральный закон от 17.07.1999 № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» (ред. от 14.02.2024) [4], Федеральный закон от 15.12.2001 № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» (ред. от 29.05.2024) [5], Указы Президента РФ [6, 7], постановления Правительства РФ [8], а также международные правовые акты – Конвенция ООН о правах ребёнка [9] и Конвенция ООН о правах инвалидов [10].

В процессе исследования использовались следующие общенаучные и специально-юридические методы: метод анализа (для изучения содержания правовых норм и выявления их системных взаимосвязей); метод синтеза (для формирования целостного представления о правовом статусе детей-инвалидов); формально-юридический метод (для толкования содержания нормативных правовых актов); сравнительно-правовой метод (для сопоставления различных подходов к регулированию социального обеспечения); системно-структурный метод (для анализа структуры социального обеспечения детей-инвалидов как единой системы).

Применение данных методов в совокупности позволило обеспечить комплексность, достоверность и научную обоснованность полученных результатов.

Результаты и дискуссия

Правовой статус ребёнка-инвалида: понятие и содержание

Для точного понимания термина «ребёнок-инвалид» целесообразно рассмотреть его составные элементы. Согласно статье 1 Конвенции ООН о правах ребёнка, ребёнком признаётся каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста, если по национальному законодательству совершеннолетие не наступает раньше [9]. В свою очередь, российское законодательство (статья 1 Федерального закона «О социальной защите инвалидов в РФ») определяет инвалида как лицо со стойким нарушением функций организма, вызванным заболеваниями, травмами или дефектами, которое приводит к ограничению жизнедеятельности и обусловливает необходимость социальной защиты [3].

Несмотря на широкое распространение термина «ребёнок-инвалид» как в международных правовых актах, так и в российском законодательстве, его легальное определение на сегодняшний день не закреплено. В научной, бытовой и даже нормативной практике используются различные синонимичные выражения: «дети с ограниченными возможностями здоровья» (ОВЗ), «дети с особыми потребностями», «дети с особенностями развития», а также устаревшие термины – «аномальные дети» или «дети с проблемами развития». В *таблице 1* представлен сравнительный анализ терминов, используемых для обозначения детей с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья

Таблица 1 – Сравнительный анализ терминов, используемых для обозначения детей с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья

Термин	Нормативный акт / источник	Содержательная характеристика
Ребёнок-инвалид	ФЗ № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в РФ» (косвенно); Указ Президента РФ № 761	Несовершеннолетний со стойкими нарушениями функций организма, нуждающийся в социальной защите
Ребёнок с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ)	ФЗ № 273-ФЗ «Об образовании в РФ»; Письмо Рособрнадзора № 02-52-3/10-ин	Лицо, имеющее подтверждённые ПМПК недостатки в физическом или психическом развитии, препятствующие получению образования без специальных условий
Ребёнок с особыми потребностями	Научная и бытовая практика	Лицо с выраженными и тяжёлыми нарушениями физического, интеллектуального и психического характера
Ребёнок с особенностями развития	Научная и педагогическая литература	Несовершеннолетний с физическими и/или психическими отклонениями, создающими препятствия для освоения образовательных программ

При этом чёткие критерии разграничения между этими определениями отсутствуют. В различных правовых актах их трактуют либо как синонимы, либо объединяют в одну категорию. Так, в Письме Рособрнадзора от 05.03.2010 № 02-52-3/10-ин поясняется, что к детям с

ОВЗ относятся лица с физическими и (или) психическими недостатками, включая детей-инвалидов и инвалидов. Из этого следует, что дети с инвалидностью входят в более широкую группу детей с ОВЗ.

Приведённые в *таблице 1* данные свидетельствуют о терминологической фрагментарности российского законодательства в сфере регулирования статуса детей-инвалидов. Отсутствие единого легального определения при одновременном использовании нескольких смежных понятий (ребёнок-инвалид, ребёнок с ОВЗ, ребёнок с особыми потребностями) создаёт правовую неопределённость, затрудняет реализацию социальных гарантий и требует унификации терминологического аппарата на законодательном уровне.

В то же время статья 2 Федерального закона от 29 декабря 2012 года N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» определяет обучающихся с ОВЗ как лиц, имеющих подтверждённые психолого-медико-педагогической комиссией недостатки в физическом или психическом развитии, которые препятствуют получению образования без создания специальных условий [11]. Таким образом, законодатель выделяет детей с ОВЗ как самостоятельную категорию, отличную от детей-инвалидов.

На основании анализа научных и нормативных определений можно предложить следующее определение: дети-инвалиды – это несовершеннолетние (как правило, до 18 лет), которым по заключению медико-социальной экспертизы установлены стойкие нарушения функций организма, обусловленные заболеваниями, травмами или врождёнными дефектами, приводящие к ограничениям в самостоятельной социальной, бытовой или профессиональной деятельности и обусловливающие необходимость социальной защиты.

Специфика правового статуса ребёнка-инвалида заключается в сочетании двух самостоятельных элементов: статуса несовершеннолетнего и статуса лица с инвалидностью. Их уникальное сочетание определяет содержание данного понятия. При этом дети-инвалиды сталкиваются с существенными препятствиями в реализации своих прав наравне со здоровыми сверстниками, а их потребности в социальном обеспечении значительно превышают аналогичные потребности других детей, что обусловлено состоянием здоровья [12, с. 133].

Анализ юридической природы инвалидности у несовершеннолетних позволяет выделить ряд специфических черт. В частности, статус ребёнка-инвалида всегда носит временный характер, поскольку связан с возрастными ограничениями. При этом в процессе признания инвалидности у ребёнка не устанавливается причина утраты здоровья и не присваивается группа, что выступает существенным пробелом действующего российского законодательства. Внедрение системы групповой дифференциации позволило бы более адресно и справедливо распределять меры социальной поддержки, ориентируясь на индивидуальные особенности, форму и тяжесть ограничений каждого несовершеннолетнего.

Особое значение в контексте правового статуса детей-инвалидов приобретает вопрос о распространении мер поддержки не только на самого ребёнка, но и на его семью. Подавляющее большинство таких детей воспитываются в домашних условиях, при этом значительная часть семей (более 80 %) испытывает серьёзные материальные трудности. В связи с этим субъектом социального обеспечения выступает не только сам несовершеннолетний, но и его законные представители – родители, усыновители, опекуны или попечители.

Система социального обеспечения детей-инвалидов: формы и виды поддержки

Реализация социального обеспечения детей с инвалидностью осуществляется в двух основных формах: денежные выплаты и натуральная помощь. К последней относятся предоставление лекарственных препаратов, технических средств реабилитации, продуктов питания, социального обслуживания и иных льгот, необходимых для удовлетворения особых потребностей ребёнка.

Особое внимание уделяется денежным выплатам, поскольку семьи, воспитывающие детей с инвалидностью, зачастую сталкиваются с финансовыми трудностями. Это связано с необходимостью специализированного лечения, особого питания, развития, а также с тем,

что один из родителей зачастую вынужден отказаться от трудовой деятельности ради ухода за ребёнком, что снижает совокупный доход семьи.

Ключевой формой денежных выплат является социальная пенсия – регулярная денежная выплата, предоставляемая государством с целью содержания гражданина и удовлетворения его базовых потребностей. В отличие от трудовой пенсии, социальная пенсия не замещает утраченный заработок, а выступает гарантией минимальной денежной помощи для тех, кто не приобрёл права на трудовую пенсию.

Величина социальной пенсии для детей-инвалидов регламентируется Федеральным законом № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» и устанавливается в виде фиксированной суммы [5]. На 1 апреля 2026 года, с учётом проведённой индексации, размер данной выплаты составляет 22 617 рублей 67 копеек. Однако, как показывает практика и исследования, этой суммы недостаточно для полноценного удовлетворения всех потребностей ребёнка с инвалидностью. По мнению экспертов, размер социальной пенсии должен быть увеличен как минимум вдвое, чтобы соответствовать реальным потребностям.

Помимо социальной пенсии, несовершеннолетний имеет право на ежемесячную денежную выплату (ЕДВ), включающую набор социальных услуг (НСУ). В состав НСУ входят: обеспечение лекарственными средствами, медицинскими изделиями, продуктами лечебного питания; предоставление путёвок на санаторно-курортное лечение; бесплатный проезд к месту лечения и обратно. Однако получатель может отказаться от одной, нескольких или всех услуг в пользу денежной компенсации. Основные причины такого выбора – острая потребность семей в денежных средствах, сложности с получением услуг в натуральной форме (дефицит лекарств или лечебного питания), а также длительные сроки ожидания предоставления льгот.

Несмотря на значительное распространение практики замены натуральных услуг денежной компенсацией, у ЕДВ есть свои недостатки: недостаточный размер выплат и отсутствие региональной дифференциации. Стоимость натуральных услуг в рамках НСУ зачастую значительно занижена по сравнению с их реальной рыночной стоимостью.

Для поддержки семей, воспитывающих детей с инвалидностью, Указом Президента РФ от 26.02.2013 № 175 предусмотрена ежемесячная компенсационная выплата лицам, осуществляющим уход за детьми-инвалидами и инвалидами с детства I группы [6]. Право на эту выплату имеют трудоспособные граждане (родители, усыновители, опекуны или попечители), которые не работают или заняты неполный рабочий день. Размер данной выплаты составляет 10 000 рублей, что почти в 3 раза меньше установленного на 2026 год МРОТ (27 093 рубля). По своей сути эта выплата призвана компенсировать неполученную заработную плату из-за невозможности полноценно трудиться, однако её размер явно недостаточен для выполнения этой функции.

В качестве дополнительной федеральной меры поддержки выступает единовременное пособие, предоставляемое в случае возникновения у ребёнка-инвалида поствакцинального осложнения, размер которого составляет 10 000 рублей. Если инвалидность несовершеннолетнего установлена вследствие подобного осложнения, ему также назначается ежемесячная компенсационная выплата в размере 1 000 рублей.

Системные недостатки механизма денежного обеспечения детей с инвалидностью проявляются, прежде всего, в отсутствии единства правового регулирования и разрозненности источников финансирования – федеральный бюджет, бюджеты субъектов Российской Федерации, средства Социального фонда России.

В *таблице 2* представлдены основные виды денежных выплат детям-инвалидам и лицам, осуществляющим уход, в Российской Федерации (по состоянию на 2026 год).

Таблица 2 – Основные виды денежных выплат детям-инвалидам и лицам, осуществляющим уход, в Российской Федерации (по состоянию на 2026 год)

Вид выплаты	Нормативный акт	Размер (руб.)	Получатель	Примечание
Социальная пенсия	ФЗ от 05.12.2001 № 166-ФЗ О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации (с изменениями на 28 ноября 2025 года)	22 617,67	Ребёнок-инвалид	Индексируется ежегодно с 1 апреля
Ежемесячная денежная выплата (ЕДВ) с НСУ	ФЗ от 24 ноября 1995 года № 181-ФЗ называется «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (в редакции от 29.12.2025 № 573-ФЗ)	2 224,28	Ребёнок-инвалид	При сохранении полного пакета НСУ
ЕДВ при отказе от НСУ	ФЗ от 24 ноября 1995 года № 181-ФЗ называется «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (в редакции от 29.12.2025 N 573-ФЗ)	3 806,32	Ребёнок-инвалид	При полном отказе от всех социальных услуг
Компенсационная выплата по уходу	Указ Президента Российской Федерации от 26.02.2013 г. № 175. О ежемесячных выплатах лицам, осуществляющим уход за детьми-инвалидами и инвалидами с детства I группы	10 000,00	Родитель/опекун (неработающий или занятый неполный день)	Почти в 3 раза ниже МРОТ (27 093 руб.)
Пособие при поствакцинальном осложнении	ФЗ от 17.09.1998 № 157-ФЗ «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней» (ред. от 25.12.2023)	10 000,00	Ребёнок-инвалид	Единовременная выплата
Ежемесячная компенсация при поствакцинальном осложнении	ФЗ от 17.09.1998 № 157-ФЗ «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней» (ред. от 25.12.2023)	1 000,00	Ребёнок-инвалид	Ежемесячная выплата

Источник: составлено автором на основе анализа Федерального закона от 15.12.2001 № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении …» [5], Федерального закона от 24.11.95 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов …» [3], Указа Президента РФ от 26.02.2013 № 175 « О ежемесячных выплатах лицам … [6].

Приведённые в *таблице 2* данные наглядно иллюстрируют системную проблему недостаточности денежного обеспечения детей-инвалидов и осуществляющих за ними уход лиц. При размере социальной пенсии 22 617,67 руб., лишь незначительно превышающем прожиточный минимум (18 371 руб.), и компенсационной выплате по уходу в размере 10 000 руб. (почти в 3 раза ниже МРОТ) становится очевидным несоответствие материального обеспечения семей с детьми-инвалидами их действительным потребностям. Одновременно отсутствие дифференциации выплат в зависимости от степени тяжести инвалидности, а также заниженная стоимостная оценка набора социальных услуг (1 582,04 руб.) свидетельствуют о необходимости комплексного реформирования системы денежного обеспечения с переходом к адресному и дифференцированному подходу.

Как обосновано отмечают многие отечественные исследователи, в практике реализуются разрозненные меры социальной поддержки, а не целостная, комплексная система. Социальная политика в отношении инвалидов носит фрагментарный характер и не отличается стратегической последовательностью.

Ещё одним существенным изъяном является то, что при назначении выплат не проводится оценка реальных потребностей ребёнка, что не позволяет определить их адресность и эффективность [13]. Ключевым недостатком денежных выплат выступает их недостаточный объём, не позволяющий обеспечить семье с ребёнком-инвалидом достойный уровень жизни, что противоречит ст. 28 Конвенции ООН о правах инвалидов, обязывающей государства создавать условия для достижения инвалидами и их семьями достаточного жизненного стандарта [10].

Натуральная помощь как форма социального обеспечения

Помимо денежных выплат, система социального обеспечения детей-инвалидов включает меры поддержки в натуральной форме. К ним относятся натуральная помощь, медицинское обслуживание, реабилитационные и абилитационные мероприятия, а также социальные услуги и обслуживание.

Натуральная помощь является основным видом поддержки в неденежной форме и регулируется Федеральным законом от 17.07.1999 № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» (ред. от 14.02.2024) [4] и Федеральным законом от 17.07.1999 № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» (ред. от 14.02.2024 [3]. Она выражается в передаче получателю конкретных предметов первой необходимости: топлива, продуктов питания, одежды, обуви, медикаментов, технических средств реабилитации (ТСР) и других жизненно важных вещей [8]. На практике в большинстве субъектах Российской Федерации вместо непосредственного предоставления натуральной помощи осуществляется выплата денежной компенсации, предназначенной для самостоятельного приобретения медицинских изделий, лекарственных препаратов, одежды и иных необходимых предметов [14].

Не менее важным элементом системы поддержки детей с инвалидностью выступает медицинское обслуживание. В соответствии со статьёй 13 Федерального закона от 7.07.1999 № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» (ред. от 14.02.2024, инвалиды обладают правом на получение бесплатной квалифицированной медицинской помощи в пределах программы государственных гарантий [3]. Как правило, медицинское обслуживание ребёнка с инвалидностью осуществляется на основании рекомендаций, зафиксированных в его индивидуальной программе реабилитации и абилитации (ИПРА).

К числу ключевых направлений реабилитационного процесса относятся восстановительное лечение, реконструктивные хирургические вмешательства, санаторно-курортное оздоровление (входит в состав набора социальных услуг), протезирование и ортезирование, обеспечение слуховыми аппаратами.

Заключение

Проведённый анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Правовой статус ребёнка-инвалида формируется как синтез двух самостоятельных элементов: статуса несовершеннолетнего и статуса лица с инвалидностью. Подобное сочетание определяет его специфику и отличает от правового положения взрослого инвалида. Однако отсутствие легального определения понятия «ребёнок-инвалид» в российском законодательстве создаёт правовую неопределённость и затрудняет реализацию мер социальной поддержки.

2. Система социального обеспечения детей-инвалидов включает две основные формы: денежные выплаты и натуральную помощь. При этом ключевые виды денежных выплат (социальная пенсия, компенсационная выплата, ЕДВ) имеют недостаточный размер, не позволяющий обеспечить достойный уровень жизни семьи с ребёнком-инвалидом. Размер социальной пенсии лишь незначительно превышает прожиточный минимум, а компенсационная выплата для неработающих родителей составляет всего 10 000 рублей, что почти втрое ниже МРОТ.

3. Натуральная помощь, включая набор социальных услуг, на практике зачастую заменяется денежной компенсацией, размер которой не соответствует реальной стоимости услуг. Кроме того, отсутствует механизм оценки реальных потребностей ребёнка, что снижает адресность и эффективность предоставляемых мер поддержки.

4. В условиях роста численности детей с инвалидностью вопросы их социального обеспечения приобретают особую актуальность и становятся приоритетным направлением государственной социальной политики. Необходимо дальнейшее совершенствование нормативно-правовой базы с учётом следующих направлений: закрепление на законодательном уровне единого определения понятия «ребёнок-инвалид»; переход от унифицированного перечня социальных услуг к адресному подходу, учитывающему индивидуальные особенности состояния здоровья и потребности каждого ребёнка; увеличение размера социальных пенсий и компенсационных выплат до уровня, обеспечивающего достойный уровень жизни; внедрение системы групповой дифференциации при установлении инвалидности детям; формирование целостной, комплексной системы социальной поддержки, объединяющей разрозненные меры в единый механизм.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года. (в ред. Законов Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ).

2. Гражданский кодекс Российской Федерации от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5.

3. Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (ред. от 29.05.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 27.11.1995. N 48. Ст. 4563.

4. Федеральный закон от 17.07.1999 №178-ФЗ «О государственной социальной помощи» (ред. от 14.02.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 19.07.1999. № 29. Ст. 3699.

5. Федеральный закон от 15.12.2001 № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» (ред. от 29.05.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 17.12.2001. № 51. Ст. 4831.

6. Указ Президента Российской Федерации от 26.02.2013 № 175 «О ежемесячных выплатах лицам, осуществляющим уход за детьми-инвалидами и инвалидами с детства I группы» (ред. от 01.12.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 04.03.2013. № 9. Ст. 938.

7. Указ Президента Российской Федерации от 01.06.2012 № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 04.06.2012. № 23. Ст. 2994.

8. Распоряжение Правительства РФ от 30.12.2005 № 2347-р «О федеральном перечне реабилитационных мероприятий, технических средств реабилитации и услуг, предоставляемых инвалиду» (ред. от 10.11.2023) // Российская газета. 11.01.2006. № 1.

9. Конвенция ООН о правах ребенка. Одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989. Вступила в силу для СССР 15.09.1990) // Сборник международных договоров СССР. М., 1993 г. Выпуск XLVI. Ст. 1.

10. Конвенция ООН о правах инвалидов. Принята Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 13 декабря 2006 года № 61/106. Ратифицирована Федеральным законом от 03.05.2012 № 46-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 11.02.2013. № 6. Ст. 468.

11. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 31.12.2012. № 53 (Ч. I). Ст. 7598.

12. Азарова Е. Г. Социальное обеспечение детей: теоретические подходы: монография. М.: Контракт, 2012. С. 133.

13. Смирнова О.С., Смирнова А.А. Правовое регулирование социальной защиты детей-инвалидов в Российской Федерации // Столица науки. 2020. № 3(20). С. 135.

14. Семянникова Д.А. Правовое регулирование натуральной помощи детям-инвалидам в Российской Федерации // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2019. № 2 (34). С. 74.

List of sources

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all–Russian vote on 07.01.2020).

2. The Civil Code of the Russian Federation dated January 26, 1996, No. 14-FZ (as amended on July 24, 2023) // Collection of Legislation of the Russian Federation, 1996, No. 5.

3. Federal Law N 181-FZ dated 24.11.1995 «On Social Protection of Persons with Disabilities in the Russian Federation» (as amended on 29.05.2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 27.11.1995. N 48. Art. 4563.

4. Federal Law N 178-FZ dated July 17, 1999 «On State Social Assistance» (as amended on 02/14/2024) // Collection of legislation of the Russian Federation. 07.19.1999. N 29. St. 3699.

5. Federal Law N 166-FZ dated 15.12.2001 «On State Pension Provision in the Russian Federation» (as amended on 29.05.2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 12.17.2001. N 51. Art. 4831.

6. Decree of the President of the Russian Federation dated 02/26/2013 N 175 «On monthly payments to persons caring for children with disabilities and those with disabilities from childhood of group I» (as amended on 12.01.2023) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 04.03.2013. N 9. Art. 938.

7. Decree of the President of the Russian Federation dated 06/01/2012 N 761 "On the National Strategy of Action in the interests of children for 2012-2017" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 04.06.2012. N 23. Art. 2994.

8. Decree of the Government of the Russian Federation dated 12.30.2005 N 2347-r "On the Federal List of rehabilitation measures, technical means of rehabilitation and services provided to a disabled person" (as amended on 11.10.2023) // Rossiyskaya Gazeta. 11.01.2006. N 1.

9. The UN Convention on the Rights of the Child. Approved by the UN General Assembly on 11.20.1989. Entered into force for the USSR on 15.09.1990) // Collection of international treaties of the USSR. M., 1993. Issue XLVI. Art. 1.

10. The UN Convention on the Rights of Persons with Disabilities. Adopted by the UN General Assembly Resolution N 61/106 of December 13, 2006. Ratified by Federal Law N 46-FZ dated 05.03.2012 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 02.11.2013. N 6. Art. 468.

11. Federal Law N 273-FZ dated December 29, 2012 «On Education in the Russian Federation» (as amended on December 25, 2023) // Collection of Legislation of the Russian Federation. December 31, 2012. N 53 (Part I). Article 7598.

12. Azarova, E. G. Social security of children: theoretical approaches: a monograph. Moscow: Kontrakt, 2012. p. 133.

13. Smirnova O.S., Smirnova A.A. Legal regulation of social protection of disabled children in the Russian Federation // The capital of science. 2020. N 3(20). P. 135.

14. Semyannikova D.A. Legal regulation of natural assistance to disabled children in the Russian Federation // Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series: Legal Sciences. 2019. N 2 (34). P. 74.

© Карамурзова И.Б., Куашев А.А., 2026

Вестник СКФО: Право и экономика. – 2026. – № 2 (38). – С. 194–203.
Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics. 2026; 2(38): 194–203.

Юриспруденция
Научная статья
УДК 378.147:34

МЕЖДУ ЗАПАДОМ И ВОСТОКОМ: МОДЕЛИ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ, САУДОВСКОЙ АРАВИИ И ОАЭ

Владимир Борисович Лобанов[1], Тимур Бакытбеков[2]
[1,2] Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева, Москва, Россия
[1]lobanov2024@yandex.ru
[2]dearforders@gmail.com

Аннотация. В статье представлен сравнительный анализ моделей юридического образования в Российской Федерации, Саудовской Аравии и Объединенных Арабских Эмиратах. Авторы исследуют дихотомию между традиционной российской системой, ориентированной на сохранение национальных правовых и педагогических традиций, и гибридными моделями стран Аравийского полуострова. Показано, что в мусульманских монархиях под влиянием экономической глобализации и коммерциализации профессии происходит активная интеграция шариатских норм с западными регуляторными стандартами (вестернизация). На основе анализа учебных планов ведущих университетов Саудовской Аравии и ОАЭ делается вывод о том, что доминирующая экономическая парадигма выступает ключевым драйвером реформ в сфере правового образования, формируя запрос на гибридных специалистов. В статье обосновывается, что Россия, в отличие от арабских стран, делает ставку на суверенную модель развития, что отражается на структуре и содержании юридического образования.

***Ключевые слова*.** Россия, Саудовская Аравия, ОАЭ, сравнительное правоведение, юридическое образование, гибридизация права, вестернизация, шариат, коммерциализация образования, образовательные реформы

***Для цитирования*: Лобанов В.Б., Бакытбеков Т.** Между Западом и Востоком: модели юридического образования в России, Саудовской Аравии и ОАЭ // Вестник СКФО: право и экономика. 2026. № 2 (38). С. 194–203.

Jurisprudence
Originak article

BETWEEN WEST AND EAST: MODELS OF LEGAL EDUCATION IN RUSSIA, SAUDI ARABIA, AND THE UAE

Vladimir Borisovich Lobanov[1], Timur Bakytbekov[2]
[1,2] Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, Moscow, Russia
[1]lobanov2024@yandex.ru
[2]dearforders@gmail.com

Annotation. This article presents a comparative analysis of legal education models in the Russian Federation, Saudi Arabia, and the United Arab Emirates. The authors explore the dichotomy between the traditional Russian system, focused on preserving national legal and pedagogical traditions, and the hybrid models of the Arabian Peninsula. It is shown that in Muslim monarchies, under the influence of economic globalization and the commercialization of the profession, there is an active integration of Sharia norms with Western regulatory standards (Westernization). Based on an analysis of the curricula of leading universities in Saudi Arabia and the UAE, it is concluded that the dominant economic paradigm is a key driver of reforms in legal education, creating a demand for hybrid specialists. The article substantiates that Russia, unlike Arab countries, relies on a sovereign development model, which is reflected in the structure and content of legal education.

Keywords: Russian Federation, Saudi Arabia, UAE, comparative law, legal education, legal hybridization, Westernization, Sharia, commercialization of education, educational reforms

For citation: **Lobanov V.B, Bakytbekov T.** Between West and East: Models of Legal Education in Russia, Saudi Arabia, and the UAE. *Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics*. 2026;2(38):194–203.

Введение. В условиях кардинальной трансформации системы международных отношений, происходящей на фоне смены геополитических полюсов и пересмотра экономических альянсов, Россия все более отчетливо смещает вектор внешнеполитического и внешнеэкономического сотрудничества с традиционных западных партнеров в сторону государств Азиатско-Тихоокеанского региона и Ближнего Востока. Особое место в этом процессе занимают страны Аравийского полуострова – Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты, которые за последние десятилетия превратились из периферийных нефтедобывающих монархий в глобальные финансовые, торговые и инновационные центры. Этот стремительный рывок стал возможен во многом благодаря осознанной модернизации национальных правовых систем, их адаптации к стандартам международного делового оборота, что, в свою очередь, потребовало коренной перестройки системы подготовки юридических кадров.

Однако, несмотря на растущий интерес российского научного сообщества к правовым системам Ближнего Востока, сравнительные исследования в области педагогики высшей школы, касающиеся подготовки юристов, остаются фрагментарными. Отечественная юриспруденция преимущественно сосредоточена на анализе материального права, тогда как институциональные и образовательные аспекты остаются в тени. Это создает существенный пробел, поскольку именно система образования формирует тот человеческий капитал, который впоследствии определяет качество правоприменения, инвестиционную привлекательность и уровень правовой защищенности экономических субъектов.

Восполнение указанного пробела приобретает особую значимость в текущих геополитических условиях. С одной стороны, Россия активно перестраивает систему международного сотрудничества, все больше вовлекаясь в диалог со странами Персидского залива. Это сопровождается ростом совместных инвестиционных проектов, созданием двусторонних арбитражных механизмов и увеличением количества смешанных юридических практик. В таких условиях возрастает потребность в специалистах, обладающих не только знанием российского права, но и пониманием логики правовых систем стран-партнеров. С другой стороны, сама российская система юридического образования переживает глубинные институциональные преобразования, связанные с отказом от Болонской модели и поиском новой национальной идентичности. Эти процессы требуют критического переосмысления зарубежных практик и выработки собственной стратегии развития, которая не может формироваться в изоляции без учета мировых трендов.

Именно поэтому обращение к опыту Саудовской Аравии и Объединенных Арабских Эмиратов представляется не просто научно-познавательным, но и практически востребованным. Эти государства за рекордно короткий срок осуществили модернизацию своих правовых и образовательных систем, продемонстрировав высокую адаптивность к вызовам глобализации. При этом они сохранили культурный и религиозный фундамент, что делает их опыт особенно ценным для России, которая также стремится сочетать интеграцию в мировые процессы с сохранением национального суверенитета. Анализ успешных стратегий гибридизации, применяемых аравийскими монархиями, может предложить российскому академическому сообществу альтернативные модели развития, которые не сводятся ни к простому копированию западных образцов, ни к самоизоляции.

Таким образом, комплексный сравнительный анализ российской и аравийских моделей юридического образования позволяет не только выявить их структурные особенности, но и понять глубинные механизмы трансформации образовательных систем под влиянием внешних факторов – экономических, политических и социокультурных. Это знание становится необходимым инструментом для формирования обоснованной образовательной политики, которая могла бы учитывать, как вызовы времени, так и долгосрочные национальные интересы.

Цель исследования – провести комплексный сравнительный анализ моделей юридического образования в Российской Федерации, Саудовской Аравии и Объединенных Арабских Эмиратах, выявив общие закономерности, различия и ключевые детерминанты их эволюции, с особым акцентом на экономические факторы трансформации.

Объект исследования – системы высшего юридического образования в Российской Федерации, Саудовской Аравии и Объединенных Арабских Эмиратах.

Предмет исследования – содержание, структура учебных планов, методики преподавания и ценностно-целевые ориентиры юридического образования, а также их корреляция с доминирующей экономической и политической парадигмой государства.

Гипотеза исследования заключается в предположении о том, что, несмотря на существенные историко-культурные различия, модели юридического образования в России, Саудовской Аравии и ОАЭ имеют общую точку бифуркации – давление глобализационных процессов и коммерциализацию юридической профессии. Однако направления реагирования на это давление диаметрально противоположны: если Россия движется по пути укрепления национальной идентичности и отказа от внешних стандартов, то аравийские монархии – по пути углубленной интеграции западных образовательных практик в целях обеспечения экономического роста.

Материалы и методы. Материалами исследования послужили: нормативные правовые акты и официальные документы, регламентирующие образовательную деятельность в РФ, Саудовской Аравии и ОАЭ; учебные планы и программы ведущих университетов: Университет Касима, Саудовский электронный университет, Университет принца Султана (Саудовская Аравия), Университет Дубая, Университет Абу-Даби (ОАЭ); научные публикации российских и зарубежных авторов по проблемам сравнительного правоведения и педагогики высшей школы (К.А. Писенко, В.Г. Балковая, Л.Р. Сюкияйнен и др.) [1, 2, 3, 4, 5]; аналитические материалы и новостные обзоры, касающиеся образовательных реформ в РФ [6].

В ходе исследования авторами использовались: сравнительно-правовой метод; системно-структурный анализ; институциональный подход; метод анализа документов; метод обобщения и синтеза.

Результаты и дискуссия.

Юридическое образование в Российской Федерации: традиции и суверенизация

На пространстве постсоветских стран юридическое образование Российской Федерации является наиболее эталонным. Многовековая школа правоведения, берущая свое начало еще со времен Российской Империи, за время своего развития разработала практику образования юридической профессии, которая стала образцовой для других ведущих государств-соседей. Например, в Республике Казахстан множество практик перенимаются у российских специалистов. Это происходит и в процессе международного сотрудничества, в контексте обмена юридическим опытом на многих уровнях и по разным вопросам [1, с. 15], однако не всегда такое заимствование можно назвать успешным – как итог, образовательный процесс в каждом из государств строится по-разному, хотя он и имеет ряд сходств [2, с. 136].

На данный момент обучение юриспруденции в Российской Федерации преимущественно происходит в традиционных формах для европейских правовых систем. Вместе с тем юридическое образование находится в процессе образовательной реформы, заменяющей привычную Болонскую модель на собственную, включающую: базовое высшее как аналог бакалавриату и специалитету, специализированное высшее – заменяющее магистратуру, и профессиональное, относящееся к аспирантуре [6].

В новейшую историю России юридическое образование пережило невиданный для себя ранее взлёт востребованности. После развала Советского Союза и смены политической и экономической формации в стране появилась резкая потребность в юристах: возникла необходимость защищать новые права, изучать и разрабатывать новые отрасли права, которые ранее были не столь развиты по объективным причинам, к примеру, гражданское право. В этот момент юридическое образование в России столкнулось с наплывом множества иностранных практик в обучении. Положительной или негативной эту тенденцию научное сообщество однозначно назвать пока не может.

Вместе с тем следует отметить, что некоторые исследователи склоняются к тому, что с имплементацией новых, западных образовательных методик, отвечающих вызовам времени и общества, появилась двойственность юридического образования [3, с. 158]. Оно вынуждено балансировать на повышающейся коммерциализации профессии, присущей юристам в западных странах развитого капитализма, вместе с тем сохраняя русскую традицию юридического воспитания, основанную на нравственности, высоких моральных и ценностных ориентирах. На такого рода дихотомию юридического образования можно смотреть по-разному, однако, презюмировать итоги такого дуализма можно.

Результат своеобразной «вражды» иностранных и отечественных практик будет напрямую зависеть от экономического контекста в стране и соответствующих запросов общества. Последние тенденции в экономике и политике могут свидетельствовать о большем склонении к сохранению своих традиций в образовании и, возможно, смене вектора с образовательных практик Запада на образовательные практики Востока. В этом отношении интерес представляют развитые страны Аравийского полуострова, юридическое образование которых также в относительно короткий период времени прогрессировало за счет деятельности западных государств. Сравнение образовательных практик России, ОАЭ и Саудовской Аравии позволит определить сходства и различия, вместе с тем избрать наиболее правильный и выгодный для России путь развития юридического образования.

Модель юридического образования в Саудовской Аравии: гибридизация шариата и западных «систем»

Если российская модель, несмотря на все трансформации, остается в рамках романо-германской правовой семьи и светской образовательной парадигмы, то системы стран Аравийского полуострова демонстрируют принципиально иную логику построения. Здесь юридическое образование строится на фундаменте, где религиозные нормы изначально являются не просто историческим наследием, а действующими регуляторами общественных отношений. Обратимся к опыту Саудовской Аравии – государства, где шариат сохраняет максимальное влияние на правовую систему и, соответственно, на образовательный процесс.

Если раньше право в Саудовской Аравии было прямым синонимом «шариату», то сейчас, безусловно, мусульманское право стало куда более сложным и глубоким. Оно имеет развитую структуру, в которую вплетены не только шариат и религиозные исламские учения, но и элементы привычных отраслей права: гражданского, уголовного, административного и др. Исследовать мусульманское право исключительно как практику применения шариата более не актуально. Необходимо учитывать, насколько гибридным стало право Ближнего Востока за последние годы. Это в свою очередь непосредственно влияет на юридическое образование, так как оно формируется реальными запросами правовой системы и соответствующего рынка труда. Вместе с тем, необходимо также помнить, насколько до сих пор значительно влияние специфики мусульманского права и шариата. Несмотря на современную неоднородность правовых систем в странах с преобладающим мусульманским населением [4, с. 15], шариат до сих пор обеспечивает идеологическое и фундаментальное единство, выраженное в схожести теории права.

В Саудовской Аравии на данный момент присутствует условное деление права на шариат и право «систем» – регуляторных норм, охватывающих коммерческое, корпоративное, трудовое и другие отрасли права, более привычные романо-германской правовой системе. Данное деление в свою очередь отражено на образовании [5, с. 209]. Само же юридическое обучение также обладает определенной спецификой: юридическое образование (среднеспециальное или высшее) можно преимущественно получить путем обучения в «колледжах шариата» – учебных заведениях или подразделениях в них, специализирующихся на изучении исламского права: шариата, правовых доктрин (фикх) и смежных коранических наук.

«Колледжи шариата» лишь на первый взгляд могут показаться заведениями, где право изучается исключительно с религиозной точки зрения, однако необходимо понимать, насколько велико значение гибридизации современного права в Саудовской Аравии и других странах Ближнего Востока. Так, сейчас Университет Касима, расположенный в г. Бурэйда,

предлагает обучение в рамках «колледжа шариата» по программе «бакалавр систем», включающей в себя изучение отраслей публичного и частного права в течение 4 лет. Программа предполагает подготовку специалистов для судебной системы, но также включает подготовку специалистов и для других видов юридической деятельности [7]. В Саудовском электронном университете, находящемся в Эр-Рияде, предлагается обучение по программе «бакалавр права», в рамках которого изучаются не только отрасли публичного и частного права, но и также их взаимодействие с шариатом [8].

Такая модель правоведения в первую очередь направлена на гибридизацию. Шариат сам по себе не является актуальным ответом на современные запросы общества в Саудовской Аравии и её же правовой системы, однако сохранение традиций и религиозность – один из важных аспектов жизни арабских государств. Следовательно, отказываться от шариата нельзя: его необходимо интегрировать в более западное право и, своего рода, «вестернизировать». «Вестернизация» в Саудовской Аравии затронула не только юридическое образование как теорию, но и также повлияла на разработку новых методик обучения. Так, в Университете принца Султана в Эр-Рияде это отразилось на гибкости программы обучения [9]. В университете предлагается изучать право в нескольких направлениях:

1. Продвинутое Саудовское право (Advanced Saudi Law) – углубленное изучение национального права Саудовской Аравии со всеми деталями и аспектами: как религиозными, так и светскими.

2. Коммерческое право (Commercial Law) – фокус на бизнес-среде и коммерциализации, ответ на запрос деловых юридических кадров для взаимодействия с крупным финансовым сектором экономики страны.

3. Международное право (International Law) – подготовка к работе с международными контрактами и организациями. Пожалуй, одно из самых востребованных направлений. Актуальность данного направления непосредственно выражена объективными обстоятельствами и крепкой экономической связью Саудовской Аравии и иностранных государств.

4. Общий трек (General Track) – возможно, самое выраженное проявление западной «свободы». Это направление позволяет самостоятельно формировать план обучения, акцентируя внимание на том, что интересно самому студенту. Для мусульманских стран, известных своей консервативностью и традиционализмом, это довольно специфичный способ обучения, который, тем не менее, ярче остальных демонстрирует степень «вестернизации» не только самого права, но и правоведения.

Резюмируя, вышеизложенное можно отметить, что правовая система Саудовской Аравии сочетает шариат и западные регуляторные «системы», что требует гибридного юридического образования. Традиционные «колледжи шариата» уже не ограничиваются религиозными дисциплинами: они готовят «бакалавров систем» и изучают взаимодействие светского права с шариатом. Поскольку шариат нельзя отменить из-за религиозных устоев, его интегрируют в западные стандарты – этот процесс «вестернизации» затронул и методики обучения. Так саудовская модель права сохраняет традиции, но отвечает вызовам глобальной экономики и международной интеграции. В процессе всеобщей «вестернизации» – переносе сначала образа жизни, культурных и экономических особенностей – неизбежно происходит и перенос западных стандартов правового образования. Вместе с тем, это не просто копирование, это ассимиляция, процесс заимствования и интеграции, преобразования с итоговой, особой спецификой.

Модель юридического образования в ОАЭ: прагматизм и экономическая детерминация

В Саудовской Аравии наблюдается процесс постепенной, но последовательной интеграции западных регуляторных стандартов в традиционную шариатскую «ткань». Однако еще более показательным в этом отношении является опыт Объединенных Арабских Эмиратов, где экономический прагматизм зашел настолько далеко, что привел к институциональному раздвоению самой правовой системы. Именно в ОАЭ отчетливо прослеживается, как коммерческие интересы способны не просто корректировать, а кардинально преобразовывать как правовую реальность, так и систему подготовки юридических кадров.

Очевидно, что юридическое образование в региональном конкуренте Саудовской Аравии – Объединенных Арабских Эмиратах – будет столь же гибридным и отличаться еще большей вестернизацией. Однако система подготовки юридических кадров в ОАЭ обладает своей интересной и самобытной спецификой, обусловленной экономическими причинами. ОАЭ – государство, обладающее федеративным территориальным делением, и отсюда вытекает специфическое правовое деление: на континентальное право (Civil Law) и общее право (Common Law). Континентальное право, которое функционирует на интеграционных моделях, где шариат является правовым источником, но вместе с тем предполагается существование и правоприменение светских законов. Общее право применяется свободными экономическими зонами (далее – СЭЗ) [10, с. 91] – специальными территориями в ОАЭ, позволяющими иностранцам владеть бизнесом, избегая издержек в виде налогов на прибыль, импорт и экспорт. Законодательство СЭЗ базируется на английском общем праве [11].

В данном случае четко прослеживается, как экономические интересы могут превосходить интересы сохранения влияния шариата на правовую систему. В ситуациях, когда нормы шариата могут препятствуют извлечению прибыли, от него довольно быстро отказываются в пользу коммерциализации. В ситуациях, когда религиозные нормы препятствуют извлечению прибыли, они зачастую подвергаются деградации или отмене в пользу процессов коммерциализации.

Сложившиеся обстоятельства и специфическая «двойственность» такой правовой системы в ОАЭ формируют запрос на юридические кадры, которые владеют теоретическими и практическими знаниями сразу по нескольким правовым семьям. Такая двойственность отражается и на учебном процессе. Сейчас сложилось два направления обучения, которые удовлетворяют двум конкретным запросам на кадры: запрос в государственные учреждения: суды, прокуратура, органы исполнительной власти и т. д., и запрос на юристов-международников. Так, Университет Дубая предлагает обучение на протяжении 4 лет, в рамках которого студент будет изучать публичное, конституционное, уголовное право. Также присутствуют и более частноправовые отрасли: договорное, имущественное и другие аспекты гражданского права [12].

Вместе с тем происходит и обучение шариату и исламскому семейному праву. В Университете Абу-Даби презюмируется подготовка специалистов, отвечающих на региональные запросы арабского общества. В данном университете также прослеживается больший уклон в светские отрасли права. Там право также изучается в двух направлениях [13]:

дубличное право, которое включает следующие специальные дисциплины:

1. Публичное право (конституционное право и административное право).
2. Уголовное право.
3. Международное публичное право.
4. Финансовое право (экономика, государственные финансы и налоговое законодательство).

Частное право, которое включает следующие специальные дисциплины:

1. Исламское право.
2. Гражданское право.
3. Коммерческое право (торговое, морское и воздушное право).
4. Гражданское процессуальное право.
5. Международное частное право.

Хотя предполагается, что университеты в первую очередь удовлетворяют более локальные запросы на юридические кадры (например, на государственную службу), нельзя не заметить, как в этот процесс интегрируется и международное право со своей коммерческой региональной спецификой в виде морского и воздушного права. Помимо интеграции непосредственно самих отраслей и дисциплин, вестернизация образования происходит и на языковом уровне: не менее 20 % правовых курсов должны проходить на английском языке.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод об определенных положительных и негативных сторонах юридического образования в обозреваемых странах, актуальных на данный момент.

Обучение профессии юриста в России – традиционное, строится на уже отработанных практиках, отточенных практически до совершенства. В сочетании с иностранными практиками это создает понятную и доступную систему образования не только для граждан Рос-

сийской Федерации, но и для других обучающихся на регионально преобладающем русском языке – абитуриентам из стратегических партнеров (Белоруссии или стран Средней Азии). Вместе с тем сохранение традиций образования отвечает стратегическому планированию государства и его текущей политике.

С другой стороны, негативными чертами такой устоявшейся и русскоязычно-ориентированной образовательной системы является то, что она не позволяет сделать акцент на изучении международного права и обязательного к нему иностранного языка. Образование будет находиться в своеобразной «камере» изоляции, не испытывая влияния (в том числе положительного) со стороны иностранных образовательных практик и методик. В Саудовской Аравии и ОАЭ ситуация зеркально обратная: гибридность и прагматизм образования – быстрорастущая тенденция, призванная ответить сложившейся экономической парадигме стран и региона в целом. Тесное взаимодействие с западными коммерческими компаниями неизбежно привело к коммерциализации профессии юриста самой по себе. По законам рыночных отношений образовательная сфера преобразуется в систему, в которой ассимилировано множество западных образовательных практик. С другой стороны, коммерциализация и гибридизация прямо противопоставляются консерватизму и традиционализму исламских учений о праве. Однако экономические интересы государства всегда стояли выше других его интересов. Соответственно, в этом отношении консерватизм уступает гибридизации.

Таким образом, проведенный обзор трех национальных моделей – российской, саудовской и эмиратской – позволяет зафиксировать их принципиальные структурные и содержательные различия. Для выявления глубинных закономерностей недостаточно констатировать факты – необходимо системное сопоставление ключевых параметров каждой модели. Именно сравнительный анализ в его инструментальном, табличном выражении позволяет увидеть не только явные различия, но и скрытые общие точки напряжения, которые присутствуют во всех трех системах, независимо от их культурно-религиозной специфики (*таблица 1*).

Таблица 1 – Сравнительный анализ моделей юридического образования в РФ, Саудовской Аравии и ОАЭ

Критерий сравнения	Россия	Саудовская Аравия	ОАЭ
Основа правовой системы	Романо-германская правовая семья	Шариат + западные «системы» (гибрид)	Двойная система: Civil Law + Common Law (в СЭЗ)
Основная тенденция	Суверенизация, отказ от Болонской системы, сохранение традиций	Гибридизация и вестернизация образования	Прагматизация и коммерциализация, ориентация на бизнес-среду
Структура образования	Базовое (бакалавриат/специалитет) + Специализированное (магистратура) + Профессиональное (аспирантура)	Бакалавриат в колледжах шариата и университетах	Бакалавриат (4 года) с разделением на треки
Язык преподавания	Преимущественно русский	Арабский + возрастающая роль английского	Арабский + обязательный английский (до 20 % курсов)
Религиозный компонент	Отсутствует (светское государство)	Шариат и фикх – обязательная часть программ	Изучение исламского права (в основном на госслужбу)
Ключевой фактор изменений	Политическая и идеологическая повестка	Экономическая интеграция и глобализация	Коммерческие интересы (бизнес-среды)

Источник: составлено авторами по материалам исследования.

Представленная *таблица 1* наглядно демонстрирует, что при всех внешних различиях три системы имеют одну общую точку напряжения – это давление глобализации и коммерциализации юридической профессии. Однако ответы на этот вызов кардинально различаются.

Необходимо отметить влияние экономической ситуации и парадигмы, доминирующей в стране, на систему образования. Речь идет не просто о косвенном воздействии – именно экономические приоритеты и господствующая модель развития зачастую определяют, какие знания и навыки будут востребованы, а от каких традиций общество готово отказаться. От вековых, устоявшихся традиций можно сравнительно быстро отказаться в угоду получения прибыли, и этот процесс демонстрирует, что даже самые укорененные правовые и образовательные институты не являются раз и навсегда заданными. Яркий пример – Саудовская Аравия и ОАЭ, где право уже давно не является однозначно религиозным. Более того, оно всё больше преобразуется в светское право с ярко выраженным уклоном в коммерциализацию.

Таким образом, экономическая парадигма является ключевым фактором, определяющим траекторию развития юридического образования. В Саудовской Аравии и ОАЭ экономические интересы (привлечение инвестиций, развитие финансовых центров, торговля) вынуждают государства идти на компромисс с религиозными нормами. От шариата «отказываются» там, где он препятствует получению прибыли, заменяя его западными регуляторами. В России, напротив, доминирующей становится политическая целесообразность и стремление к сохранению национальной идентичности. Это привело к отказу от западных образовательных стандартов. Необходимо отметить, что изоляция от иностранных практик может иметь как положительные (сохранение традиций), так и отрицательные последствия (снижение конкурентоспособности в международном праве).

Несмотря на все различия не только юридического образования, но и правовых систем в целом, Саудовская Аравия, ОАЭ и Россия до недавнего времени находились практически в одинаковых условиях: сложившаяся вековая традиция обучения претерпевает сильные изменения извне, со стороны иностранных западных образовательных практик. Исключительно политический и экономический контекст определили те пути, по которым разошлись страны Ближнего Востока и Россия. Государства ближневосточного региона избрали для себя путь дальнейшей гибридизации и права, и образования для удовлетворения коммерческих и экономических интересов государства, в то время как Россия выбрала путь сохранения традиций и дальнейшего самостоятельного развития юридического образования. Так или иначе, аспекты обоих тенденций – и гибридизации образования, и сохранения традиций – представлены в большей или меньшей степени как в Саудовской Аравии с ОАЭ, так и в Российской Федерации.

Заключение. Проведенный анализ, позволил не только констатировать факт различий между рассмотренными моделями, но и выйти на уровень обобщающих выводов, имеющих как теоретическое, так и прикладное значение. Суммируя вышеизложенное, сформулируем итоговые положения, которые могут быть полезны для осмысления перспектив развития юридического образования в России и для прогнозирования дальнейшей эволюции образовательных систем на Аравийском полуострове.

1. Различие векторов развития. Россия движется по пути укрепления суверенитета и сохранения традиций в образовании, тогда как Саудовская Аравия и ОАЭ – по пути активной гибридизации, интеграции западных стандартов и коммерциализации юридической профессии. Это различие обусловлено не столько культурными особенностями, сколько доминирующей политической и экономической повесткой каждого государства.

2. Общий вызов и разные ответы. Несмотря на разные траектории, все три страны находятся в состоянии трансформации. Россия адаптируется под новые геополитические условия, отказываясь от Болонской системы и выстраивая национальную модель. Аравийские

монархии, напротив, углубляют интеграцию с глобальными рынками, что требует постоянной корректировки образовательных стандартов в сторону их вестернизации.

3. Роль экономики как детерминанты. Исследование подтвердило гипотезу о том, что экономические приоритеты государства являются решающим фактором, формирующим запрос на определенный тип юридических кадров и, соответственно, содержание образования. В ОАЭ и Саудовской Аравии коммерциализация выступает основным драйвером реформ, тогда как в России доминируют политико-идеологические мотивы.

4. Эклектичность моделей. Ни одна из рассмотренных моделей не является «чистой». В каждой из них в той или иной степени присутствуют элементы как традиционных, так и инновационных подходов. В России наблюдается возврат к традициям, но с элементами западных методик; в арабских странах – заимствование западных стандартов, но с обязательным сохранением шариатского фундамента.

5. Перспективы и прогнозы. Итог двух противоположных стратегий развития образования покажет лишь время. Однако уже сейчас очевидно, что гибридные модели арабских стран демонстрируют высокую адаптивность к современным экономическим условиям. Российская система, делая ставку на суверенизацию, получает возможность сохранить свою идентичность, но рискует оказаться менее конкурентоспособной в глобальном юридическом пространстве. Оптимальным представляется не слепое копирование, а критическое осмысление тех элементов аравийского опыта, которые могут быть адаптированы без ущерба для национальных традиций.

Список источников

1. Бакытбеков Т., Ботанцов И.В. Международное сотрудничество Казахстана и России в вопросах цифровизации нотариата // Право и современные государства. 2023. № 5. С. 14–19.

2. Бакытбеков Т. Подготовка специалистов для судебной системы в Республике Казахстан и Российской Федерации // Подготовка специалистов для судебной системы в контексте полипарадигмальности: сборник материалов Всероссийского круглого стола, 26 октября 2023 г. / под общ. ред. В.Г. Бондарева, Е.П. Цыплаковой. СПб.: Астерион, 2024. С. 134–137.

3. Писенко К.А. Юридическое образование в России: теория и практика // Правосудие. 2019. Т. 1, № 1. С. 156–170.

4. Балковая В.Г. Мусульманское право в современном мире // Право и государство: теория и практика. 2023. № 11. С. 14–16.

5. Сюкияйнен Л.Р. Конституционный статус шариата как источника законодательства в арабских странах // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 4. С. 205–222.

6. «Базовое высшее» вместо бакалавриата: как изменится образование в России [Электронный ресурс]. – URL: https://www.gazeta.ru/social/2025/01/07/20347658.shtml (дата обращения: 16.04.2026).

7. Официальный сайт Университета Касима. – URL: https://www.qu.edu.sa/en/colleges/csi/-programs/bachelor-of-law/ (дата обращения: 16.04.2026).

8. Официальный сайт Саудовского электронного университета. – URL: https://seu.edu.sa/ en/programs/bachelor-of-law-program/about/ (дата обращения: 16.04.2026).

9. Официальный сайт Университета принца Султана. – URL: https://web.psu.edu.sa/en/CL (дата обращения: 16.04.2026).

10. Бирюков Е.С. Портовые особые экономические зоны аравийских монархий // Научные проблемы водного транспорта. 2016. № 46. С. 87–94.

11. Применение английского права во фри-зонах ОАЭ: основные тенденции. – URL: https://www.whitesquarepartners.com/ru/news/application-of-english-law-in-uae-free-zones-key-developments (дата обращения: 16.04.2026).

12. Официальный сайт Университета Дубая. – URL: https://www.adu.ac.ae/news-and-events/news/detail/2020/04/07/adu-college-of-law-a-pole-of-excellence-in-legal-education (дата обращения: 16.04.2026). (дата обращения: 16.04.2026).

13. Официальный сайт Университета Абу-Даби. – URL: https://www.adu.ac.ae/news-and-events/news/detail/2020/04/07/adu-college-of-law-a-pole-of-excellence-in-legal-education (дата обращения: 16.04.2026).

List of sources

1. Bakytbekov T., Botantsov I. V. International cooperation of Kazakhstan and Russia in matters of digitalization of notaries // Law and modern states. 2023. N 5. P. 14–19.

2. Bakytbekov T. Training of Specialists for the Judicial System in the Republic of Kazakhstan and the Russian Federation // Training of Specialists for the Judicial System in the Context of Polyparadigmality: Proceedings of the All-Russian Round Table, October 26, 2023 / Edited by V.G. Bondarev, E.P. Tsyplakova. St. Petersburg: Asterion, 2024. Pp. 134–137.

3. Pisenko K.A. Legal Education in Russia: Theory and Practice // Justice. 2019. Vol. 1, N 1. Pp. 156–170.

4. Balkova V.G. Muslim Law in the Modern World // Law and State: Theory and Practice. 2023. N 11. Pp. 14–16.

5. Syukiyainen L.R. The Constitutional Status of Sharia as a Source of Legislation in Arab Countries // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2016. N 4. Pp. 205–222.

6. "Basic Higher Education" instead of Bachelor's Degree: How Education will Change in Russia. Gazeta.ru. URL: https://www.gazeta.ru/social/2025/01/07/20347658.shtml (accessed: 16.04.2026).

7. Official website of Qassim University. URL: https://www.qu.edu.sa/en/colleges/csi/programs/ bachelor-of-law/ (accessed: 16.04.2026).

8. Official website of the Saudi Electronic University. URL: https://seu.edu.sa/en/programs/ bachelor-of-law-program/about/ (accessed: 16.04.2026).

9. Official website of Prince Sultan University. URL: https://web.psu.edu.sa/en/CL (accessed: 16.04.2026).

10. Biryukov E.S. Port Special Economic Zones of the Arabian Monarchies // Scientific Problems of Water Transport. 2016. N 46. Pp. 87–94.

11. Application of English Law in UAE Free Zones: Key Developments. URL: https://www.whitesquarepartners.com/ru/news/application-of-english-law-in-uae-free-zones-key-developments (accessed: 16.04.2026).

12. Official website of the University of Dubai. URL: https://ud.smartcatalogiq.com/en/2025-2026/undergraduate-catalog-2025-26/sequencing-of-courses-in-programs/college-of-law-programs-and- course-description/bachelor-of-law-llb (accessed: 16.04.2026).

13. Official website of Abu Dhabi University. URL: https://www.adu.ac.ae/news-and-events/news/detail/2020/04/07/adu-college-of-law-a-pole-of-excellence-in-legal-education (accessed: 16.04.2026).

© Лобанов В.Б., Бакытбеков Т., 2026

Вестник СКФО: Право и экономика. – 2026. – № 2 (38). – С. 204–211.
Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics. 2026;2 (38):204–211.

Юриспруденция
Научная статья
УДК 336.226.1

АВТОМАТИЗИРОВАННАЯ УПРОЩЕННАЯ СИСТЕМА НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА, РИСКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Елена Малильевна Машукова[1], Карина Михайловна Мамбетова[2]
[1,2] Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия
[1]mashuk-elena@yandex.ru
[2]Mambetova.karina@gmail.com

Аннотация. В статье представлен комплексный анализ правового статуса Автоматизированной упрощенной системы налогообложения (АвтоУСН) – экспериментального налогового режима, действующего в Российской Федерации с 1 июля 2022 года. Исследуются нормативно-правовые основы функционирования режима, условия его применения и системные проблемы, возникающие в процессе реализации. Особое внимание уделяется рискам для бизнеса, связанным с технической неготовностью банковской инфраструктуры, ошибками в автоматической классификации операций и ограниченными возможностями корректировки налоговой базы. На основе анализа официальных разъяснений ФНС России, судебной практики и статистических данных делается вывод о необходимости дальнейшего совершенствования правового регулирования данной системы. Авторами систематизированы основные категории рисков применения АвтоУСН и предложены пути их правового разрешения.

Ключевые слова: автоматизированная упрощенная система налогообложения, АвтоУСН, налоговый эксперимент, малый бизнес, цифровое налоговое администрирование, налоговые риски, уполномоченные банки

Для цитирования: **Машукова Е.М., Мамбетова К.М.** Автоматизированная упрощенная система налогообложения: правовая природа, риски и перспективы совершенствования // Вестник СКФО: право и экономика. 2026. № 2 (38). С. 204–211.

Jurisprudence
Originak article

AUTOMATED SIMPLIFIED TAX SYSTEM: LEGAL NATURE, RISKS, AND PROSPECTS FOR IMPROVEMENT

Elena Malilievna Mashukova[1], Karina Mikhailovna Mambetova[2]
[1,2] Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik, Russia
[1]mashuk-elena@yandex.ru
[2]Mambetova.karina@gmail.com

Annotation. This article presents a comprehensive analysis of the legal status of the Automated Simplified Taxation System (AutoSTS) – an experimental tax regime in effect in the Russian Federation since July 1, 2022. It examines the regulatory framework for the regime's operation, the conditions for its application, and the systemic challenges that arise during implementation. Particular attention is paid to business risks associated with the technical unpreparedness of the banking infrastructure, errors in the automatic classification of transactions, and limited opportunities for adjusting the tax base. Based on an analysis of official clarifications from the Federal Tax Service of Russia, judicial practice, and statistical data, it is concluded that further improvement of the legal regulation of this system is necessary. The authors systematize the main categories of risks associated with the application of AutoSTS and propose ways to resolve them legally.

Keywords: automated simplified taxation system, AutoSTS, tax experiment, small business, digital tax administration, tax risks, authorized banks

For citation: **Mashukova E.M., Mambetova K.M.** Automated simplified taxation system: legal nature, risks and prospects for improvement. *Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics*. 2026; 2(38):204–211.

Введение. Автоматизированная упрощенная система налогообложения (АвтоУСН) представляет собой специальный налоговый режим, введенный в Российской Федерации в формате эксперимента. Его правовой основой является Федеральный закон от 25 февраля 2022 года № 17-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Автоматизированная упрощенная система налогообложения"». Эксперимент стартовал 1 июля 2022 года в четырех пилотных регионах: Москве, Московской, Калужской областях и Республике Татарстан [1]. С 1 января 2025 года режим стал доступен на всей территории страны при условии принятия соответствующего регионального закона.

Ключевая особенность АвтоУСН заключается в полной автоматизации налогового администрирования. Налоговый орган самостоятельно рассчитывает сумму налога, опираясь на данные, поступающие напрямую от уполномоченных банков, операторов фискальных данных и онлайн-касс. Это освобождает предпринимателей от обязанности представлять налоговые декларации, расчеты по страховым взносам и форму 6-НДФЛ. Для организаций, применяющих данный режим, установлен единый пониженный тариф страховых взносов – 0,0 процента.

Повышенный интерес к АвтоУСН в 2026 году обусловлен изменениями налогового законодательства: с текущего года началось постепенное снижение лимита освобождения от НДС для плательщиков УСН (до 20 млн рублей в этом году с последующим снижением до 10 млн рублей к 2028 году), что сделало данный режим привлекательной альтернативой для предпринимателей, стремящихся легально избежать уплаты НДС.

Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами: во-первых, наблюдается быстрый рост числа налогоплательщиков, переходящих на новую систему; во-вторых, имеется ряд системных проблем, связанных с автоматизацией и техническими сбоями при обмене информацией между обслуживающими банками и ФНС России.

Цель исследования – комплексный анализ правового статуса АвтоУСН, выявление правовых и технических рисков для налогоплательщиков, применяющих данный режим, а также формулирование предложений по его совершенствованию.

Объект исследования – общественные отношения, возникающие в связи с применением Автоматизированной упрощенной системы налогообложения.

Предмет исследования – правовой статус АвтоУСН, условия ее применения, а также правовые и технические риски для налогоплательщиков.

Материалы и методы. Теоретическую основу исследования составили фундаментальные работы отечественных ученых в области налогового права и цифрового администрирования, а также труды, посвященные правовому регулированию электронных денежных средств и автоматизации фискальных процедур [2, 3]. В ходе работы критически осмыслены подходы к определению правовой природы экспериментальных налоговых режимов, представленные в современной юридической литературе.

Эмпирическую базу исследования сформировали: нормативные правовые акты: Федеральный закон № 17-ФЗ [1], акты разъяснительного характера ФНС России [4, 5] и Министерства финансов РФ [6]; официальные статистические данные Федеральной налоговой службы о динамике числа плательщиков и объемах налоговых поступлений за 2023–2025 гг. [7; 8]; материалы правоприменительной практики, включая письма налоговых органов, а также аналитические обзоры профессионального сообщества [9]; открытые данные рейтинговых и информационных агентств, отражающие текущее состояние банковской инфраструктуры, интегрированной с системой АвтоУСН.

Методологическая база исследования построена на сочетании общенаучных и специальных юридических методов познания, что позволило обеспечить всесторонность и достоверность полученных выводов.

В процессе исследования авторами применялись следующие методы: формально-юридический метод; метод системно-структурного анализа; метод статистического анализа; метод правового моделирования (прогнозирования); метод аналогии.

Комплексное применение указанных методов позволило обеспечить непротиворечивость логики исследования, верифицируемость полученных результатов и обоснованность предложений по совершенствованию правового регулирования.

Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе правового статуса АвтоУСН в условиях ее массового внедрения в 2026 году. В отличие от предшествующих работ, рассматривавших преимущественно теоретические аспекты нового режима [8], в настоящей статье на основе актуальной правоприменительной практики и официальных разъяснений ФНС России авторы впервые систематизировали основные категории рисков применения АвтоУСН и предложили пути их правового разрешения.

Результаты и дискуссия

Правовой статус АвтоУСН: нормативно-правовые основы и условия применения

Переходя к рассмотрению правового статуса АвтоУСН, прежде всего необходимо исследовать его нормативно-правовые основы, которые, имеют ряд особенностей, отличающих данный режим от иных специальных налоговых режимов. Правовой статус АвтоУСН определяется Федеральным законом от 25.02.2022 № 17-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима "Автоматизированная упрощенная система налогообложения» [1], который устанавливает экспериментальный характер режима, действующего до 31 декабря 2027 года. В отличие от иных специальных налоговых режимов, закрепленных в Налоговом кодексе РФ, АвтоУСН регулируется отдельным федеральным законом. Это, с одной стороны, обеспечивает ее устойчивость к изменениям общего налогового законодательства (режим остался неизменным при глобальной перестройке налогообложения малого бизнеса), а с другой – создает правовую неопределенность в части дальнейшей судьбы режима после завершения эксперимента.

Как справедливо отмечают Е.М. Машукова и К.М. Мамбетова в работе, посвященной особенностям правового регулирования обращения электронных денежных средств, эффективность цифровых налоговых режимов напрямую зависит от степени интеграции налоговых органов и кредитных организаций [2, с. 35]. Внедрение АвтоУСН подтверждает данный тезис, что обусловливает необходимость детального анализа не только налоговых, но и банковских аспектов функционирования режима.

Переход на АвтоУСН осуществляется в уведомительном порядке через личный кабинет налогоплательщика или уполномоченную кредитную организацию. При подаче уведомления система по умолчанию устанавливает флаг отказа от применения действующего налогового режима. При этом ФНС разъяснила, что в случае установления ограничений, не позволяющих перейти на эту систему, налогоплательщик продолжает применять налоговый режим, действующий до даты планируемого перехода, без необходимости совершения дополнительных действий [4].

Важным правовым аспектом является невозможность добровольного выхода из АвтоУСН до окончания календарного года. В соответствии с частью 5 статьи 4 Федерального закона от 25.02.2022 № 17-ФЗ «О проведении эксперимента …» [1], налогоплательщик не вправе до окончания календарного года перейти с АвтоУСН на иной режим налогообложения. В письме Минфина России от 26.02.2026 № 03-11-09/15087 разъяснено, что переход с АвтоУСН на УСН возможен только по истечении 12 календарных месяцев с даты начала применения АвтоУСН, при этом уведомление о переходе должно быть подано не позднее 31 декабря года, предшествующего году перехода [6].

Обращаясь к эмпирическим данным, характеризующим развитие режима, можно отметить следующее. Для наглядного представления динамики развития АвтоУСН приведем статистические данные, характеризующие рост количества плательщиков и сумм налоговых поступлений.

Указанные законодательные ограничения, однако не сдерживают предпринимательскую активность: статистика ФНС России фиксирует устойчивый рост числа плательщиков и налоговых поступлений, что свидетельствует о высокой востребованности режима, несмотря на его экспериментальный характер и процедурные сложности. Для наглядного представления динамики развития АвтоУСН приведем статистические данные, характеризующие рост количества плательщиков и сумм налоговых поступлений (*таблица 1*).

Таблица 1 – Динамика показателей налоговой отчетности по АвтоУСН в Российской Федерации за 2023–2024 гг.

Показатель	По состоянию на 01.01.2023	По состоянию на 01.04.2024	По состоянию на 01.07.2024	По состоянию на 01.10.2024	Прирост, % (01.10.2024 к 01.01.2023)
Сумма поступившего налога, млрд руб.	1,3	1,8	2,4	3,2	146,2
Сумма облагаемого дохода, млрд руб.	18,9	25,4	33,6	44,9	137,6
Количество плательщиков, тыс.	15,2	15,7	16,3	17,2	13,1

Источник: составлено авторами на основе данных ФНС России [8].

Представленные в *таблице 1* данные демонстрируют устойчивый рост всех ключевых показателей. Особенно выделяется рост поступлений налога, который опережает прочие показатели на 146,2 %: доходы по налогам увеличились на 137,6 %, в то время как число плательщиков выросло лишь на 13,1 % [8]. Такой разрыв наводит на мысль: либо компании, перешедшие на АвтоУСН, становятся крупнее, либо система контроля и администрирования работает эффективнее. Выявленная аномалия требует дальнейшего мониторинга, поскольку может свидетельствовать либо о повышении собираемости налогов, либо о включении в базу ранее неучтенных оборотов.

Ключевым инструментом, обеспечивающим столь высокую точность администрирования, выступает институт уполномоченных банков. Именно через банковский сегмент ФНС получает первичные данные для автоматического расчета налога, поэтому круг кредитных организаций, допущенных к работе с АвтоУСН, жестко регламентирован. На конец 2025 года в перечень уполномоченных кредитных организаций включено 14 банков [9]. Налогоплательщик, применяющий АвтоУСН, обязан иметь расчетные счета исключительно в уполномоченных банках. Даже если у банка, с которым ранее работал налогоплательщик, была отозвана лицензия, но счета остались не закрытыми, до выполнения этого условия стать плательщиком АвтоУСН невозможно.

Указанные требования, при всей их жесткости, имеют и обратную сторону: именно они обеспечивают бесшовную передачу данных и освобождают бизнес от бумажной отчетности. Плата за «автоматизацию» – это принятие правил игры, установленных оператором эксперимента. Резюмируя анализ нормативно-правовой базы, можно констатировать, что формальные условия применения АвтоУСН создают привлекательные условия для бизнеса (нулевая ставка по взносам, отсутствие деклараций), однако эти преимущества могут нивелироваться системными рисками, возникающими на этапе правоприменения.

Риски применения АвтоУСН и проблемы правоприменения

Если нормативно-правовые основы АвтоУСН создают формальную базу для ее функционирования, то правоприменительная практика выявляет целый ряд системных проблем, с которыми сталкиваются налогоплательщики. Анализ обращений предпринимателей и официальных разъяснений налоговых органов позволяет выделить несколько категорий рисков, а именно:

Технические риски: неготовность банковской инфраструктуры

Основная проблема, выявленная в ходе массового перехода на АвтоУСН в 2026 году, связана с неполной готовностью банковских систем к интеграции с ФНС. Как отмечает ру-

ководитель налоговой практики адвокатского бюро «БВМП» Александр Андропов, «банки не успели полноценно протестировать обмен данными, что приводит к искажениям в передаваемой информации». Ошибки носят системный характер и проявляются в двух основных формах: во-первых, в доходы попадают неверные суммы (возвраты, транзитные операции, возмещение по эквайрингу); во-вторых, расходы не доходят до налоговой.

Особую опасность представляет ситуация, когда банк некорректно распознает операцию по возврату или ошибочному перечислению. Налоговики учитывают только первоначальную сумму дохода, даже если она была переведена с ошибкой. Например, если клиент вместо 10 тыс. рублей перевел 1 млн рублей, вся большая сумма будет воспринята как доход бизнеса на АвтоУСН.

Процедурные риски: ограниченные возможности корректировки

Согласно Методическим рекомендациям по применению АвтоУСН, налогоплательщик обязан проверить и подтвердить корректность разметки операций в личном кабинете до 7 числа месяца, следующего за отчетным. Если налогоплательщик «не воспользовался правом подтверждения данной информации в установленный срок, то она считается подтвержденной», и налог будет рассчитан по указанным признакам. При этом практика корректировки налоговой задолженности задним числом развита крайне слабо.

В случае обнаружения ошибки после 7 числа следующего месяца перерасчет производится одновременно с расчетом налога за период, когда было внесено исправление. Это означает, что налогоплательщик может быть вынужден уплатить завышенную сумму налога и лишь в последующем получить перерасчет, что создает риск отвлечения оборотных средств.

Репутационные и правовые риски: одностороннее снятие с режима

На практике встречаются случаи, когда налоговые органы «снимают» налогоплательщика с АвтоУСН из-за несоответствия кода ОКВЭД без предварительного уведомления. Поскольку добровольный выход из режима до окончания календарного года невозможен, досрочный переход допускается только при утрате права на АвтоУСН. В этом случае налоги подлежат пересчету по общему режиму с месяца, в котором были нарушены условия применения автоматизированной упрощенки. Такой пересчет может привести к существенному доначислению налоговых обязательств.

Вопросы административной ответственности за налоговые правонарушения, в том числе в контексте применения автоматизированных режимов, подробно исследованы К.М. Мамбетовой, А.В. Тлуповой, Р.Н. Маремкуловой и А.Р. Исаковым, которые подчеркивают необходимость дифференциации ответственности в зависимости от наличия вины и технических сбоев [3, с. 253].

Необходимо отметить, что каждый из рассмотренных видов рисков (технический, процедурный и правовой) имеет различную правовую природу, но в совокупности они формируют системную проблему: высокая степень автоматизации администрирования не сопровождается адекватными механизмами защиты прав налогоплательщика. Для наглядного структурирования выявленных проблем представим их классификацию в *таблице 2*.

Таблица 2 – Классификация рисков применения АвтоУСН

Категория риска	Конкретные проявления	Правовые последствия
Технические риски	Искажение данных при передаче от банков в ФНС; некорректная классификация возвратов и транзитных операций	Завышение налоговой базы; уплата налога с ошибочно учтенных сумм
Процедурные риски	Жесткие сроки подтверждения операций (до 7 числа); отсутствие четкого порядка корректировки задним числом	Отвлечение оборотных средств; необходимость последующего перерасчета
Правовые риски	Одностороннее снятие с режима без предупреждения; невозможность добровольного выхода до окончания года	Пересчет налогов по общей системе; доначисление налоговых обязательств

Источник: составлено авторами на основе анализа правоприменительной практики.

Представленная классификация позволяет не только упорядочить выявленные проблемы, но и определить приоритетные направления их правового разрешения. Стремительный рост числа пользователей режима подтверждает его востребованность. К концу 2025 года плательщиков АвтоУСН насчитывалось 41,5 тысячи [7], а к началу 2026 года, с учётом уведомлений о переходе, ожидается превышение отметки в 55,5 тысячи [9]. В январе 2026 года зафиксирован взрывной прирост – с 40 тысяч до 250 тысяч за считанные месяцы. АвтоУСН активно действует в 67 регионах страны, а в текущее время к программе присоединились ещё 16 субъектов федерации.

Дискуссионным остается вопрос о дальнейшей судьбе режима после завершения эксперимента в 2027 году. Возможны два варианта: закрепление режима как полноценного специального налогового режима в Налоговом кодексе РФ или продление эксперимента с корректировкой ключевых правил. Представляется, что первый вариант более предпочтителен. Это обосновано тем, что он обеспечит правовую определенность для налогоплательщиков и позволит бизнесу строить долгосрочные планы.

Вместе с тем, закрепление АвтоУСН в качестве постоянного режима невозможно без устранения системных рисков, выявленных в ходе правоприменительной практики. Легализация «сырой» модели администрирования лишь законсервирует существующие проблемы и создаст предпосылки для массовых налоговых споров. Исходя из этого, представляется необходимым предложить комплекс мер, направленных на минимизацию каждого из выделенных видов рисков.

Анализ существующих рисков позволил сформулировать следующие предложения по их снижению:

– налоговые органы и уполномоченные банки должны уведомлять о несоответствиях до даты уплаты налога. Своевременное обнаружение ошибок позволяет опережать расчеты и обеспечивать оперативный контакт с плательщиками [5];

– следует расширить круг финансовых организаций, подключенных к обмену данными. Банки должны оперативно внедрять инструменты передачи сведений в рамках АвтоУСН. Уже сейчас ряд учреждений запускает специализированные платформы и интегрирует их с системами ФНС;

– необходимо утвердить единый порядок уточнения сведений от банков. При добросовестном поведении плательщика пересчет налоговых обязательств без штрафов должен быть возможен даже за прошлые периоды;

– целесообразно разработать механизм предварительного уведомления налогоплательщика о возможном снятии с режима с предоставлением разумного срока для устранения нарушений.

Реализация указанных предложений, по нашему мнению, позволит существенно снизить риски применения АвтоУСН и создать условия для ее полноценной институционализации.

Заключение. Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

АвтоУСН представляет собой налоговый эксперимент, выходящий за рамки привычной налоговой практики в России. Новизна подхода проявляется не только в упрощенной отчетности, но и в принципиально ином подходе к взаимодействию с налоговой службой. Режим сочетает в себе как преимущества, так и существенные риски.

К преимуществам АвтоУСН относятся: освобождение от сдачи отчетности; ставка 0 % по страховым взносам; отсутствие обязанности по расчету НДС при доходах до установленного порога.

К недостаткам и рискам: отсутствие полноценного правового фундамента, создающее юридическую неопределенность; технические сбои при обработке операций из-за неготовой банковской инфраструктуры, становящиеся причиной ошибочной классификации платежей; ограниченные возможности корректировки данных (можно поправить лишь часть информации, и не всегда); невозможность досрочного прекращения режима (только по окончании го-

да); риск одностороннего исключения из режима при выявлении нарушения с пересчетом обязательств по общей системе.

Несмотря на выявленные риски, спрос на АвтоУСН неуклонно растет, что свидетельствует о высокой заинтересованности предпринимателей в данном режиме. Совершенствование законодательства является ключом к снижению проблем. Необходимо четко прописать порядок устранения ошибок, расширить список уполномоченных банков, разработать механизм предварительного уведомления о снятии с режима. Такие изменения сделают режим более надежным и привлекательным для бизнеса, а также создадут необходимую правовую определенность, что позволит рассматривать АвтоУСН не как временный эксперимент, а как перспективный вектор развития цифрового налогового администрирования в Российской Федерации.

Список источников

1. Федеральный закон от 25.02.2022 № 17-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Автоматизированная упрощенная система налогообложения» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 9. Ст. 1296.

2. Машукова Е.М., Мамбетова К.М. Особенности правового регулирования обращения электронных денежных средств // Вестник СКФО: Право и Экономика. 2024. № 1 (29). С. 33–40.

3. Мамбетова К.М., Тлупова А.В., Маремкулова Р.Н., Исаков А.Р. К вопросу об административной ответственности за правонарушения в сфере налогообложения // Образование и право. 2022. № 2. С. 251–255. (№ 1938 Перечня ВАК по сост. на 19.12.2023 г.).

4. Письмо ФНС России от 02.02.2026 № 20-7-04/0009@ «О сохранении применения налогового режима при отказе в переходе на АвтоУСН» // Контур. Норматив. 2026.

5. Письмо ФНС России от 15.01.2026 № БС-4-11/117@ «О применении АУСН в части страховых взносов» // СПС «Консультант Плюс». 2026.

6. Письмо Минфина России от 26.02.2026 № 03-11-09/15087 «О переходе с АвтоУСН на УСН» (направлено письмом ФНС России от 11.03.2026 № ЕА-36-3/1812@) // СПС «Гарант». 2026.

7. Информация Федеральной налоговой службы от 10 декабря 2025 г. «Более 41,5 тыс. предпринимателей применяют автоУСН» // СПС «Гарант». 2025.

8. Лопусов Е.Е., Бухарова Д.Х. Автоматизированная упрощенная система налогообложения: первые итоги // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2024. № 9-1. С. 104–108.

9. Мальцев Б. Всё, что нужно знать про АУСН в 2026 году // Клерк.ру. 2025. 9 ноября

List of sources

1. Federal Law of 25.02.2022 N 17-FZ "On Conducting an Experiment to Establish a Special Tax Regime "Automated Simplified Taxation System"" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2022. N 9. Article 1296.

2. Mashukova E.M., Mambetova K.M. Features of Legal Regulation of the Circulation of Electronic Money // Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics. 2024. N 1 (29). Pp. 33–40.

3. Mambetova K.M., Tlupova A.V., Maremkulova R.N., Isakov A.R. On Administrative Liability for Tax Offenses // Education and Law. 2022. N 2. Pp. 251–255. (N 1938 of the Higher Attestation Commission List as of 19.12.2023)

4. Letter of the Federal Tax Service of Russia dated 02.02.2026 N 20-7-04/0009@ "On Maintaining the Application of the Tax Regime in the Event of Refusal to Switch to the AutoSimplified Taxation System" // Kontur. Normativ. 2026.

5. Letter of the Federal Tax Service of Russia dated 15.01.2026 N BS-4-11/117@ "On the Application of the Automated Simplified Taxation System in Terms of Insurance Premiums" // SPS "Consultant Plus". 2026.

6. Letter of the Ministry of Finance of Russia dated February 26, 2026, N 03-11-09/15087 "On the transition from the AutoSimplified Tax System to the Simplified Tax System" (sent by letter of the Federal Tax Service of Russia dated March 11, 2026, N EA-36-3/1812@) // SPS "Garant". 2026.

7. Information of the Federal Tax Service dated December 10, 2025, "More than 41.5 thousand entrepreneurs use the AutoSimplified Tax System" // SPS "Garant". 2025.

8. Lopusov E.E., Bukharova D.Kh. Automated simplified taxation system: first results // International Journal of Applied and Fundamental Research. 2024. N 9-1. pp. 104–108.

9. Mal'tsev B. Everything You Need to Know About the Automated System of Simplified Taxation in 2026 // Clerk.ru. 2025. November 9.

© Машукова Е.М., Мамбетова К.М., 2026

Вестник СКФО: Право и экономика. – 2026. – № 2 (38). – С. 211–218.
Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics. *2026;2 (38):21–218.*

Юриспруденция
Научная статья
УДК 343.341

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ТЕРРОРИСТА-ОДИНОЧКИ: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ И МОТИВАЦИОННАЯ СТРУКТУРА

Елена Малильевна Машукова[1], Эльдар Анатольевич Сохроков[2]
[1,2] Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия
[1]mashuk-elena@yandex.ru
[2]elsokhrokov@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается криминологическая характеристика личности террориста-одиночки как самостоятельного типа преступника, принципиально отличающегося от участников организованных террористических структур. Авторами анализируются ключевые признаки автономных исполнителей, механизмы их саморадикализации, социально-психологические детерминанты преступного поведения, а также специфика мотивации. Особое внимание уделяется соотношению идеологических и корыстных побуждений. Делается вывод о вторичности религиозного или политического фанатизма по отношению к личностным проблемам, фрустрации и материальной заинтересованности.

Ключевые слова: террорист-одиночка, криминологическая характеристика, личность преступника, саморадикализация, мотивация терроризма, корыстный мотив, профилактика терроризма

Для цитирования: **Машукова Е.М., Сохроков Э.А.** Криминологическая характеристика личности террориста-одиночки: социально-психологические детерминанты и мотивационная структура // Вестник СКФО: право и экономика. 2026. № 2 (38). С. 211–218.

Jurisprudence
Originak article

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE LONE WHISTLEBLOWER PERSONALITY: SOCIO-PSYCHOLOGICAL DETERMINANTS AND MOTIVATIONAL STRUCTURE

Elena Malilievna Mashukova[1], Eldar Anatolyevich Sokhrokov[2]
[1,2] Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik, Russia
[1]mashuk-elena@yandex.ru
[2]elsokhrokov@gmail.com

Annotation. This article examines the criminological characteristics of the lone wolf terrorist as an independent type of criminal, fundamentally different from members of organized terrorist groups. The authors analyze the key characteristics of autonomous perpetrators, the mechanisms of their self-radicalization, the socio-psychological determinants of criminal behavior, and the specifics of their motivation. Particular attention is paid to the relationship between ideological and self-serving motives. It is concluded that religious or political fanaticism is secondary to personal issues, frustration, and material interest.

Keywords: lone wolf terrorist, criminological characteristics, criminal personality, self-radicalization, motivation for terrorism, self-serving motive, terrorism prevention

For citation: **Mashukova E.M., Sokhrokov E.A.** Criminological Characteristics of the Lone Whistleblower Personality: Socio-Psychological Determinants and Motivational Structure. *Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics*. 2026. 2 (38): 211–218.

Введение. Терроризм в современном мире остается одной из наиболее серьезных угроз национальной безопасности. Усложнение форм террористической активности, расширение ее географии, а также эволюция подходов и методов, используемых последователями террористических идеологий, существенно повышают общественную опасность рассматриваемого явления. Как справедливо отмечают А.К. Щербаченко и И.П. Напханенко, особого внимания заслуживает наблюдаемая в последние годы тенденция к увеличению числа атак, совершаемых отдельными лицами без связи с организованными структурами [1]. В этой связи разработка новых и совершенствование существующих инструментов противодействия терроризму в экономической, социальной и законодательной сферах представляет собой актуальную и необходимую меру защиты государственных и общественных интересов.

Цель исследования – рассмотрение и систематизация ключевых криминологических особенностей террориста-одиночки, отличающих его от участника организованных террористических структур.

Объект исследования – общественные отношения, складывающиеся в сфере совершения террористических актов автономными исполнителями, а также деятельность правоохранительных органов по их выявлению, предупреждению и раскрытию.

Предмет исследования – криминологически значимые свойства личности террориста-одиночки, включая социально-демографические, психологические и мотивационные характеристики, механизмы саморадикализации, а также детерминанты преступного поведения, отличающие данный тип преступника от участников организованных террористических структур.

Материалы и методы исследования. Теоретическую основу исследования составили фундаментальные работы отечественных и зарубежных ученых в области криминологии, уголовного права и психологии экстремальных состояний, посвященные проблематике терроризма и личности преступника. В ходе работы критически осмыслены подходы к определению правовой и криминологической сущности террориста-одиночки, представленные в современной научной литературе [1, 2, 3, 4], а также исследованы социально-психологические механизмы саморадикализации и вовлечения в террористическую деятельность [5, 6].

Эмпирическую базу исследования сформировали: материалы правоприменительной практики, включая официальные данные о зафиксированных и предотвращенных террори-

стических актах на территории Российской Федерации за 2022–2024 гг. [7, 8]; официальные статистические и аналитические материалы Министерства внутренних дел РФ, Федеральной службы безопасности РФ, а также данные судебной статистики; открытые источники информации, включая сообщения информационных агентств и официальные сайты государственных органов [9]; результаты криминологических и социально-психологических исследований, представленные в научной периодике.

Методологическая база исследования построена на сочетании общенаучных и специальных юридических методов познания, что позволило обеспечить всесторонность, системность и достоверность полученных выводов.

В рамках исследования применялись следующие методы: диалектический метод; формально-юридический метод; сравнительно-правовой метод; социально-психологический метод; метод системно-структурного анализа; метод анализа конкретных ситуаций (case-study); статистический метод; метод индукции и дедукции.

Результаты и дискуссия

Организационно-правовая характеристика террориста-одиночки

Б.Р. Тузмухамедов предлагает наиболее распространенное определение, в соответствии с которым террорист-одиночка – это индивид, совершающий акт насилия в политических целях, действуя независимо, без явной связи с руководством террористической организации и вне ее организационной иерархии [2]. При этом отсутствие прямой связи и подчинения какой-либо структуре не исключает того, что действия исполнителя могут быть вдохновлены экстремистской идеологией. В отличие от него, групповой террорист характеризуется устойчивой связью с террористической организацией, предполагающей определенную роль и место в иерархии, а также зависимостью от внешнего управления.

Для наглядного сопоставления обозначенных криминологических типов представим их сравнительную характеристику в *таблице 1*.

Таблица 1 – Сравнительная характеристика террориста-одиночки и участника организованной террористической структуры

Критерий сравнения	Террорист-одиночка	Участник организованной террористической структуры
Организационный статус	Действует автономно, вне организационной иерархии	Имеет устойчивую связь с организацией, занимает определенное место в иерархии
Наличие прямой связи с руководством	Отсутствует	Присутствует, подчинение внешнему управлению
Источник радикализации	Саморадикализация через интернет-ресурсы, эклектичная идеология	Идеологическая обработка в рамках организации, групповое давление
Мотивационная структура	Преобладание корыстного мотива, вторичность идеологии	Преобладание идеологического мотива, групповая солидарность
Уровень социальной адаптации	Низкий (фрустрация, изоляция, потеря социальных связей)	Чаще средний или высокий
Психическое состояние	Психическая неустойчивость, подверженность внушению	Может варьироваться, но часто сохраняется критическое мышление в рамках групповой лояльности

Источник: составлено авторами на основе анализа научной литературы и правоприменительной практики [1, 2, 3, 7, 8].

Динамика террористической активности в последние годы свидетельствует о возрастающей децентрализации угроз. Так, в 2024 году в различных регионах Российской Федерации была зафиксирована серия поджогов и взрывов объектов инфраструктуры – банковских

отделений, транспортных средств, административных зданий [7]. Правоохранительные органы установили, что данные деяния осуществлялись разрозненными лицами, действовавшими самостоятельно, но находившимися под воздействием информационного влияния.

Наиболее отчетливо модель поведения террориста-одиночки прослеживается при анализе случаев предотвращения террористических актов. В 2022 году на территории ряда субъектов Российской Федерации были задержаны лица, самостоятельно готовившие террористические акты на объектах транспортной и государственной инфраструктуры [8]. В Красноярском крае был задержан гражданин, планировавший совершение теракта на объекте уголовно-исполнительной системы. Задержанный действовал самостоятельно, находясь под влиянием радикальной идеологии, и использовал интернет-ресурсы для ознакомления с экстремистскими материалами. Аналогичные случаи отмечались и в других регионах, что подтверждает массовое распространение модели обособленной подготовки террористических действий.

Механизмы саморадикализации и идеологическая составляющая

В подавляющем большинстве случаев террористы-одиночки находятся под воздействием экстремистских убеждений. В процессе подготовки противоправных действий они обращаются к агитационным, информационным и инструктивным материалам, распространяемым через глобальную сеть [9]. При этом непосредственного контакта с террористическими структурами не происходит. Как правило, взаимодействие с идеологией ограничивается видеозаписями проповедей религиозных экстремистов, содержащих призывы к агрессии. Перенимая такие взгляды, исполнители действуют в полной изоляции, что существенно затрудняет их выявление. В связи с этим террористы-одиночки рассматриваются как наименее уязвимая категория для оперативно-розыскного воздействия [3].

В отдельных случаях у изолированного исполнителя формируется не просто набор заимствованных убеждений, а полноценная собственная идеологическая модель. Такая система взглядов нередко носит эклектичный характер – в ее основе могут лежать элементы сразу нескольких разнородных идеологических течений. Момент окончательного формирования идеологии сложно зафиксировать, поскольку установки могут черпаться из различных источников и дополняться собственными умозаключениями [4].

Проблема выявления отсутствия прямой связи между автономным исполнителем и террористическими структурами усугубляется тем, что данные группировки нередко берут на себя ответственность за совершенные нападения. Они используют любые доступные материалы, оставленные исполнителем-одиночкой, – видеозаписи, посты в социальных сетях, предсмертные послания, – преподнося их как свидетельства того, что атака была совершена от имени организации.

Социально-психологические детерминанты личности

Помимо общих характеристик, необходимо сформировать представление о типичном облике автономного исполнителя, его психологических особенностях и причинах, подталкивающих к саморадикализации. В данном контексте в первую очередь обращает на себя внимание социальный аспект: невысокое положение в общественной иерархии, отсутствие постоянного заработка, собственного жилья и перспектив профессионального роста.

Ключ к пониманию феномена террориста-одиночки лежит в области психологии. Решающим фактором выступает сочетание двух взаимосвязанных состояний личности:

1. Глубокая фрустрация. Индивид утрачивает связь с привычной социальной средой, разочаровывается в базовых институтах и перестает видеть свое место в обществе. Подобное состояние порождает поиск «виноватых» и попытки найти простое объяснение сложным жизненным неудачам.

2. Психическая неустойчивость. Она не позволяет человеку критически осмысливать поступающую информацию. На фоне фрустрации радикальные идеи не встречают сопротивления, индивид утрачивает способность к длительному анализу и легко поддается внушению.

Выявленные факторы саморадикализации могут быть систематизированы по уровням их проявления (*таблица 2*).

Таблица 2 – Социально-психологические детерминанты саморадикализации террориста-одиночки

Уровень детерминации	Факторы	Проявление	Роль в механизме саморадикализации
Социальный	Низкое положение в иерархии	Отсутствие заработка, жилья, перспектив	Создает фон для фрустрации
Социальный	Разрыв социальных связей	Потеря контактов с семьей, друзьями	Усиливает изоляцию, повышает восприимчивость
Психологический	Глубокая фрустрация	Разочарование в базовых институтах	Формирует потребность в простом объяснении
Психологический	Психическая неустойчивость	Отсутствие критического мышления	Снимает барьеры для восприятия радикальной идеологии
Технологический	Доступ к интернет-ресурсам	Легкодоступность экстремистских материалов [8]	Катализирует переход в деструктивную фазу
Технологический	Безадресная пропаганда	Нацеленность на уязвимую аудиторию	Завершает формирование радикальной установки

Источник: составлено авторами на основе анализа научной литературы [2, 4, 5].

Соединение указанных факторов запускает механизм саморадикализации. Человек не ограничивается принятием чужой идеологию – он искренне вживается в нее, находя объяснение своим проблемам и способ их решения. Результатом становится готовность к совершению преступлений, которые с точки зрения стороннего наблюдателя кажутся иррациональными, но для самого исполнителя являются логичным завершением внутренней трансформации.

Описанный психологический механизм саморадикализации, однако не сработал бы с такой эффективностью без наличия внешнего катализатора, обеспечивающего доступ к радикальному контенту. Таким катализатором выступает технологический фактор, а именно глобальное распространение сети Интернет.

Роль технологического фактора и демографические характеристики

Существенную роль играет технологический фактор – распространение сети Интернет. Еще несколько десятилетий назад доступ к экстремистским материалам был существенно ограничен. Сегодня глобальная сеть обеспечила легкий доступ к любым типам контента – от идеологических текстов до практических инструкций [5].

Для человека с неустойчивой психикой, уже находящегося в состоянии фрустрации, интернет превращается в фактор, катализирующий радикализацию, снимая последний барьер на пути перехода в деструктивную фазу. В сети активно действует безадресная пропаганда, нацеленная именно на уязвимую аудиторию.

Анализ демографических параметров позволяет выделить четкую тенденцию. Основную массу «одиночек» составляют лица мужского пола в возрасте преимущественно от 30 до 40 лет. Женское участие носит исключительный характер: женщины вовлекаются либо в качестве второ-

степенных участниц, либо под влиянием радикально настроенного окружения (супругов или родственников), действуя не столько по собственной инициативе, сколько под внешним давлением.

Демографический портрет и социально-психологическое состояние исполнителя напрямую связаны с тем, какие именно побуждения становятся для него определяющими.

Мотивационная структура террориста-одиночки

Отдельного внимания заслуживает вопрос о мотивации. Представление о том, что в основе действий автономных исполнителей лежат исключительно идейные побуждения, не соответствует действительности. Количество исполнителей, руководствующихся исключительно идеологическими установками и не имеющих при этом связи с организованными структурами, относительно участников организованных групп невелико.

Корыстный мотив в чистом виде проявляется тогда, когда террористическая деятельность становится для индивида своего рода «работой», в то время как сторона, вовлекающая в незаконную деятельность, может руководствоваться политическими или религиозными соображениями [6]. В контексте одиночек это выглядит следующим образом: человек, не имеющий стабильного дохода и перспектив, может получить предложение (часто через анонимные каналы в сети) совершить теракт за вознаграждение. Это вознаграждение может быть обещано как самой террористической организацией, которая таким образом использует «спящие» ячейки или идейно незрелых попутчиков, так и иными криминальными структурами, заинтересованными в дестабилизации обстановки. В таких случаях декларируемая преступником присяга на верность той или иной группировке является не более чем ритуальным жестом, необходимым для «легитимации» деяния в собственных глазах и получения пропагандистского эффекта.

Проведенный анализ мотивационных моделей позволяет систематизировать их по критерию соотношения идеологических и корыстных побуждений (*таблица 3*).

Таблица 3 – Типология мотивационных моделей террористов-одиночек

Тип мотивационной модели	Характеристика	Соотношение идеологии и корысти	Примерные признаки
Идейно-ориентированный (редкий)	Исполнитель искренне разделяет радикальную идеологию	Идеология доминирует, корысть отсутствует	Длительная религиозная/политическая социализация
Смешанный (наиболее распространенный)	Идеологическая риторика используется для рационализации корыстных мотивов	Идеология вторична, корысть первична	Финансовые проблемы, декларируемая присяга группировке
Корыстно-ориентированный	Террористическая деятельность является «работой» за вознаграждение	Идеология отсутствует, корысть доминирует	Предложение через анонимные каналы, получение денег
Психопатологический	Действия обусловлены психическими расстройствами	Идеология и корысть вторичны	Наличие диагностированных расстройст

Источник: составлено авторами на основе анализа эмпирического материала и научных источников [2, 3, 4, 6].

Таким образом, анализ мотивационных моделей свидетельствует о том, что идеологическая составляющая в структуре личности террориста-одиночки занимает подчиненное положение по отношению к социально-экономическим и психологическим факторам. Данный вывод имеет ключевое значение для выработки эффективных мер противодействия, что будет обобщено в заключительной части исследования.

Заключение. Проведенное исследование позволяет прийти к выводу, что террорист-одиночка представляет собой самостоятельный криминологический тип, принципиально отличающийся от участника организованных террористических структур. Ключевое различие кроется не столько в организационном статусе, сколько в механизмах радикализации и мотивационной структуре. В отличие от группового террориста, проходящего системную идеологическую обработку в рамках организации, автономный исполнитель формирует свои убеждения самостоятельно, зачастую путем эклектичного заимствования из различных радикальных источников, доступных через сеть Интернет.

Важнейшим результатом анализа является вывод о вторичности идеологических побуждений у данной категории преступников. Религиозный или политический фанатизм выступает скорее инструментом рационализации, нежели первопричиной противоправного поведения. Как показала типология мотивационных моделей (*таблица 3*), в основе действий террориста-одиночки чаще всего лежат глубинные социально-психологические проблемы – фрустрация, социальная изоляция, отсутствие перспектив, материальные трудности, – а также психическая неустойчивость, делающая индивида восприимчивым к внушению. Идеология в данном случае выполняет компенсаторную функцию, позволяя человеку найти простое объяснение сложным жизненным обстоятельствам и придать своим действиям видимость высокой миссии.

Эффективное противодействие терроризму одиночек требует смещения акцентов с идеологической борьбы на выявление лиц, находящихся в состоянии социально-психологической дезадаптации и способных использовать радикальную риторику как инструмент для реализации сугубо личных, в том числе корыстных, интересов. В этой связи предлагается: разработать для правоохранительных органов методики отслеживания не столько экстремистских высказываний, сколько паттернов социальной изоляции, резкой смены образа жизни, потери социальных контактов в сочетании с интересом к инструктивным материалам; рассмотреть возможность создания государственных и волонтерских кризисных центров, куда человек мог бы обратиться анонимно при потере работы, разрыве социальных связей или ощущении жизненного тупика; усилить межведомственное взаимодействие органов внутренних дел, органов социальной защиты и психологических служб с целью раннего выявления лиц из группы риска; продолжить исследования в области мотивационной структуры автономных исполнителей с целью уточнения типологии и выработки дифференцированных профилактических мер для каждого типа.

Список источников

1. Щербаченко А. К., Напханенко И. П. Криминалистическая характеристика феномена террористов-одиночек в условиях его исторической эволюции и современного состояния // Философия права: науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 1 (112). С. 188–193.

2. Тузмухамедов Б. Р. Террор одиночек // Россия в глобальной политике. 2018. Т. 16, № 6. С. 63–72. EDN YQJNKP.

3. Манукян А.Р. Криминологические особенности личности преступника-террориста // Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 16. № 4. С. 162-166. EDN: OOTOVD.

4. Берладир Ю.В., Харичкин И.К. Террорист-одиночка сегодня: новый Герострат или мимикрия международного терроризма? // KANT: Social science & Humanities. 2023. № 3(15). С. 36-45. EDN: DWIEZO. DOI: 10.24923/2305-8757.2023-15.4.

5. Магдилова Л.В., Курбатов Э.Р. Проблемы противодействия терроризма в сети Ин-

тернет // Государственная служба и кадры. 2021. № 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-protivodeystviya-terrorizma-v-seti-internet (дата обращения: 05.04.2026).

6. Коровин Е.П. Некоторые вопросы квалификации вовлечения в совершение преступлений террористического характера по субъективным признакам // Современная научная мысль. 2015. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-kvalifikatsii-vovlecheniya-v-sovershenie-prestupleniy-terroristicheskogo-haraktera-po-subektivnym-priznakam (дата обращения: 06.04.2026).

7. О фактах поджогов и диверсий на объектах инфраструктуры в России в 2024 году // ТАСС: информационное агентство. URL: https://tass.ru (дата обращения: 04.04.2026).

8. Случаи предотвращения террористических актов на территории Российской Федерации в 2022 году // Официальный сайт. URL: https://mgutm.ru/bezopasnost/antiterror/video-materialy-po-protivodejstviyu-i/sluchai-predotvrashheniya-teraktov-na-territorii-rossii-v-2022-godu/ (дата обращения: 04.04.2026).

9. Федеральный список экстремистских материалов // Минюст России. URL: https://minjust.gov.ru/ru/extremist-materials/ (дата обращения: 02.04.2026).

List of sources

1. Shcherbachenko A.K., Napkhanenko I.P. Forensic characteristics of the phenomenon of lone terrorists in the context of its historical evolution and current state / A.K. Shcherbachenko, I.P. Napkhanenko // Philosophy of Law: scientific and theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. N 1 (112). P. 188–193. (date of access: 01.04.2026).

2. Tuzmukhamedov B.R. Terror of lone terrorists // Russia in global politics. 2018. Vol. 16, N 6. P. 63–72. EDN YQJNKP. (date of access: 01.04.2026).

3. Manukyan A.R. Criminological features of the personality of a terrorist criminal // Gaps in Russian legislation. 2023. Vol. 16. N 4. Pp. 162-166. EDN: OOTOVD (date of access: 01.04.2026).

4. Berladir Yu.V., Kharichkin I.K. Lone terrorist today: new Herostratus or mimicry of international terrorism? // KANT: Social science & Humanitites. 2023. N 3 (15). Pp. 36–45. EDN: DWIEZO. DOI: 10.24923/2305-8757.2023-15.4 (date accessed: 01.04.2026).

5. Magdilova L.V., Kurbatov E.R. Problems of countering terrorism on the Internet // Public service and personnel. 2021. N 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-protivodeystviya-terrorizma-v-seti-internet (date accessed: 05.04.2026).

6. Korovin E.P. Some questions of qualification of involvment in the commitment of terrorist crimes based on subjective features // Modern scientific thought. 2015. N 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-kvalifikatsii-vovlecheniya-v-sovershenie-prestupleniy-terroristicheskogo-haraktera-po-subektivnym-priznakam (date of access: 06.04.2026).

7. On the facts of arson and sabotage at infrastructure facilities in Russia in 2024 // TASS: information agency. URL: https://tass.ru (date of access: 04.04.2026).

8. Cases of prevention of terrorist acts on the territory of the Russian Federation in 2022 // Official website. URL: https://mgutm.ru/bezopasnost/antiterror/video-materialy-po-protivodejstviyu-i/sluchai-predotvrashheniya-teraktov-na-territorii-rossii-v-2022-godu/ (date of access: 04.04.2026).

9. Federal list of extremist materials // Ministry of Justice of Russia: [website]. URL: https://minjust.gov.ru/ru/extremist-materials/ (date of access: 02.04.2026).

© Машукова Е.М., Сохроков Э.А., 2026

Вестник СКФО: Право и экономика. – 2026. – № 2 (38). – С. 219–223.
Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics. 2026;2 (38):219–223.

Юриспруденция
Научная статья
УДК 343.2/7

ОБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА ВАНДАЛИЗМА (СТ. 214 УК РФ): СОДЕРЖАНИЕ И ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Сергей Иванович Улезько[1], Никита Юрьевич Окишев[2]
[1,2] Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия
[1]ulezko4@gmail.com
[2]nikas9595@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется объективная сторона состава преступления, предусмотренного ст. 214 УК РФ «Вандализм». Проводится анализ ключевых признаков деяния: альтернативных способов его совершения (осквернение зданий и иных сооружений, порча имущества на транспорте или в иных общественных местах) и обязательного признака публичности. Особое внимание уделяется толкованию оценочных понятий «осквернение» и «публичность» на основе судебной практики. Рассматриваются проблемные вопросы квалификации, связанные с разграничением вандализма с административными правонарушениями и смежными составами преступлений, такими как хулиганство (ст. 213 УК РФ) и умышленное уничтожение или повреждение имущества (ст. 167 УК РФ). Делается вывод о необходимости дальнейшего совершенствования законодательной дефиниции и судебного толкования для обеспечения единообразия правоприменения.

Ключевые слова: вандализм, объективная сторона, осквернение, порча имущества, публичность, общественное место, разграничение составов

Для цитирования: **Улезко И.С., Окишев Н.Ю.** Объективная сторона вандализма (ст. 214 УК РФ): содержание и проблемы квалификации // Вестник СКФО: право и экономика. 2026. № 2 (8). С. 219–223.

Jurisprudence
Originak article

THE OBJECTIVE SIDE OF VANDALISM (ARTICLE 214 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION): CONTENT AND QUALIFICATION PROBLEMS

Sergey Ivanovich Ulezko[1], Nikita Yurievich Okishev[2]
[1,2] Rostov State University of Economics (RINH)[1], Rostov-on-Don, Russia
[1]ulezko4@gmail.com
[2]nikas9595@mail.ru

Annotation. The article examines the objective side of the corpus delicti provided for in Article 214 of the Criminal Code of the Russian Federation "Vandalism". The analysis of key signs of the act is carried out: alternative methods of its commission (desecration of buildings and other structures, damage to property on transport or in other public places) and the mandatory sign of publicity. Special attention is paid to the interpretation of the evaluative concepts of "desecration" and "publicity" based on judicial practice. Problematic issues of qualification related to the differentiation of vandalism from administrative offenses and related elements of crimes, such as hooliganism (Article 213 of the Criminal Code of the Russian Federation) and intentional destruction or damage to property (Article 167 of the Criminal Code of the Russian Federation), are considered. The conclusion is made about the need for further improvement of the legislative definition and judicial interpretation to ensure uniformity of law enforcement.

Keywords: vandalism, objective side, desecration, damage to property, publicity, public place, differentiation of corpus delicti

For citation: Ulezko I.S., Okishev N.Y. The Objective Side Of Vandalism (Article 214 Of The Criminal Code Of The Russian Federation): Content And Qualification Problems // Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics. 2026;2(38):219–223.

Введение. Вандализм, как преступление, предусмотренное ст. 214 УК РФ, представляет собой деяние, посягающее не только на отношения собственности, но в первую очередь на общественную нравственность и социально-психологический комфорт граждан. Эффективное противодействие данному явлению напрямую зависит от точной квалификации, ключевую роль в которой играет правильное установление признаков объективной стороны.

Объективная сторона вандализма является сложной и дискуссионной в силу содержания в диспозиции статьи оценочных понятий и необходимости отграничения от смежных правонарушений. Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, вандализм остается одним из наиболее распространенных посягательств на общественный порядок и общественную нравственность. Во-вторых, правоприменительная практика сталкивается с существенными противоречиями при оценке таких признаков, как «осквернение» и «публичность», что приводит к субъективизму и неединообразию судебных решений. В-третьих, появление новых форм вандализма (в том числе в цифровой среде) требует переосмысления сложившихся подходов к квалификации

Цель исследования – комплексный анализ содержания объективной стороны вандализма и выявление проблемных аспектов ее установления для выработки рекомендаций по совершенствованию законодательства и судебного толкования

Объект исследования – общественные отношения, возникающие в сфере установления и применения уголовной ответственности за вандализм, а также деятельность правоохранительных органов по квалификации данного преступления.

Предмет исследования – объективная сторона состава преступления, предусмотренного ст. 214 УК РФ, включая ее признаки (альтернативные способы совершения деяния, публичность), а также проблемы квалификации и отграничения от смежных составов преступлений и административных правонарушений.

Материалы и методы исследования. Теоретическую основу исследования составили фундаментальные работы отечественных ученых в области уголовного права, посвященные проблематике преступлений против общественной безопасности и общественного порядка, а также исследования, анализирующие объективную сторону вандализма и смежных составов преступлений [1, 2, 3]. В ходе работы критически осмыслены подходы к определению содержания оценочных понятий «осквернение» и «публичность», представленные в современной научной литературе.

Эмпирическую базу исследования сформировали: Уголовный кодекс Российской Федерации (ст. 214, 213, 167); Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (ст. 7.17); постановления Пленума Верховного Суда РФ, разъясняющие вопросы квалификации вандализма и смежных составов; материалы судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 214 УК РФ; обзоры судебной практики, опубликованные в официальных источниках и научной периодике.

Методологическая база исследования построена на сочетании общенаучных и специальных юридических методов познания, что позволило обеспечить всесторонность, системность и достоверность полученных выводов.

В рамках исследования авторами применялись следующие методы: диалектический; формально-юридический; сравнительно-правовой; метод судебно-следственного анализа; метод системно-структурного анализа.

Результаты и дискуссия

Содержание объективной стороны вандализма: альтернативные способы совершения

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 214 УК РФ, выражается в альтернативных действиях, объединенных признаком публичности [1, с. 115]. Законодатель предусматривает три варианта действий, образующих объективную сторону:

1. Осквернение зданий или иных сооружений. Под осквернением понимается придание зданию или сооружению неприличного, обезображенного вида, противоречащего общепринятым нормам нравственности и морали, посредством нанесения надписей, рисунков, наклеивания материалов оскорбительного или циничного содержания. Объектами выступают объекты недвижимости, как правило, находящиеся в общественном доступе (фасады домов, памятники, остановочные павильоны, заборы) [2, с. 178]. Ключевым признаком является визуальная воспринимаемость результата неопределенным кругом лиц.

2. Порча имущества на транспорте. Порча в данном контексте означает уничтожение или повреждение, приводящее к полной или частичной негодности имущества, расположенного в транспортных средствах любого вида (общественный, железнодорожный, воздушный транспорт). Примером может служить разбитие стекол, поломка сидений, порча внутренней отделки.

3. Порча имущества в иных общественных местах. Данный способ охватывает повреждение имущества, находящегося в местах, открытых для свободного доступа или посещения неопределенного круга лиц (парки, скверы, стадионы, кинотеатры, подъезды многоквартирных домов).

Анализ приведенных альтернативных способов совершения вандализма показывает, что все они объединены общим системообразующим признаком, без которого деяние утрачивает свою специфику и переходит в разряд иных правонарушений. Таким признаком выступает публичность, придающая вандализму качество посягательства не столько на имущество, сколько на общественную нравственность.

Признак публичности как ключевой элемент объективной стороны

Публичность является обязательным и ключевым признаком, отграничивающим вандализм от схожих преступлений против собственности. Деяние признается публичным, если оно совершено в месте, доступном для наблюдения со стороны других людей, либо когда его результаты очевидны и предназначены для восприятия неопределенным кругом лиц [3, с. 121]. Присутствие свидетелей в момент совершения деяния не является обязательным; достаточно, чтобы поврежденный или осквернённый объект впоследствии мог быть увиден публикой.

Для наглядного представления признаков объективной стороны вандализма систематизируем их в *таблице 1*.

Таблица 1 – Признаки объективной стороны вандализма (ст. 214 УК РФ)

Признак	Содержание	Примеры
Альтернативные способы совершения	Осквернение зданий или иных сооружений	Нанесение нецензурных надписей, циничных рисунков на фасады зданий, памятники, заборы
	Порча имущества на транспорте	Разбитие стекол, поломка сидений, порча отделки в общественном транспорте
	Порча имущества в иных общественных местах	Повреждение скамеек, урн, элементов благоустройства в парках, скверах
Обязательный признак	Публичность	Совершение в месте, доступном для наблюдения; результаты предназначены для восприятия неопределенным кругом лиц
Объект посягательства	Общественная нравственность, социально-психологический комфорт граждан	–
Дополнительный объект	Отношения собственности	–

Источник: составлено авторами на основе анализа законодательства и научной литературы [1, 2, 3].

Представленная в *таблице 1* систематизация признаков объективной стороны вандализма позволяет сделать два принципиальных вывода. Во-первых, все альтернативные способы совершения деяния (осквернение, порча имущества на транспорте и в иных общественных местах) объединены единым требованием публичности, которое выступает системообразующим признаком состава. Во-вторых, дополнительный объект – отношения собственности – имеет подчиненное значение по сравнению с основным объектом (общественной нравственностью), что предопределяет специфику квалификации и отграничения вандализма от смежных составов преступлений.

Выявленные особенности объективной стороны порождают ряд дискуссионных вопросов, связанных с разграничением вандализма и смежных составов. Наибольшую сложность в правоприменительной практике вызывает отграничение вандализма от хулиганства (ст. 213 УК РФ) и умышленного уничтожения или повреждения имущества (ст. 167 УК РФ). Обратимся к анализу указанных проблем.

Дискуссия: проблемы разграничения вандализма со смежными составами

Основное различие вандализма от хулиганства (ст. 213 УК РФ) лежит в объекте посягательства и мотиве. Объектом хулиганства является общественный порядок как таковой, а действия совершаются из явного неуважения к обществу, часто с применением оружия. Вандализм представляет собой угрозу, направленную прежде всего на общественную нравственность и эстетическую среду. Мотивом вандализма может быть не только хулиганские побуждения, но и иные (например, политические, идеологические), что не исключает квалификации по совокупности, если действия одновременно содержат признаки грубого нарушения общественного порядка, выражающего явное неуважение к обществу [2, с. 145].

Разграничение от умышленного уничтожения или повреждения имущества (ст. 167 УК РФ) проводится по нескольким критериям (*таблица 2*).

Таблица 2 – Критерии разграничения вандализма и умышленного уничтожения или повреждения имущества

Критерий сравнения	Вандализм (ст. 214 УК РФ)	Уничтожение/повреждение имущества (ст. 167 УК РФ)
Основной объект	Общественная нравственность	Отношения собственности
Локализация имущества	Только в общественных местах или на транспорте	Любое имущество (в том числе частное, в закрытых помещениях)
Характер ущерба	Значительный ущерб не обязателен; важен сам факт осквернения или порчи в публичном месте	Обязателен значительный ущерб
Признак публичности	Обязателен	Отсутствует

Источник: составлено авторами.

Представленные в *таблице 2* критерии позволяют провести четкое разграничение между вандализмом и смежным составом, предусмотренным ст. 167 УК РФ. Ключевыми отличиями выступают: основной объект посягательства (общественная нравственность vs. отношения собственности); локализация имущества (только публичные места vs. любое имущество); характер ущерба (значительный ущерб не обязателен vs. обязателен); а также наличие признака публичности (обязателен vs. отсутствует). Именно совокупность указанных критериев позволяет правоприменителю избежать ошибок при квалификации.

Наряду с разграничением уголовно-правовых составов, важное значение имеет отграничение вандализма от административных правонарушений. Обратимся к анализу данного аспекта.

Граница между вандализмом и административной порчей имущества (ст. 7.17 КоАП РФ) определяется совокупностью признаков. Если порча не носит публичного характера (например, повреждение имущества в частном месте без последующего обнародования) и/или не содержит признаков циничного осквернения, нарушающего общественную нравственность, а ущерб является незначительным, деяние квалифицируется по КоАП РФ.

Наибольшие сложности на практике вызывает квалификация граффити и иных несанкционированных изображений. Не всякое нанесение рисунка является осквернением. Критерием выступает нарушение общепринятых норм морали и эстетики: содержание надписей или изображений должно носить оскорбительный, циничный, вульгарный или непристойный характер. Художественные граффити, не противоречащие этим нормам, но нанесенные без согласия собственника, могут влечь гражданско-правовую или административную, но не уголовную ответственность по ст. 214 УК РФ.

Таким образом, анализ объективной стороны вандализма и ее отграничения от смежных составов позволяет выявить системные проблемы правоприменения, требующие законодательного и судебного реагирования. Обобщим основные выводы проведенного исследования.

Заключение. Проведенный анализ объективной стороны вандализма (ст. 214 УК РФ) позволяет прийти к выводу, что данный состав преступления обладает сложной и многокомпонентной структурой, требующей тщательного установления всех признаков для правильной квалификации. Правильная квалификация требует точного установления способа деяния, локализации имущества и оценки его публичного характера. Ключевые проблемы правоприменения связаны с необходимостью толкования оценочных понятий «осквернение» и «публичность», что нередко приводит к субъективизму и противоречиям в судебной практике. Для обеспечения единообразия квалификации необходимы дальнейшие шаги по совершенствованию законодательной дефиниции ст. 214 УК РФ, а также систематизация и обновление руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда РФ с учетом современных форм проявления вандализма, включая его идеологическую и цифровую составляющие. Это позволит более эффективно защищать не только материальные объекты, но и социально-психологическую среду общественного пространства.

Список источников

1. Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / отв. ред. И.А. Подройкина, Е.В. Серегина, С.И. Улезько. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2025. – 556 с.

2. Преступления против общественной безопасности и общественного порядка. Закон, теория, практика: А.И. Чучаев, Ю.В. Грачева, С.И. Голубев. М.: Проспект, 2022. 784 с.

3. Улезько С.И., Хуаде А.Х. Уголовно-правовая характеристика нарушения неприкосновенности частной жизни. Ростов н/Д: РГЭУ(РИНХ), 2017. 191 с.

List of sources

1. Criminal law. Special par: textbook for universities / responsible editors I. A. Podroikina, E. V. Seregina, S. I. Ulezko. – 6th ed., revised and add. Moscow: Yurait Publishing House, 2025. 556 p.

2. Crimes against public safety and public order. Law, theory, practice: A.I. Chuchaev, Yu.V. Gracheva, S.I. Golubev. M.: Prospekt, 2022. 784 p.

3. Ulezko S.I., Huade A.H. Criminal and legal characteristics of violations of privacy. Rostov n/A: RSEU(RINH), 2017. 191 p.

© Улезько С.И., Окишев Н.Ю., 2026

Вестник СКФО: Право и экономика. – 2026. – № 2 (38). – С. 224–231.
Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics. *2026;2 (38):224–231*.

Юриспруденция
Научная статья
УДК 343.2/7

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: КОМПЛЕКСНЫЙ И ПРОАКТИВНЫЙ ПОДХОД

Сергей Иванович Улезько[1], Анна Владимировна Тернаскова[2]
[1] Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия
[2]Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия
[1]ulezko4@gmail.com
[2]anna.vl4d1mirovna@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена анализу современных тенденций, стратегий и технологий предупреждения вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность. Авторы, опираясь на системный и межведомственный подход, исследуют эволюцию профилактики от карательно-репрессивных моделей к превентивным, ориентированным на раннее выявление рисков и создание защитной социальной среды. Особое внимание уделяется развитию цифровых инструментов мониторинга и анализа данных, внедрению технологий позитивного наставничества и восстановительных практик, а также роли институтов гражданского общества и волонтерских движений. Рассматриваются проблемы интеграции усилий семьи, школы, органов системы профилактики и негосударственных организаций. На основе анализа лучших региональных и международных практик формулируются рекомендации по оптимизации государственной политики в данной сфере, направленной на устранение не криминальных проявлений, а их глубинных социальных причин.

Ключевые слова: профилактика, несовершеннолетние, вовлечение, межведомственное взаимодействие, цифровые технологии, раннее вмешательство, наставничество, восстановительный подход, социальная среда

Для цитирования: **Улезко И.С., Тернаскова А.В.** Современные тенденции предупреждения вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений: комплексный и проактивный подход // Вестник СКФО: право и экономика. 2026. № 2 (38). С. 224–231.

Jurisprudence
Originak article

MODERN TRENDS IN THE PREVENTION OF INVOLVING MINORS IN THE COMMISSION OF CRIMES: A COMPREHENSIVE AND PROACTIVE APPROACH

Sergey Ivanovich Ulezko[1], Anna Vladimirovna Ternaskova[2]
[1]Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik, Russia
[2]Rostov State University of Economics (RINH)**,** Rostov-on-Don, Russia
[1]ulezko4@gmail.com
[2]anna.vl4d1mirovna@gmail.com

Annotation. The article is devoted to the analysis of modern trends, strategies and technologies for preventing the involvement of minors in criminal activity. Based on a systemic and interdepartmental approach, the authors examine the evolution of prevention from punitive-repressive models to preventive ones, focused on early risk identification and the creation of a protective social environment. Special attention is paid to the development of digital tools for monitoring and data analysis, the introduction of positive mentoring and restorative practices

technologies, as well as the role of civil society institutions and volunteer movements. The problems of integrating the efforts of the family, school, prevention system bodies and non-governmental organizations are considered. Based on the analysis of the best regional and international practices, recommendations are formulated for optimizing state policy in this area, aimed at eliminating not criminal manifestations, but their deep social causes.

Keywords: prevention, minors, involvement, interdepartmental cooperation, digital technologies, early intervention, mentoring, restorative approach, social environment

For citation: **Ulezko I.S., Ternaskova A.V.** Modern trends in the prevention of involving minors in the commission of crimes: a comprehensive and proactive approach. *Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics*. 2026;2 (38):224–231.

Введение. Предупреждение вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений является одним из приоритетов государственной политики в сфере защиты детства и обеспечения национальной безопасности. В условиях трансформации социальных связей, экспансии цифрового пространства и усложнения механизмов криминального влияния традиционные формы профилактической работы, основанные на общих лекциях и формальном учете, демонстрируют ограниченную эффективность.

Современный подход требует перехода от борьбы со следствиями к управлению рисками, от массовых мероприятий к адресной, индивидуализированной работе с подростками и их окружением. Актуальность исследования обусловлена необходимостью создания адекватных и гибких систем, способных не просто реагировать на уже совершенные деяния, но и упреждать процесс вовлечения, создавая непреодолимые барьеры для криминального воздействия.

Цель исследования – выявление и анализ ключевых стратегических векторов, организационных моделей и инновационных технологий, формирующих новый облик системы предупреждения вовлечения несовершеннолетних в преступность.

Объект исследования – общественные отношения, возникающие в сфере предупреждения вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений.

Предмет исследования – современные тенденции, организационные модели, правовые и технологические инструменты профилактики вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность.

Материалы и методы. Теоретико-методической основой исследования послужили научные публикации российских авторов по проблемам профилактики девиантного поведения и вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность [1, 2]; нормативные правовые акты, регламентирующие деятельность органов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних; отчетные и аналитические материалы органов внутренних дел, комиссий по делам несовершеннолетних и иных субъектов профилактики; международные и региональные практики организации профилактической работы с несовершеннолетними. В ходе исследования авторами использовались системно-структурный метод; метод сравнительного анализа; формально-юридический метод; метод анализа документов; метод обобщения и синтеза.

Результаты и дискуссия

Проведенный анализ позволяет констатировать, что в системе предупреждения вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность происходят фундаментальные изменения, затрагивающие как концептуальные основы, так и практические инструменты работы. Современная тенденция заключается в постепенном смещении акцента с карательно-репрессивной модели, фокусирующейся на изоляции и наказании уже вовлеченных подростков, на проактивную восстановительную модель. Ее ядром является создание защитных факторов в непосредственном социальном окружении подростка.

Ключевые элементы новой парадигмы включают раннее выявление и раннее вмешательство (Early Intervention). Речь идет о создании систем скрининга для идентификации детей и семей группы риска не по формальным признакам (неблагополучная семья), а по совокупности поведенческих, психологических и социальных индикаторов. Вмешательство начинается на стадии пер-

вых признаков социальной дезадаптации до момента контакта с криминальной средой [1, с. 89]. Такой подход позволяет предотвратить вовлечение на самой ранней стадии, когда подросток еще не успел сформировать устойчивые криминальные установки.

Вторым важнейшим элементом является восстановительный подход (Restorative Practices). Акцент переносится с наказания на осознание последствий, заглаживание вреда и восстановление нарушенных отношений (в школе, семье, сообществе). Технологии школьных и семейных конференций, медиаций позволяют разрешить конфликт, который может стать отправной точкой для вовлечения в преступность, и реинтегрировать подростка в позитивную социальную среду. Данный подход получил широкое распространение в ряде зарубежных стран и начинает активно внедряться в российской практике.

Особого внимания заслуживает развитие цифровых инструментов профилактики. Сегодня цифровая среда стала не только новым пространством риска, но и мощным инструментом профилактики. Развитие межведомственных информационных систем (например, на базе Единой государственной информационной системы учета несовершеннолетних, в отношении которых проводится индивидуальная профилактическая работа) позволяет осуществлять сценарное прогнозирование и выявлять неочевидные корреляции. Анализ больших данных (Big Data) из открытых источников (социальные сети, школьные электронные журналы, данные соцслужб) помогает создавать «цифровые портреты риска» и адресно распределять ресурсы [3]. Для этого создаются специализированные подразделения для мониторинга социальных сетей, игровых платформ и мессенджеров с целью выявления вербовщиков и деструктивного контента. Параллельно развивается направление создания и продвижения позитивной альтернативы – развивающих онлайн-проектов, игр, блогов успешных сверстников и наставников, формирующих цифровую иммунизацию.

Таким образом, рассмотренные тенденции – смещение акцентов с наказания на раннее вмешательство, внедрение восстановительных практик, цифровизация мониторинга и аналитики, развитие института наставничества и усиление роли НКО – свидетельствуют о системной трансформации самой философии профилактики. Однако для того, чтобы оценить глубину происходящих изменений и выявить сущностные различия между старой и новой моделями, недостаточно простого перечисления новаций. Необходимо сопоставить их по ключевым параметрам: целеполаганию, объекту воздействия, инструментарию, субъектному составу и критериям эффективности. Именно такое сопоставление позволяет увидеть не просто набор новых технологий, а принципиально иную логику организации профилактической работы. Обратимся к сравнительной таблице (*таблица 1*), которая систематизирует эти различия.

Таблица 1 – Сравнительная характеристика традиционной и современной моделей профилактики вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность

Критерий	Традиционная (карательно-репрессивная) модель	Современная (проактивно-восстановительная) модель
Основная цель	Наказание и изоляция вовлеченных подростков	Раннее выявление рисков и создание защитной среды
Объект воздействия	Подросток как «проблема»	Социальная среда, окружающая подростка
Временной горизонт	Реагирование на уже совершенные деяния	Упреждение процесса вовлечения на ранних стадиях
Основные инструменты	Лекции, беседы, формальный учет, изоляция	Скрининг, case-менеджмент, медиация, наставничество
Субъекты профилактики	Преимущественно государственные органы	Межведомственные команды, НКО, волонтеры
Ключевой показатель эффективности	Количество проведенных мероприятий	Реальное снижение числа вовлеченных подростков

Источник: составлено авторами по материалам исследования.

Представленные данные наглядно демонстрируют, что различия между традиционной и современной моделями носят не частный, а системный характер, затрагивая все ключевые элементы профилактической деятельности.

Прежде всего, обращает на себя внимание смена целеполагания. Если традиционная модель ориентирована на посткриминальное реагирование – наказание и изоляцию уже вовлеченных подростков, то современная модель смещает фокус на превентивное управление рисками. Целью становится не столько «наказать виновного», сколько «не допустить, чтобы подросток стал виновным». Это принципиальное различие в логике: от реакции к упреждению.

Не менее значимым является изменение объекта воздействия. В традиционной модели «проблемой» признается сам подросток, его личность и поведение, что неизбежно ведет к стигматизации и закреплению девиантной идентичности. Современный подход, напротив, рассматривает в качестве объекта воздействия социальную среду, окружающую подростка – семью, школу, круг общения, цифровое пространство. Такой взгляд позволяет не изолировать подростка, а трансформировать условия его существования, создавая естественные барьеры для криминального влияния.

Инструментарий также претерпевает кардинальные изменения. Лекции и формальные беседы, составлявшие основу традиционной работы, уступают место технологиям раннего скрининга, индивидуального сопровождения (case-менеджмент), восстановительных практик (медиации, конференции) и наставничества. Эти инструменты не просто информируют, а вовлекают подростка в позитивную деятельность, формируют у него новые социальные связи и модели поведения.

Особого внимания заслуживает трансформация субъектного состава. Если традиционная модель строилась преимущественно на усилиях государственных органов (прежде всего, органов внутренних дел и комиссий по делам несовершеннолетних), то современная модель предполагает широкое межведомственное взаимодействие с участием психологов, социальных педагогов, специалистов по работе с семьей, а также негосударственных организаций и волонтеров. Такое расширение субъектного состава позволяет обеспечить комплексность воздействия и учесть все аспекты жизнедеятельности подростка.

Наконец, ключевой показатель эффективности в новой модели принципиально иной. Вместо формального учета количества проведенных бесед и мероприятий предлагается ориентация на реальное снижение числа подростков, вовлеченных в преступную деятельность. Это требует внедрения систем мониторинга и оценки, которые позволяют отслеживать динамику состояния подростка и эффективность применяемых мер, а не просто фиксировать факт проведенной работы.

Таким образом, сравнительный анализ двух моделей подтверждает тезис о том, что современная профилактика представляет собой не просто модернизацию отдельных элементов, а смену управленческой парадигмы. Она требует перестройки всей системы – от целеполагания до критериев оценки результатов, от субъектного состава до используемых инструментов.

Однако любая парадигма, какой бы прогрессивной она ни была, остается лишь декларацией, если не подкреплена реальными институциональными механизмами и субъектами, способными реализовать ее на практике. Именно в этом контексте особую значимость приобретают две взаимосвязанные тенденции: развитие института наставничества с усилением роли негосударственных организаций, с одной стороны, и формирование новых моделей межведомственного взаимодействия – с другой. Обратимся к их содержательной характеристике.

Важнейшей тенденцией является развитие института наставничества и усиление роли НКО. Происходит переосмысление роли негосударственного сектора в системе профилактики. Осуществляется внедрение технологий долгосрочного сопровождения подростков группы риска авторитетными взрослыми из различных сфер (спорт, бизнес, культура, волонтерство). Это создает альтернативную модель идентификации, компенсирующую дефицит позитивного общения в семье или школе. Наставник выступает как «социальный буфер», способный распознать первые признаки давления извне [4, 5]. Профессиональные НКО, обладающие узкой специализацией (работа с жертвами насилия, реабилитация зависимых, правовая

помощь), становятся полноправными партнерами государства в реализации индивидуальных программ профилактики, предлагая гибкие, небюрократизированные форматы работы.

Вместе с тем очевидно, что даже самая эффективная работа наставников и НКО не сможет дать системного результата без координации их усилий с деятельностью государственных органов. Разрозненные действия различных ведомств, отсутствие единого плана и персональной ответственности за конкретного подростка сводят на нет усилия даже самых подготовленных специалистов. Именно поэтому параллельно с развитием института наставничества происходит становление новых моделей межведомственного взаимодействия, основанных на принципах case-менеджмента.

Ключевой тенденцией является преодоление ведомственной разобщенности. На муниципальном уровне создаются междисциплинарные команды (службы case-менеджмента), включающие инспектора ПДН, психолога, социального педагога, специалиста по работе с семьей, представителя комиссии по делам несовершеннолетних. За такой командой закрепляется конкретный подросток и его семья. Наблюдается переход от разрозненных мероприятий разных ведомств к единому, персонифицированному плану действий (case-план), разрабатываемому междисциплинарной командой и регулярно корректируемому. Ответственность за реализацию индивидуальной программы профилактики (ИПП) и достижение целевых индикаторов (посещение школы, вовлеченность в кружки, улучшение семейного климата) возлагается на куратора-координатора.

В *таблице 2* представлена функциональная структура и распределение ролей в рамках междисциплинарной команды, которая систематизирует функции каждого участника междисциплинарного взаимодействия.

Таблица 2 – Модель межведомственного взаимодействия в рамках case-менеджмента

Субъект профилактики	Функции в составе междисциплинарной команды
Инспектор ПДН	Координация взаимодействия с органами внутренних дел, контроль соблюдения профилактических мер
Психолог	Диагностика психоэмоционального состояния, коррекционная работа, кризисное консультирование
Социальный педагог	Оценка социальной ситуации, взаимодействие со школой, помощь в организации досуга
Специалист по работе с семьей	Диагностика семейной ситуации, помощь в разрешении внутрисемейных конфликтов
Представитель КДН	Организационная координация, контроль исполнения индивидуального плана
Наставник (НКО/волонтер)	Долгосрочное сопровождение, создание позитивной модели идентификации

Источник: составлено авторами по материалам исследования.

Представленная модель (*таблица 2*) межведомственного взаимодействия демонстрирует принципиально новый подход к организации профилактической работы. В отличие от традиционной модели, где каждое ведомство действовало автономно и часто дублировало усилия друг друга, case-менеджмент предполагает четкое распределение функций при сохранении единого центра ответственности.

Ключевым элементом модели является наличие куратора-координатора (в таблице – представитель КДН), который обеспечивает не просто организационную связь между ведомствами, но и персональную ответственность за реализацию индивидуального плана. Именно этот субъект становится «точкой сборки» всех усилий, обеспечивая их непротиворечивость и целенаправленность.

Важно отметить, что в состав команды включены не только представители государственных органов (ПДН, КДН), но и специалисты, обладающие узкой профессиональной компетен-

цией – психолог, социальный педагог, специалист по работе с семьей. Это позволяет обеспечить комплексный учет всех аспектов жизнедеятельности подростка: психоэмоционального состояния, социальной ситуации, семейного климата. При этом функции наставника, делегируемые НКО или волонтерским организациям, вынесены в отдельную позицию, что подчеркивает их особую роль в создании альтернативной модели идентификации для подростка.

Таким образом, рассмотренные тенденции – от концептуального переосмысления целей профилактики до внедрения конкретных институциональных механизмов (наставничество, case-менеджмент, межведомственное взаимодействие) – свидетельствуют о том, что система предупреждения вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность находится в стадии глубокой трансформации [3, 6]. Эта трансформация затрагивает не только инструментарий, но и саму философию работы с подростками группы риска: от изоляции и наказания – к сопровождению и созданию защитной среды.

Современные тенденции предупреждения вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность свидетельствуют о формировании качественно новой модели, основанной на принципах проактивности, адресности, межсекторного партнерства и опоры на данные.

В ходе дискуссии следует отметить, что, несмотря на очевидные преимущества новой модели, ее внедрение сталкивается с рядом препятствий. К ним относятся: недостаточная подготовленность кадров к работе в междисциплинарных командах; отсутствие единых стандартов case-менеджмента; недостаточное нормативное регулирование деятельности НКО в сфере профилактики; риски, связанные с обработкой персональных данных при использовании цифровых инструментов. Преодоление указанных барьеров требует, как законодательных изменений, так и системной работы по повышению квалификации специалистов.

Заключение. Проведенное исследование современных тенденций предупреждения вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений позволяет констатировать, что система профилактики находится в стадии глубокой институциональной и концептуальной трансформации. Суть происходящих изменений не сводится к внедрению отдельных новых технологий или расширению перечня субъектов профилактики – речь идет о смене самой управленческой философии, переосмыслении целей, задач и критериев эффективности профилактической работы.

Традиционная карательно-репрессивная модель, ориентированная на изоляцию и наказание уже вовлеченных подростков, постепенно уступает место проактивной восстановительной модели, ядром которой является раннее выявление рисков, создание защитной социальной среды и восстановление нарушенных отношений. Этот переход знаменует собой признание того факта, что эффективная профилактика невозможна без системной работы с социальным окружением подростка – семьей, школой, группой сверстников, цифровым пространством. Объектом воздействия становится не сам подросток как «проблема», а среда, в которой он формируется и которая либо защищает его от криминального влияния, либо, напротив, создает условия для вовлечения в преступную деятельность.

Особое значение в новой модели приобретают цифровые инструменты профилактики. Развитие межведомственных информационных систем, анализ больших данных, мониторинг социальных сетей и мессенджеров позволяют не просто фиксировать уже свершившиеся факты вовлечения, но осуществлять сценарное прогнозирование и выявлять риски на самых ранних стадиях. Параллельно с этим развивается направление создания позитивной цифровой альтернативы – развивающих онлайн-проектов, блогов успешных сверстников и наставников, формирующих у подростков «цифровой иммунитет» и устойчивость к деструктивному контенту.

Наряду с технологическими инновациями происходят и институциональные изменения. Институт наставничества и негосударственные организации становятся полноправными субъектами системы профилактики, предлагая гибкие, небюрократизированные форматы работы, ориентированные на долгосрочное сопровождение конкретного подростка. Наставник, выступающий как «социальный буфер», способен распознать первые признаки криминального давления и предложить альтернативную модель идентификации, компенсирующую дефицит позитивного общения в семье или школе.

Ключевым условием эффективности новой модели становится преодоление ведомственной разобщенности через создание междисциплинарных команд и внедрение технологий case-менеджмента. Переход от разрозненных мероприятий различных ведомств к единому персонифицированному плану действий позволяет обеспечить комплексное, непрерывное сопровождение подростка и его семьи, исключая дублирование усилий и «провалы» в межведомственном взаимодействии. Ответственность за реализацию индивидуальной программы профилактики и достижение конкретных целевых индикаторов возлагается на куратора-координатора, что создает механизм персональной ответственности за результат.

Вместе с тем анализ выявил ряд проблем, препятствующих полноценному внедрению новой модели. К ним относятся недостаточная подготовленность кадров к работе в междисциплинарных командах, отсутствие единых стандартов case-менеджмента, недостаточное нормативное регулирование деятельности НКО в сфере профилактики, а также риски, связанные с обработкой персональных данных при использовании цифровых инструментов. Преодоление указанных барьеров требует, как законодательных изменений, так и системной работы по повышению квалификации специалистов и формированию единых подходов к оценке эффективности профилактической деятельности.

Перспективы дальнейшего совершенствования системы предупреждения вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность связаны с глубинным системным воздействием на среду, окружающую подростка. Это предполагает инвестиции в развитие социального капитала территорий, поддержку института семьи, создание инфраструктуры для позитивной самореализации молодежи и формирование цифровой гигиены. Успех будет определяться не ужесточением санкций по статье 150 Уголовного кодекса Российской Федерации, а способностью государства, общества и профессионального сообщества выстроить непрерывную, «бесшовную» систему поддержки, которая идентифицирует риск на этапе его зарождения, мобилизует ресурсы для помощи семье и ребенку и предоставляет убедительные альтернативы криминальному пути. Главным показателем эффективности такой системы должно стать не количество проведенных бесед или вынесенных постановлений, а реальное снижение числа подростков, попавших в сферу криминального влияния, и устойчивое улучшение их социального самочувствия.

Список источников

1. Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // Собрание законодательства РФ. 1999. № 26. Ст. 3177.

2. Федеральный закон от 29.12.2010 N 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 48.

3. Завьялов А.А., Коваленко И.И. Big Data в профилактике преступлений несовершеннолетних: этические и правовые аспекты // Информационное право. 2024. № 1. С. 33–40.

4. Филипенко Е.В. Психолого-педагогические детерминанты профилактики девиантного поведения несовершеннолетних: монография. СПб.: Изд-во СПУ МВД России, 2022. 186 с.

5. Юзиханова Э.Г., Улезько С.И. Современные модели межведомственного взаимодействия в системе профилактики правонарушений несовершеннолетних // Юридический вестник КБГУ. 2024. № 2 (14). С. 101–109.

6. Стародубцева Н.В. Технологии case-менеджмента в работе с несовершеннолетними группы риска // Социальная работа. 2024. № 3. С. 28–35.

List of sources

1. Federal Law of 24.06.1999 N 120-FZ «On the Fundamentals of the System for the Prevention of Neglect and Juvenile Delinquency» // Collected Legislation of the Russian Federation. 1999. N 26. Art. 3177.

2. Federal Law of 29.12.2010 N 436-FZ «On the Protection of Children from Information Harmful to Their Health and Development» // Collected Legislation of the Russian Federation. 2011. N 1. Art. 48.

3. Zavyalov A.A., Kovalenko I.I. Big Data in the Prevention of Juvenile Delinquency: Ethical and Legal Aspects // Information Law. 2024. N 1. Pp. 33–40.

4. Filipenko E.V. Psychological and Pedagogical Determinants of the Prevention of Deviant Behavior of Minors: Monograph. St. Petersburg: Publishing House of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2022. 186 p.

5. Yuzikhanova E.G., Ulezko S.I. Modern models of interdepartmental interaction in the system of juvenile delinquency prevention // Legal Bulletin of KBSU. 2024. N 2 (14). Pp. 101–109.

6. Starodubtseva N.V. Case Management Technologies in Working with At-Risk Minors // Social Work. 2024. N 3. Pp. 28–35.

© Улезько С.И., Тернаскова А.В., 2026

Вестник СКФО: Право и экономика. – 2026. – № 2 (38). – С. 231–237.
Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics. *2026;2 (38):231–237*.

Юриспруденция
Научная статья
УДК 343.2/7

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ НАКАЗАНИЙ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ: ОТ ДРЕВНЕЙ РУСИ ДО СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ

Сергей Иванович Улезько[1], Холодова Анастасия Денисовна[2]
[1,2] Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия
[1]ulezko4@gmail.com
[2]kholodova.anas@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется эволюция системы наказаний в уголовном праве дореволюционной России в период от эпохи Древней Руси до конца XIX века. Анализируются основные этапы развития пенитенциарных институтов: от кровной мести и системы композиций в Русской Правде к жестоким публичным казням и членовредительным наказаниям в эпоху Московского царства, а затем к их гуманизации и систематизации в законодательстве Российской империи XVIII-XIX вв. Особое внимание уделяется влиянию идей Просвещения, кодификационной деятельности М.М. Сперанского, реформам 1860-х годов и переходу от телесных и позорящих наказаний к системе лишения свободы как основной мере государственной репрессии. Делается вывод о том, что развитие системы наказаний отражало общую трансформацию государственности, правовой мысли и социальных отношений.

Ключевые слова: история уголовного права, система наказаний, дореволюционная Россия, телесные наказания, смертная казнь, лишение свободы, тюремная система, кодификация

Для цитирования: Улезко И.С., Холодова А.Д. Развитие системы наказаний в уголовном праве дореволюционной России: от Древней Руси до судебной реформы // Вестник СКФО: право и экономика. 2026. № 2 (38). С. 232–235.

Jurisprudence
Originak article

DEVELOPMENT OF THE SYSTEM OF PUNISHMENTS IN THE CRIMINAL LAW OF PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA: FROM ANCIENT RUSSIA TO THE JUDICIAL REFORM

Sergey Ivanovich Ulezko[1], Anastasia Denisovna Kholodova[2]
[1,2] Rostov State University of Economics (RINH), **,** Rostov-on-Don, Russia
[1]ulezko4@gmail.com
[2]kholodova.anas@mail.ru

Annotation. The article examines the evolution of the system of punishments in the criminal law of pre-revolutionary Russia from the period of Ancient Russia to the end of the 19th century. The main stages of the development of penitentiary institutions are analyzed: from blood feud and the system of compositions in Russkaya Pravda to cruel public executions and mutilating punishments in the era of the Muscovite Kingdom, and then to their humanization and systematization in the legislation of the Russian Empire of the 18th–19th centuries. Special attention is paid to the influence of the ideas of the Enlightenment, the codification activities of M.M. Speransky, the reforms of the 1860s and the transition from corporal and disgraceful punishments to a system of imprisonment as the main measure of state repression. It is concluded that the development of the punishment system reflected the general transformation of statehood, legal thought and social relations.

Keywords: history of criminal law, system of punishments, pre-revolutionary Russia, corporal punishment, death penalty, imprisonment, prison system, codification

For citation: Ulezko I.S., Kholodova A.D. Development Of The System Of Punishments In The Criminal Law Of Pre-Revolutionary Russia: From Ancient Russia To The Judicial Reform. *Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics.* 2026; 2 (38): 231–237.

Введение. Эволюция системы уголовных наказаний является одним из наиболее репрезентативных показателей развития правовой культуры, государственности и социальной этики. В дореволюционной России эта система прошла длительный и сложный путь от примитивных форм частного возмездия и компенсации до сложного, иерархизированного и систематизированного института в законодательстве имперского периода. Изучение данной темы позволяет проследить не только изменение карательных практик, но и смену парадигм в понимании целей наказания: от устрашения и возмездия к исправлению и изоляции преступника.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью понимания исторических корней современных пенитенциарных систем и закономерностей их гуманизации. Осмысление прошлого опыта позволяет выявить устойчивые тенденции в развитии уголовно-правовых институтов и спрогнозировать перспективы их дальнейшего реформирования.

Степень научной разработанности проблемы. Вопросы эволюции системы наказаний в дореволюционной России исследовались в трудах А.А. Зимина, А.Г. Манькова, Е.А. Скрипилева, а также других авторов, изучавших историю отечественного уголовного права [1, 2, 3]. Однако комплексный анализ всей эволюционной цепочки от Древней Руси до Судебной реформы с акцентом на системные изменения и смену концептуальных подходов остается востребованным.

Цель исследования – анализ основных этапов становления и трансформации системы уголовных наказаний в России с X по XIX век, выявление ключевых тенденций и закономерностей их развития.

Объект исследования – общественные отношения, складывающиеся в сфере установления и применения уголовных наказаний в дореволюционной России.

Предмет исследования – эволюция системы наказаний в уголовном праве России с периода Древней Руси до конца XIX века, включая нормативное закрепление, виды наказаний и их цели.

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составляют: историко-правовой метод (для анализа памятников права в их временной последовательности); сравнительно-правовой метод (для сопоставления систем наказаний на различных этапах развития государства); формально-юридический метод (для анализа нормативного содержания правовых актов); системно-структурный метод (для выявления иерархии и взаимосвязи различных видов наказаний); метод исторической периодизации (для выделения качественно различных этапов эволюции системы наказаний).

Результаты и дискуссия. Начальный этап развития системы наказаний отражен в Русской Правде (XI–XII вв.) – древнейшем памятнике отечественного права. Доминирующим принципом была система композиций – денежных штрафов («вира», «головничество», «продажа»), выплачиваемых преступником князю или потерпевшему [1, с. 78]. Это свидетельствовало о сильных пережитках общинного строя, где государство выступало арбитром, а наказание носило имущественно-компенсационный характер. Кровная месть допускалась, но постепенно вытеснялась, что отражало усиление роли княжеской власти и зарождение публично-правовых начал в регулировании уголовно-правовых отношений. Телесные и членовредительные наказания упоминались редко, а тюремное заключение как вид наказания отсутствовало. Примечательно, что система наказаний Русской Правды была дифференцирована по социальному статусу потерпевшего, что заложило сословный принцип, сохранившийся в российском праве на многие столетия.

В период централизации и становления Московского царства (XIV–XVII вв.) происходит психологический переворот в понимании сущности наказания. Целью наказания становится не компенсация, а устрашение и публичное возмездие в интересах государства. Судебники 1497 и 1550 годов, а особенно Соборное уложение 1649 года, вводят жестокую, дифференцированную по социальному статусу систему казней и членовредительных наказаний [2, с. 145]. Широко применяются смертная казнь в изощренных формах (колесование, сожжение, залитие горла металлом), торговые казни (битье кнутом), урезание языка, ушей, отсечение рук. Появляется ссылка («посажение на пашню») и тюремное сидение, но как дополнительная или профилактическая мера, а не основное наказание. Система носит ярко выраженный публичный и террористический характер, отражая усиление самодержавной власти и стремление государства к тотальному контролю над подданными. Именно в этот период формируется принцип устрашения как доминирующей цели наказания, а система наказаний обретает исключительную жестокость, призванную демонстрировать неограниченную власть монарха.

Реформы Петра I придали системе наказаний более светский и рациональный, но не менее суровый характер. Артикул воинский 1715 года стал важнейшим кодифицированным актом. Хотя смертная казнь и членовредительство оставались широко распространены, была предпринята попытка их регламентации [4, с. 256]. Появляется новая цель наказания – «исправление» преступника, что выразилось в расширении применения каторжных работ и ссылки на галеры (для «вечной» или срочной работы). Наказания четко дифференцируются по сословиям: для дворян – лишение чести и состояния, для простолюдинов – телесные кары. Петровское законодательство отражало стремление к рационализации карательной системы,

но при этом сохраняло и даже усилило ее суровость, поскольку задачи укрепления империи требовали жестких мер воздействия.

Таким образом, к началу XVIII века система наказаний в России прошла путь от разрозненных, во многом архаичных норм Русской Правды до относительно кодифицированного, хотя и крайне жестокого, законодательства Петровской эпохи. Однако этот путь был лишь началом длительной трансформации. В последующем, под влиянием идей Просвещения, кодификационной деятельности и реформ, система наказаний продолжала эволюционировать, постепенно смещая акценты от устрашения к исправлению, от физического воздействия к ограничению свободы. Для того чтобы проследить эту эволюцию в ее целостности и системности, недостаточно простого перечисления законодательных актов и видов наказаний. Необходимо сопоставить основные характеристики системы наказаний по историческим этапам, выявив доминирующие виды санкций, их цели и социальную направленность. Обратимся к сравнительной таблице (*таблица 1*), которая систематизирует ключевые параметры развития системы наказаний в уголовном праве дореволюционной России с X по XIX век.

Таблица 1 – Эволюция системы наказаний в уголовном праве дореволюционной России (X–XIX вв.)

Исторический период	Основные законодательные акты	Доминирующие виды наказаний	Основная цель наказания
Древняя Русь (XI–XII вв.)	Русская Правда	Денежные штрафы (вира, продажа), кровная месть (ограниченно)	Компенсация, частное возмездие
Московское царство (XIV–XVII вв.)	Судебники 1497, 1550 гг.; Соборное уложение 1649 г.	Смертная казнь (изощренные формы), членовредительные наказания, ссылка	Устрашение, публичное возмездие
Российская империя (XVIII в.)	Артикул воинский 1715 г.; Наказ Екатерины II 1767 г.	Смертная казнь, каторжные работы, телесные наказания, лишение прав	Устрашение, исправление
Первая половина XIX в.	Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.	Уголовные (смертная казнь, каторга, поселение) и исправительные (лишение свободы, арест)	Систематизация, дифференциация
Реформы 1860-х гг.	Закон 17 апреля 1863 г.; Судебные уставы 1864 г.	Лишение свободы, отмена публичных телесных наказаний, клеймения	Исправление, изоляция

Представленная *таблица 1* наглядно демонстрирует, что эволюция системы наказаний в дореволюционной России не была линейной и однонаправленной. Каждый исторический этап формировал собственный тип карательной политики, отражавший уровень государственного развития, правовой культуры и социальных отношений.

На первом этапе (Древняя Русь) система наказаний носила преимущественно частноправовой характер: государство выступало арбитром между потерпевшим и преступником, а не самостоятельным карающим субъектом. Это свидетельствовало о слабости публично-правовых начал и сохранении общинных институтов саморегуляции.

Период Московского царства знаменует кардинальный перелом: на смену компенсации приходит устрашение. Наказание становится публичным актом, демонстрирующим неограниченную власть монарха. Система наказаний приобретает крайне жестокий, террористический характер, где доминируют изощренные формы смертной казни и членовредительства.

XVIII век приносит попытки рационализации и систематизации, но суровость сохраняется. Важным новшеством становится появление идеи «исправления» преступника, хотя на практике она реализуется через каторжные работы и ссылку, остающиеся крайне тяжелыми формами наказания. Сохраняется и даже усиливается сословная дифференциация: для дворян – лишение чести и состояния, для простолюдинов – телесные кары.

Первая половина XIX века ознаменована фундаментальной систематизацией. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года закрепляет четкую иерархию наказаний, разделяя их на уголовные и исправительные. Главенствующее место начинают занимать лишение свободы и ссылка, что свидетельствует о смене приоритетов от физического воздействия к ограничению свободы личности.

Наконец, реформы 1860-х годов становятся поворотным моментом: отмена публичных телесных наказаний и клеймения символизирует переход от наказания, воздействующего на тело, к наказанию, воздействующему на правовой статус и свободу человека. Судебные уставы 1864 года закрепляют принципы новой судебной системы, в которой важное место занимают состязательность, презумпция невиновности и независимость суда.

Представленная *в таблице 1* динамика позволяет увидеть системную логику эволюции: от частного возмездия к публичной каре, от публичной кары к ограничению свободы, от телесных наказаний к лишению прав и свободы. При этом каждый этап сохранял элементы предыдущих, создавая сложные, многослойные системы, что делало процесс трансформации противоречивым и неравномерным.

Однако было бы ошибочно полагать, что эволюция системы наказаний определялась исключительно внутренними факторами развития государства и права. Не менее важным, а на определенных этапах – и решающим, оказывалось влияние внешних интеллектуальных и культурных импульсов. Именно во второй половине XVIII века, когда европейская философская мысль переживала эпоху Просвещения, а идеи гуманизма и естественного права начали проникать в Россию, отечественная система наказаний столкнулась с первым серьезным вызовом своей многовековой жестокости. Этот вызов исходил не от радикальных реформаторов, а от самой императрицы Екатерины II, чье правление стало временем осторожных, но знаковых преобразований в карательной политике

Вторая половина XVIII века, под влиянием идей европейского Просвещения и взглядов Екатерины II, отмечена первыми серьезными попытками гуманизации. В «Наказе» 1767 года императрица критиковала жестокость наказаний, провозглашала принцип соразмерности и предлагала развивать тюремную систему [5, с. 134]. На практике это выразилось в ограничении применения пыток, отмене некоторых видов мучительной казни и развитии сети смирительных и работных домов для «исправления» мелких преступников и бродяг. Эти шаги, хотя и были половинчатыми, заложили концептуальные основы для дальнейшего смягчения карательной политики и признания за наказанием функции исправления, а не только возмездия и устрашения.

Фундаментальную систематизацию система наказаний получила в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, подготовленном под руководством М.М. Сперанского [3, с. 210]. Наказания были разделены на уголовные (смертная казнь, каторга, поселение) и исправительные (лишение прав, тюрьма, арест, выговор). Несмотря на сохранение широкого перечня телесных наказаний (розги, плети) для податных сословий и крестьян, Уложение закрепило четкую иерархию, где главными стали лишение свободы и ссылка. Важнейшим достижением стало создание системы наказаний, построенной на единых принципах, что позволило правоприменителю руководствоваться строгой иерархией санкций и обеспечило большую предсказуемость судебных решений.

Решающий поворот произошел в эпоху Великих реформ Александра II. Судебные уставы 1864 года, отделив суд от администрации, косвенно способствовали пересмотру карательной политики [6, с. 412]. Кульминацией стало принятие Закона от 17 апреля 1863 года, отменившего публичные телесные наказания для женщин и большинства категорий мужчин, а также клеймение [7, с. 89]. Это был поворотный момент в переходе от наказания, воздействующего на тело, к наказанию, воздействующему на свободу и права личности. Отмена телесных наказаний стала не просто институциональной реформой, а символом смены культурной парадигмы: человек переставал быть объектом физического воздействия со стороны государства и признавался субъектом права, чья свобода и достоинство подлежат защите.

Таким образом, развитие системы наказаний в дореволюционной России представляет собой поступательное, хотя и противоречивое движение от частно-правовых композиций к публично-правовой каре, а затем – к ее гуманизации и систематизации. Основными векторами этого процесса стали: 1) переход от компенсации к устрашению, а затем к идее исправления; 2) постепенная отмена наиболее жестоких и позорящих телесных наказаний; 3) выдвижение на первый план лишения свободы как основного вида уголовной репрессии; 4) формальная унификация наказаний, хотя сословные пережитки сохранялись долгое время.

Заключение. Проведенное исследование эволюции системы наказаний в уголовном праве дореволюционной России позволяет констатировать, что данный институт прошел длительный и противоречивый путь, отражавший трансформацию государственности, правовой мысли и социальных отношений: от примитивных форм частного возмездия и денежной компенсации в Русской Правде до сложной, иерархизированной и систематизированной системы наказаний в законодательстве Российской империи. Каждый исторический этап накладывал свой отпечаток на карательную политику, формируя ее сущностные характеристики.

В Древней Руси доминировала система композиций, где государство выступало арбитром, а наказание носило имущественно-компенсационный характер. Период Московского царства ознаменовался психологическим переворотом: на смену компенсации пришло устрашение и публичное возмездие, что нашло выражение в изощренных формах смертной казни и членовредительных наказаниях, закрепленных в Судебниках и Соборном уложении 1649 года. Петровские реформы привнесли элементы рационализации и систематизации, а также новую цель наказания – «исправление» преступника, что выразилось в расширении применения каторжных работ и ссылки.

Влияние идей Просвещения и деятельность Екатерины II открыли этап гуманизации системы наказаний, хотя на практике преобразования оставались половинчатыми. Фундаментальную систематизацию система наказаний получила в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, разделившем наказания на уголовные и исправительные и закрепившем четкую иерархию, где главенствующее место заняли лишение свободы и ссылка. Решающим этапом стали реформы Александра II, в ходе которых были отменены публичные телесные наказания и клеймение, а Судебные уставы 1864 года заложили основы новой судебной системы, в которой важное место заняли принципы состязательности и презумпции невиновности.

Исторический путь развития системы наказаний в дореволюционной России демонстрирует устойчивую тенденцию перехода от наказания, воздействующего на тело и физическую целостность человека, к наказанию, воздействующему на его свободу и правовой статус. Этот процесс был неравномерным, зигзагообразным, но в целом направленным на гуманизацию и систематизацию карательных практик. Несмотря на то, что сословные пережитки сохранялись вплоть до революции 1917 года, к концу XIX века в России сложилась в основных чертах современная для той эпохи система наказаний, в которой доминировали различные виды лишения свободы, что заложило концептуальную основу для дальнейшего развития пенитенциарного права и законодательства.

Список источников

1. Зимин А.А. Правда Русская. М.: Древлехранилище, 1999. 422 с.
2. Маньков А.Г. Уложение 1649 года – кодекс феодального права России. Л.: Наука, 1980. 272 с.
3. Развитие русского права в первой половине XIX века / отв. ред. Е.А. Скрипилев. М.: Наука, 1994. 318 с.
4. Фойницкий И.Я. Курс уголовного права. Часть Особенная. Посягательства против личности и имущества. СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1901. 498 с.
5. Омельченко О.А. «Наказ» Екатерины II и его историческое значение // Законодательство Екатерины II: в 2 т. Т. 1. М.: Юридическая литература, 1994. С. 127–145.
6. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов н/Д: Феникс, 1995. 640 с.
7. Ключевский В.О. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 5: Курс русской истории. М.: Мысль, 1988. 476 с.

List of sources

1. Zimin A.A. Russian truth. M.: Drevlekhranilishche, 1999. 422 p.
2. Mankov A.G. The Code of 1649 is the code of feudal law of Russia. L.: Nauka, 1980. 272 p.
3. Development of Russian law in the first half of the 19th century / Rep. ed. E.A. Skripilev. M.: Nauka, 1994. 318 p.
4. Foinitsky I.Ya. Course of Criminal Law. Special Part. Offenses against the Person and Property. St. Petersburg: Governing Senate Printing House, 1901. 498 p.
5. Omelchenko O. A. «The Instruction» of Catherine II and its Historical Significance // Legislation of Catherine II: in 2 volumes. Vol. 1. Moscow: Legal Literature, 1994. Pp. 127–145.
6. Vladimirsky-Budanov M.F. Review of the history of Russian law. Rostov n/d: Phoenix, 1995. 640 p.
7. Klyuchevsky V.O. Collected works: in 9 volumes. T. 5: Course of Russian history. M.: Mysl, 1988. 476 p.

© Улезько С.И., Холодова А.джВ., 2026

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Уважаемые авторы!

Редакция журнала «Вестник СКФО: право и экономика» принимает к публикации статьи, соответствующие профилю издания, объемом 6–15 страниц, включая иллюстрации.

Статья должна содержать только оригинальный материал, отражающий результаты завершенных исследований автора. Оригинальность текста не менее 75 %.

Принимаются к рассмотрению исключительно оригинальные материалы, основанные на результатах завершенных автором исследований. Уровень оригинальности текста должен быть не менее 75 %.

К печати принимаются материалы, которые не опубликованы и не переданы в другие редакции. Рукописи проходят обязательное рецензирование. Публикация в журнале «Вестник …» возможна только после получения положительных отзывов экспертов.

В случае отклонения статьи по результатам рецензирования, рукопись возвращается автору в одном экземпляре с копией рецензии.

Статья должна быть подписана автором (авторами) с фразой: «Статья публикуется впервые и не передана в другие редакции»; подпись заверяется отделом кадров по месту работы автора (авторов).

Публикация статей в журнале «Вестник СКФО: право и экономика» бесплатна для всех авторов, включая аспирантов.

Передача рукописи автору для доработки не гарантирует ее публикации. В случае необходимости доработки автор должен предоставить редакции пересмотренный текст, сопровождаемый письмом, в котором подробно описывается, каким образом учтены замечания рецензентов. Срок предоставления доработанной версии – не более трех месяцев с момента направления уведомления о необходимости доработки. В противном случае статья будет рассматриваться как новое поступление.

Доработанная версия статьи проходит повторную рецензию и рассмотрение редколлегией. Датой подачи статьи считается дата поступления в редакцию исправленного варианта.

Требования к оригиналам предоставляемых работ

Структура научной статьи

1. Аннотация.
2. Ключевые слова или словосочетания.
3. Введение (оценка состояния вопроса, основанная на обзоре литературы с мотивацией актуальности; выявленное противоречие, позволяющее сформулировать проблемную ситуацию).
4. Цель работы, направленная на преодоление проблемной ситуации (1–2 предложения).
5. Решаемые задачи, направленные на достижение цели.
6. Математическое, аналитическое или иное моделирование.
7. Техника эксперимента и методика обработки или изложение иных полученных результатов.
8. Интерпретация результатов или их анализ.
9. Выводы, отражающие новизну полученных результатов, показывающих, что цель, поставленная в работе, достигнута.

Наименования структурных компонентов статьи должны быть выделены полужирным шрифтом и располагаться в одной строке с текстом, который следует за ними.

Требования к оформлению статьи

Редакция принимает к рассмотрению статьи, подготовленные с использованием текстового редактора Microsoft Word for Windows. Тип файла в электронном виде – RTF, DOC, DOCX. Шрифт основного текста – Times New Roman, кегль 14 pt, цвет – черный, полуторный интервал, выравнивание по ширине. Интервалы между абзацами отсутствуют. Отступ первой строки абзаца – 1,25 мм. Поля: слева –2 см, справа 1, верхнее, нижнее – 2 см.

На первой странице статьи слева печатаются:

–сведения об издании, в котором опубликована статья (на русском и английском языках);

–название рубрики или раздела;

–тип статьи;

–индекс Универсальной десятичной классификации (УДК);

–заглавие статьи располагается по центру (шрифт прямой, полужирный; первое слово заглавия приводят с прописной буквы, остальные слова со строчной (кроме собственных имен, общепринятых аббревиатур и т. д.; не более 10 слов);

–сведения об авторе (авторах):

- имя, отчество, фамилия;
- место работы;
- электронный адрес.

–*Аннотация* (*резюме*). Аннотация (резюме) (до 250 слов) должна быть понятной без обращения к самой публикации.

Структура аннотации должна повторять структуру статьи и включать введение, цели и задачи, методы, результаты, заключение (выводы).

Несоответствие между русскоязычной и англоязычной аннотацией не допускается.

Сокращения и условные обозначения, кроме общеупотребительных, применяют в исключительных случаях или дают их расшифровку и определения при первом употреблении в аннотации.

Текст должен быть связным с использованием слов «следовательно», «более того», «например», «в результате» и т. д. ("consequently", "moreover", "for example", "the benefits of this study", "as a result" etc.), либо разрозненные излагаемые положения должны логично вытекать один из другого.

Необходимо использовать активный, а не пассивный залог, т. е. "The study tested", но не "It was tested in this study" (частая ошибка российских аннотаций).

–*Ключевые слова (словосочетания)* (на русском и английском языках). Ключевые слова должны отражать информацию, представленную в статье, и обеспечивать эффективное распознавание тематики поисковыми системами. Количество ключевых слов 3–15. Слова отделяются друг от друга запятой. Желательно использовать общепринятые термины.

–*Благодарности* (при наличии); научным руководителям и другим лицам, оказавшим помощь в подготовке статьи, сведения о гранах, финансировании подготовки и публикации статьи, проектах, научно-исследовательских работах или по результатам которых опубликована статья.

–*Библиографическая ссылка* на статью для дальнейшего цитирования.

Структура основной части

Структура основной части статьи должна строиться по принятым в международном сообществе стандартам:

–введение (постановка проблемы по актуальной теме, цели и задачи, четкое описание структуры статьи);

–основная часть (обзор релевантных научных источников, описание методологии, результаты исследования и их анализ);

–заключение (выводы, направления дальнейших исследований);

–список источников на языке оригинала, перевод списка русскоязычной литературы на английский язык.

Допускается деление основного текста статьи на тематические рубрики и подрубрики

*Иллюстрации***.** Схемы, графики, диаграммы и т. п. принимаются **только в векторных форматах** (Word, Excel, Visio, CorelDraw, Adobe Illustrator и др.). Графический материал должен быть четким и не требовать перерисовки. Графики могут выделяться линиями разно-

го стиля, отмечаться цифрами, либо различными цветами. Фотографии и скриншоты должны выполнятся в растровых форматах (tiff, bmp, png и др.) достаточного расширения (300 dpi) и чёткости.

Подрисуночные подписи располагаются под рисунком, по центру, шрифт Times New Roman , размер – 12 пт. Слово «рисунок» пишется полностью, далее идет нумерационный и тематический заголовок. Точка в конце не ставится.

Название *таблицы* (размер шрифта 12 пт, заголовки полужирным, по центру) располагается над ней, шрифт внутри таблицы Times New Roman, размер – 12 пт.

Таблицы и рисунки должны быть вставлены в текст после абзацев, содержащих ссылку на них.

Формулы и отдельные символы набираются с использованием редактора формул Microsoft Equation (не вставлять формулы из пакетов MathCad и MathLab, а также не следует использовать стандартную вставку математических формул или построение собственных формул с помощью библиотеки математических символов). Настройки для редактора формул должны соответствовать рисунку:

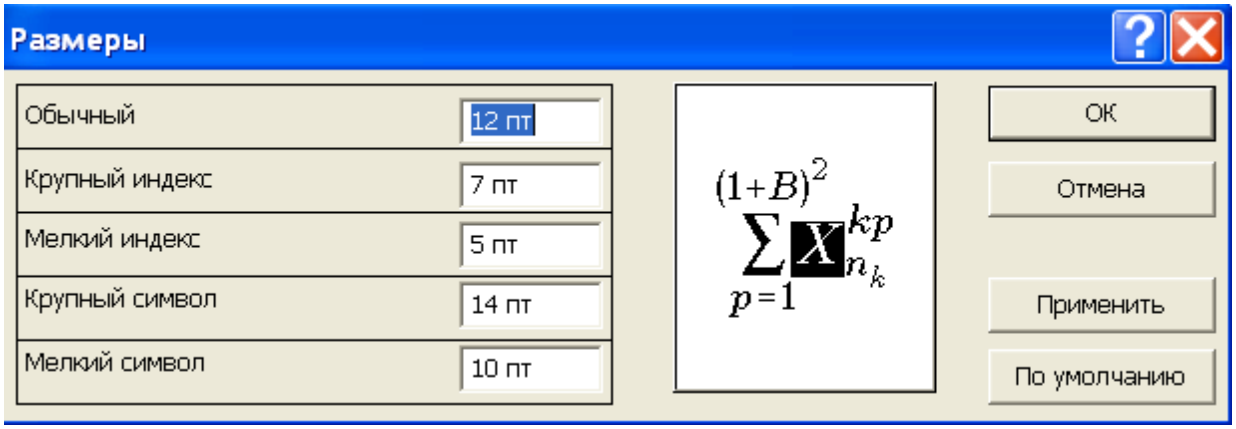

Рисунок 1. Настройки для редактора формул

Список источников оформляется согласно порядку ссылок в тексте (где они указываются в квадратных скобках) в соответствии с ГОСТ 7.05-2008 в двух вариантах:

1) на русском;

2) на языке оригинала латинскими буквами (References). Если русскоязычная статья была переведена на английский язык и опубликована в английской версии, то необходимо указывать ссылку из переводного источника. Библиографические описания российских публикаций составляются в следующей последовательности: авторы (транслитерация), перевод названия статьи (монографии) в транслитерированном варианте, перевод названия статьи (монографии) на английский язык в квадратных скобках, название источника (транслитерация и перевод на английский в квадратных скобках).

Все основные выходные издательские сведения (в описаниях журнала: обозначение тома, номера страниц; в описаниях книги: место издания – город, обозначение издательства (кроме собственного непереводного имени издательства, оно транслитерируется) должны быть представлены на английском языке.

Если в списке есть ссылки на иностранные публикации на языке оригинала, они полностью повторяются в списке, готовящемся в романском алфавите.

При описании законодательных, нормативных документов, патентов допускается переводное (без транслитерации) описание с указанием в скобках (in Russian).

Конфликт интересов

В данном разделе необходимо указать любые финансовые взаимоотношения, которые способны привести к конфликту интересов в связи с представленным в рукописи материалом. Если конфликта интересов нет, то следует написать: «Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов». В данном разделе также указывается, если это применимо, коммерческая заинтересованность отдельных физических и/или юридических лиц в результатах работы, наличие в рукописи описаний объектов патентного или любого другого вида прав (кроме авторского).

Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила транслитерации. На сайте http://www.translit.ru/ можно бесплатно воспользоваться программой транслитерации русского текста в латиницу. Для этого, выбрав вариант системы **Board of Geographic Names (BGN)**, мы получаем изображение всех буквенных соответствий.

Board of Geographic Names (BGN)			
Буква	Транслит	Буква	Транслит
А	A	Р	R
Б	B	С	S
В	V	Т	T
Г	G	У	U
Д	D	Ф	F
Е	E, YE	Х	KH
Ё	E, YE	Ц	TS
Ж	ZH	Ч	CH
З	Z	Ш	SH
И	I	Щ	SHCH
й	Y	Ъ	"
К	K	Ы	Y
Л	L	Ь	’
М	M	Э	E
Н	N	Ю	YU
О	O	Я	YA
П	P		

Материалы, не соответствующие вышеуказанным требованиям, не рассматриваются.

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

Вестник СКФО: Право и экономика. – 2025. – № 4. – С. 10–20
Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics. 2025; (4): 10–20.

Экономика
Научная статья
УДК 339.5

Экспортные и экспортно-импортных хабы в развитии межгосударственных отношений и транспортно-логистических связей

Светлана Владимировна Иванова
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Россия, Нальчик,
svet_ivanova.666@ mail.ru

Аннотация. Целью проведенного исследования было изучение роли экспортных и экспортно-импортных хабов в развитии межгосударственных торговых отношений и транспортно-логистических связей. Рассмотрен опыт создания экспортных и экспортно-импортных хабов на территории России и ее внешнеторговых партнеров. Установлено, что экспортные и экспортно-импортные хабы способствуют не только реализации проектов, в рамках которых они созданы, а также установлению, укреплению и развитию торговых отношений и транспортно-логистических связей стран-партнеров, но и являются важной частью инфраструктуры региональной экономики, обеспечивают ее дальнейшее развитие, управление и координацию работы транспортных, торговых предприятий, товаропроизводителей и поставщиков продукции, способствуют созданию новых рабочих мест.

Материалы и методы**.** Авторами проведено кабинетное исследование, информационной базой которого послужили правовые акты, официальные статистические данные Федеральной службы государственной статистики, материалы Российского экспортного центра, материалы официальных сайтов областных и республиканских органов власти, вторичная информация из периодических изданий и тематических интернет-ресурсов.

Результаты и выводы. Проведенное исследование позволило выявить роль экспортных и экспортно-импортных хабов не только как действенного механизма установления и развития межгосударственных торговых отношений и транспортно-логистических связей, но и как драйвера эконмического и социального развития территорий, на которых они создаются.

Ключевые слова: внешняя торговля, внешнеторговые отношения, транспортно-логистические связи, экспортный хаб, экспортно-импортный хаб

Благодарности (при наличии): выражаем искреннюю благодарность нашему научному руководителю, доктору экономических наук, профессору кафедры менеджмента и маркетинга ФГОБУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова» Маргарите Леонидовне Федоровой за её неоценимый вклад в создание данной научной работы. Её чуткое руководство, дельные советы и конструктивные замечания оказали существенную помощь в процессе исследования и подготовки статьи.

Для цитирования: Иванова С.В. К вопросу о роли экспортных и экспортно-импортных хабов в развитии межгосударственных торговых отношений и транспортно-логистических связей // Вестник СКФО: право и экономика. 2026. № 1. С. 10–20.

Economy
Originak article

Export and export-import hubs in the development of interstate relations and transport and logistics links

Svetlana Vladimirovna Ivanova
Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Russia, Nalchik,
svet_ivanova.666@ mail.ru

Annotation. The purpose of the study was to study the role of export and export-import hubs in the development of interstate trade relations and transport and logistics links. The experience of creating export and export-import hubs on the territory of Russia and its foreign trade partners is considered. It is established that export and export-import hubs contribute not only to the implementation of the projects within which they were created, as well as to the establishment, strengthening and development of trade relations and transport and logistics links of partner countries, but also are an important part of the infrastructure of the regional economy, ensure its further development, management and coordination of the work of transport, trade enterprises, commodity producers and suppliers of products, contribute to the creation of new jobs.

Materials and methods. The authors conducted a desk study, the information base of which was legal acts, official statistical data of the Federal State Statistics Service, materials of the Russian Export Center, materials of the official websites of regional and republican authorities, secondary information from periodicals and thematic Internet resources

Results and conclusions. The conducted research revealed the role of export and export-import hubs not only as an effective mechanism for establishing and developing interstate trade relations and transport and logistics links, but also as a driver of economic and social development of the territories in which they are created.

Keywords: foreign trade, trade relations, transport and logistics links, export hub, export-import hub

Acknowledgments (if any): we express our deepest gratitude to our supervisor, Margarita Leonidovna Fedorova, Doctor of Economics, Professor in the Department of Management and Marketing at the Kabardino-Balkarian State University named after Kh. M. Berbekov, for her sensitive guidance, advice, and valuable comments during the development of this research article.

For citation: Svetlana V.I. On the role of export and export-import hubs in the development of interstate trade relationsand transport and logistics links // Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics. 2026;(1):11–15

ТЕКСТ СТАТЬИ

Структура основной части статьи должна строиться по принятым в международном сообществе стандартам: введение (постановка проблемы по актуальной теме, цели и задачи, четкое описание структуры статьи), основная часть (обзор релевантных научных источников, описание методологии, результаты исследования и их анализ), заключение (выводы, направления дальнейших исследований), список литературы на языке оригинала, перевод списка русскоязычной литературы на английский язык. Список литературы должен содержать не менее 15 источников, самоцитирование допускается в пределах 10 %.

ВЕСТНИК СКФО:
ПРАВО И ЭКОНОМИКА

Научно-практическое издание

№ 2 (38), 2026

BULLETIN OF THE NORTH CAUCASUS
FEDERAL DISTRICT: LAW AND ECONOMICS

Scientific and practical publication

№ 2 (38), 2026

Редактор ***Л.М. Хакулова***
Компьютерная верстка ***Е.Л. Шериевой***
Корректор ***М.А. Ахматова***

В печать 22.06.2026. Формат 60×84 $^{1}/_{8}$.
28,36 усл.п.л. 29,0 уч.-изд.л.
Дата выхода в свет 26.06.2026.

Адрес издателя: 360004, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173,
Кабардино-Балкарский государственный университет

Печать трафаретная. Бумага офсетная.
Тираж 1000 экз. Заказ № 1316.

Адрес типографии: 360004, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173,
Кабардино-Балкарский государственный университет.
Производственно-техническое управление. Полиграфический участок